UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00278304 1

Проф. Е. Пѣтуховъ.

Исторія русской словесности

въ двухъ частяхъ.

Курсъ средней школы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Устная словесность.—Древняя русская литература (XI—XVII вв.).—Русская литература XVIII в.

Книгоиздательство „СОТРУДНИКЪ"
Петроградъ—Кіевъ.
1918.

Проф, Е. Пѣтуховъ.

Исторія русской словесности

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Курсъ средней школы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Устная словесность.—Древняя русская литература (XI—XVII вв.).—Русская литература XVIII в.

Книгоиздательство „СОТРУДНИКЪ"

Петроградъ—Кіевъ.

1918

Типографія „Прогрессъ," Кіевъ.

Отъ автора.

Авторъ настоящей учебной книги стремился къ тому, чтобы дать изложенiе главнѣйшихъ фактовъ русской словесности въ послѣдовательномъ ходѣ ея развитiя и ихъ историческое освѣщенiе. Въ выполненiи этой задачи его первой заботой было то, чтобы изложенiе стояло на уровнѣ прочныхъ прiобрѣтенiй научной мысли и въ то же время было бы доступно пониманiю учащихся въ средней школѣ. Кромѣ того, онъ имѣлъ въ виду возможную краткость изложенiя, будучи сторонникомъ того взгляда, что учебная книга въ собственномъ смыслѣ не должна брать на себя роли ни хрестоматiи, ни пособiя для домашняго чтенiя; она не должна стѣснять преподавателя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна предоставить свободный выходъ самодѣятельности учащихся.

Юрьевъ

1918.

Оглавленіе.

I. ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Предметъ русской словесности. Словесность — письменность — литература. Условія литературности произведенія. Теоретическое и историческое изученіе литературы. Что изучается въ русской литературѣ, какъ изучается и зачѣмъ изучается?— § 2. Устная (народная) словесность. Запись произведеній устной словесности. Происхожденіе устной словесности; развитіе ея на основѣ религіозныхъ вѣрованій, быта и исторіи. Вліяніе христіанства.—§ 3. Хронологическое соотношеніе устной и письменной словесности. Роль великороссовъ въ созданіи русской литературы.

Предметъ русской словесности.

§ 1. Русская словесность есть совокупность такихъ произведеній русскаго слова, которыя, заключая въ себѣ болѣе или менѣе общій интересъ, будучи облечены въ извѣстныя литературныя формы и отличаясь художественностью, могутъ и достойны быть предметомъ историческаго изученія.

Русское слово, составляющее духовный продуктъ природныхъ свойствъ и историческаго развитія русскаго народа, представляетъ собою сложный и чрезвычайно интересный для изученія матеріалъ. Оно начало жить одновременно съ русскимъ народомъ, историческіе слѣды котораго, на ряду съ другими славянскими народностями, могутъ быть отмѣчены въ южной части восточной Европы уже въ V—VI вв. христіанской эры. Столь же отдаленнымъ, какъ начало русской народности, представляется и происхожденіе русскаго языка, который, одновременно съ исторической жизнью русскаго народа, продолжаетъ безостановочно развиваться, порождая, видоизмѣняя и совершенствуя русское словесное творчество. Русское слово является орудіемъ русской литературы, безъ знакомства съ которой, съ ея сущностью и историческимъ развитіемъ, не можетъ обойтись ни одинъ образованный русскій человѣкъ. Со второй половины XVIII вѣка русская литература дѣлается извѣстной и западно-европейскому читателю, а въ послѣднее время оказываетъ вліяніе и на ходъ литературнаго развитія въ самой Западной Европѣ.

Словесность—письменность—литература.

Понятія «словесности» и «литературы», въ примѣненіи къ произведеніямъ русскаго слова, въ обычномъ употребленіи очень близки одно къ другому и почти равнозначущи, но съ исторической точки зрѣнія между ними есть строгое различіе. «Словесность» объединяетъ

въ себѣ всѣ вообще произведенія слова, подлежащія историческому или теоретическому изученію—безъ различія въ томъ, были ли они первоначально записаны ихъ авторами или сохранились лишь въ памяти народа, напечатаны ли были или нѣтъ; между тѣмъ самое названіе «литература» (littera—буква) указываетъ на письменный характеръ произведеній; оно особенно вошло въ употребленіе со времени изобрѣтенія искусства книгопечатанія (въ полов. XV вѣка), благодаря которому весьма многія произведенія словесности—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше—предавались и предаются письму и печати. Въ настоящее время, при широкомъ распространеніи грамотности, почти немыслимо существованіе литературнаго произведенія иначе, какъ въ письменномъ видѣ, и даже произведенія устной поэзіи, поскольку она теперь существуетъ въ ограниченномъ объемѣ среди русскаго народа, быстро переносятся на бумагу и попадаютъ въ печать. Такимъ образомъ, различіе «словесности» и «литературы» относится къ болѣе или менѣе отдаленному прошлому и практическаго значенія не имѣетъ. Названіе «письменности» для современнаго пониманія является, въ смыслѣ общаго опредѣленія, устарѣлымъ. Подъ этимъ названіемъ разумѣется старая русская литература, преимущественно до Петра Великаго, существовавшая главнымъ образомъ въ рукописномъ видѣ; она именуется такъ въ отличіе съ одной стороны отъ устной (т. наз. народной) словесности, а съ другой—отъ печатной литературы XVIII и XIX вѣковъ. Итакъ, мы будемъ употреблять одинаково названія «словесности» и «литературы», не дѣлая между ними особаго различія; для послѣднихъ же двухъ названныхъ вѣковъ названіе «литературы» является преобладающимъ.

Условія литературности произведенія. Слово (языкъ) и грамотность (чтеніе и письмо) составляютъ существенную особенность человѣческаго общежитія среди даннаго народа и важнѣйшій органъ общенія между людьми, какъ отдѣльными его членами. Безъ своего языка не можетъ существовать народъ какъ самостоятельная въ культурномъ смыслѣ единица; съ утратой своего языка народъ неизбѣжно утрачиваетъ и свое существованіе. Грамотность является необходимымъ условіемъ существованія народа, стремящагося къ извѣстному историческому развитію и значенію. Но было бы ошибочно думать, что наличность у народа языка и грамотности сама по себѣ создаетъ и достойную изученія литературу. Если внѣшней формой литературы является языкъ, а способомъ распространенія ея письмо и печатный станокъ, то

для созданія внутренняго содержанія литературы необходимы природныя данныя народнаго духа, умственныя способности народа, его чувствованія, работа фантазіи, нравственные идеалы; большое вліяніе на созданіе литературы имѣетъ и историческая судьба даннаго народа.

Конечно, не все сказанное, написанное или даже напечатанное входитъ въ область литературы. Всегда было и есть множество случаевъ устнаго или письменнаго обращенія людей другъ къ другу или къ обществу, но немногія изъ этихъ обращеній войдутъ въ исторію литературы. Дать общее опредѣленіе для всѣхъ случаевъ при разрѣшеніи вопроса, должно ли данное произведеніе считаться составною частью литературы того или другого народа, невозможно, потому что и самое понятіе литературы въ разныя времена и у разныхъ народовъ мѣнялось, но можно сказать только, что произведенія, имѣющія слишкомъ практическій или частный характеръ, не должны входить въ область литературы; въ нее входятъ лишь произведенія, свободныя при своемъ происхожденіи отъ цѣлей дѣловыхъ или узко-практическихъ; такія произведенія носятъ на себѣ признаки общаго интереса ихъ авторовъ и читателей къ затронутымъ въ этихъ произведеніяхъ вопросамъ. Эта мѣрка общаго интереса должна примѣняться въ смыслѣ историческомъ, т. е. сообразно тому времени, къ которому данное произведеніе относится: произведеніе, имѣющее общій интересъ въ одну эпоху, утрачиваетъ его въ другую. Напр., если извѣстные юридическіе акты или церковныя установленія, имѣвшіе исключительное практическое назначеніе, безусловно не могутъ входить въ исторію литературы, то лѣтописи или поученія первыхъ вѣковъ нашей письменности, наоборотъ, должны найти въ ней свое мѣсто, такъ какъ для своего времени они имѣли общій интересъ, между тѣмъ какъ подобныя произведенія позднѣйшаго времени такого интереса уже не имѣли.

Другимъ важнымъ условіемъ литературности произведенія является литературная форма. Эта мѣрка ведетъ свое начало изъ классическихъ литературъ Греціи и Рима, которымъ въ данномъ случаѣ слѣдовали и литературы Западной Европы; она знаетъ три основныхъ литературныхъ формы: эпосъ, лирику и драму. Но, подобно первому указанному признаку, и этотъ признакъ литературности произведенія примѣняется для русской литературы лишь въ рамкахъ историческихъ: допетровская наша письменность очень мало знакома была съ названными литературными формами, и литературное творчество

шло мимо ихъ обязательности; въ XVIII и XIX вѣкахъ, въ силу западно-европейскихъ литературныхъ вліяній, формы эти имѣли, наоборотъ, большое значеніе на практикѣ, но вообще слѣдуетъ отмѣтить, что по существу своему онѣ не могутъ являться, во всемъ своемъ объемѣ, обязательными и неизбѣжными: въ дѣйствительности на ихъ основѣ возникали разнаго рода видоизмѣненія и отклоненія, которыя, при наличности другихъ литературныхъ условій, нисколько не мѣшали разнымъ произведеніямъ занимать по праву извѣстное мѣсто въ литературѣ.

Наконецъ, третьимъ признакомъ, дающимъ произведенію право занимать то или иное мѣсто въ исторіи литературы даннаго народа, является художественность этого произведенія, т. е. принадлежность его всецѣло или отчасти къ области поэзіи. Этому условію всего болѣе удовлетворяетъ устное, непосредственное творчество народа. Письменность русская на первыхъ порахъ своего существованія представляетъ мало произведеній художественнаго характера, и такія изъ нихъ, какъ Слово о Полку Игоревѣ или нѣкоторыя части Лѣтописи, оказываются рѣдкими исключеніями. Въ эпоху послѣ Петра Великаго и особенно съ Ломоносова, опять-таки подъ воздѣйствіемъ западно-европейскихъ литературныхъ образцовъ, русскіе писатели ревностно и вполнѣ сознательно стремятся къ достиженію художественныхъ цѣлей, а въ XIX вѣкѣ русская литература изобилуетъ уже цѣлымъ рядомъ первостепенныхъ художественныхъ талантовъ, и съ этого времени признакъ художественности является однимъ изъ непремѣнныхъ условій для произведеній литературы.

Итакъ, литературное произведеніе, входящее въ область историко-литературнаго изученія, должно заключать въ себѣ: во 1-хъ общій интересъ, во 2-хъ литературную форму и въ 3-хъ художественность, т. е. поэтичность замысла и образность языка. Однако не въ каждомъ произведеніи всѣ эти признаки налицо имѣются: въ нѣкоторыхъ какого-либо изъ этихъ признаковъ недостаетъ, или они неполно и слабо выражены; кромѣ того, первые два признака должны быть понимаемы и отыскиваемы примѣнительно къ историческимъ условіямъ литературной жизни даннаго народа; что же касается художественности, то основныя ея черты во всѣ времена по отношенію къ литературѣ остаются однѣ и тѣ же, но сознательный взглядъ на ихъ значеніе въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, а, слѣдовательно, и наличность ихъ въ литературѣ являются удѣломъ уже сравнительно поздняго времени.

Теоретическое и историческое изученіе литературы.

Произведенія словесности можно изучать теоретически и исторически. Теоретическое изученіе касается сущности литературныхъ произведеній и стремится главнымъ образомъ къ уясненію общихъ вопросовъ въ развитіи произведеній поэзіи и прозы; оно немыслимо въ предѣлахъ только одной какой-либо національной литературы, а производится надъ совокупностью многихъ литературныхъ явленій разныхъ народовъ, имѣетъ характеръ сравнительно-историческій и философскій. Историческое изученіе литературы вполнѣ возможно въ предѣлахъ одной народности, въ данномъ случаѣ русской. Историческое изученіе русской литературы имѣетъ цѣлью установленіе и выясненіе преемственной связи между отдѣльными произведеніями, группами произведеній и цѣлыми литературными эпохами; оно изслѣдуетъ литературныя произведенія въ связи съ жизнью и личностью ихъ авторовъ, жизнью тѣхъ общественныхъ круговъ, среди которыхъ произведеніе явилось, и цѣлаго народа; оно выясняетъ личныя и общественныя вліянія на созданіе даннаго произведенія и вліяніе этого произведенія на читателей, слѣдитъ за вліяніемъ иностраннымъ, и, вообще, стремится къ тому, чтобы понять и объяснить литературное произведеніе какъ историческій фактъ въ развитіи народной мысли и творчества даннаго народа. Для достиженія этихъ цѣлей требуются предварительныя сложныя работы въ области науки исторіи литературы и художественной критики.

Что изучается въ русской литературѣ, какъ изучается и зачѣмъ изучается?

Въ теченіе многихъ вѣковъ, которые уже существуетъ русская словесность, сочинено, написано и напечатано было очень много произведеній самаго разнообразнаго содержанія, объема и внѣшняго изложенія. На основаніи приведенныхъ соображеній о признакахъ литературности, изъ всей этой массы выбираются такія произведенія, которыя наиболѣе достойны занять мѣсто въ исторіи русской литературы: такъ составился и продолжаетъ составляться, путемъ усилій отдѣльныхъ ученыхъ изслѣдователей, матеріалъ, заключающій въ себѣ научное содержаніе исторіи русской литературы. Для изученія этого матеріала и оцѣнки его культурныхъ и художественныхъ достоинствъ, примѣняется историческій методъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующій требованіямъ современной жизни и уровню научной мысли, двигающей человѣчество впередъ. Остается еще опредѣлить цѣль изуче-

нія русской литературы: она состоитъ въ отчетливомъ познаніи тѣхъ путей, по которымъ двигалась русская литературная мысль, въ выясненіи тѣхъ идеаловъ, настроеній и чувствованій, которыми жилъ русскій человѣкъ и цѣлое русское общество. Исторія русской литературы, наравнѣ съ исторіей государственной и бытовой, поможетъ изучающему ее составить болѣе полное и правильное понятіе о нашемъ отечествѣ за все время его историческаго существованія.

Устная (народная) словесность.

§ 2. Исторія русской литературы имѣетъ одну особенность, которая рѣзко отличаетъ ее отъ исторіи литературы любого изъ западноевропейскихъ народовъ: въ ней видное мѣсто занимаетъ устная словесность, которую не совсѣмъ точно принято называть еще народной; неточность заключается въ томъ, что признакъ «народности» принадлежитъ не одной только устной словесности, а, въ надлежащемъ его пониманіи, также и многимъ произведеніямъ литературы письменной и печатной. Устнымъ же этотъ отдѣлъ словесности называется потому, что произведенія его, при своемъ первоначальномъ возникновеніи, не были записаны и очень долгое время, цѣлый рядъ вѣковъ, существовали и хранились въ народной памяти, будучи устно передаваемы отъ одного поколѣнія къ другому.

Условія и время возникновенія устной словесности.

Какъ первоначально возникли произведенія устной словесности, объ этомъ можно только догадываться. Заключая въ себѣ отклики на окружающую жизнь—въ видѣ молитвы, заклинанія, лирическаго восторга или грусти, разсказа о томъ, что было или во что вѣрилось,—эти произведенія являлись выраженіемъ тѣхъ болѣе или менѣе общихъ мыслей и чувствованій, которыя охватывали въ извѣстные моменты жизни нѣсколькихъ или даже многихъ людей, жившихъ вмѣстѣ; общее настроеніе, просившееся наружу, выражалось сначала кѣмъ-либо изъ болѣе впечатлительныхъ и способныхъ членовъ отдѣльнаго рода, общины или вообще извѣстной общественной группы, и если нравилось другимъ, то подхватывалось ими, повторялось, передавалось дальше и, такимъ образомъ, удерживалось надолго въ памяти нѣсколькихъ поколѣній. При возникновеніи произведенія и дальнѣйшей передачѣ его имѣли извѣстное значеніе личныя особенности первоначальныхъ сочинителей и передатчиковъ, которые, нерѣдко безсознательно, вносили въ произведеніе отмѣны, поправки, пропуски и приба-

вленія, при чемъ на такого рода видоизмѣненія могли дѣйствовать также какія-либо общественныя событія и историческіе факты, но въ общемъ произведенія устной поэзіи носили собирательный, коллективный характеръ, индивидуальныя черты въ нихъ сглаживались путемъ соприкосновенія съ другими подобными чертами, и, въ результатѣ, произведеніе удерживалось только въ томъ составѣ, который приходился по вкусу многимъ. Поэтому устныя произведенія носятъ по преимуществу безличный характеръ, который однако же нисколько не лишаетъ ихъ поэтической цѣнности, а въ историческомъ отношеніи придаетъ имъ большое значеніе, какъ выраженію мыслей и чувствованій очень широкаго круга лицъ. Невозможно, даже и предположительно, указать тотъ моментъ, когда началось это творчество русской народной мысли, отличающееся необыкновеннымъ богатствомъ и высокими поэтическими достоинствами; можно думать только, что этотъ процессъ поэтической мысли совпадаетъ въ общемъ съ началомъ существованія русской народности и русскаго языка.

Запись произведеній устной словесности. Произведенія устной словесности долгое время оставались незаписанными. Причиной этого было то, что почти единственные обладатели грамотности у насъ въ старину были духовныя лица, установившія на устную словесность народа—пѣсни, сказки, былины, пословицы, загадки—совершенно отрицательный взглядъ; они усматривали, и не безъ основанія, въ этихъ произведеніяхъ слѣды языческихъ вѣрованій и опору тѣхъ обрядовъ, противъ которыхъ боролось христіанство; поэтому, противъ такихъ произведеній, какъ и вообще противъ пережитковъ языческой старины, энергично высказывались епископы въ своихъ окружныхъ посланіяхъ, священники въ проповѣдяхъ, князья и цари въ своихъ грамотахъ подчиненнымъ имъ органамъ свѣтской власти. Однако эта поэзія продолжала жить въ устахъ народа, потому что, при недостаткѣ просвѣщенія, отвѣчала потребностямъ его духа; въ христіанскую эпоху русской жизни, т. е. съ X вѣка, она даже весьма замѣтно росла и развивалась, усложняя свое содержаніе не только изъ бытового источника жизни, но и изъ историческихъ событій: въ нее вошли и великій князь Владиміръ Кіевскій, и татарское нашествіе, и царь Иванъ Грозный, и Смутное время, и Петръ Великій, и Екатерина II. Мало этого: устная поэзія включила въ себя многіе сюжеты изъ Священнаго Писанія и церковной письменности, оригинально видоизмѣняя ихъ фактическую основу и

снабжая обработку ея чертами иного міросозерцанія и бытовыхъ особенностей языческой старины; въ этой своей части устная словесность уже тѣсно соприкасается съ письменностью, преимущественно переводной, и подвергается ея прямому воздѣйствію.

При томъ огромномъ значеніи, которое имѣла устная поэзія въ русскомъ народѣ, она, въ свою очередь, оказывала вліяніе и на самую письменность: то лѣтописецъ, на ряду съ достовѣрными фактами, сообщитъ какую-нибудь фантастическую исторію, легенду или народную поговорку, то въ какомъ-нибудь офиціальномъ распоряженіи проскользнетъ вполнѣ языческая черта быта, то даже съ церковной каѳедры или съ пера монастырскаго затворника-обличителя слетитъ мимоходомъ невольное указаніе на мысль или житейскую особенность далеко не христіанскаго характера и происхожденія.

Записывать произведенія устной словесности стали у насъ очень поздно, и первый такой опытъ принадлежитъ иностранцу, англійскому священнику Ричарду Джемсу, который, въ составѣ англійскаго посольства къ царю Михаилу Ѳедоровичу, посѣтилъ въ 1618—1620 году Россію, и здѣсь, въ Москвѣ, для него записаны были шесть пѣсенъ бытового и отчасти историческаго содержанія, взятаго изъ самаго недавняго прошлаго тогдашней Руси. Затѣмъ, ко второй половинѣ XVII вѣка относится нѣсколько записей былинныхъ сюжетовъ, сдѣланныхъ уже по почину русскихъ людей, а во второй половинѣ XVIII вѣка появился цѣлый обширный и очень замѣчательный сборникъ (Кирши Данилова), заключающій въ себѣ тексты многихъ произведеній, преимущественно эпическаго и историческаго содержанія. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX вѣка научный интересъ къ произведеніямъ устнаго творчества опредѣлился очень ясно: записью ихъ изъ устъ народа усердно занимались Пушкинъ и Гоголь, а затѣмъ на этомъ поприщѣ большія услуги наукѣ русской словесности оказали И. П. Сахаровъ, И. М. Снегиревъ, П. В. Кирѣевскій, Н. П. Рыбниковъ, А. Ѳ. Гильфердингъ, П. В. Шейнъ, А. Н. Афанасьевъ, въ послѣднее время А. В. Марковъ, А. Д. Григорьевъ, Н. Е. Ончуковъ. Стали записывать не только содержаніе, но и напѣвы , точно и во всѣхъ подробностяхъ воспроизводить языкъ. Эти послѣдніе труды, совершенные въ концѣ XIX и нач. XX в., свидѣтельствуютъ о томъ, что устное творчество не умерло въ русскомъ народѣ еще и до сихъ поръ, но значительно сузило свои предѣлы распространенія, видоизмѣнило свое содержаніе и внѣшніе пріемы.

Происхожденіе устной словесности.

Устная поэзія, являясь непосредственнымъ выраженіемъ народнаго духа, отличается замѣчательной широтой содержанія и многообразіемъ литературной формы. Въ настоящее время трудно услѣдить постепенность возникновенія того или другого вида этой поэзіи, и тутъ возможны только однѣ догадки. Ученые предполагаютъ, что первоначально устное творчество характеризовалось общностью своего содержанія и что первичнымъ видомъ его была т. наз. лиро-эпическая кантилена, т. е. такая пѣсня, которая заключала въ себѣ поэтическій откликъ на какое-либо внѣшнее впечатлѣніе жизни, радостное или печальное; сложенная подъ такимъ впечатлѣніемъ, пѣсня соединяла въ себѣ указаніе на случай, породившій пѣсню, и изображеніе чувства пѣвца по поводу этого случая; иногда, особенно при повтореніи пѣсни, она сопровождалась размѣренными тѣлодвиженіями (мимика, танцы) и звуками (музыка, пѣніе). Такимъ образомъ, если пользоваться привычными намъ названіями, такая первобытная пѣсня заключала въ себѣ всѣ три главнѣйшихъ поэтическихъ рода: эпосъ (разсказъ или упоминаніе о событіи), лирику (выраженіе чувства или настроенія по поводу событія) и драму (внѣшнее выраженіе, нѣчто вродѣ сценической игры). Это соединеніе и называется синкретизмомъ (т. е. смѣшеніемъ различныхъ частей въ одно), которымъ отличалась первобытная поэзія при своемъ происхожденіи; потомъ отдѣльныя части выдѣлились (дифференцировались) и при дальнѣйшемъ осложненіи содержаніемъ дали жизнь самостоятельнымъ литературнымъ родамъ—лирикѣ, эпосу и драмѣ. Такимъ образомъ, изъ общей по своему составу, но въ то же время и первобытной, лиро-эпической кантилены выдѣлились и образовались эти названные виды устной поэзіи, смотря по тому, который изъ трехъ элементовъ—лирическій, эпическій или драматическій—получалъ въ нихъ свое преобладаніе.

Развитіе ея на основѣ религіозныхъ вѣрованій, быта и исторіи.

Такъ какъ въ обстановкѣ первобытной жизни русскаго народа поэтическое творчество имѣло характеръ серьезной душевной потребности, то развитіе его съ самаго же начала пошло очень быстро. Первоначально, при родовомъ укладѣ жизни, когда во главѣ каждой семейной группы стоялъ старшій членъ этой семьи (патріархъ), поэтическое настроеніе пѣвца обращалось къ ближайшей обстановкѣ и условіямъ этой жизни, т. е. обоготворенію предковъ рода и поклоненію живымъ силамъ

природы, во власти которыхъ человѣкъ находился и которыя вызывали въ немъ то удивленіе, то страхъ, то радостную благодарность. Затѣмъ, родовой бытъ сталъ уступать свое мѣсто общинному, и жизнь, имѣвшая прежде кочевой характеръ, стала обращаться въ осѣдлую; тогда оживотвореніе силъ природы получило еще болѣе широкое развитіе, такъ какъ земледѣльческія занятія человѣка, прикрѣплявшія его къ одному мѣсту и явившіяся на смѣну бродяжничеству и охотѣ, ставили его благосостояніе въ постоянную зависимость отъ природы—солнца, дождя, вѣтра, рѣкъ, лѣсовъ, ранняго или поздняго наступленія временъ года; на смѣну родовымъ богамъ явились боги солнца, грома и молніи, лѣшіе, водяные. Эту именно стадію народной миѳологіи и застаютъ первыя извѣстія нашей лѣтописи о религіозныхъ вѣрованіяхъ русскаго народа, предшествовавшихъ христіанству. Изъ сообщеній лѣтописца и другихъ памятниковъ нашей старины мы узнаемъ о существованіи у русскихъ славянъ бога Сварога (верховнаго небеснаго владыки), сыновей его Дажьбога (солнца) и Сварожича (огня), затѣмъ Перуна (бога грома), Велеса (бога скота), Стрибога (бога вѣтра) и др.; кромѣ того, воображеніе древняго человѣка населило лѣса—лѣшими, рѣки и озера водяными и русалками, а каждому дому усвоило «домового дѣдушку», являвшагося охранителемъ домашняго очага и принявшаго на себя черты обожествленнаго предка-патріарха. Всѣ эти боги, которымъ воображеніе первобытнаго человѣка придавало человѣческій образъ и человѣческую психологію, входили въ составъ древнѣйшихъ русскихъ миѳологическихъ представленій; въ тѣсной связи съ ними и въ зависимости отъ нихъ міръ для тогдашняго человѣка наполнялся множествомъ другихъ, болѣе мелкихъ и имѣвшихъ не столь общее значеніе, силъ, изъ которыхъ однѣ были добрыми, а другія—злыми. Подавленный своей зависимостью отъ природы, невѣжественный и робкій, человѣкъ чувствовалъ себя въ полной власти этихъ созданныхъ его воображеніемъ существъ и, въ нужныхъ случаяхъ, прибѣгалъ къ нимъ за помощью, умолялъ, благодарилъ, а иногда грозилъ и заклиналъ: эти обращенія къ богамъ дали содержаніе многимъ произведеніямъ устной поэзіи—главнымъ образомъ миѳическимъ (обрядовымъ) пѣснямъ и заговорамъ (заклинаніямъ).

Между тѣмъ, жизнь русскаго человѣка шла впередъ и осложнялась: началъ складываться и углубляться семейный бытъ, намѣчаться формы общественности и государственности; образовывались дружескія и враждебныя отношенія съ сосѣдними на-

родами; наконецъ, въ концѣ X вѣка офиціально принято было христіанство, основы котораго становились въ рѣзкое противорѣчіе со всѣмъ прежнимъ складомъ жизни и понятій. Все это безусловно должно было найти въ поэтическомъ творчествѣ народа свое отраженіе. Явилась необыкновенно богатая по своимъ мотивамъ и ихъ обработкѣ бытовая пѣсня, въ которой выразились и переживанія отдѣльной личности, и семейныя отношенія, и нѣкоторыя наслоенія быта общественнаго; получила широкое развитіе эпическая поэзія, совмѣстившая въ себѣ цѣлый сонмъ богатырей и историческихъ лицъ, дѣйствительно существовавшихъ: это — былины и т. наз. историческія пѣсни; появился необычайно богатый отдѣлъ сказокъ, первоначальная основа котораго уходитъ въ отдаленную миѳологическую старину, подобно обрядовымъ пѣснямъ; къ весьма далекой порѣ относится и возникновеніе многихъ загадокъ, пословицъ и поговорокъ, являвшихся отраженіемъ опыта жизни и болѣе углубленнаго размышленія надъ нею; гораздо позднѣе, повидимому, явились попытки устнаго творчества въ формѣ драмы.

Вліяніе христіанства. Очень большое вліяніе оказало на созданіе произведеній устной поэзіи христіанство. Такъ какъ во многихъ изъ нихъ религіозныя представленія играли главнѣйшую роль и составляли ихъ основу (особенно пѣсни обрядовыя, заговоры и заклинанія, нѣкоторыя сказки), то человѣкъ, усвоившій христіанское ученіе, не могъ съ ними примириться. Однако, христіанство распространялось весьма медленно, первоначально мало проникало въ народную среду, и тамъ долго еще держались чисто языческія религіозныя представленія; рядомъ съ Богомъ христіанскимъ, вѣрили и отдавали поклоненіе и богамъ языческимъ, съ которыхъ перешли даже нѣкоторыя черты на святыхъ христіанской церкви: Св. Илья-пророкъ соединилъ въ себѣ свойства бога грома Перуна, св. Власій —можетъ быть, по созвучію именъ—раздѣлилъ заботу о скотѣ съ богомъ Велесомъ и т. д. Рядомъ съ этимъ въ народной средѣ очень долго держалось, а по мѣстамъ еще и теперь держится, вѣра въ домового, лѣшаго, водяного, въ дѣйствительную силу заговора и заклинанія, въ разнаго рода гаданія и примѣты, имѣвшія нѣкогда тѣсную связь съ религіозными вѣрованіями языческой эпохи; все это уживалось такъ или иначе съ христіанствомъ, но постоянно вызывало въ древнюю пору обличенія

со стороны нашего духовенства, которое называло такое духовное состояніе народа «двоевѣріемъ»; оно нашло свое отраженіе въ особомъ отдѣлѣ устной словесности, сложившемся подъ вліяніемъ христіанскихъ идей и письменности—въ легендахъ и духовныхъ стихахъ.

Хронологическое соотношеніе устной и письменной словесности.

§ 3. Переходя теперь къ изложенію и объясненію литературныхъ явленій, мы должны обратить вниманіе на слѣдующія два обстоятельства.

1. Произведенія устной словесности будутъ разсмотрѣны передъ произведеніями литературы письменной. Это—потому, что, въ общемъ, первыя возникли раньше вторыхъ; многія поэтическія представленія русскаго народа сложились и получили извѣстное выраженіе прежде, чѣмъ началась у насъ грамотность и возможность письменности. Но было бы неправильно думать, что всѣ произведенія устной словесности предшествуютъ письменнымъ; какъ уже сказано, народная творческая фантазія работала и послѣ усвоенія грамотности, и, такимъ образомъ, оба отдѣла словесности—устной и письменной—существовали долгое время одновременно, вліяя одинъ на другой и перемѣшиваясь въ своихъ мотивахъ и внѣшнихъ пріемахъ выраженія. Есть произведенія письменности, выдержавшія сильное вліяніе устнаго народнаго творчества, напр., Лѣтопись, Слово о Полку Игоревѣ, Моленіе т. наз. Даніила Заточника, даже нѣкоторыя житія святыхъ и повѣсти XV—XVII вв., но, съ другой стороны, есть и многочисленные примѣры воздѣйствія письменной литературы на устную—въ сказкахъ, былинахъ, духовныхъ стихахъ. Это взаимодѣйствіе устной и книжной словесности можно наблюдать въ теченіе всего періода русской литературной жизни до Петра Великаго, при чемъ ясно выражается постепенное преобладаніе книжной словесности надъ устной; послѣдняя, подъ напоромъ грамотности, распространенія книги, усиленнаго общенія людей между собою, христіанскихъ идей и вообще болѣе глубокаго и разносторонняго развитія въ народѣ, уступаетъ свое мѣсто литературѣ книжной и печатной. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія исторической послѣдовательности, изученіе устной словесности передъ письменной совершенно понятно, хотя и было бы ошибочно думать, будто между этими двумя отдѣлами существуетъ грань, рѣзко отдѣляющая одинъ отъ другого.

Роль великороссовъ въ созданіи русск. литературы.

2. Изучая произведенія русской устной и письменной словесности, мы должны помнить, что русскій народъ, создавшій эту словесность, не представляетъ собою совершеннаго и полнаго этнографическаго единства. Не говоря уже о многихъ другихъ народностяхъ, входившихъ и входящихъ въ составъ Россіи, какъ культурнаго цѣлаго, и участвовавшихъ въ созданіи ея литературы, самъ по себѣ русскій народъ, по особенностямъ своей рѣчи (нарѣчіямъ), дѣлится на три главныхъ вѣтви: великороссовъ (въ центрѣ Россіи), малороссовъ (на югѣ) и бѣлоруссовъ (на западѣ). Были эпохи въ русской литературѣ, отмѣченныя сильнѣйшимъ участіемъ въ ея созданіи то юга Россіи (X—XII вв.), то — нѣсколько меньше и слабѣе — запада (XVI—XVII вв.), но главная работа, особенно съ XVI вѣка, лежала на великороссахъ: будучи центромъ, вокругъ котораго собиралась и росла русская государственность, великороссы были преобладающими вкладчиками и въ культурную жизнь Россіи, руководя ростомъ ея литературы. Наилучшимъ показателемъ этой роли великороссовъ въ созиданіи русской литературы является языкъ этой литературы—въ основѣ своей великорусскій. Въ силу этого послѣдняго обстоятельства, опредѣленіе содержанія литературы письменной, особенно послѣ Петра Великаго, не представляетъ особыхъ трудностей. Но по отношенію къ устной словесности, собранной непосредственно изъ народныхъ устъ, въ ихъ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, вопросъ этотъ осложняется: надо имѣть въ виду не одни только великорусскія, но также малорусскія и бѣлорусскія записи, хотя и тутъ центръ тяжести лежитъ опять-таки на произведеніяхъ, записанныхъ по великорусски—въ силу ихъ письменнаго преобладанія, разнообразія сюжетовъ и выдающейся важности содержанія, особенно по отношенію къ былинному и историческому эпосу.

УСТНАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.

ПОЭЗІЯ ОБРЯДОВАЯ.

§ **4.** Происхожденіе обрядовой поэзіи. Праздники въ честь солнца; приспособленіе ихъ къ христіанскимъ праздничнымъ воспоминаніямъ. Коляда; гаданіе. Веснянки. Красная горка; хороводы. Радуница. Русальная недѣля. Семикъ. Купало. Пр. Илья и св. Егорій. — § **5.** Свадебныя пѣсни. Похоронныя пѣсни.—§ **6.** Заговоры (заклинанія).

Происхожденіе обрядовой поэзіи.

§ **4.** Въ области устной народной поэзіи трудно установить какую-либо хронологическую послѣдовательность возникновенія ея отдѣльныхъ видовъ, но можно все-таки предполагать, что однимъ изъ самыхъ раннихъ была поэзія обрядовая, т. е. первобытно-религіозная. Предположеніе это основывается на тѣсной связи входящихъ сюда произведеній съ религіозными представленіями и вѣрованіями народа, безъ которыхъ немыслима человѣческая жизнь даже въ самомъ раннемъ періодѣ. Эту поэзію называютъ иначе еще миѳической, потому что происхожденіемъ своимъ она связана съ миѳами, т. е. образными представленіями первобытной народной мысли объ окружающей человѣка жизни. Первобытный человѣкъ, съ едва пробужденнымъ сознаніемъ, стремится къ тому, чтобы объяснить или, по крайней мѣрѣ, осмыслить себѣ существованіе внѣшняго міра, отъ котораго онъ находился въ зависимости и который поражалъ его то грозными и величавыми, то кроткими и ласкающими проявленіями силъ природы; онъ задумывался надъ восходомъ и заходомъ солнца, таинственной тишиной ночи, бурей и грозой, громомъ и молніей, дождемъ и вѣтромъ, огнемъ и водой; онъ замѣчалъ послѣдовательную смѣну временъ года и приносимое ими тепло и холодъ; онъ наблюдалъ въ разные моменты года лѣсъ, рѣки и озера; онъ видѣлъ передъ собою случаи рожденія и смерти. Умъ человѣка старался найти причинную связь между этими явленіями и своими ощущеніями, установить вліяніе ихъ на свое благосостояніе или невзгоды, опредѣлить себѣ движущую и повелѣвающую этими явленіями силу. Такъ появились представленія первобытнаго человѣка объ отдѣльныхъ божествахъ огня, воды, лѣса, домашняго очага и пр., объ ихъ вліяніи на ходъ жизни. Результатомъ потребности человѣка выразить то или иное отношеніе свое къ этимъ созданіямъ своей фантазіи и злымъ или добрымъ явленіямъ природы были краткія поэтическія произведенія, пѣсни, безсознательно и непосредственно созданныя; но пѣсни явились въ соединеніи съ обрядами, т. е. той или

иной формой поклоненія божествамъ, благодарности, грусти или торжества: поэтому пѣсни эти и называются обрядовыми.

Связь обрядовыхъ пѣсенъ съ обрядами такъ велика, что понять ихъ безъ знакомства съ этими послѣдними невозможно.

Праздники въ честь солнца; приспособленіе ихъ къ христіанскимъ праздничнымъ воспоминаніямъ.

Находясь въ непосредственной зависимости отъ природы и наблюдая дѣйствіе на нее солнечнаго тепла, первобытный предокъ нашъ опредѣлилъ два главныхъ періода въ кажущемся кругообоpотѣ солнца относительно земли: одинъ разъ, когда оно, при наименьшей силѣ своего дѣйствія, поворачиваетъ на лѣто, а другой—когда, при наибольшей силѣ, ослабѣваетъ и поворачиваетъ на зиму; первый моментъ, совпадающій съ зимнимъ равноденствіемъ въ декабрѣ, повелъ за собою праздникъ встрѣчи солнца, а второй, въ пору лѣтняго равноденствія въ іюнѣ,—праздникъ его проводовъ, или «похоронъ». Оба эти праздничные момента расчленились на нѣсколько частныхъ праздниковъ въ теченіе цѣлаго года, преимущественно весны и лѣта, и образовали своего рода языческій календарь, отличавшійся большой устойчивостью; со введеніемъ христіанства, этотъ календарь былъ приспособленъ къ христіанскимъ праздникамъ, на которые перенесены были и прежніе языческіе обряды; въ такомъ видѣ обряды эти держатся въ сельскомъ народѣ силою обычая во многихъ мѣстахъ и до сихъ поръ.

Коляда; гаданіе.

Съ 24 декабря по 6 января, т. е. на христіанскихъ Святкахъ, празднуется Коляда (Calendae—праздникъ, установленный еще въ греко-римскомъ мірѣ и перешедшій къ намъ черезъ Византію); русское названіе его—Овсень, можетъ быть указывающее на «сѣяніе» или «овесъ», которымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посыпаютъ въ этотъ праздникъ жилища. Въ эти дни былъ и теперь остается широко распространенный обычай «колядовать», т. е. ходить отъ двора ко двору съ праздничнымъ поздравленіемъ, рядиться, гадать, а въ деревняхъ собираться на посидѣлки, или «бесѣды».

Вотъ пѣсни, которыя поютъ колядовщики, преимущественно подростки, прославляя хозяина съ семьей и надѣясь получить щедрую подачку:

Пришла коляда
Накануне Рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку.
А дай Богъ тому,
Кто въ этомъ дому,

Ему рожь густа,
Рожь ужиниста.
Ему съ колосу осьмина,
Изъ зерна ему коврига,
Изъ полузерна—пирогъ.

Надѣлилъ бы васъ Господь
И житьемъ и бытьемъ
И богатствомъ,
И создай вамъ, Господи,
Еще лучше того!

(П. Шейнъ)

Ой Овсень, ой Овсень!
Походи, погуляй
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!...

Ой Овсень, ой Овсень!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ...,

(И. Снегиревъ)

и потомъ идетъ прославленіе хозяевъ дома.

При гаданіи на Святкахъ употребляется чашка или блюдо съ водой, въ которую опускаются перстни; эти перстни вынимаются при пѣніи особыхъ «подблюдныхъ» пѣсенъ; иныя изъ нихъ, заключая въ себѣ привѣтъ или величаніе хозяевамъ, называются «величальными»:

Еще на небѣ
Да двѣ радуги,
Какъ у нашего хозяина
Двѣ радости:
Еще первая радость—
Сына женилъ,
А другая-то радость—
Дочь замужъ отдалъ;
Еще за сыномъ
Корабли бѣгутъ,
А за дочерью
Сундуки везутъ.
А кому мы спѣли, тому добро,
Кому вынется, скоро сбудется,
Скоро сбудется, не минуется!

(И. Снегиревъ)

На посидѣлкахъ молодежь обоего пола рядится, играетъ въ разныя игры, гадаетъ и поетъ пѣсни. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ, сопровождающая игру въ «хороненіе золота», т. е. кольца или монеты; и поетъ попеременно то хоръ дѣвушекъ, то одна изъ нихъ, ходящая въ кругу и ищущая скрытое «золото»:

Хоръ.

А я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, высокомъ.
Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай, красная,
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиная крылица?
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.

Дѣвушки въ кругу.

И я рада бы гадала,
Какъ бы знала, вѣдала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ вы, кумушки, вы голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте!

Хоръ.

Палъ, палъ перстень
Въ калину, малину,
Въ черную смородину...
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодова,
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.
Дѣвушки гадали,
Да не отгадали...
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплѣснивѣло.
Молодайка, отгадай-ка!

(И. Снегиревъ)

На этихъ посидѣлкахъ или «бесѣдахъ», бывающихъ не только на Святкахъ, но и въ теченіе всей зимы въ деревенскихъ семьяхъ поочередно и заполняемыхъ разнаго рода играми, пѣснями и плясками, лишенными теперь какого бы то ни было обрядоваго смысла, поются многія т. наз. «бесѣдныя» пѣсни, содержаніемъ которыхъ является по преимуществу любовь. Вотъ одна такая пѣсня:

Я по цвѣтикамъ ходила,
По лазоревымъ гуляла,
Цвѣта алаго искала.
Не нашла цвѣта алова,
Супротивъ мово милова.
Эхъ, мой миленькій хорошъ,
Чернобровъ, душа, пригожъ.
Мнѣ подарочекъ принесъ,
Мнѣ подарокъ дорогой,
Съ руки перстень золотой.
Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь.
Не хочу перстня носить,
Хочу такъ тебя любить.

(П. Шейнъ)

Уже въ празднованіи Коляды и сопровождающихъ его обрядахъ ясно видна роль солнца, какъ источника тепла и свѣта, какъ особаго божества, руководящаго оборотомъ жизненныхъ силъ природы. Еще виднѣе эта роль солнца—въ праздникахъ и обрядахъ весеннихъ мѣсяцевъ вплоть до лѣтняго солнцестоянія, опредѣляемаго въ народѣ днемъ Ивана Купала.

Веснянки. Встрѣча наступающей весны знаменуется пѣснями — веснянками:

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью
Съ радостью, радостью,
Великою милостью,
Со льномъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Со хлѣбами обильными.

(И. Сахаровъ)

Благослови, Боже,
Весну закликати,
Весну закликати,
Зиму запирати.

(О. Миллеръ)

Красная горка; хороводы. Первымъ весеннимъ праздникомъ является Красная горка, пріуроченная къ Ѳоминой недѣлѣ; возвышенныя мѣста, впервые покрывающіяся зеленой травой и освѣщаемыя «краснымъ солнцемъ», объясняютъ его названіе. Съ Красной горки начинаются хороводныя игры, продолжающіяся до Петрова дня (29 іюня). Хороводы въ отдаленную старину не были простой забавой, а заключали въ себѣ извѣстную долю религіозной языческой символики: кругообразное движеніе хоровода напоминало видимое движеніе солнца. Хороводныя пѣсни весьма многочисленны и разнообразны; онѣ сопровождаютъ три главныхъ момента хороводной игры: приступъ къ главному хороводу (наборныя), самый хороводъ (игровыя) и окончаніе его (разборныя или разводныя):

Ахъ, братцы, мало насъ!
Голубчики, немножко!
Вы сбирайтесь, молодые,
Вы сходитесь, холостые;
Въ хороводѣ людей мало,
Веселиться не съ кѣмъ стало.
Ахъ, братцы, мало насъ!
Голубчики, немножко!
Вы сбирайтесь , молодыя,
Вы сбирайтесь, красныя!

(И. Сахаровъ)

Таковъ «приступъ». Самыя игры въ хороводѣ имѣютъ сложную пѣсенную иллюстрацію; однако главная тема тутъ—любовь между парнемъ и дѣвушкой, желаннымъ и неизмѣннымъ концомъ которой является свадьба. Этотъ же мотивъ преимущественно звучитъ и при «разборѣ» хоровода:

Какъ подъ лѣсомъ, подъ темнымъ
Выростала шелковая трава;
Какъ тутъ ходилъ, гулялъ
Заѣзжій гость;
Онъ въ дудочку игралъ,
Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ
Невѣсту себѣ...
«Охъ ты, дѣвушка душа,
Подь замужъ за меня!
Не пойдешь — вспокаешься,
Вспомнишь меня!»
—Сосѣдушки, собратушки!
Скажите вы мнѣ:
Каковъ человѣкъ?
Сосѣдушки, собратушки
Спохвалили молодца:
—Ужъ, ты молодецъ,
Заѣзжій гость!
Вино кури, пиво вари,
Иду замужъ за тебя!

(И. Сахаровъ)

Сюда же примыкаютъ и т. наз. «плясовыя пѣсни», веселыя по содержанію и воспѣвающія главнымъ образомъ любовь.

Радуница. Русальная недѣля. Семикъ.

Другіе весенніе праздники связывались съ почитаніемъ душъ умершихъ: таковы—Р а д у н и ц а (во вторникъ Ѳоминой недѣли), Р у с а л ь н а я н е д ѣ л я (въ Троицу) и въ особенности С е м и к ъ, справлявшійся въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи: въ этотъ день молодежь ходила въ лѣсъ, рубила березки, завивала вѣнки и, бросая ихъ въ воду, гадала о своей судьбѣ; старшее же поколѣніе посѣщало могилы родителей и родственниковъ и совершало надъ ними тризну, которая совпала потомъ съ христіанскимъ поминовеніемъ усопшихъ церковной молитвой. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ отличаются, повидимому, большой древностью:

Іо, Іо, Семикъ—Троица!
Туча съ громомъ сговаривалась:
Пойдемъ, громъ, погуляемъ съ тобою...

(А. Терещенко)

Купало. Конечнымъ праздникомъ въ честь солнца является ночь на Ивана Купала (24 іюня), когда, по народному представленію, солнечные лучи, достигнувъ своей высшей силы, уже начинаютъ идти на убыль, «поворачивать къ зимѣ». Въ эту ночь природныя силы, по народному повѣрію, получаютъ будто бы особенное напряженіе, передъ увяданіемъ: цвѣтетъ никогда не цвѣтущій папоротникъ. Въ старину ночь на Ивана Купала (день Рождества Іоанна Крестителя) цѣликомъ, отъ зари до зари, посвящалась игрищамъ, обрядамъ, имѣвшимъ религіозный характеръ: съ очистительной цѣлью купались въ рѣкѣ, прыгали черезъ костры и, наконецъ, скатывали съ горы зажженное колесо въ воду. Вѣроятно, къ купальскимъ обрядамъ принадлежали и совершавшіяся 29 іюня похороны «Костромы» или «Кострубоньки» (отъ сл. костеръ) и «Ярилы» (отъ сл. ярый, т. е. жаркій, свѣтлый): это были переряженные люди, участники обряда, или соломенныя куклы, которыхъ клали на доски, относили къ рѣкѣ и сжигали. Подобно зажженному колесу, которое уже своей формой напоминало небесное свѣтило, это должно было символизировать «умиравшее», уходящее на покой солнце. Этими обрядами заканчивался кругъ солнечныхъ торжествъ, имѣвшихъ, по первоначальному своему смыслу, несомнѣнное религіозное происхожденіе. Игры и хороводы въ послѣдующіе лѣтніе дни, въ іюлѣ (въ Ильинъ день) и въ августѣ (на Успеніе), имѣли лишь характеръ простыхъ деревенскихъ развлеченій.

Вотъ, напр., относящіяся сюда пѣсни:

Купала на Ивана!
Купался Иванъ,
Та въ воду упавъ.
Купала на Ивана!
(А. Терещенко,

Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,
Развеселая была,
Ты гульливая была!
А теперь, Кострома,
Ты во гробъ легла!
(П. Шейнъ)

Пр. Илья и св. Егорій. Основа этихъ пѣсенъ и обрядовъ с о л н е ч н а г о к р у г а имѣетъ, какъ можно видѣть, не одинъ лишь религіозный, но и житейско-практическій характеръ, являясь признаніемъ за солнечнымъ тепломъ рѣшающаго значенія

въ хозяйственномъ благосостояніи земледѣльца. Этотъ просительно-требовательный смыслъ въ обращеніи къ силамъ природы выражался у первобытнаго человѣка и въ другіе моменты, внѣ указаннаго праздничнаго круга; таковы—пѣсни, пріуроченныя въ христіанское время къ пророку Ильѣ, покровителю земледѣлія, и въ особенности къ св. Егорью-Юрію (память 23 апрѣля), къ которому народъ обращался съ просьбой о скотѣ, при выгонѣ его въ поле, на вольный кормъ:

Юрій, вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпущай росу
На теплое лѣто,
На буйное жито,
На ядренистое,
На колосистое,
Людямъ на здоровье!

(А. Аѳанасьевъ)

§ **5.** Обширный отдѣлъ обрядовыхъ пѣсенъ составляютъ такія, которыя сопровождаютъ собою свадьбу и похороны. Этотъ отдѣлъ долженъ быть особо выдѣленъ не только по множеству и богатому разнообразію входящихъ сюда произведеній, но также и по важности сюжетовъ, которымъ они посвящены: въ личной жизни семьи, даже на самой первой ступени ея историческаго развитія, нѣтъ болѣе значительныхъ событій, какъ бракъ и смерть. Относящіяся сюда пѣсни имѣютъ столько же обрядово-религіозный, сколько и бытовой интересъ.

Свадебныя пѣсни. Уже въ рождественскихъ и хороводныхъ весеннихъ пѣсняхъ встрѣчаются упоминанія о любви и бракѣ, но тамъ они заслонены обрядностью миѳическаго почитанія солнца и пробуждающихся силъ природы; въ пѣсняхъ же исключительно свадебныхъ вопросы брака находятъ себѣ гораздо болѣе разностороннее и глубокое изображеніе.

Первоначально у русскихъ славянъ браковъ не было. По свидѣтельству Лѣтописи, большая часть племенъ жила въ этомъ отношеніи «звѣринскимъ образомъ» и доставала себѣ невѣстъ силой, во время «игрищъ», или тайно похищала ихъ у водныхъ источниковъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ невѣста получалась по предварительному сговору съ нею. Этотъ древній обычай нашелъ себѣ выраженіе въ пѣсняхъ, сопровождавшихъ самое начало свадебнаго обряда—сватовство: сваты являются въ домъ невѣсты какъ бы въ роли прохожихъ гостей, рыболововъ или охотниковъ, ища «добычи», а на самомъ дѣлѣ высматривая семейную об

становку намѣченной дѣвушки. Въ дальнѣйшемъ движеніи свадебнаго обряда, на «сговорѣ», сваты представляются «купцами», пріѣхавшими покупать нужный имъ «товаръ», а болѣе грубый оттѣнокъ ихъ поведенія относительно невѣсты, какъ «похитителей» ея, отнесенъ въ пѣсняхъ уже къ моменту передъ самымъ вѣнчаньемъ. Относящіяся сюда пѣсни невѣста поетъ наканунѣ, на «дѣвичникѣ», или въ самый день свадьбы:

По послѣднему денечку
Я сидѣла молодешенька,
Я во свѣтлой своей свѣтлицѣ,
Во высокой новой горницѣ;
Ужъ я шила волю золотомъ,
Обшивала чистымъ серебромъ.
Я смотрѣла, молодешенька,
Изъ косевчата окошечка
На озеро на Онежское...
Не задолго поры-времени
Проскрипѣли дубовы сани,
Побрянчала золота узда,
Просвистала шелковая плеть.
Пріѣзжалъ тутъ злодѣй-бо̀льшой сватъ...
(П. Рыбниковъ)

Наѣхали разсказы-сваты большіе,
Выводили надежу свѣта-батюшку
На новы сѣни, на рѣшетчаты,
Стали спрашивать про бѣлую лебедушку,
Оцѣнять стали бажону (т. е. желанную,
милую) вольну волюшку.
Сговорилъ же свѣтъ родитель мой батюшка:
Эта волюшка во сто рублей,
Руса косынька во тысячу,
А красной дѣвушкѣ и цѣны нѣтъ...
Но лукавъ былъ злодѣй-бо̀льшой сватъ:
Онъ близешенько къ родителю двигается,
Низешенько ему да покланяется,
Самъ сулитъ ему да засуливаетъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Сорокъ бочекъ пива пьянаго.
На то ли мои родители окинулись,
Промѣняли мою вольную-то волюшку
Какъ на этое на сладко зелено вино...
(П. Рыбниковъ)

Утромъ, въ день вѣнчанья, пѣсни невѣсты становятся еще жалобнѣе: она съ нѣжностью вспоминаетъ жизнь въ родномъ домѣ, у «родима батюшки» и «родимой матушки», и будущее замужество представляется ей въ самыхъ мрачныхъ чертахъ:

Тяжеленько привыкать будетъ
Ко чужому отцу, къ матери,
Ко чужому роду племени;
Будь головушкой поклонлива,
Будь сердечушкомъ покорлива,
Носи платьице, не снашивай,
Терпи горюшко, не сказывай...
(П. Рыбниковъ)

Трогательны своей глубокой грустью пѣсни невѣсты при одѣваніи ея къ вѣнцу, разставаніи съ дѣвичьимъ головнымъ уборомъ, принятіи отъ родителей благословенія или посѣщеніи могилъ покойныхъ родителей. Пріѣздъ жениха, чтобы ѣхать въ церковь, вызываетъ у невѣсты такую пѣсню:

Что катитъ да туча темная,
Со громами, Божьей милостью,
Съ маланьей да со сверкучеей.
Не могла пасть да туча темная,
Что ни нá воду, ни нá землю,
Ни на корбы (мелкій лѣсъ)-то дремучія,
На болота-то зыбучія.
Ужъ какъ пала туча темная
Что на батюшковъ высокъ теремъ,
Что на дѣвочій зеленой садъ.
(П. Рыбниковъ)

Впрочемъ, грустный тонъ свадебныхъ пѣсенъ длится только до вѣнчанья; когда уже дѣло кончено и молодые пріѣзжаютъ домой, пѣсня получаетъ другой характеръ—величальный, веселый и даже шутливый; эти пѣсни поются за свадебнымъ столомъ и въ послѣдующіе дни свадебнаго празднества:

За моимъ то дубовымъ столомъ
Какъ сидитъ то младъ отецкой сынъ,
Онъ сидитъ то какъ свѣча горитъ,
Говоритъ онъ какъ рублемъ даритъ.
Какъ у этого млада сына отецкаго
Красота взята отъ солнышка,
Бѣлина то отъ бѣла снѣга...
Очи ясныя—ясь сокола
Брови черныя—черна соболя.
(П. Рыбниковъ)

Похоронныя пѣсни. Подобно тому, какъ тема о любви входила въ составъ миѳическихъ пѣсенъ и потомъ нашла себѣ болѣе полное выраженіе въ пѣсняхъ свадебныхъ, такъ и сюжетъ о смерти находится въ зачаточномъ состояніи въ пѣсняхъ и обрядахъ русальныхъ и семицкихъ; но спеціальное развитіе получилъ онъ въ пѣсняхъ похоронныхъ.

Какъ и въ свадебныхъ пѣсняхъ, здѣсь пѣсня тоже тѣсно примыкала къ обряду и сплеталась съ нимъ въ одно цѣлое, а обрядъ, въ свою очередь, основывался на религіозныхъ представленіяхъ и вѣрованіяхъ. Смерть представлялась нашимъ предкамъ-язычникамъ переходомъ въ такое состояніе, которое мало чѣмъ разнится отъ земной жизни; тамъ у человѣка оставались всѣ прежнія его желанія и потребности: поэтому, съ покойникомъ сожигали или закапывали въ землю его лошадь, оружіе, пищу, а иногда и жену; гробъ представлялся тѣсной «домовиной», въ которой нужны были для покойника и ««косявчаты окошечки», и «пуховая перинушка», и «утѣхи всѣ съ забавушкой»; по народному повѣрью, поддержанному и христіанской церковной практикой, умершій въ первые дни послѣ смерти еще какъ бы живетъ въ старой, земной обстановкѣ, продолжаетъ общеніе съ домомъ и близкими. Тѣсныя семейныя связи старой эпохи, при сильной зависимости младшихъ членовъ семьи отъ старшихъ, дѣлали особенно чувствительной смерть близкаго человѣка. Все это нашло себѣ выраженіе въ поэтическихъ причитаніяхъ и заплачкахъ, которыми сопровождался обрядъ погребенія покойника. Какъ и въ свадебныхъ пѣсняхъ, самая видная роль представлялась тутъ женщинѣ: она больше другихъ страдала отъ потери родителей, дѣтей, сестеръ и братьевъ. Да и вообще женщина является созидательницей, носительницей и хранительницей въ народной памяти произведеній устнаго творчества: къ этому располагало и ея домосѣдство, сравнительно съ мужской половиной семьи, и ближайшая связь съ семьей, вокругъ интересовъ которой создавалась значительная часть устно-народной лирики. Въ области похоронныхъ пѣсенъ, вслѣдствіе исключительнаго участія въ нихъ женщины, образовался впослѣдствіи и отчасти до сихъ поръ удерживается въ народѣ типъ профессіональной плакальщицы—т. наз. «вопленицы», или «плачеи»,—которую и приглашаютъ въ домъ для приданія похоронному обряду необходимой торжественности и приличія, требуемаго обычаемъ.

Вотъ какъ поетъ вдова, когда покойникъ лежитъ на столѣ, оплакивая внезапность налетѣвшей на мужа смерти:

Я сидѣла хоть у трудной у постелюшки
И у этого крутого изголовьица,
Только не видѣла я вѣдь скорую смеретушку:
Видно, налетѣла скорая смеретушка
Скоролетною птицынькой,
Залетѣла во хоромно во строеньице,
Скрытно садилась на крутоскладно на зголовьице

И въ отай вѣдь взяла душу со бѣлыхъ грудей.
Я бы заперла косявчето окошечко,
Заложила бы новы сѣни рѣшетчаты.
Хоть застучалась бы вѣдь скорая смеретушка,
Такъ я дала бы золотой казны безсчетныя
И хорошаго бы цвѣтнаго платьица,
По ноженькамъ козловые сапоженьки,
Я бы всю свою дворовую скотинушку
И не жалѣла бы домовой своей жирушки...
Кабы знала я, кручинная головушка,
Про эту про скору про смеретушку,
Заложили бы мы тройку удалыихъ лошадушекъ,
Мы бы взяли золотой казны по надобью,
Пріуѣхали бы съ законной семеюшкой
По чужимъ по дальнимъ по сторонушкамъ,
Доискались бы ту дальную сторонушку,
Что гдѣ печали нѣтъ во добрыихъ во людишкахъ
И вѣкъ не слыхано вѣдь скорыя смеретушки!

(П. Рыбниковъ)

Иногда голосятъ надъ покойникомъ попеременно и какъ бы ведя бесѣду между собою вдова и оставшаяся сирота-дочь, оплакивая потерю мужа и отца, при чемъ та или другая изъ нихъ обращаются то къ покойнику, то къ вносящимъ гробъ людямъ («плотничкамъ»), то къ входящимъ въ домъ родственникамъ покойнаго; плачъ продолжается далѣе при отвозѣ покойника въ церковь, въ самой церкви послѣ отпѣванія и на могилѣ. Такъ, напр., вдова плачетъ и по окончаніи обряда погребенія, призывая покойника посѣтить покинутый имъ домъ:

Прозабыла я, кручинная головушка—
Допроситься у надежной у державушки:
Когда ждать въ гости любимое гостибищо?
Въ полночь ли ждать по свѣтлому по мѣсяцу,
Али въ полдень ждать по красному по солнышку?
Аль по утрышку ждать тебя ранешенько?
Аль по вечеру да ждать тебя поздешенько?
Не утай, скажи, надежна мнѣ головушка.
Ухожу своихъ сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ
Я на эту на спокойку малу ноченьку,
Съ горя сяду подъ косевчатымъ окошечкомъ,
Со обиды подъ туманное околенко (т. е. окошечко),
Сожидать буду надежну тя головушку.
Покажись, приди, надежная головушка,
Хоть съ-подъ кустышка приди да сѣрымъ заюшкомъ,
Изъ-подъ камушка явись да горностаюшкомъ...

(Е. Барсовъ)

Похоронные «плачи» извѣстны во множествѣ видовъ: не только вдовы по мужѣ или дочери по родителямъ, но по женѣ, сыну,

дочери, крестницѣ, по сестрѣ и брату, по дядѣ и свату; есть особые плачи по убитомъ молніей, утопленникѣ, по старостѣ, писарѣ, по отцѣ духовномъ, даже по «упьянсливой головушкѣ», т. е. по умершему отъ запоя. Многіе изъ этихъ плачей отличаются глубокимъ лиризмомъ и замѣчательной поэтичностью. «Причитанія» не ограничиваются однимъ только грустнымъ содержаніемъ, развитіемъ горестныхъ чувствъ и мыслей по поводу смерти близкаго человѣка: въ нихъ есть и свѣтлыя черты—въ воспоминаніяхъ плачущей о прежней жизни съ покойникомъ, подъ защитою его любви и заботы, при чемъ воспѣваются добрыя качества покойника: такимъ образомъ, въ этихъ частяхъ похоронныхъ пѣсенъ сохранился тотъ величальный характеръ, который мы видѣли въ пѣсняхъ свадебнаго обряда. Оба эти отдѣла пѣсенъ, свадебный и похоронный, благодаря широкимъ пріемамъ устно-народной лирики, даютъ богатый матеріалъ для знакомства съ народнымъ бытомъ и сближаютъ входящія въ нихъ пѣсни съ отдѣломъ семейно-бытовыхъ пѣсенъ, о которыхъ рѣчь будетъ идти позднѣе.

Разсмотрѣнныя нами обрядовыя пѣсни интересны не только въ историческомъ отношеніи, знакомя насъ съ прошлыми вѣрованьями, бытомъ и міровоззрѣніемъ нашихъ предковъ въ отдаленную эпоху, но и въ отношеніи литературномъ: онѣ представляютъ въ наиболѣе сохранившемся видѣ слѣды того литературнаго синкретизма (см. выше, стр. 9), которымъ, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, должна была отличаться первобытная поэзія. Въ главной основѣ своей пѣсни эти—лирическія, такъ какъ содержаніемъ ихъ является по преимуществу религіозное воодушевленіе, порывъ чувства или извѣстнаго настроенія; но, рядомъ съ этимъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, свадебныхъ и похоронныхъ пѣсняхъ, можно наблюдать элементы эпоса, повѣствованія о томъ, что́ было и что́ возбуждаетъ тѣ или иныя чувства; наконецъ, тѣ же пѣсни свадебнаго и похороннаго обряда, а также хороводныя, заключаютъ въ себѣ и зачатки драмы, своего рода сценическія представленія—напр., въ разныхъ весеннихъ «игровыхъ» пѣсняхъ, въ свадебныхъ или въ довольно сложной пѣсенной бесѣдѣ членовъ семьи, поочередно и въ извѣстной послѣдовательности причитающихъ о покойникѣ.

Заговоры (заклинанія).

§ 6. Обращенія къ силамъ природы или олицетвореніямъ той власти, которая должна управлять этими силами, получили спеціальное развитіе во множествѣ заговоровъ (заклинаній), составляющихъ

какъ бы особый отдѣлъ словесно-обрядоваго творчества. Цѣль заговоровъ заключалась въ томъ, чтобы вызвать какое-либо желаемое явленіе или устранить нежелаемое; съ этой стороны заговоры, имѣя вполнѣ практическій характеръ, стоятъ внѣ произведеній поэзіи, но, по заключенному въ нихъ первоначальному молитвенному настроенію, по подъему непосредственнаго чувства и по образному выраженію, они безспорно входятъ въ область поэзіи. Первоначально это были просто языческія молитвы, а потомъ лишь словесныя формулы, иногда весьма запутанныя и длинныя, на основѣ вѣры въ непобѣдимость человѣческаго слова; въ христіанскую пору обычныя обращенія заговоровъ къ солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ осложнились именами святыхъ, напр. Зосимы и Савватія, Николая Чудотворца, Спасителя, Богоматери, апостоловъ. Предметами заговоровъ являются любовь («присушка», т. е. пріобрѣтеніе новой любви или возвращеніе утраченной), болѣзни и здоровье, разные несчастные случаи (укушеніе змѣи, обжогъ), запой и пьянство, удача въ промыслахъ (охота, рыбная ловля, пчеловодство) и пр.

Вотъ заговоръ въ формѣ молитвы при отходѣ ко сну:

Царь водяной, царь земляной, царь небесный,
Прости мою душеньку грѣшную!
Свѣтелъ мѣсяцъ и красно солнышко,
И всѣ чистыя звѣздочки, бѣленькіе камушки,
И дальніе, и ближніе, и семейные,
Простите мою душеньку грѣшную!

(Л. Майковъ)

От кровавой раны:

На морѣ на Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ камень; на томъ камнѣ сидѣла Пресвятая Богородица, держала въ рукѣ иглу золотую, вдѣвала нитку шолковую, зашивала рану кровавую. Тебѣ, рана, не болѣть, и тебѣ, кровь, не бѣжать. Аминь.

(Л. Майковъ)

Или на дождикъ:

Дощику, дощику,
Милый дощику!
Кропи жутко,
Щобъ було чутко,
Во вѣкъ здорово,
Безъ позору,
Якъ та осина,
Що гнетця, та стоить!
Падай дощику,
На дѣдову рожь

Дѣвчачій ленъ,
Батьковъ овесъ,
И на все добро
Поливай ведромъ,
Гони хмару
И всяку мару.

(П. Ефименко)

Нѣкоторые заговоры замѣчательно кратки, напр.: «Хамъ, хамъ, хамъ»! (отъ болѣзни жабы), а другіе, напротивъ, заключаютъ въ себѣ длинные разсказы. Таковъ заговоръ отъ лихорадки, гдѣ передается со словъ одного переводнаго письменнаго памятника, какъ «святой апостолъ Сисиній» встрѣтилъ вышедшихъ изъ Чернаго моря двѣнадцать «простоволосыхъ женъ»; жены эти сказали ему, что онѣ «трясовицы и послушницы царя Ирода» и мучаютъ людей за ихъ неблагочестіе, лѣность и другіе пороки; потомъ онѣ сообщили Сисинію свои имена; заговоръ заканчивается обращеніемъ къ архангелу Михаилу, Сисинію, Іоанну Предтечѣ и евангелистамъ объ избавленіи отъ лихорадки.

III. ПОЭЗІЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

§ 7. Составъ и происхожденіе исторической поэзіи. Современные носители исторической поэзіи въ народѣ. — **§ 8.** Былины южно-русскаго цикла. Князь Владиміръ. Илья Муромецъ. Добрыня Никитичъ. Алеша Поповичъ. — **§ 9.** Былины новгородскаго цикла. Садко. Василій Буслаевъ.— **§ 10.** Былины о «старшихъ богатыряхъ». Святогоръ. Вольга. Микула Селяниновичъ. — **§ 11.** Былины о концѣ богатырства на Руси. — **§ 12.** Слѣды историческихъ и литературныхъ вліяній на былины. — **§ 13.** Внѣшніе пріемы былиннаго творчества. Былинные стихотворные размѣры. — **§ 14.** Историческія пѣсни: изъ татарской эпохи, о царѣ Иванѣ Грозномъ, изъ Смутнаго времени, о Петрѣ Великомъ. — **§ 15**. Южно-русскія думы. Внѣшніе пріемы творчества въ южно-русскихъ думахъ.

Составъ и происхожденіе исторической поэзіи.

§ 7. Изъ той же первобытной лиро-эпической кантилены, которая дала, на основѣ религіозныхъ вѣрованій, обрядовую (миѳическую) поэзію, выросла, при большемъ развитіи эпическаго элемента, п о э з і я   и с т о р и ч е с к а я. Со стороны своего литературнаго содержанія, устная историческая поэзія представляетъ собою: 1. былины, 2. собственно историческія пѣсни, 3. южно-русскія думы. Б ы л и н ы—это великорусскія эпическія пѣсни о богатыряхъ, т. е. необыкновенныхъ герояхъ, и ихъ подвигахъ. Слово «богатырь» восточнаго происхожденія и вошло въ употребленіе сравнительно поздно; древне-русскіе памятники, напр., Лѣтопись, имѣли для богатыря другое имя—«хоробръ»

или , въ церковно-славянской формѣ, «храбръ». Названіе «былины» также принадлежитъ новому времени: оно пущено было въ оборотъ учеными изслѣдователями въ половинѣ XIX в., а народные пѣвцы до сихъ поръ называютъ былины «старинами» или «старинками», желая указать этимъ на фактическое содержаніе пѣсенъ, воспѣвающихъ старину. Ученые предполагаютъ, что былины начали свое существованіе въ первые вѣка нашей исторической жизни, въ X—XI вв.; мѣстомъ ихъ происхожденія, вѣроятно, были Кіевъ и Новгородъ—города, издавна связанные между собою великимъ воднымъ путемъ «изъ Варягъ въ Греки» и жившіе многими общими интересами. Въ Кіевѣ, какъ политическомъ и культурномъ средоточіи русской жизни, вскорѣ же послѣ образованія русскаго государства, дружинные княжескіе пѣвцы стали слагать, по скандинавскому обычаю, пѣсни, въ которыхъ воспѣвали дѣла князей и ихъ сподвижниковъ въ военныхъ походахъ; на существованіе такихъ пѣвцовъ есть указанія письменныхъ памятниковъ, напр., Ипатской Лѣтописи (подъ 1241 г.) о «словутномъ пѣвцѣ Митусѣ» или Слова о Полку Игоревѣ о «вѣщемъ Боянѣ». Однако въ Кіевѣ и вообще Южной Руси, послѣ блестящаго двухвѣкового расцвѣта культурной жизни, наступили въ XIII в. условія, неблагопріятныя для развитія эпической поэзіи; самъ Кіевъ былъ разоренъ татарами, лучшая часть населенія ушла на сѣверо-востокъ, а поэзія, вмѣстѣ съ ея слагателями и носителями, откочевала въ Новгородъ: тамъ этому развитію содѣйствовали и сравнительная тишина жизни политической, и матеріальное благосостояніе жителей, не испытавшихъ на себѣ татарскаго погрома. Въ самомъ Новгородѣ обозначились къ этому времени зачатки и своей эпической поэзіи, воспѣвавшей, въ соотвѣтствіи съ мѣстными интересами, «вольность» и богатство Новгорода. Такъ, въ теченіе XIII и XIV вв. въ Новгородѣ образуется крупный центръ поэтическаго творчества на темы изъ жизни героевъ кіевскихъ и новгородскихъ; мѣсто воиновъ-дружинниковъ, въ роли создателей этой поэзіи, заняли въ Новгородѣ профессіональные пѣвцы, находившіе себѣ учениковъ и слушателей. Съ одной стороны, пѣлись старыя эпическія пѣсни, принесенныя изъ Кіева, о Кіевскомъ князѣ Владимірѣ и его богатыряхъ-сподвижникахъ, пѣсни о любовныхъ похожденіяхъ богатырей, ихъ необыкновенныхъ фантастическихъ приключеніяхъ и богатствѣ, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ былинъ могли возникнуть въ XII—XIII в. въ предѣлахъ Волынской и Галицкой Руси; съ другой стороны—слагались пѣсни о мѣстныхъ герояхъ

новгородскихъ. Потеря въ XV в. Новгородомъ политической самостоятельности и усиленіе Москвы привели къ тому, что пѣсенно-творческая дѣятельность ушла изъ Новгорода: новгородскіе пѣвцы и слагатели пѣсенъ разбрелись то на сѣверъ и въ Сибирь, куда и раньше направлялась новгородская колонизація, то на Волгу. Этими событіями и объясняется то обстоятельство, что при записываніи въ XIX вѣкѣ былинъ, онѣ оказались главнѣйшимъ образомъ на сѣверѣ, въ губерніяхъ Олонецкой и Архангельской, также за Ураломъ, гдѣ еще въ XVIII в. возникъ упомянутый уже сборникъ Кирши Данилова, и, наконецъ, на востокѣ, въ предѣлахъ нижняго бассейна Волги; въ это время уже почти совсѣмъ не оказалось былинъ ни на западѣ Россіи, ни на югѣ, ни въ центральныхъ областяхъ. На сѣверѣ пѣсенная эпическая традиція, воспринятая народомъ, продолжалась и въ дальнѣйшіе вѣка, вплоть до настоящаго времени, чему способствовали отрѣзанность отъ центровъ, вслѣдствіе дальности разстоянія и дурныхъ путей сообщенія, отсутствіе отхожихъ промысловъ, малое развитіе грамотности. Прежніе сюжеты, въ новыхъ перепѣвахъ, не всегда сохранялись въ ихъ неприкосновенности: иногда они видоизмѣнялись, осложняясь то фантастическимъ, то шутливымъ или сатирическимъ содержаніемъ; такія пѣсни носятъ названіе «былины-новеллы», «былины-баллады». Историческія пѣсни слагались рядомъ съ былинами, но начало ихъ относится къ болѣе позднему времени; онѣ касались чисто историческихъ событій— татарскаго ига, московскихъ царей (особенно Ивана Грознаго), самозванцевъ, Петра Великаго и даже позднѣйшихъ событій XVIII и XIX вв.; вѣроятно, возникновеніе этихъ произведеній слѣдовало непосредственно за самими фактами, которые въ нихъ воспѣваются. Наконецъ, южнорусскія думы—историческія пѣсни о жизни и судьбахъ малорусскаго казачества—сложились вслѣдъ за этими событіями въ XVI и XVII вѣкахъ.

Современные носители исторической поэзіи въ народѣ.

Главнѣйшіе сюжеты произведеній устной исторической поэзіи въ настоящее время, повидимому, уже всѣ записаны; но очень замѣчательнымъ является то, что многія изъ нихъ еще и теперь сохраняются въ народной памяти, поются и передаются дальнѣйшимъ поколѣніямъ: былины и великорусскія историческія пѣсни можно слышать теперь главнымъ образомъ на самомъ сѣверѣ Россіи, отчасти на Волгѣ и въ Донской области, а южно-русскія думы—въ предѣлахъ Южной Россіи. Носителями великорусскаго эпическаго творчества являются крестьяне и крестьянки,

живущіе преимущественно въ деревняхъ; они носятъ названіе «сказителей» и «сказительницъ»; знаніе эпическихъ пѣсенъ не составляетъ ихъ спеціальности, а является лишь удовлетвореніемъ ихъ личныхъ вкусовъ; пѣніемъ былинъ и историческихъ пѣсенъ они занимаются главнымъ образомъ въ долгіе зимніе вечера, сидя за плетеньемъ рыболовныхъ сѣтей или другой домашней работой. Поютъ эти пѣсни большею частью пожилые люди, но есть пѣвцы и пѣвицы также изъ молодежи. Ученые собиратели устнаго творчества отмѣтили между ними нѣсколько очень замѣчательныхъ лицъ, обладающихъ удивительной памятью (иные знаютъ до шести тысячъ стиховъ) и недюжинной фантазіей: таковъ, напр., изъ старыхъ пѣвцовъ—Тр. Г. Рябининъ, В. П. Щеголенокъ, П. Л. Калининъ, а изъ новыхъ—А. М. Крюкова. Южно-русскія думы распѣваются въ настоящее время на ярмаркахъ и городскихъ площадяхъ въ Малороссіи; исполнителями являются главнымъ образомъ старики-слѣпцы, извѣстные подъ именемъ «лирниковъ», «кобзарей» или «бандуристовъ». Это—уже профессіональные пѣвцы, снискивающіе себѣ этимъ ремесломъ пропитаніе; они сопровождаютъ свое пѣніе подъигрываніемъ на особомъ инструментѣ—кобзѣ, бандурѣ, откуда эти пѣвцы получили и самое названіе.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію содержанія произведеній исторической поэзіи.

Былины южно-русскаго цикла.

§ 8. Былины о богатыряхъ распредѣляются на три отдѣла. или «цикла»: 1. южно-русскія (кіевскія), 2. новгородскія и 3. о «старшихъ богатыряхъ». Южно-русскія былины сосредоточены вокругъ личности великаго князя кіевскаго Владиміра и его богатырей, изъ которыхъ самые извѣстные трое: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ.

Князь Владиміръ.

Самъ князь Владиміръ обрисованъ въ былинахъ двойственно: въ однѣхъ онъ именуется «ласковымъ княземъ» и «краснымъ солнышкомъ», представленъ съ чертами широкаго гостепріимства, благодушія и спокойной веселости; въ другихъ, напротивъ, выставлены его несправедливость, трусость, коварство. Интересно то, что нигдѣ въ былинахъ не упоминается о главномъ историческомъ дѣлѣ Владиміра—введеніи на Руси христіанской вѣры. Эта двойственность характеристики князя Владиміра можетъ быть объяснена всего вѣрнѣе тѣмъ, что она соотвѣтствовала дѣйствительно установившемуся

о немъ двойному мнѣнію въ народѣ: не всѣ сочувствовали его христіанству во вторую половину жизни и, наоборотъ, охотнѣе вспоминали его языческія увлеченія; кромѣ того, иныя черты Владиміра, явившіяся результатомъ цѣлаго многовѣковаго ряда наслоеній въ былинахъ, просто нужны были для обрисовки поступковъ и качествъ богатырей, которые играютъ въ былинахъ главную роль, а Владиміръ съ его княгиней Апраксіей и цѣлымъ придворнымъ штатомъ является какъ бы фономъ, на которомъ изображаются подвиги этихъ дѣйствительныхъ любимцевъ народной эпической фантазіи: поэтому, вовсе нѣтъ былинъ, спеціально посвященныхъ князю Владиміру.

Илья Муромецъ.

Илья Муромецъ—безспорно любимѣйшій герой русскаго богатырскаго эпоса, самый популярный изъ русскихъ богатырей. Ему посвящено самое большое количество былинъ, въ которыхъ подробно разсказана его жизнь, полная подвиговъ, и въ самыхъ сочувственныхъ чертахъ охарактеризована его личность.

Илья, для котораго былины не скупятся на самыя нѣжныя названія («Илюшенька», «Илеюшка», «старый казакъ», «свѣтъ Ивановичъ»), сынъ крестьянина изъ села Карачарова, близъ Мурома, выходитъ на свои подвиги послѣ тридцатилѣтняго сидѣнья дома, по вызову какихъ-то «каликъ перехожихъ», благочестивыхъ старцевъ, таящихъ въ себѣ божественную силу; при выходѣ на подвиги онъ проситъ у отца благословенія, и тотъ говоритъ сыну:

Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.

(П. Кирѣевскій)

И этому завѣту отца Илья остается вѣренъ всю жизнь; онъ выражаетъ желаніе «заложиться за князя Владиміра» и «постоять за вѣру христіанскую». Дѣйствительно, вся дальнѣйшая жизнь Ильи, которую нѣкоторыя былины считаютъ въ 350 лѣтъ, посвящена службѣ своей землѣ—въ охранѣ ея то отъ разбойниковъ, то отъ татаръ, то отъ невиданныхъ чудовищъ, вродѣ Идолища Поганаго, въ защитѣ слабыхъ и невинныхъ во имя правды и чести. Онъ какъ бы олицетвореніе той коренной земской силы, которая защищаетъ Русь отъ степныхъ хищниковъ и вмѣстѣ содѣйствуетъ ея внутреннему распорядку на основѣ разума и справедливости. Въ трудныхъ случаяхъ князь Владиміръ прибѣгаетъ къ его со- у, и Илья всегда готовъ услужить, но хорошо знаетъ себѣ цѣну и съ княземъ Владиміромъ держитъ себя независимо: когда нужно, онъ идетъ по просьбѣ князя и къ литовскому королю, и въ шведскую землю, и къ татарамъ, но, видя къ себѣ хотя

тѣнь пренебреженія или недовѣрія, онъ грозитъ Владиміру собрать на него «голь кабацкую» или просто покинуть его, и тотъ смиряется, потому что безъ Ильи ему обойтись нельзя. Илья непомѣрно силенъ, смѣлъ, ловокъ и удачливъ; смерть ему «на бою не написана», да и вообще судьба противъ него безсильна; эта послѣдняя черта особенно замѣчательна, отличая Илью не только отъ другихъ русскихъ богатырей, но и отъ героевъ чужеземнаго эпоса. Илья умѣренъ въ пищѣ и питьѣ, благочестивъ, не честолюбивъ и не корыстолюбивъ; онъ великодушенъ и постоянно исполненъ сознанія своего долга—служить родинѣ, стоять на «заставѣ богатырской», гдѣ иногда, несмотря на его старость, ему «некѣмъ замѣнитися»; онъ добръ и не злопамятливъ; другіе богатыри не только уважаютъ его какъ своего «старѣйшину» и «атамана», но и любятъ, довѣряя его охранѣ своихъ женъ и матерей; Илья и сердцемъ отзывчивъ, и умомъ справедливъ. Словомъ, въ Ильѣ Муромцѣ изображенъ какъ бы народный идеалъ старой эпохи, по представленію цѣлаго ряда поколѣній, участвовавшихъ въ сложеніи былинъ объ этомъ богатырѣ-героѣ. И смерть его тоже необыкновенная: «невидимая сила ангельская» уноситъ его въ кіевскія пещеры, гдѣ онъ и умираетъ; народная фантазія помѣщаетъ въ этомъ святомъ мѣстѣ даже мощи Ильи—черта, свидѣтельствующая, между прочимъ, о сильномъ участіи христіанскаго настроенія въ созданіи нашего героическаго эпоса; между тѣмъ, по былинѣ «Какъ перевелись витязи на Святой Руси», Илья, послѣ побѣды подъ татарами, уступаетъ какой-то «нездѣшней силѣ», бѣжитъ въ «темныя пещеры» и тамъ окаменѣваетъ вмѣстѣ съ другими богатырями. Конечно, основа этихъ варьянтовъ одна и та же: Илью превозмогаетъ только высшая, нечеловѣческая сила. Однимъ словомъ, жизнь Ильи, какъ она изображена въ эпосѣ, вполнѣ оправдываетъ общее заключеніе о немъ былины:

Какъ одно то на небѣ красно солнышко,
А одинъ то на Руси да Илья Муромецъ.

(А. Гильфердингъ)

Изъ отдѣльныхъ подвиговъ Ильи наиболѣе яркое и цѣльное изображеніе получили въ былинахъ: встрѣча его съ Соловьемъ-разбойникомъ, побѣда надъ Калиномъ-царемъ, побѣда надъ Идолищемъ; для обрисовки его характера особенно цѣнны былины «Три поѣздки Ильи Муромца», «Илья Муромецъ въ ссорѣ съ Владиміромъ».

Добрыня Никитичъ. Добрыня Никитичъ—богатырь уже другого склада. По происхожденію, онъ—сынъ богатаго рязанскаго «гостя», т. е. купца; по другимъ былинамъ, онъ рода

«княженецкаго» и даже племянникъ самого князя Владиміра. Онъ получилъ хорошее воспитаніе, и главная особенность его — «вѣжество», «учливость», умѣнье обращаться съ людьми: онъ знаетъ, какъ «съ богатыремъ съѣхаться», какъ ему «честь отдать»; въ дѣтствѣ его научили многому—и плавать, и бороться, и изъ лука стрѣлять, пѣть и на гусляхъ играть; кромѣ того, онъ умѣетъ «оборачиваться», т. е. путемъ колдовства принимать другой видъ. Добрыня—названый братъ Ильи Муромца и тоже служитъ князю Владиміру. На богатырской «заставѣ» онъ—«подъ-ата́манье», ближайшій помощникъ и замѣститель Ильи. Добрынѣ принадлежитъ немало подвиговъ: онъ ѣздилъ съ успѣхомъ въ «Орды немирныя», вырубилъ «Чудь бѣлоглазую», былъ подъ Царьградомъ; но самымъ извѣстнымъ дѣломъ его былъ бой съ Змѣемъ Горынычемъ, котораго онъ убиваетъ и освобождаетъ при этомъ то свою тетку, сестру князя Владиміра, Марью Дивовну, то племянницу князя Запаву (Забаву) Путятишну. Онъ исполняетъ и другія порученія князя Владиміра: ѣздитъ въ чужую землю оцѣнивать имущество Дюка Степановича; ищетъ, вмѣстѣ съ богатыремъ Дунаемъ и Алешей Поповичемъ, холостому еще князю невѣсту, дочь «Литовскаго короля» Апраксію. Добрыня горячо любитъ мать и жену. Когда ему пришлось уѣхать въ «чистое поле» на долгое время (по разнымъ былиннымъ версіямъ—отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ), то жена его Настасья Никулишна ждала его даже вдвое долѣе противъ положеннаго Добрыней срока и, наконецъ, согласилась выйти за Алешу Поповича; но Добрыня во-время является на свадьбу своей жены, въ видѣ скомороха, играетъ на гусляхъ и женѣ даетъ знать о себѣ опусканіемъ на дно выпитой чары своего обручальнаго кольца; въ концѣ этой необыкновенно поэтической былины, пристыженъ былъ не только Алеша Поповичъ (Добрыня «за желты кудри» потаскалъ его, а потомъ выпустилъ), но и самъ князь Владиміръ со своей княгинею, которые играли роль сватовъ на этой сомнительной и неудачной свадьбѣ.

Натура у Добрыни тонкая и чувствительная; эти черты его сказываются между прочимъ въ томъ, что иногда онъ тяготится своей богатырской участью; онъ говоритъ однажды своей матушкѣ, при отъѣздѣ въ путь:

Ахъ ты ей, государыня родна матушка!
Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
Спородила бы, государыня родна матушка,
Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,

Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
Спустила бы меня во сине море:
Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
Не пролилъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ Добрыня отцовъ-матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыихъ женъ,
Не пускалъ сиротать малыихъ дѣтушекъ.

Мать на это отвѣчала ему:

Я бы рада тебя, дитетко, спородити
Таланомъ-участью въ Илью Муромца,
Силой въ Святогора богатыря,
Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,
Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,
Я походкою бы тебя щепливою
Во того Чурилу во Пленковича,
Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича.
Сколько тыя стать и есть, а другихъ Богъ не далъ,
Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.

(П. Кирѣевскій)

Однако, въ противоположность Ильѣ, Добрыня не лишенъ народной фантазіей и нѣкоторыхъ отрицательныхъ особенностей: онъ не прочь похвастаться; иногда не рѣшается выйти на бой съ богатыремъ и даже съ женщиной—«поляницею»; въ угоду князю Владиміру, онъ идетъ противъ своего названнаго брата Данилы Денисьевича. Смерть его представлена въ былинахъ различно: то онъ тонетъ въ рѣкѣ Смородинѣ, то убитъ татариномъ въ битвѣ на Сафатъ-рѣкѣ, то, наконецъ, окаменѣваетъ вмѣстѣ съ другими богатырями въ «темныхъ пещерахъ».

Алеша Поповичъ. Разнообразными чертами надѣленъ также третій изъ богатырей кіевскаго цикла, Алеша Поповичъ. Въ отличіе отъ Ильи и Добрыни, Алеша—сынъ «стараго попа соборнаго» изъ Ростова; у него «глаза завидущіе», «руки загребущія», любитъ «поѣсть и попить», въ борьбѣ смѣлъ, а еще болѣе заносчивъ и нетерпѣливъ, хитеръ и увертливъ, «бороться гораздъ», спѣсивъ и тщеславенъ, склоненъ къ обману и «воровству», умѣетъ говорить по-татарски. Онъ бьется на «заставѣ богатырской» вмѣстѣ съ другими богатырями и состоитъ среди нихъ даже «есауломъ». Алеша пользуется, по своему происхожденію, большимъ почетомъ со стороны князя Владиміра, который даетъ ему на пиру «большое мѣсто» въ переднемъ углу; въ свою очередь, онъ участвуетъ въ поѣздкѣ богатыря Дуная и Добрыни для до-

ванія князю невѣсты. Женскія дѣла особенно близки Алешѣ: кромѣ неудачной и постыдной женитьбы на женѣ Добрыниной, онъ вообще «охочъ» на чужихъ женъ и дѣвицъ, «бабій пересмѣшникъ», погубившій дѣвицу Настасью Збродовичну своимъ хвастовствомъ объ отношеніяхъ къ ней и тѣмъ подведя ее подъ месть ея братьевъ; онъ содѣйствуетъ любовнымъ похожденіямъ княгини Апраксіи и ради этого унижается даже до мошенничества. Главный богатырскій подвигъ Алеши—двукратный бой съ Тугариномъ Змѣевичемъ, близъ Сафатъ-рѣки: Алеша убиваетъ Тугарина и тѣмъ открываетъ себѣ путь къ службѣ у князя Владиміра. Умираетъ Алеша, подобно Добрынѣ и одновременно съ нимъ, въ «темныхъ пещерахъ», согласно былинѣ «Какъ перевелись витязи на Святой Руси» (ср. ниже § 11).

Изъ богатырей южно-русскаго цикла былины знаютъ еще Михаила Потока, Дюка Степановича, Чурилу Пленковича, Хотѣна Блудовича, Ставра, Дуная (или Дона) Ивановича и др., но ихъ жизнь наполнена главнымъ образомъ личными приключеніями, нерѣдко романическими, и мало связанными со службой родной землѣ на «заставѣ богатырской», гдѣ они появляются среди болѣе извѣстныхъ богатырей лишь въ незамѣтной роли. Иные изъ нихъ, правда, ревностно служатъ князю Владиміру, но лишь по личнымъ дѣламъ его, по сватовству за Апраксію-королевичну, въ чемъ, какъ упомянуто, принимали участіе также Добрыня и Алеша.

Былины новгородскаго цикла. § 9. Совсѣмъ другой характеръ, сравнительно съ южно-русскими богатырями, представляютъ богатыри новгородскаго цикла, Садко и Василій Буслаевъ; самое названіе «богатырей» въ южно-русскомъ смыслѣ къ нимъ непримѣнимо: у нихъ нѣтъ никакой общей идейной цѣли, никакой «службы»; это просто необыкновенные люди, изъ которыхъ одинъ прославился своей личной судьбой, а другой—физической силой, употребленной на буйство и молодечество.

Садко. Садко—богатый купецъ новгородскій. Сначала у него ничего не было, кромѣ умѣнья играть на гусляхъ «яровчатыхъ»; своей «нѣжной игрой» доставлялъ онъ слушателямъ «утѣхи великія». Однажды цѣлыхъ три дня его никуда не звали, и съ горя ходилъ онъ на Ильмень, играя тамъ на берегу съ такимъ искусствомъ, что отъ его игры три раза «вода всколыбалася», и вышелъ изъ нея самъ Царь Морской; онъ научилъ Садко «побиться объ закладъ», т. е. держать пари съ новгородцами о томъ, что въ

Ильмень-озерѣ есть рыба съ золотыми перьями; закладъ Садко выигралъ и сдѣлался богатымъ. Тогда Садко выстроилъ себѣ въ Новгородѣ чудесный домъ:

Въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по небесному:
На небѣ солнце—и въ палатахъ солнце,
На небѣ мѣсяцъ—и въ палатахъ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — и въ палатахъ звѣзды.
(П. Рыбниковъ)

Въ этомъ домѣ созвалъ онъ гостей, «славныхъ купцовъ», «мужиковъ новгородскихъ» и «настоятелей», передъ которыми похвастался, что выкупитъ всѣ товары новгородскіе; однако это ему не удалось, и пришлось сознаться:

Побогаче меня славный Новгородъ.

Но на этомъ Садко не успокоился. Онъ снарядилъ тридцать кораблей, нагрузилъ на нихъ товары новгородскіе, посадилъ «дружинушку хоробрую» и поѣхалъ въ «синее море», т. е. Балтійское; здѣсь онъ продалъ свои товары, нажилъ большіе барыши и хотѣлъ было вернуться домой, но на морѣ застала его сильная буря. Царь Морской требовалъ себѣ дани—и не серебра или золота, а «живой головы»; бросили жребій, кого спустить въ море, и какъ ни мѣнялъ Садко условія этой жеребьевки, всегда выпадало имя самого Садко. Спустился онъ на дно морское, взявъ съ собою свои гусли и икону Николая Чудотворца: этотъ угодникъ спасъ, въ концѣ концовъ, Садко изъ морской пучины и избавилъ его отъ неосторожной женитьбы тамъ на «дѣвкѣ-чернавкѣ»; за это Садко построилъ потомъ въ Новгородѣ церковь во имя «Миколы Можайскаго». Въ былинахъ о Садкѣ картинно изображена главная особенность новгородской жизни—богатая торговля, развивавшаяся благодаря общенію съ чужими землями, прекраснымъ воднымъ путямъ и близости моря; удачно отмѣчена и характерная черта того быта—быстрое случайное обогащеніе и благочестивая благодарность въ видѣ построенія церкви, которыми такъ богатъ былъ старый Новгородъ.

Василій Буслаевъ. Другая сторона новгородской жизни—политическая «вольность»—нашла себѣ выраженіе въ былинахъ о Василіи Буслаевѣ (Буслаевичѣ). Роду онъ дворянскаго; былъ самымъ любимымъ сыномъ у матери; умѣлъ читать, писать и научился «пѣтью церковному». Послѣ смерти отца досталось ему большое богатство; во дворѣ у него были «терема златоверхіе», а природа надѣлила его огромной силой. Но силу свою Буслаевъ

не умѣлъ хорошо направить, отличаясь характеромъ буйнымъ и заносчивымъ: онъ «не вѣровалъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣровалъ въ свой червленый вязъ», т. е. въ дубину, которая и была его любимымъ оружіемъ; она представляется въ разныхъ былинахъ то въ видѣ «палицы желѣзной», то «шалыги въ 90 пудъ», то «телѣжной оси желѣзной», а иногда дрался онъ и «языкомъ колокольнымъ». Драка, безъ всякой цѣли, была его главной страстью; онъ набираетъ себѣ подходящую «дружину» и бьется со своими же «мужиками новгородскими» на любимомъ мѣстѣ подобныхъ сходбищъ—мосту черезъ Волховъ. Изъ этой безумной драки, въ которой Василій убиваетъ даже своего крестнаго отца, вышедшаго въ роли умиротворителя, могла вывести его только родная мать, Мамелфа Тимофеевна, слову которой онъ подчинился и которая заперла его въ «погреба глубокіе»; но оттуда вывела его на новую драку, по просьбѣ его дружины, другая женщина—«дѣвушка чернавушка», служанка Васильевой матери, обладательница большой физической силы: она отбивается коромысломъ отъ цѣлой толпы новгородцевъ, враговъ Буслаева. Однако такая жизнь надоѣла Василію Буслаеву и онъ рѣшаетъ отправиться въ Іерусалимъ, чтобы замолить свои грѣхи; тутъ Василія и постигла судьба, опредѣленная его неистовому нраву. Онъ встрѣчаетъ на дорогѣ, «мертвую голову», которую непочтительно толкаетъ ногой, а потомъ, несмотря на предостереженіе, купается голымъ въ «Ердань-рѣкѣ;» наконецъ, на «Сіонъ-горѣ» находитъ «горючъ камень», черезъ который начинаетъ скакать вмѣстѣ со своей дружиной:

Дружина скачетъ передомъ,
А онъ, Василій сынъ Буславьевичъ,
Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ-горючъ камень,
И упалъ черезъ бѣлъ-горючъ камень,
И раскололъ буйную головушку,
И остался лежать вѣкъ по вѣку.

(П. Рыбниковъ)

Такъ безславно оканчиваетъ свою жизнь этотъ новгородскій своевольникъ, у котораго съ настоящими богатырями кіевскаго цикла нѣтъ ничего общаго, кромѣ физической силы, да и она нарисована въ сравнительно умѣренныхъ предѣлахъ примѣненія: такимъ образомъ, помѣщеніе его въ нѣкоторыхъ былинахъ въ общество богатыря Дуная, при добываніи невѣсты князю Владиміру, является лишь простымъ недоразумѣніемъ, какъ результатъ забвенія пѣвцами основныхъ чертъ богатырства южно-русскаго.

Былины о «старшихъ богатыряхъ». § **10.** Группа «старшихъ богатырей» состоитъ изъ трехъ лицъ—Святогора, Вольги и Микулы. Въ былинахъ «старшимъ» богатыремъ именуется собственно лишь Святогоръ, и названіе это принадлежитъ упомянутымъ богатырямъ условно; по своему литературному происхожденію эти созданія народной фантазіи несомнѣнно моложе богатырей южно-русскаго и новгородскаго цикловъ, возникши подъ вліяніемъ главнымъ образомъ книжныхъ источниковъ.

Святогоръ. Святогоръ—это «чудный» богатырь, обладатель непомѣрной силы; его «мать сыра-земля не носитъ», и потому на Русь ему ѣздить «не приказано». Подвиговъ никакихъ онъ не совершаетъ, а просто живетъ на «Святыхъ Горахъ» (отсюда его названіе), и къ нему ѣздятъ другіе богатыри. Поѣхалъ посмотрѣть Святогора и Илья Муромецъ, но встрѣча эта оказалась для Святогора роковой: разъѣзжая по Святымъ Горамъ, оба богатыря нашли необыкновенной величины гробъ; Святогоръ предложилъ сначала Ильѣ помѣрить этотъ гробъ на себя и лечь въ него, но гробъ оказался для него слишкомъ великъ; тогда легъ туда Святогоръ, и гробъ пришелся ему впору; однако вылѣзти изъ гроба онъ уже не могъ, поднять его оттуда у Ильи не хватило силы, и, по просьбѣ Святогора, Илья ударилъ по гробу палицей, чтобы его разломать; отъ ударовъ Ильи по гробу на немъ выростаютъ желѣзные обручи, и такъ пришлось Святогору, уступая судьбѣ, на этотъ разъ проститься съ жизнью. По нѣкоторымъ былинамъ конецъ этой встрѣчи двухъ богатырей, передается еще такъ, что Святогоръ отдаетъ Ильѣ часть своей силы: Илья дважды лижетъ его потъ, а потомъ хоронитъ Святогора и ставитъ на его могилѣ «чуденъ крестъ».

Вольга. Встрѣча Святогора съ Ильей Муромцемъ есть уже нѣкоторая попытка былинной фантазіи привязать этого богатыря къ исторической обстановкѣ, поскольку самъ Илья представляется лицомъ историческимъ. Ближе къ исторической обстановкѣ южно-русскаго богатырскаго круга поставленъ другой изъ старшихъ богатырей—Вольга́ Святославовичъ (Волхъ Всеславьевичъ). Онъ представляется племянникомъ князя Владиміра, который жалуетъ его «тремя городами со крестьянами». Про Вольгу разсказывается, что съ дѣтства—

Похотѣлось Вольгѣ много мудрости,
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ.

(П. Рыбниковъ)

И дѣйствительно, онъ одаренъ былъ чародѣйными силами. Съ жаждой необыкновенныхъ приключеній, Вольга, подобно Василію Буслаеву (въ нѣкоторыхъ былинахъ онъ и называется— Вольга Буслаевичъ), набираетъ себѣ «дружинушку хоробрую, тридцать молодцовъ безъ единаго», и совершаетъ съ ней поѣздки— то за данью въ пожалованныхъ городахъ, то на охоту, то даже въ Индійское царство, при взятіи котораго онъ, силою колдовства, обращаетъ своихъ дружинниковъ въ муравьевъ и такимъ образомъ беретъ высокія и неприступныя стѣны.

Микула Селяниновичъ. Въ былинѣ, описывающей одинъ изъ такихъ походовъ Вольги, изображенъ и третій богатырь «старшей» группы — Микула Селяниновичъ. Встрѣча эта описана такимъ образомъ: Вольга—

Выѣхалъ въ раздольице чистó поле:
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ рáтая[1]);
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омешики [2]) по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
. . . .
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до пáбѣдья[3]),
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другого не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія то всѣ каменья въ борозду валитъ:
Кобылка у ратая соловая[4]),
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говоритъ Вольга таковы слова:
«Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьяновати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!»

(П. Рыбниковъ)

Въ соотвѣтствіи съ тѣми безграничными пространствами, которыя пашетъ Микула, находится и его сошка: отправившись, по

---

[1]) Пахарь.
[2]) Рало, желѣзная часть у сохи.
[3]) Первая ѣда, бывающая до обѣда.
[4]) Т. е. желтоватая, съ свѣтлымъ хвостомъ и гривой.

просьбѣ Вольги, вмѣстѣ съ нимъ «въ товарищахъ», онъ вспомнилъ по дорогѣ, что забылъ «сошку въ бороздочкѣ» и не убралъ ее «за ракитовъ кустъ»; для исполненія этого простого дѣла, Вольга посылаетъ изъ своей дружины сначала пять «молодцовъ могучихъ», а въ концѣ концовъ и всю дружину, но ей не подъ силу поднять Микулову сошку, и пришлось пойти къ ней самому хозяину; въ такомъ же родѣ была и «кобылка» Микулы. Когда, при прощаньи, Вольга спросилъ имя этого богатыря-оратая, тотъ отвѣтилъ:

Ай же ты, Вольга Святославовичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!»
(П. Рыбниковъ)

Необыкновенная сила Микулы, которой онъ владѣетъ какъ бы шутя и съ удивительной легкостью, оказывается выше силы даже самого Святогора. По одному былинному разсказу, потерявшему уже стихотворный строй, Святогоръ видитъ въ полѣ странника съ сумочкой въ рукѣ: это былъ Микула. Въ отвѣтъ на вопросъ Святогора, что содержится въ сумкѣ, Микула, положивши сумку на землю, предлагаетъ богатырю поднять ее; но тотъ не только не можетъ поднять сумку, а отъ усилій погрязаетъ по колѣна въ землю и погибаетъ: это была та самая «тяга земная», т. е. зацѣпа за землю, о которой, по другимъ былинамъ, говорилъ Святогоръ Ильѣ Муромцу, какъ о крайней мѣрѣ для своей силы: если бы въ землю врыть столбъ, да къ этому столбу прикрѣпить кольцо, то онъ могъ бы «поворотить всю землю подвселенную». Какъ видно, Микула оказался еще сильнѣе; на созданіи этого чисто стихійнаго образа мужика-пахаря сказалось необыкновенное уваженіе къ земледѣльческому труду; по своей силѣ, оцѣненной въ былинахъ, впрочемъ, болѣе качественно, чѣмъ количественно, этотъ богатырь-оратай оставляетъ за собою всѣхъ созданныхъ народной фантазіей героевъ былиннаго эпоса.

Былина о концѣ богатырства на Руси.

§ **11.** Въ разсказанныхъ былинахъ, какъ видно, сообщены свѣдѣнія главнымъ образомъ о подвигахъ и приключеніяхъ богатырей, отчасти объ ихъ рожденіи, воспитаніи и кончинѣ. Но для народной фантазіи, представлявшей себѣ героевъ нашего богатырскаго

эпоса какъ живыхъ людей, какъ реальную дѣйствительность стараго времени, а затѣмъ убѣдившейся въ томъ, что богатырей уже нѣтъ, сталъ вопросъ о томъ, куда же они дѣлись? На этотъ вопросъ и пытается отвѣтить былина «Какъ перевелись витязи на Святой Руси».

Въ ней разсказывается слѣдующее. На Сафатъ-рѣку, какъ бы границу русскихъ владѣній съ чужеземными, выѣхало однажды «семь удалыхъ русскихъ витязей, семь могучихъ братьевъ названныхъ»: тутъ были и Илья, и Добрыня, и Алеша, и Василій Буслаевичъ, и другіе, которыхъ разныя версіи былины называютъ различно. Стали они на распутьи трехъ дорогъ, изъ которыхъ одна шла къ Кіеву, другая—къ Новгороду, а третья къ «синему морю»:

Разбивали бѣлъ-полотнянъ шатеръ,
Отпускали коней погулять по чисту полю;
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
Золотой уздечкой побрякиваютъ,
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держатъ.

Раньше всѣхъ всталъ на другое утро Добрыня и увидѣлъ, что на другой сторонѣ Сафатъ-рѣки стоитъ шатеръ, а въ немъ залегъ «татарченокъ, злой татаринъ, бусурманченокъ»; пришлось выйти Добрынѣ на борьбу съ врагомъ, и врагъ одолѣлъ его:

Поролъ ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.

Потомъ сразился съ «татарченкомъ» Алеша Поповичъ, побѣдилъ врага, хотѣлъ уже, въ свою очередь, «пороть ему груди бѣлыя», но его остановилъ черный воронъ, доставившій Алешѣ за жизнь татарина «живую и мертвую» воду, воскресившую Добрыню. Далѣе, вышелъ изъ шатра Илья Муромецъ, а навстрѣчу ему—

Видитъ онъ черезъ Сафатъ-рѣку
Переправляется сила басурманская:
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облѐтѣти.

Завязалась между русскими богатырями и этой силой татарской жестокая битва; русскіе витязи одолѣли было враговъ, но Алеша Поповичъ сталъ «похвалятися»:

Подавай намъ силу нездѣшнюю—
Мы и съ тою силою, витязи, справимся!

Эта похвальба была роковою: чѣмъ больше богатыри рубили враговъ, тѣмъ многочисленнѣе тѣ становились. Наконецъ—

Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися ихъ кони добрые,
Притупились мечи ихъ булатные;
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.

Тогда витязи обратились въ бѣгство—«въ каменныя горы, въ темныя пещеры», гдѣ одинъ за другимъ и окаменѣли:

Съ тѣхъ поръ-то и перевелись витязи на Святой Руси.
(П. Кирѣевскій)

Впрочемъ, въ другой былинѣ, описывающей подвиги богатырей, во главѣ съ Ильей Муромцемъ, сказано, что богатыри, послѣ сраженія съ Мамаевой ратью, идутъ «въ крашенъ Кіевъ-градъ, во тѣ во честны монастыри, во тѣ же пещеры во кіевски», гдѣ всѣ они «преставляются», т. е. умираютъ мирной кончиной: этимъ разсказомъ придается исчезновенію богатырской силы на Руси, въ духѣ стародавняго обычая, благочестиво-христіанскій характеръ. Самая былина возникла, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ неудачной для русскихъ битвы при Калкѣ, гдѣ, по преданію, погибъ «храбръ» (т. е. богатырь) Александръ Поповичъ (ср. ниже, § 12).

Слѣды историческихъ и литературныхъ вліяній на былины.

§ **12**. Таково содержаніе былинъ. Уже само по себѣ, оно даетъ богатый матеріалъ для сужденія о томъ, какими общими внѣшними условіями окруженъ былъ русскій народъ въ давнюю эпоху своего существованія и какія идеальныя представленія имѣлъ онъ о служеніи родинѣ и государству, о героизмѣ, правдѣ и лжи, чувствѣ долга и многихъ другихъ вопросахъ высшаго порядка. Кромѣ того, такъ какъ былины создавались на извѣстной фактической основѣ и въ теченіе долгихъ вѣковъ своего существованія, переходя путемъ устной передачи отъ одного поколѣнія къ другому, приняли на себя разновременныя, разномѣстныя и многообразныя наслоенія, то нужно остановиться нѣсколько на вопросѣ и объ исторической жизни былинъ, опредѣляющей значеніе ихъ какъ важнѣйшаго отдѣла нашей устной словесности.

Историческая жизнь былинъ выразилась въ длинномъ рядѣ вліяній на нихъ со стороны фактовъ историческихъ и литературныхъ. На первоначальную языческую основу богатырскихъ пѣсенъ легли раньше всего воззрѣнія христіанскія. Богатыри испол-

няютъ внѣшніе христіанскіе обряды и обычаи: молятся, осѣняя себя крестомъ; почитаютъ и защищаютъ церковь; иные изъ нихъ прямо происходятъ изъ «поповскаго» рода (Алеша Поповичъ); строятъ церковь въ память святыхъ (Садко); нѣкоторые подъ конецъ идутъ на поклоненіе святынямъ въ Іерусалимъ (Василій Буслаевичъ) или даже оканчиваютъ свою жизнь въ кіевскихъ пещерахъ. Борьба богатырей съ Идолищемъ Поганымъ или съ Змѣемъ-Горынычемъ—символомъ старой языческой вѣры въ глазахъ христіанина—связана также съ представленіями о конечной побѣдѣ христіанства надъ язычествомъ.

Не менѣе явственно налегли на былины и слѣды событій русской исторіи. Борьба съ печенѣгами, половцами и другими восточными кочевниками въ удѣльный періодъ создала въ былинахъ ту «богатырскую заставу», родъ военнаго сторожевого пункта, на которомъ дежурятъ богатыри, во главѣ съ Ильей Муромцемъ, для отраженія постоянныхъ нападеній; сюда именно должно быть отнесено происхожденіе «Жидовина» и «Тугарина», которые нападаютъ на русскую землю, особенно въ отсутствіе въ Кіевѣ богатырей, подвергаютъ ее разоренію, но затѣмъ обычно несутъ наказаніе и погибаютъ отъ руки кого-нибудь изъ богатырской дружины князя Владиміра. Одновременно съ этимъ, шла на Руси борьба и съ внутреннимъ врагомъ—разбойничествомъ: отзвукомъ гражданскаго неустройства въ этомъ смыслѣ является «Соловей—разбойникъ», побѣдой надъ которымъ Илья Муромецъ освобождаетъ для народнаго пользованія «прямоѣзжую дорогу» между Кіевомъ и Черниговомъ.

Еще яснѣе слѣды татарской эпохи. Былины знаютъ и историческаго Батыя, и Калина-царя, имя котораго сближается съ названіемъ рѣки Калки, гдѣ русскіе понесли отъ татаръ въ XIII в. рѣшительное пораженіе; упоминается даже и «Мамаево побоище». Часто упоминается въ былинахъ «орда» татарская, подъ разными частными наименованіями; къ князю кіевскому являются татарскіе послы, а «злой татарченокъ» является побѣдителемъ самого Добрыни незадолго передъ его роковой, вмѣстѣ съ другими богатырями, кончиной. Эти сообщенія о татарахъ въ былинахъ, сначала имѣвшія характеръ признанія ихъ непобѣдимой силы, потомъ, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ событій XIV и XV вв., замѣняются сознаніемъ торжества надъ ними; но въ былинныхъ текстахъ все это сплетено и перепутано.

Упоминается въ былинахъ «царство московское» и казачество XVI—XVII вв.; самъ Илья Муромецъ именуется «старымъ

казакомъ» и «атаманомъ», а Алеша Поповичъ состоитъ «есауломъ» богатырскаго круга; въ содержаніе былинъ вводится самъ Ермакъ Тимофеевичъ въ качествѣ племянника или крестника князя Владиміра и въ роли богатыря, разбивающаго, вмѣстѣ съ Ильей, татарское войско царя Калина. Вліяніе на былины южно-русскаго и новгородскаго цикловъ со стороны казачества тѣмъ болѣе понятно, что послѣ паденія пѣсенныхъ традицій въ Новгородѣ въ XV в., онѣ перекочевали въ юго-восточные предѣлы Россіи, къ донскимъ, оренбургскимъ и уральскимъ казакамъ, гдѣ старинные сюжеты кіевскаго и новгородскаго происхожденія окрашивались цвѣтомъ казацкихъ бытовыхъ воззрѣній и недавнихъ историческихъ воспоминаній: самъ Добрыня, въ одной старой былинѣ, прощаясь съ матерью и собираясь въ отъѣздъ, говоритъ:

Поѣду я, добрый молодецъ,
Во чисто поле поляковать, к о з а́ к о в а т ь,
Постою я вѣдь за вѣру христіанскую,
Порублю я вѣдь поганыихъ татаровей.

(А. Гильфердингъ)

Историческіе или литературные слои лежатъ и на личностяхъ отдѣльныхъ богатырей. Трудно опредѣлить историческій прототипъ, т. е. дѣйствительно существовавшую личность, которая дала начало былинному образу Ильи Муромца, хотя отъ конца XVI вѣка и имѣется о немъ письменное свидѣтельство; именно, иностранецъ Эрихъ Лясотта, совершившій въ 1594 году путешествіе по Россіи и бывшій въ Кіевѣ, передаетъ извѣстіе, будто въ одномъ изъ придѣловъ Кіевскаго Софійскаго собора находится гробница этого богатыря: значитъ, имя это тогда было очень извѣстно въ народѣ. Въ наукѣ существуетъ мнѣніе, что на созданіе Ильи Муромца имѣлъ вліяніе упоминаемый въ древне-германской и скандинавской поэзіи «русскій князь Илья». Однако правильнѣе считать былиннаго Илью Муромца результатомъ многихъ историческихъ и бытовыхъ впечатлѣній, переработанныхъ народной фантазіей на основѣ общихъ моральныхъ и художественныхъ идей и понятій: изъ этой сложности созданія проистекаетъ и высокая историческая цѣнность богатырскаго образа Ильи Муромца. Легче поддаются историческому опредѣленію Добрыня и Алеша. Въ Лѣтописи сообщается о Добрынѣ, какъ дядѣ Владиміра, который былъ братомъ его матери Малуши, нѣкогда ключницы княгини Ольги; этотъ Добрыня пользовался въ глазахъ своего племянника большимъ авторитетомъ: онъ сопровождалъ его въ походахъ, давалъ ему разные совѣты и даже ходилъ добывать ему невѣсту, дочь Полоцкаго князя Рогвольда. Въ былинахъ род-

ственныя отношенія Владиміра и Добрыни, какъ упомянуто, представлены наоборотъ: Добрыня является племянникомъ Владиміра. Не мирится былинный Добрыня съ лѣтописнымъ еще и потому, что въ Лѣтописи, подъ 980 годомъ, онъ представленъ насадителемъ язычества: надъ рѣкою Волховымъ въ Новгородѣ онъ поставилъ кумиръ Перуна, которому «людье новгородстіи жряху (т. е. приносили жертвы) аки Богу». Такъ какъ въ былинахъ Добрыня-богатырь ведетъ свое происхожденіе изъ Рязани, то для историческаго его объясненія пріобрѣтаетъ интересъ и другое лѣтописное указаніе—на витязя Добрыню-рязанца, по прозванію «Золотой поясъ», погибшаго въ битвѣ съ татарами при рѣкѣ Калкѣ. Эти отрывочныя лѣтописныя извѣстія вошли составными частями въ эпическій образъ Добрыни; нравственный же обликъ его созданъ былъ исключительно силою народной фантазіи. Алеша Поповичъ—тоже лицо, отмѣченное Лѣтописью подъ 1223 годомъ: въ битвѣ при Калкѣ «Александръ Поповичъ убіенъ бысть съ инѣми 70 храбрыхъ», т. е. богатырей; такимъ образомъ, уменьшительное «Алеша» надо производить не отъ Алексѣя, а отъ Александра, и только позднѣе въ былинахъ, когда связь этого богатыря со своимъ историческимъ прототипомъ утратилась, ему усвоено было созвучное, но чуждое имя.

Для новгородскихъ былинъ о Садкѣ и о Василіи Буслаевѣ едва ли слѣдуетъ искать личныхъ историческихъ пріуроченій въ письменныхъ памятникахъ; въ былинѣ о Садкѣ скорѣе надо видѣть слѣды литературныхъ заимствованій изъ чужеземныхъ западныхъ источниковъ, гдѣ имѣется много разсказовъ о приключеніяхъ въ подводномъ царствѣ, а остальное , т. е. торговыя удачи Садка, его богатство и построеніе церкви, равно какъ и всѣ несложныя похожденія, описанныя въ былинахъ о Васькѣ Буслаевѣ, вполнѣ объяснимы изъ бытовыхъ и историческихъ особенностей новгородской жизни XIII—XV вв., когда, повидимому, эти былины были впервые сложены. То же самое надо сказать и о былинахъ, воспѣвающихъ «старшихъ богатырей»: образъ Святогора напоминаетъ то кавказскія легенды о живущихъ въ горахъ великанахъ, то библейское сказаніе о Самсонѣ—тѣмъ болѣе, что подъ именемъ Самсона въ нѣкоторыхъ былинныхъ пересказахъ является и Святогоръ; кромѣ того, имѣется и особая былина о «Самсонѣ, богатырѣ святорусскомъ», который, мстя за невѣрность жены, отрѣзавшей ему волосы и ослѣпившей его, разрушаетъ палаты жены и самъ гибнетъ подъ ними. На созданіе образа Вольги Святославича могли повліять съ одной стороны переводныя сказанія объ «Индіи богатой», на которую совершаетъ одинъ

изъ своихъ походовъ русскій богатырь, а съ другой—наличность историческихъ лицъ, прославившихся въ народѣ своею «вѣщею» силой и чародѣйствомъ; это были князь Олегъ и полоцкій князь Всеславъ, «его же роди мати отъ волхованія», какъ говорится о немъ въ Лѣтописи. Наконецъ, что касается Микулы Селяниновича, то онъ опять созданъ, повидимому, исключительно работой народной фантазіи, черпавшей свой матеріалъ изъ бытового и нравственнаго уклада самой русской жизни.

Внѣшніе пріемы былиннаго творчества.

§ **13.** Заслуживаютъ изученія также внѣшніе пріемы былиннаго творчества. Пройдя длинную исторію своего сложенія по содержанію, былины внѣшнюю форму выработали не сразу. Первоначальная форма былинъ намъ такъ же неизвѣстна, какъ и первоначальное ихъ содержаніе. Когда былины сочинялись въ древнѣйшую пору по живымъ слѣдамъ событій или впечатлѣній непосредственными носителями поэтическаго вдохновенія, по преимуществу пѣвцами-дружинниками, то внѣшняя форма этихъ произведеній вполнѣ опредѣлялась ихъ первыми сочинителями и, пущенная въ обращеніе, измѣнялась затѣмъ по обстоятельствамъ; но уже съ очень ранняго времени въ древней Руси, вѣроятно—прежде всего въ Новгородѣ, появились профессіональные исполнители былинъ, извѣстные въ народѣ подъ именемъ «каликъ» и «скомороховъ». Скоморохи и калики были излюбленнымъ украшеніемъ при княжескихъ дворахъ, на боярскихъ пирахъ и въ народныхъ сборищахъ; ихъ любилъ слушать царь Иванъ Грозный; одного такого пѣвца слушалъ и заѣзжій путешественникъ Олеарій, посѣтившій Московское Государство въ первой половинѣ XVII вѣка, а въ началѣ XVIII вѣка извѣстный историкъ В. Н. Татищевъ слышалъ отъ скомороховъ «старинныя пѣсни о князѣ Владимірѣ» и его богатырской свитѣ. Вотъ эти-то спеціальные мастера, иногда сопровождавшіе исполненіе пѣсенъ игрой на струнномъ инструментѣ, и наложили свою печать на внѣшнюю форму былинъ; ихъ дѣятельность создала прочную традицію, которая не осталась чужда послѣдующимъ, уже профессіональнымъ, исполнителямъ этихъ произведеній изъ великорусскаго крестьянства и казачества.

Былина, какъ всякое произведеніе собирательнаго творчества, сохраняемаго устно, заключаетъ въ себѣ т. наз. т и п и ч е с к і я или о б щ і я м ѣ с т а; они уже получили, путемъ продолжительной практики пѣвцовъ, опредѣленную устойчивую форму и изображаютъ обыкновенно какой-нибудь моментъ

богатырской жизни, сцену, картину: таковы—сѣдланіе коня, быстрота богатырской ѣзды, расправа съ врагомъ-татариномъ, хвастовство на пиру и пр.; все это разные богатыри въ различныхъ былинныхъ сюжетахъ совершаютъ болѣе или менѣе одинаково, отчего, конечно, страдаетъ вѣрность художественной правдѣ. Но эти общія мѣста чрезвычайно помогаютъ сказителю пѣть свою былину: повторяя ихъ механически, онъ припоминаетъ въ это время дальнѣйшее содержаніе, пока снова не нападаетъ на такое же типическое мѣсто. Другія части былиннаго текста остаются удѣломъ памяти пѣвца или силы его воображенія. Но и тутъ есть опредѣленные пріемы, сдѣлавшіеся обычными.

Былина, сколько - нибудь выдержанная до конца, имѣетъ въ началѣ «зачинъ», потомъ главную часть, передающую содержаніе , и заключеніе или «исходъ», въ которомъ нерѣдко воздается похвала воспѣтому богатырю или привѣтственное обращеніе къ слушателямъ. Кромѣ того, въ началѣ нѣкоторыхъ былинъ помѣщается еще особый «запѣвъ», родъ прелюдіи, содержаніе которой не имѣетъ прямого отношенія къ слѣдующему затѣмъ разсказу, а является лишь своего рода артистическимъ введеніемъ, выработаннымъ профессіональной практикой; иногда этотъ запѣвъ въ видѣ прибаутки помѣщается не въ началѣ, а въ концѣ былины. Ведя разсказъ, пѣвецъ не торопится идти впередъ: наоборотъ, онъ искусственно замедляетъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, повторяя отдѣльные стихи или цѣлыя группы ихъ, вкладывая однѣ и тѣ же рѣчи въ уста разныхъ лицъ или описывая въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ ихъ дѣйствія, слѣдовавшія одно за другимъ: этотъ пріемъ называется ретардація, или замедленіе.

Для достиженія своей цѣли — усилить впечатлѣніе отъ разсказа, сдѣлать его занимательнѣе и полнѣе—пѣвецъ часто употребляетъ положительныя или отрицательныя сравненія, эпитеты (т. наз. «постоянные»: князь стольно-кіевскій, татары поганые, добрый конь, бѣда неминучая, служба вѣрная, поле чистое, богатыри могучіе, желты кудри, сабля вострая), тавтологическія, или тожественныя по смыслу, выраженія (чернымъ-черно, думу думати, пиръ-пированьице, гость-купецъ, ножище-кинжалище).

Былинные стихотворные размѣры.

Былина, подобно произведеніямъ обрядовой и бытовой народной лирики, есть произведеніе стихотворное; она не просто «сказывается», а поется. Изученіе стихотворнаго размѣра былинъ приводитъ

къ наблюденію, что онъ не представляетъ собою правильнаго чередованія ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ, укладывающихся въ правильныя и однообразныя стопы, какъ это можно видѣть въ произведеніяхъ искусственной поэзіи. Стихъ былины въ общемъ—неправильный и построенъ главнымъ образомъ на періодическомъ повышеніи голоса одинаково въ каждомъ стихѣ; онъ не раздѣляется на строфы и не имѣетъ риѳмы.

Обыкновенный былинный размѣръ, наиболѣе часто встрѣчающійся, есть хорей (—⏑) съ дактилическимъ (—⏑⏑) окончаніемъ, при наличности пяти или шести стопъ, которыя могутъ расширяться до семи или суживаться до четырехъ:

Изъ того ли изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачарова
Выѣзжалъ удаленькой дороднiй добрый молодецъ.
Онъ стоялъ заутреню во Муромли
Ай къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольнёй Кiевъ градъ,
Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу Чернигову.
(*А. Гильфердингъ*)

Рядомъ съ этимъ, т. ск. полнымъ, размѣромъ существуетъ сокращенный, происшедшій вслѣдствіе порчи или невыдержанности перваго; въ немъ хореическія стопы перемѣшаны съ дактилическими:

Владимiръ князь стольно-кiевской
Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьицо
А й на всѣхъ то на князей на бо̂яровъ
Да й на русьскихъ могучихъ богатырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ.
(*А. Гильфердингъ*)

Въ дѣйствительности однако этотъ сокращенный стихъ въ цѣлой былинѣ рѣдко выдерживается, смѣшиваясь съ полнымъ хореическимъ размѣромъ. При томъ и другомъ размѣрѣ, полномъ и сокращенномъ, послѣдняя стопа каждаго стиха—дактилическая.

Наконецъ, имѣется еще и третій размѣръ былинъ, слагающійся изъ анапестовъ (⏑⏑—), но встрѣчается онъ уже въ болѣе или менѣе разрушенномъ видѣ:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ и преставился;
Оставалось отъ него чадо милое,
Молодой Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга онъ ростѣть, матерѣть,
Похотѣлось Вольгѣ-то много мудрости.
(*А. Гильфердингъ*)

Другіе, встрѣчающіеся въ былинныхъ пересказахъ, стихотворные размѣры являются результатомъ сокращеній, измѣненій или просто порчи трехъ названныхъ: ритмическое чутье сказителей направлялось и теперь направляется не на сохраненіе правильности опредѣленныхъ стопъ и ихъ послѣдовательныхъ чередованій, а на какое-то своеобразное ритмическое удареніе въ стихѣ, болѣе или менѣе совпадающее со смысловой важностью тѣхъ или иныхъ словъ и выраженій. Въ этомъ отношеніи стихотворные размѣры былинъ не достаточно изучены, подобно музыкальнымъ напѣвамъ, которые ихъ сопровождаютъ и которые особенно въ послѣднее время стали тщательно записываться при помощи фонографа; много такихъ музыкальныхъ записей далъ въ своемъ сборникѣ «Архангельскихъ былинъ и историческихъ пѣсенъ» А. Д. Григорьевъ.—Нѣкоторыя былины, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, стали забываться; сказители отказываются пѣть ихъ и передаютъ содержаніе ихъ то стихами, то простымъ прозаическимъ разсказомъ, какъ сказку: въ такомъ видѣ былины, потерявшія свой стихотворный размѣръ, называются «побывальщинами».

Историческія пѣсни.

§ 14. Историческими пѣснями, въ собственномъ смыслѣ, называются такія эпическія произведенія, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ событія подлинно историческія, съ опредѣленными именами. Названіе это не совсѣмъ точно, потому что и былинный эпосъ также возникъ на исторической основѣ и только потомъ принялъ въ себя много фантастическаго, которое въ настоящее время трудно отдѣлить отъ дѣйствительно существовавшаго или случившагося. Мы видѣли, что сами богатыри и нѣкоторые ихъ подвиги отводятъ насъ къ лицамъ и событіямъ, отмѣченнымъ лѣтописью (ср. § 12); уже вполнѣ опредѣленно выступаетъ въ былинахъ татарская эпоха.

Изъ татарской эпохи.

Къ эпохѣ татарскаго ига надъ Русью относятся и наиболѣе раннія по своему сюжету пѣсни историческія. Самая замѣчательная изъ нихъ—Пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ. Она разсказываетъ о томъ, какъ татарскій царь Азвякъ Тавруловичъ дѣлитъ между своими подчиненными завоеванныя русскія земли; не надѣлилъ только своего любимаго шурина Щелкана, который въ это время уѣзжалъ «въ Литву» за данью. Тамъ онъ—

Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесятъ,

Съ крестьянъ по пяти рублевъ.
У котораго денегъ нѣтъ—
У того дитя возьметъ,
У котораго дитя нѣтъ—
У того жену возьметъ,
У котораго жены-то нѣтъ
Того самого головой возьметъ.

За такую службу Щелканъ, вернувшись домой, просилъ Азвяка подарить ему «Тверь богатую»; ради этого онъ выполнилъ даже требованіе Азвяка заколоть собственнаго сына и выпить чару его крови. Пріѣхавъ въ Тверь, Щелканъ тамъ «судьею насѣлъ»: началъ—

Вдовы то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися.

Тверичи хотѣли сначала задобрить его подарками; но, принявъ подарки, Щелканъ только «зачванился, загордынился»; тогда они рѣшили съ нимъ расправиться:

Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали,
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалася.
(*К. Даниловъ*)

Пѣсня эта имѣетъ въ виду дѣйствительное историческое событіе, но передаетъ его неточно. Именно, въ 1327 году, при князѣ Александрѣ Михайловичѣ, посолъ хана Узбека Шевкалъ, прибывши въ Тверь, воздвигъ на тверичей «великое гоненіе» «насильствомъ, грабленіемъ и поруганіемъ», по выраженію мѣстной лѣтописи; несмотря на совѣты князя терпѣть, тверичи расправились съ посломъ, убивши его и многихъ находившихся при немъ татаръ; но за это пришлось расплатиться самому тверскому князю: позднѣе (въ 1339 году) онъ принялъ въ Ордѣ мученическую кончину вмѣстѣ со своимъ сыномъ Федоромъ.

Изъ другихъ пѣсенъ о татарахъ съ историческими именами, частію видоизмѣненными или испорченными, можно назвать пѣсни-былины «О Михаилѣ Казариновѣ», «О двухъ королевичахъ изъ Крякова» и «Про князя Романа Митріевича и Марью Юрьевну»: во всѣхъ ихъ разсказываются случаи плѣненія татарами русскихъ женщинъ, которыхъ потомъ случайно находятъ или братъ, или просто «добрый молодецъ», или—какъ въ послѣдней

пѣснѣ—сама плѣнница, съ большими опасностями, но, покровительствуемая силами природы, возвращается подъ родную кровлю. Наконецъ, въ одной пѣснѣ «Про Авдотью женку рязаночку» передается о томъ, какъ татары въ Рязани у одной женщины полонили «три головушки—братца родимаго, мужа вѣнчальнаго, свекра любезнаго»; смѣлая «женка рязаночка» отправилась къ царю Бахмету, въ надеждѣ освободить хоть одного изъ плѣнниковъ; Бахметъ предложилъ ей выбрать одного изъ нихъ, и она выбрала брата, объяснивши это тѣмъ, что если она выйдетъ замужъ, то у нея и мужъ и свекоръ будутъ, а братца любимаго не видать ужъ ей «вѣкъ да и по вѣку». Тронутый этимъ мудрымъ рѣшеніемъ, Бахметъ «расплакался», вспомнивъ нѣкогда случившуюся потерю собственнаго брата, и отдалъ женкѣ-рязаночкѣ не только трехъ близкихъ ей людей, но и много другихъ русскихъ плѣнниковъ.

О Царѣ Иванѣ Грозномъ. Изъ XVI вѣка ярко отразилось въ историческихъ пѣсняхъ время Ивана Грознаго и въ особенности самая личность этого царя. Въ отдѣльныхъ пѣсняхъ изображено и взятіе Казанскаго царства, и осада Пскова, и покореніе Сибири, но наиболѣе замѣчательной является пѣсня «Объ убіеніи царемъ своего сына». Однажды царь Иванъ Васильевичъ «порасхвастался», что онъ вывелъ измѣну изъ Казани, Рязани, Пскова, Новгорода, выведетъ также ее и изъ Москвы. Тогда всталъ царевичъ Иванъ и сказалъ, что не вывести царю измѣны, которая за однимъ столомъ съ царемъ «хлѣба кушаетъ», указывая этимъ на царевича Федора, покровительствующаго опальнымъ отъ отца московскимъ людямъ. Отъ этого сообщенія у царя «царское око помутилося, царское сердце разгорѣлося», и онъ немедленно отдалъ приказъ казнить царевича Федора Ивановича. На это дѣло вызвался Малюта Скуратовъ и повелъ уже царевича въ «чистое поле», но къ осужденному во время подоспѣла помощь со стороны боярина Никиты Романовича, царскаго шурина; онъ отбилъ его у Малюты и укрылъ въ безопасное мѣсто. На другой день, въ воскресенье, бояринъ встрѣчаетъ въ церкви царя и обращаетъ на себя его вниманіе своимъ цвѣтнымъ платьемъ, а еще болѣе привѣтствіемъ:

Здравствуй ты, прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
Со своей да любимой семьей,
А со Мареой-то Романовной,
Да со Феодоромъ Ивановымъ,
Со Иваномъ-то Ивановымъ.

(*А. Гильфердингъ*)

Это привѣтствіе, съ упоминаніемъ царевича Федора, царь принялъ за насмѣшку, но потомъ очень обрадовался, когда бояринъ разсказалъ ему о спасеніи царевича, гнѣвъ на котораго у царя уже прошелъ, и онъ горестно сожалѣлъ о своей вспышкѣ. Въ награду себѣ Никита Романовичъ выпросилъ у царя вотчину, въ которой бы могли находить пріютъ и защиту всѣ преслѣдуемые за разныя совершенныя ими дѣянія.

Эта пѣсня имѣетъ въ виду дѣйствительный фактъ собственноручнаго убійства Иваномъ Грознымъ своего сына, въ пылу гнѣва, по поводу ссоры на почвѣ семейныхъ дѣлъ царевича, при чемъ убитъ былъ не Федоръ, будущій царь, а царевичъ Иванъ Ивановичъ; въ другомъ пересказѣ этой пѣсни убитымъ является сынъ Димитрій. При этихъ фактическихъ ошибкахъ въ именахъ, народная фантазія вѣрно однако же поняла строптивый характеръ Грознаго, быстрый переходъ у него отъ гнѣва къ глубокому раскаянію; правильно очерченъ и образъ Малюты Скуратова, и заступника народнаго боярина Никиты Романовича. Эту же черту въ характерѣ царя Ивана Грознаго, поспѣшную вспыльчивость, отмѣчаетъ и пѣсня о взятіи Казанскаго царства, гдѣ царь отдалъ приказаніе казнить «канонеровъ» за медленную работу пороховыхъ бочекъ подъ осажденнымъ городомъ, видя въ этомъ «измѣну»; но тутъ вступилась за несчастныхъ царица Елена. Пѣсня кончается знаменательнымъ историческимъ наблюденіемъ, указывающимъ на то, какое значеніе придавала народная мысль военнымъ успѣхамъ Грознаго:

И въ то время князь воцарился,
И насѣлъ въ московское царство,
Что тогда де Москва основалася,
Съ тѣхъ поръ и великая слава.
(*К. Даниловъ*)

Изъ Смутнаго времени. Тревожныя событія XVII вѣка также нашли себѣ въ исторической пѣснѣ свое выраженіе.

Прежде всего, замѣчательны своимъ глубокимъ лиризмомъ двѣ пѣсни, записанныя по живымъ слѣдамъ для Ричарда Джемса и вложенныя въ уста несчастной царевны Ксеніи Годуновой. Въ одной она страшится быть насильно постриженной въ монастырь:

Ино мнѣ постритчися не хочетъ,
Чернеческого чину не сдержати:
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцовъ посмотрити.

Ея мысль съ любовью и горестью обращается къ недавней счастливой жизни въ семьѣ:

Ино, охъ милыи наши переходы!
А кому будетъ по васъ да ходити
Послѣ царского нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, милыи наши теремы!
А кому будетъ въ васъ да сидѣти
Послѣ царского нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
(*По изданію П. Симони*)

Наступившее затѣмъ «смутное время» вызвало къ жизни пѣсни о Мининѣ, о Пожарскомъ; особенно замѣчательна пѣсня о Михаилѣ Васильевичѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, патріотическую и умиротворяющую роль котораго высоко цѣнитъ народная мысль и поэтично оплакиваетъ его кончину: согласно съ дѣйствительностью, онъ представленъ отравленнымъ на пиру князя Воротынскаго, при чемъ чашу съ ядомъ подноситъ ему кума его, дочь Малюты Скуратова. Бояре не любили Скопина-Шуйскаго, завидовали его популярности въ народѣ и насмѣшливо говорили о немъ, по поводу его смерти:

Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся!

Съ другой стороны, сложены пѣсни и о самозванцахъ, особенно о Лжедимитріи I, у котораго отмѣчено въ особенности его неблагочестіе, неуваженіе къ обычаямъ старины и женитьба на иностранкѣ-католичкѣ:

Они свадьбу играли во Филипповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день.
Дошло-то это время до великого дня,
До великого дня, до Христова дня.
У того ли у Ивана Великаго
Ударили въ большій во колоколъ:
Всѣ князи-бояра къ обѣдни пошли,
Которы ко Христосьской заутрени,—
Воръ Гришка Разстрижка во мыльну пошелъ
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной;
Всѣ князи-бояра Богу молятся,—
Воръ Гришка Разстрижка въ мыльнѣ моется
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной;
Всѣ князи-бояра отъ обѣдни пошли,—
Воръ Гришка Разстрижка съ мыльны идетъ
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
(*П. Рыбниковъ*)

О Петрѣ Великомъ.

Изъ эпохи Петра Великаго имѣется очень много пѣсенъ, въ которыхъ изображены почти всѣ главнѣйшія событія личной, семейной и военно-походной жизни Петра; но общественно-преобразовательная дѣятельность царя оставлена почти безъ вниманія народной фантазіей. Изображены рожденіе, первые годы жизни Петра, борьба со стрѣльцами, походы на Азовъ, война со Швеціей во многихъ ея моментахъ и, наконецъ, смерть императора.

При рожденіи будущаго великаго царя—

Всѣ то русскіе какъ плотники-мастеры
Во всю ноченьку не спали,
Колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу.
А и нянюшки-мамушки,
Сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали,
Шириночку вышивали
По бѣлому рытому бархату
Они краснымъ золотомъ.
А и тюрьмы съ покаянными[1])
Они всѣ распущалися,
А и погребы царскіе
Они всѣ растворялися.
У царя благовѣрнаго
Еще пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися,
Бояри съѣзжалися.
И дворяне сходилися.

(*П. Кирѣевскій*)

Въ пѣснѣ о смерти царя государыня «сама вопитъ» надъ его изголовьемъ:

«Ой ты гой еси, мой милъ-сердечный другъ,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
На кого ты свое царство приказываешь,
На кого ты свое государство отказываешь?»
Не золота трубонька вострубила,
Не серебряная сиповочка возыграла,
Анъ возговоритъ нашъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ:
«Сенатъ судить князьямъ-бóярамъ,
Всѣмъ старшимъ фельдмаршаламъ;
Каменная Москва тебѣ, моя государыня,
Каменная Москва и Россія вся!»

(*П. Кирѣевскій*)

[1]) Несчастными, кающимися или готовыми покаяться.

Подобно существующимъ похороннымъ плачамъ обрядово бытового характера, народной фантазіей созданы и особые «плачи» по Петрѣ Великомъ государыни, войска. Въ плачѣ войска «молодой сержантъ»—

Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ—что рѣка льется,
Ужъ и слезы льетъ—что ручьи текутъ,
Воздыхаетъ онъ—словно лѣсъ шумитъ,
Возрыдаетъ онъ—ровно громъ гремитъ.
Возрыдаючи, онъ возговорилъ:
«Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные,
Разнесите съ небесъ снѣжки бѣлые,
Растолкните, вѣтры, бѣлъ-горючъ камень,
Расшатайте-ка мать сыру землю
Вы на всѣ на четыре стороны,
Расколите, вѣтры, гробову доску,
Разверните вы золоту парчу,
Распахните вы бѣлъ тонкой саванъ!
Ужъ ты встань-проснись, православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
Подыми ты свою головушку,
Посмотри на свою силушку».

(*П. Кирѣевскій*)

Въ пѣсняхъ нашли себѣ изображеніе доступность и простота Петра I (пѣсня «о борьбѣ съ драгуномъ»), а съ другой стороны—постриженіе имъ первой супруги Евдокіи Лопухиной и расправа съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Пѣсня о Полтавской побѣдѣ заканчивается слѣдующими стихами:

Подымалась Полтавска баталья,
Запалитъ шведская сила
Изъ большаго снаряда—изъ пушки,
Запалитъ московская сила
Изъ мелкаго ружья—изъ мушкета.
Не крупенъ чеснокъ разсыпался:
Смѣшалася шведская сила.
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

(*П. Кирѣевскій*)

Южно-русскія думы.

§ 15. Южно-русскія думы—это историческія пѣсни, возникшія въ средѣ малорусскаго народа; содержаніе ихъ относится преимущественно къ XVI и XVII вв., т. е. времени усиленной дѣятельности южно-русскаго казачества. До этого времени произведеній малорусскаго историческаго эпоса не сохранилось, какъ не сохраняется въ народной памяти малорусскаго народа и слѣдовъ богатырскаго эпоса южно-русскаго цикла, т. е. былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ и пр. (ср. выше, §§ 8—10). Причины этого лежали главнымъ образомъ въ историческихъ судьбахъ Южной Руси, разгромленной въ древнюю пору татарами и растерявшей значительную часть своего исконнаго населенія, которое ушло то на сѣверъ, то на сѣверо-востокъ Россіи и тамъ поглощено было племенемъ великорусскаго корня. Въ позднѣйшее же время, начиная съ XV вѣка, Южной Руси пришлось вести тяжелую борьбу за свою политическую, религіозную и бытовую независимость противъ Литвы, Польши, татаръ и турокъ. Послѣдній періодъ этой борьбы, окончившейся во второй половинѣ XVII в. добровольнымъ подчиненіемъ Южной Руси Москвѣ и совпадающій съ расцвѣтомъ казачества, оказался болѣе благопріятнымъ для возникновенія въ народѣ исторической поэзіи, которая сохранилась затѣмъ въ народной памяти и записана была уже, подобно великорусской эпической поэзіи, богатырской и исторической, только въ XIX вѣкѣ.

Содержаніемъ южнорусскихъ думъ казацкаго періода, исполненныхъ глубокаго лиризма и трогательной любви къ своей родинѣ, являются главнымъ образомъ грустныя историческія воспоминанія о непосильной борьбѣ съ турками; послѣдніе вездѣ являются въ роли побѣдителей и угнетателей, но на этомъ печальномъ фонѣ рисуются примѣры казацкой отваги, вѣрности христіанскому долгу, любви къ свободѣ и привязанности къ родной землѣ. Однѣ изъ этихъ думъ воспѣваютъ дѣйствительныя событія съ подлинными историческими именами, другія даютъ общіе образы и картины, характеризующіе эпоху и возникшіе, вѣроятно, на основѣ единичныхъ, опредѣленныхъ историческихъ событій или случаевъ. Къ первымъ относится замѣчательная дума о побѣгѣ кошевого атамана Самуила Кошки изъ турецкой неволи. Содержаніе ея таково. Изъ Трапезунта выходила богатая турецкая галера (корабль) подъ начальствомъ Алканъ-паши; кромѣ турецкаго войска, на ней было много невольниковъ и между ними «гетманъ

запорожскій» Самуилъ Кошка. Надзоръ надъ плѣнниками имѣлъ Ляхъ-Бутурлакъ, самъ бывшій нѣкогда казакомъ, но затѣмъ потурчившійся и принявшій мусульманскую вѣру «для панства великаго, для лакомства несчастнаго». У города Кафы, куда приставала галера, Алканъ-пашѣ приснился сонъ, будто галера разграблена и сожжена, а невольники получили свободу; толкованіе этого сна Ляхомъ-Бутурлакомъ въ прямомъ пророческомъ смыслѣ привело его къ усиленному наблюденію надъ плѣнными, но потомъ, во время другой стоянки у «города Козлова», Ляхъ-Бутурлакъ разговорился съ Самуиломъ о прежней своей жизни и, подъ вліяніемъ вина, заснулъ, а Самуилъ взялъ у него ключи и освободилъ казаковъ, которые перерубили и побросали въ воду турокъ. Затѣмъ, съ большими предосторожностями, казаки прибыли къ Днѣпру, гдѣ ихъ приняли сначала за враговъ-турокъ, но потомъ встрѣтили съ большой радостью. Доставшееся съ турецкой галеры серебро и золото казаки раздѣлили на три части: одну—на церкви, другую—себѣ, а на третью устроили пиръ и торжество. Дума эта воспѣваетъ довольно извѣстное историческое лицо—кошевого атамана Самуила Кошку, попавшаго въ турецкій плѣнъ и вернувшагося оттуда около 1599 года.

Изъ второго отдѣла думъ, безъ личныхъ историческихъ именъ, укажемъ на двѣ. Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ турецкой неволи изъ Азова разсказываетъ о томъ, какъ изъ-подъ Азова убѣжали изъ плѣна три брата: двое изъ нихъ были на коняхъ, а третій, меньшой, поспѣвалъ пѣшкомъ. Онъ билъ свои ноги о камни и корни, и просилъ братьевъ взять его хоть между лошадьми, какъ это дѣлалось иногда по крайней необходимости; но братья отказали—изъ боязни, что ихъ нагонитъ азовская орда и снова всѣхъ заберетъ въ плѣнъ. Когда младшій братъ, изнемогая отъ усталости, значительно поотсталъ, то въ среднемъ братѣ заговорила совѣсть, и онъ совѣтовалъ старшему брату бросать по пути терновыя вѣтки и лоскутки отъ желтой подкладки кафтана, но тотъ, со своей стороны, не согласился на послѣднее, говоря, что безъ кафтана ему не въ чемъ будетъ гулять между «бѣлой челядью», т. е. дѣвицами. По этимъ знакамъ, разбросаннымъ среднимъ братомъ, младшій успѣлъ добѣжать однако лишь до Савуръ-могилы, гдѣ его оставили силы; мучимый голодомъ и жаждой, онъ отдалъ себя на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Между тѣмъ оба другіе брата достигли родного дома; тайну о судьбѣ младшаго брата передалъ отцу средній братъ: отецъ

проклялъ старшаго за его жестокость, а несчастный погибшій являлся подъ родной кровъ лишь ночною тѣнью:

И вже его слава не вмре, не поляже,
Буде слава помиж царями,
Помиж панами,
Помиж православными християнами.
(*Антоновичъ и Драгомановъ*).

Другая дума передаетъ о томъ, какъ Маруся Богуславка освобождаетъ казаковъ отъ турецкой неволи. «На черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ» стояла темница, а въ ней томилось семьсотъ казаковъ въ неволѣ; живутъ они тутъ уже тридцать лѣтъ, не видя Божьяго свѣта; надзоръ за ними довѣренъ поповнѣ Марусѣ Богуславкѣ. Однажды она приходитъ къ нимъ и спрашиваетъ, знаютъ ли они, какой сегодня день въ землѣ христіанской, и когда оказалось, что тѣ не знаютъ, она напомнила имъ, что сегодня—великоденная суббота, а завтра Пасха. Казаки стали бранить ее за возбужденіе въ нихъ такихъ грустныхъ воспоминаній, но Маруся обѣщала имъ выпустить ихъ на волю, когда «панъ турецкій», уѣзжая въ мечеть, отдастъ ей ключи отъ темницы. Такъ она и сдѣлала, и только просила уходившихъ казаковъ передать ея отцу и матери: пусть они не продаютъ своего имущества и не собираютъ денегъ для ея выкупа, потому что она «потурчилась, побусурменилась для роскоши турецкой, для лакомства нещастного». Въ концѣ пѣсни сказывается глубокая любовь казаковъ къ родному краю:

Ой, визволи, Боже, нас всіх, бідних невольників,
З тяжкой неволі
З віри бусурменьскоі
На ясни зорі
На тихі води,
У край веселий
У мир крещений!
(*Антоновичъ и Драгомановъ*)

Внѣшніе пріемы творчества въ южно-русскихъ думахъ.

Хотя великорусскія историческія пѣсни и южно-русскія думы есть въ сущности одинаково произведенія устной народной поэзіи, сложенныя по поводу или на почвѣ опредѣленныхъ историческихъ событій, однако между ними не трудно видѣть значительную разницу во внѣшнихъ пріемахъ творчества. Великорусскія историческія пѣсни своимъ отношеніемъ къ сюжету и внѣшнимъ складомъ напоминаютъ былины, да и хранятся онѣ въ памяти тѣхъ же самыхъ народныхъ слоевъ, что и былины,

наравнѣ съ послѣдними. Стихъ въ нихъ—по преимуществу тоже былинный, нерѣдко сокращенный или анапестическій, безъ риѳмъ. Въ малороссійскихъ думахъ мы видимъ какую-то особую сосредоточенность на каждомъ стихѣ, какъ будто пѣвецъ хочетъ представить его въ самостоятельномъ видѣ, независимо отъ другихъ стиховъ. Эта сосредоточенность мысли пѣвца вполнѣ оправдываетъ самое названіе произведеній «думами»; въ нихъ замѣтно выраженіе личнаго лиризма, чего почти совсѣмъ нѣтъ въ великорусскихъ эпическихъ произведеніяхъ. Стихъ въ думахъ неизмѣнно наблюдаетъ риѳму съ сосѣднимъ стихомъ, на подобіе искусственныхъ силлабическихъ виршей XVII вѣка, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Вообще думы, при всей самостоятельности своихъ сюжетовъ, носятъ на себѣ черты книжныхъ вліяній. Это объясняется тѣмъ, что первоначальные слагатели ихъ, не чуждые, по всей вѣроятности, школы и грамотности, которая въ XVII в. въ Южной Руси была гораздо шире распространена, чѣмъ у великороссовъ, перенесли, безсознательно для себя, извѣстную долю книжныхъ впечатлѣній и на думы, хотя по содержанію своему эти думы сложены совершенно въ народномъ духѣ.

IV. ПОЭЗІЯ БЫТОВАЯ.

§ 16. Бытовые элементы устной поэзіи. Семейныя пѣсни. Низшія эпическія пѣсни.—§ 17. Казацкія пѣсни. Разбойничьи пѣсни. — § 18. Современная народная пѣсня: частушка.

Бытовые элементы устной поэзіи.

§ 16. Уже въ обрядовой и исторической поэзіи видна наличность бытового содержанія, т. е. того, что намъ можетъ дать представленіе о внѣшней сторонѣ народной жизни, о складѣ понятій народа касательно отношеній лично-интимныхъ, семейныхъ и общественныхъ: таковы, напр., обрядовыя пѣсни, сопровождающія праздничныя игры и хороводы, пѣсни свадебныя и похоронныя; таковы многія отдѣльныя мѣста въ былинахъ, историческихъ пѣсняхъ и думахъ, гдѣ народная фантазія, на фонѣ фантастическихъ или историческихъ сюжетовъ, рисуетъ черты внутренняго и внѣшняго народнаго быта. Но, помимо этого, имѣется еще много другихъ произведеній бытовой устной поэзіи, содержаніе которыхъ не укладывается въ рамки поэзіи обрядовой и исторической; они должны быть выдѣлены въ особый отдѣлъ п о э з і и б ы т о в о й. Одна часть этихъ бытовыхъ пѣсенъ отличается по преимуществу лирическимъ характеромъ, другая—эпическимъ.

Семейныя пѣсни.

Прежде всего—это пѣсни с е м е й н ы я, примыкающія къ обрядовымъ по своему содержанію и имѣющія по преимуществу лирическій характеръ: онѣ воспѣваютъ любовь, бракъ, разныя стороны жизни внутри семейнаго круга.

Любовь представляется въ этихъ пѣсняхъ—главнымъ образомъ отъ лица дѣвушки—иногда счастливой, но больше несчастной; изображается тяжесть разлуки съ «милымъ», тоска по немъ, горечь «измѣны» или оплакиваніе его смерти.

Вотъ какъ представлено опасеніе дѣвушки потерять привязанность любимаго человѣка:

Какъ вечоръ то мнѣ младешенькѣ,
Мнѣ мало спалось, много видѣлось.
Не хорошъ то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ кабы у меня у младешеньки
На правой рукѣ, на мизинчикѣ
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатился дорогой камень.
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Подареньице друга милаго,
Свѣта дородна добра молодца.

(*И. Сахаровъ*)

Много пѣсенъ посвящено съ обѣихъ сторонъ—«красной дѣвицы» и «добра молодца»—мечтамъ о бракѣ. Согласно долгое время господствовавшимъ и теперь отчасти существующимъ въ народномъ быту понятіямъ о положеніи дѣвушки относительно родителей, замужество изображается зачастую какъ принужденіе: дѣвушка идетъ не за того, о комъ, можетъ быть, думала или съ кѣмъ сговорилась, а за того, кто ей указанъ; съ другой стороны, и въ новой семьѣ молодую женщину встрѣчаютъ строго родители ея мужа, требуя отъ нея повиновенія и работы: жизнь тогда становится тяжелой. Есть пѣсни, въ которыхъ и женитьба «молодца» представляется тоже принудительной, и жизнь его отъ этого—несчастной:

Какъ женилъ меня родной батюшка,
Говорила мнѣ родная матушка:
«Ты женись, женись, безталанный сынъ,
Ты женись, женись, мое дитятко!»
Какъ женился я, добрый молодецъ,—
Молода жена не въ любовь пришла,
Не по нраву мнѣ молодецкому.

(*А. Соболевскій*)

Постигало разочарованіе въ супружескомъ счастіи иногда и при добровольномъ выходѣ замужъ, даже по любви, когда «милый», сдѣлавшись мужемъ, мѣнялся:

На кого меня покинулъ ты,
Милъ сердечный другъ?...
Я покинула родиму сторонушку,
Расплела я косу русую,
Повѣривши другу милому.
Ахъ, раскройся, мать сыра-земля,
Поглоти меня несчастную:
Ужъ мнѣ солнышко не свѣтитъ,
Ужъ меня милый другъ не любитъ.
(*И. Сахаровъ*)

Въ другихъ пѣсняхъ изображено положеніе молодой женщины при старомъ мужѣ или при мужѣ-пьяницѣ; нерѣдко ей приходится терпѣть и побои. Однако есть пѣсни, гдѣ и мужъ терпитъ иногда отъ жены: она принимаетъ ухаживанье прежняго «милаго», желаетъ или радуется смерти мужа. Вообще замужество представляется въ пѣсняхъ, за немногими исключеніями, въ печальномъ видѣ; тогда родительскій домъ рисуется несчастной женщинѣ особенно привлекательнымъ, и она съ нѣжностью вспоминаетъ привязанность къ ней родной семьи, прежде всего—матери:

Выдала меня матушка далече замужъ;
Хотѣла матушка часто ѣзжати,
Часто ѣзжати, подолгу гостити.
Лѣто проходитъ—матушки нѣту,
Другое проходитъ—сударыни нѣту,
Третье въ доходѣ—матушка ѣдетъ.
Ужъ меня матушка не узнаваетъ:
«Что это за баба, что за старуха?»
—Я вѣдь не баба, я не старуха,
Я твое, матушка, милое чадо!
«Гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло,
Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?»
—Бѣлое тѣло на шелковой плеткѣ,
Алый румянецъ на правой на ручкѣ;
Плеткой ударитъ—тѣла убавитъ,
Въ щеку ударитъ—румянцу не станетъ...
(*А. Соболевскій*)

Сплоченность семьи кровными узами сказывается въ отношеніяхъ къ семьѣ не только дѣвушки, но и юноши: и ему тяжело разставаться съ родной семьей, уходя на «чужую сторонушку», хотя въ пѣснѣ говорится также и о томъ, что чужая сторона многому учитъ, даетъ человѣку опытность.

Грустный тонъ бытовыхъ пѣсенъ находитъ себѣ въ народномъ сознаніи своего рода объясненіе—указаніе на несчастную свою «долю» со стороны дѣвушки или женщины; эта же мысль въ устахъ «добра молодца» получаетъ форму указанія на «злую судьбину», которая всю жизнь его ведетъ къ неизмѣнно несчастному концу:

Что куда то ни пойду, братцы, ни поѣду,
Что ни въ чемъ то мнѣ, добру молодцу, нѣтъ счастья.
Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государынѣ своей матушкѣ спрошуся:
Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила,
Ты какимъ меня счастьемъ надѣлила?
(*И. Сахаровъ*)

Среди бытовыхъ пѣсенъ есть особый отдѣлъ такихъ, которыя посвящены рекрутчинѣ и солдатскому житью.

При долгомъ срокѣ солдатской службы, почти пожизненномъ въ старое время, неудивительно, что пѣсни эти тоже печальны по содержанію и носятъ характеръ «плачей» при проводахъ рекрута или солдата на службу.

Тяжело молодому рекруту разставаться съ семьей и съ родными мѣстами:

И какъ не бѣлыи березки нагибаются,
И съ отцомъ, съ матерью рекрутики прощаются,
И оны червышкомъ безсчастныи свиваются,
И оны клубышкомъ побѣдныи (т. е. захваченные бѣдой, несчастные) катаются.
(*Е. Барсовъ*)

Солдатское «ученье» изображается въ самыхъ мрачныхъ чертахъ, представляя богатый матеріалъ для изученія стараго русскаго быта, отошедшаго теперь уже въ исторію. Между тѣмъ дома остаются отъ этихъ солдатъ молодыя жены и матери, которыя о нихъ горюютъ:

Умъ тотъ разумъ во всѣ стороны кидается,
И всѣ безсчастны горьки мысли разбѣгаются.
(*Е. Барсовъ*)

Есть пѣсни, въ которыхъ описывается солдатская жизнь и съ менѣе грустной стороны:

И отъ царя да мы солдаты не обижены,
И отъ царицы милосердой не ограблены;
И отъ царя пища хорошая составлена,
И отъ царицы добры питьица снаряжены.

Наконецъ, «сочиняется война», «подымается непріятель»—и солдаты выступаютъ въ походъ, а тамъ и сраженіе:

И отъ дыму то не видно свѣту бѣлаго,
И мы ходили то солдаты по колѣнъ въ крови,
И мы плавали солдаты на плотахъ-тѣлахъ,
И ручьями кровь да туды-сюды разливается,
И наше храброе сердце да разгорается.
Тутъ одна рука не може—другая пали,
Тутъ одна нога упала—другая стои...
И гдѣ вѣдь пулей неймемъ, тамъ грудью беремъ,
А гдѣ грудь не бере, душу Богу отдаемъ.
(*Е. Барсовъ*)

Другая половина бытовыхъ пѣсенъ, примыкающая къ поэзіи исторической, имѣетъ по преимуществу эпическій характеръ.

Низшія эпическія пѣсни.

Это прежде всего—т. наз. низшія эпическія пѣсни, содержаніе которыхъ возникло нѣкогда изъ опредѣленнаго историческаго или просто жизненнаго случая, и даже имена дѣйствующихъ лицъ удержаны, но главное вниманіе въ пѣснѣ отводится бытовой обстановкѣ; онѣ носятъ еще названіе «пѣсенъ-балладъ». Изъ нихъ особенную популярность получили двѣ: о князѣ Романѣ и о Ванькѣ-ключникѣ.

Въ пѣснѣ о князѣ Романѣ разсказывается, что князь убилъ свою жену и тѣло ея бросилъ въ «рѣку Смородину». Когда дочь его Анна Романовна хватилась любимой матери и стала искать ее, то отецъ сначала послалъ дочь въ «высокіе терема», куда княгиня ушла будто бы «мытися и бѣлитися, въ цвѣтно платье наряжатися», потомъ—въ садъ, куда княгиня ушла гулять «во вишенье, въ орѣшенье». Но нигдѣ княгини не оказалось; только няньки и мамки увидѣли въ саду «руку бѣлую, съ золотымъ перстнемъ», которую несъ орелъ и уронилъ: тогда дочь поняла въ отчаяніи, что мать ея была убита. Въ одномъ изъ варьянтовъ этой пѣсни, князь объясняетъ дочери, что ея мать погибла за «слово противное», и обѣщаетъ ей другую «матушку любезную», но дочь отвѣчаетъ:

Ты умри, умри, молодая мать,
А ты встань-проснись, моя матушка!
(*П. Кирѣевскій*)

Въ пѣснѣ о Ванькѣ-ключникѣ дѣло идетъ о семейномъ горѣ «князя Волконскаго». Князь узналъ отъ сѣнной дѣвушки, что княгиня уже третій годъ не вѣрна ему, а отдаетъ свое расположеніе Ванькѣ-ключнику. Тогда князь въ гнѣвѣ велитъ немедленно повѣсить

Ваньку, который, идя на смерть, поетъ пѣсню про свою любовь съ княгиней. И вотъ—кончается пѣсня—

Молодой ключникъ на петелькѣ качается,
Молодой то ли княгини жизнь кончается.
(*П. Кирѣевскій*)

§ 17. Далѣе, имѣется цѣлый рядъ цѣнныхъ въ бытовомъ отношеніи казацкихъ и разбойничьихъ пѣсенъ.

Казацкія пѣсни. Казацкія пѣсни посвящены изображенію жизни великорусскаго казачества, осѣвшаго на Уралѣ, на Дону и нижнемъ теченіи Волги еще въ XV вѣкѣ, а уже съ XVI в. игравшаго видную роль въ политической жизни Московскаго государства въ качествѣ вспомогательнаго войска; казачество сохранило многія особенности своего быта и дало имъ выраженіе въ своихъ пѣсняхъ.

Такъ какъ главнымъ занятіемъ казаковъ была война, то и въ пѣсняхъ нашелъ свое изображеніе главнымъ образомъ ихъ военный бытъ: сборъ въ походъ, прощаніе съ отцомъ и матерью, съ женой и дѣтьми; одинокій молодой казакъ прощается со своей возлюбленной; будучи въ походѣ, онъ получаетъ случайныя вѣсти о семьѣ, о смерти матери, даже о выходѣ замужъ его жены: примиряясь съ измѣной жены, онъ скорбитъ тогда объ оставленныхъ дѣтяхъ; описываются разные случаи въ сраженіяхъ съ турками, татарами, черкесами; наконецъ, много вниманія удѣляетъ казацкая пѣсня смерти казака: умирающій проситъ товарищей не покидать его родителей, трогательно прощается съ вѣрнымъ конемъ, а вѣсть объ его смерти заставляетъ проливать слезы мать или «милую».

Казакъ вѣренъ своей ненависти къ врагу даже послѣ смерти:

За славною, за Кубанью рѣкой
Не глыбушка снѣгу бѣлаго она забѣлѣлася,
Въ чистомъ полѣ тѣло молодецкое оно завиднѣлося,
Да никто къ бѣлому тѣлу, никто не привернется.
Что два ворона кругъ бѣлаго тѣла они увивалися,
Два черкеса надъ бѣлымъ тѣломъ они надругалися:
Вскрывали ему, да доброму молодцу, они грудь бѣлую,
Вынимали они изъ добраго молодца что сердце со печенью;
На ножѣ оно, ретивое сердце, встрепенулося,
Надъ черкесами, надъ ретивыми оно усмѣхнулося.
(*А. Соболевскій*)

Разбойничьи пѣсни. Близко подходятъ, по своему содержанію и настроенію, къ казацкимъ пѣснямъ—разбойничьи. Разбои на Руси—явленіе очень старое, съ X—XI вв., когда выдѣ-

лялись изъ неорганизованнаго еще общества смѣлые и безпокойные люди, побуждаемые къ тому бѣдностью, разоренiемъ отъ войнъ и пожаровъ и природными грабительскими инстинктами. Отношенiе къ нимъ въ народной поэзiи долгое время было отрицательное: самъ Илья Муромецъ выступаетъ противъ разбойничества въ лицѣ «Соловья-разбойника», но тотъ же Илья Муромецъ называется «старымъ казакомъ». Въ XVI—XVII вв. эти взгляды на разбойника и на казака стали между собою сближаться: съ одной стороны, многiе разбойники шли въ казачество, а съ другой—и настоящее казачество не брезгало заниматься разбоемъ, придавая ему иногда въ глазахъ народа героическiй характеръ. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ—безспорно, поздняго происхожденiя—разбойники говорятъ о себѣ, приравниваясь къ казакамъ:

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горою взойди надъ высокою,
Надъ долиной взойди надъ широкою,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, все разбойничковъ!
Мы не воры, не разбойнички—
Атамановы работнички.

(*А. Соболевскiй*)

А самъ Стенька Разинъ въ народной пѣснѣ является на половину казакомъ и на половину разбойникомъ, «воромъ-собакой», «воровскимъ атаманомъ».

Разбойничьи пѣсни, по своему содержанiю, полны своеобразной поэзiи; въ нихъ рисуется разбойничiй бытъ на всемъ протяженiи жизни разбойника. Въ дѣтствѣ это—сынъ какого-нибудь бѣглаго крѣпостного, безпрiютный сирота, а затѣмъ самъ бродяга или бѣглецъ, человѣкъ съ большой физической силой, озлобленный и отважный. Такiе люди составляютъ между собою, оказавшись въ одинаковомъ положенiи, «братство» или «товарищество»; живутъ въ лѣсахъ, «подъ сосной» ночуютъ, ѣздятъ въ лодкахъ по судоходнымъ рѣкамъ, разбиваютъ обозы и караваны. Разбойники ведутъ веселую, но постоянно тревожную жизнь; при дѣлежѣ добычи часто ссорятся между собою, «гуляютъ» и проматываются, иногда помышляютъ отстать отъ разбойничьяго «дѣла», но въ концѣ концовъ остаются на прежнемъ пути. Разбойниковъ постоянно выслѣживаютъ царскiе «разъѣзды», и даже самъ Ванька-Каинъ является противъ нихъ въ роли сыщика. Обычный конецъ разбойничьей жизни—поимка, заключенiе въ «каменныя палаты», а

затѣмъ казнь. Въ одной пѣснѣ дается такая картинка изъ разбойничьей жизни:

Что пониже то было села Юркина,
А повыше то было села Лыскова,
Протекала тамъ быстрая рѣченька,
Быстрая рѣченька , славная Керженка.
Что никто по ней не проѣзживалъ,
Никто слѣдику не прокладывалъ;
Что плыла ль по ней легкая лодочка,
Легкая лодочка, все разбойничья,
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу сидитъ есаулъ съ багромъ,
Посередь лодки бѣлъ тонкой шатеръ,
Что подъ тѣмъ шатромъ золота казна;
На казнѣ сидитъ красна дѣвица.
Взговоритъ она громкимъ голосомъ:
«Мнѣ вечоръ, младой, мало спалося,
Мало спалося, много видѣлось;
Не хорошъ то мнѣ сонъ пригрезился:
Атаманушкѣ быть застрѣлену,
Есаулушкѣ быть повѣшену,
А мнѣ, дѣвушкѣ, быть на волюшкѣ!»
(*А. Соболевскій*)

Допросъ передъ царемъ и послѣдніе часы разбойника опоэтизированы въ слѣдующей пѣснѣ:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати!
Что заутра мнѣ, доброму молодцу, въ допросъ идти,
Передъ грознаго судью—самого царя.
Еще станетъ государь-царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ.
Еще много ли съ тобой было товарищей?»
—Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
Всее правду скажу тебѣ, всю истину.
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищъ—темная ночь,
А второй мой товарищъ—булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ—то мой добрый конь
А четвертый мой товарищъ-то тугой лукъ,
Что разсыльщики мои—то калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный царь:
«Исполать тебѣ, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими—
Что двумя ли столбами съ перекладиной!»
(*А. Соболевскій*)

Эта пѣсня была настолько популярна, что ее привелъ Пушкинъ въ «Капитанской дочкѣ» (гл. VIII), гдѣ поетъ хоръ разбойниковъ, товарищей Пугачева, эту «любимую его пѣсенку», а другая—первоначально тоже разбойничья—пѣсня «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» считается и теперь одной изъ самыхъ извѣстныхъ въ русскомъ народно-хоровомъ репертуарѣ.

Современная народная пѣсня: частушка.

§ 18. Пройденный до сихъ поръ нами путь изученія русской устной поэзіи обнимаетъ эпическія и лирическія п ѣ с н и русскаго народа, т. е. такой типъ творчества, который съ внѣшней стороны характеризуется размѣренной, стихотворной формой, какъ бы эта форма въ нѣкоторыхъ случаяхъ ни подверглась разрушенію или искаженію; выдѣлившаяся изъ общей лиро-эпической ячейки, одна часть этой поэзіи (обрядовая и бытовая пѣсня) пошла по пути преимущественнаго развитія лирическихъ элементовъ, а другая часть (былины и историческія пѣсни)—по пути преимущественнаго развитія элементовъ эпическихъ.

Естественный ростъ русской народной пѣсни, эпической и лирической, надо полагать, сильно ослабѣлъ къ концу XVII вѣка, когда взамѣнъ этой поэзіи должны были прійти книжность и новыя формы жизни. Но огромные запасы старыхъ устно-поэтическихъ воспоминаній долго еще продолжали жить въ народѣ, отвѣчая въ той или иной мѣрѣ его духовнымъ потребностямъ: народная поэзія сохранялась въ памяти народа и лишь въ очень незначительной степени создавала новые сюжеты и новую форму; въ этомъ періодѣ своего сохраненія и замиранія она и была записана учеными собирателями въ теченіе XIX и отчасти начала XX вѣка. И въ настоящее время въ земледѣльческомъ, рабочемъ и низшемъ торговомъ быту русскаго народа, въ селахъ и небольшихъ городахъ, особенно на отдаленныхъ окраинахъ Россіи, удерживается еще въ памяти и поется старая пѣсня съ лирическимъ и эпическимъ содержаніемъ; но, въ силу жизненныхъ условій, она, конечно, обречена рано или поздно на вымираніе. Поэтическіе инстинкты народной массы продолжаютъ однако же существовать и требовать себѣ удовлетворенія; для этого служатъ имъ нѣкоторыя книжныя произведенія нашей поэзіи, получившія въ народѣ большую популярность—пѣсни Мерзлякова, Нелединскаго-Мелецкаго, Цыганова, отчасти Пушкина, Некрасова, Никитина, Сурикова и разнаго рода романсы и пѣсенки книжнаго, нерѣдко лубочнаго, происхожденія. Но, вмѣстѣ съ этимъ, есть потребность и самостоятельнаго пѣсеннаго твор-

чества, желаніе выразить свое настроеніе въ извѣстной поэтической формѣ: вотъ этому стремленію и соотвѣтствуетъ современная народная пѣсня, называемая въ разныхъ мѣстахъ «припѣвкой», «коротушкой», «набирушкой», а въ литературѣ получившая по преимуществу названіе «частушки». Какъ показываютъ уже и приведенныя названія, частушка есть краткая пѣсенка, обыкновенно въ четыре, но иногда въ двѣ и въ шесть строкъ, которая «часто», т. е. быстрымъ темпомъ, поется. Слагается она, подобно старой пѣснѣ, болѣе или менѣе сразу и распространяется затѣмъ устно тѣми и среди тѣхъ, кому она нравится; сочинителями ея являются по преимуществу молодые люди и дѣвушки въ селахъ, городахъ и на фабрикахъ, во время гуляній, посидѣлокъ и всякаго рода сборищъ молодежи обоего пола. Частушка является выраженіемъ разныхъ душевныхъ переживаній, жизненныхъ впечатлѣній, личныхъ и общественныхъ настроеній; иногда она носитъ на себѣ и слѣды прочитанныхъ книгъ.

Отъ старой лирической пѣсни современная частушка отличается главнымъ образомъ отсутствіемъ той всеобщности, которая давала старой пѣснѣ широкое распространеніе, обусловливаемое сравнительнымъ единообразіемъ впечатлѣній и взглядовъ въ средѣ народной въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи; частушка, напротивъ, подобно искусственной лирикѣ, передаетъ лишь личное душевное настроеніе сочинителя и усваивается только въ тѣсномъ кругу лицъ, ее повторяющихъ и запоминающихъ; она есть въ сущности произведеніе личнаго творчества, но примитивное, наивное, далекое отъ литературнаго совершенства; на подобіе личной лирики, она имѣетъ склонность къ риѳмѣ; частушка не имѣетъ связи ни съ играми, ни съ хороводами; даже съ музыкальной мелодіей она не связана непосредственно—въ противоположность старой народной лирикѣ: она одинаково поется, какъ и «сказывается».

Содержаніе частушки ближе всего подходитъ къ бытовой пѣснѣ: чаще всего говорится здѣсь про любовь, бракъ; воспѣвается «дѣвичья доля», оплакивается разлука любящихъ; изображается сиротство, зависимость отъ «чужихъ людей», солдатское житье, отношенія между «отцами» и «дѣтьми». Частушку нельзя считать признакомъ духовнаго и эстетическаго вырожденія русской деревни; напротивъ, въ ней можно найти много трогательныхъ мотивовъ, нравственной устойчивости, достойныхъ уваженія чувствъ и стремленій; есть по мѣстамъ сатирическое указаніе на людскую несправедливость, глупость и т. п. Частушка, поразительная по огромности уже записаннаго теперь матеріала, свидѣтельствуетъ

о переходномъ состоянiи въ духовной жизни простого русскаго народа, ищущаго пока новыхъ путей для выраженiя своей личной жизни, своего личнаго и общественнаго самосознанiя.

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Трудно съ бережка спуститься,
Съ моря камушекъ достать,
Потруднѣе у забавочки
Любовь на сердцѣ узнать.

———

Миленькiй посватался—
Родители не отдали,
У меня, молоденькой,
Только счастье отняли.

———

Встань-ка, маменька, поранѣ,
Да послушай на зарѣ,
Какъ я плачу и рыдаю
На чужой на сторонѣ.

(*В. Симаковъ*)

V. СКАЗКИ.

§ **19.** Происхожденiе сказки и основныя ея черты сравнительно съ пѣсней.— § **20.** Дѣленiе сказокъ. Сказки о животныхъ (Животный эпосъ). Миѳическiя сказки и переходныя къ бытовымъ. Сказки о трехъ братьяхъ и объ Иванушкѣ-дурачкѣ. Бытовыя и нравоучительныя сказки. Историческiя сказки. Сатирическiя сказки.—§ **21.** Прiемы сказочнаго повѣствованiя.

Происхожденiе сказки и основныя ея черты сравнительно съ пѣсней.

§ **19.** Творческiя силы народной массы въ области поэтическихъ представленiй въ древнюю пору были необыкновенно богаты. Создавъ пѣсню, въ которой выразились обрядово-бытовыя и первобытно-историческiя черты внѣшней и внутренней жизни народа, фантазiя народная этимъ не могла удовлетвориться. Пѣсня въ основѣ своей была строго реальна, по содержанiю глубоко-серьезна и затрагивала самыя важныя струны первобытной человѣческой души; она требовала довѣрiя къ ея истинности и бережнаго обращенiя съ ней для возможно долгаго сохраненiя ея въ народной памяти: этой цѣли служила форма стиха. Но нѣсколько позднѣе, однако все же еще въ отдаленную эпоху, которую точно хронологически опредѣлить невозможно, за первобытной пѣсней послѣдовала сказка. Она начала слагаться тогда, когда миѳологическiя вѣрованiя стали понемногу разрушаться и продолжали жить въ народѣ лишь въ видѣ близкихъ, но уже потерявшихъ религiозный характеръ,

воспоминаній. Если пѣсня была по преимуществу отвѣтомъ на запросы вѣры, то сказка имѣла въ виду отвѣтить потребностямъ фантазіи. Къ сказкѣ народная мысль относилась легче и обращалась съ нею гораздо свободнѣе; первоначальная, какъ надо полагать—размѣренная, форма сказки вскорѣ стала разлагаться, терять свои стихотворныя черты и обращаться въ прозу; это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что за сочиненіе и передачу сказки брались не однѣ т. ск. избранныя натуры, а люди обыкновенные, не обладавшіе ни особенной памятью, ни исключительнымъ воображеніемъ: поэтому сказка, легче переходя изъ устъ въ уста, скорѣе подвергалась видоизмѣненіямъ и по содержанію, и по формѣ. Эта сравнительная оцѣнка «пѣсни» по ея строгой внутренней достовѣрности и «сказки» по ея фантастичности, а вмѣстѣ съ тѣмъ сравненіе обѣихъ по внѣшней формѣ нашли себѣ выраженіе въ пословицахъ: «сказка—складка, пѣсня—быль» (по содержанію) и «пѣсня красна ладомъ, сказка—складомъ» (по формѣ). Просуществовавъ много столѣтій въ памяти народной, сказка, какъ матеріалъ для изученія, стала записываться учеными собирателями, какъ и пѣсня, не ранѣе первыхъ десятилѣтій XIX вѣка. Понятіе «сказки» въ настоящее время чрезвычайно обширно. Сюда входятъ не только произведенія первобытной народной фантазіи касательно миѳологическихъ и бытовыхъ представленій, но и разнаго рода разсказы, въ прозаической формѣ, о необыкновенныхъ герояхъ и ихъ приключеніяхъ, объ историческихъ событіяхъ и лицахъ, повѣсти, анекдоты и шутки. Въ теченіе долгаго своего существованія сказка, подобно пѣснѣ, восприняла въ себя разнообразныя историческія и литературныя вліянія, предѣлы которыхъ расширялись тѣмъ легче, что сказка, въ основѣ своей не привязанная къ опредѣленнымъ фактамъ, разсматривалась какъ нѣчто общее по содержанію самымъ широкимъ кругамъ въ общественномъ, сословномъ или личномъ примѣненіи. Въ виду фантастичности сказки, рядовые передатчики ея, простые разсказчики, и даже профессіональные «бахари», не стѣснялись вносить въ нее плоды своего воображенія, догадокъ, неясныхъ припоминаній и случайной начитанности.

Возникнувъ независимо отъ пѣсни, сказка и въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи продолжала развиваться рядомъ съ пѣсней, но вполнѣ самостоятельно. Если имѣть въ виду общепринятую терминологію «поэтическихъ родовъ», то, выйдя изъ состоянія первобытнаго поэтическаго синкретизма » (см. выше, § 2), сказка дала особенное развитіе эпическому элементу, въ то время какъ

пѣсня по преимуществу удержала за собою характеръ лирическій.

Дѣленіе сказокъ.

§ 20. Въ противоположность пѣснѣ, сказка отличается смѣшаннымъ содержаніемъ; по преобладающему мотиву, сказки можно раздѣлить на нѣсколько отдѣловъ —сказки о животныхъ, миѳическія, бытовыя и нравоучительныя, историческія, сатирическія.

Сказки о животныхъ (Животный эпосъ).

Сказки о животныхъ принадлежатъ къ древнѣйшимъ по своему происхожденію. Въ основѣ своей многія сказки о животныхъ носили, вѣроятно, черты религіозныхъ вѣрованій, когда первобытная мысль человѣка перенесла черты небесной миѳологіи (солнца, дождя, молніи, грома) на болѣе близкій ему животный міръ, надѣляя его представителей свойствами и способностями человѣческой природы, не исключая и дара слова; но впослѣдствіи животнымъ въ сказкахъ присвоены были, рядомъ съ миѳологическими, также и бытовыя черты, при чемъ сказки иногда принимали въ себя элементы сатиры и шутки. Сказки о животныхъ явились результатомъ очень ранняго наблюденія человѣка надъ особенностями того или другого изъ представителей животнаго царства, которыхъ онъ поставилъ въ соприкосновеніе съ людьми. Дѣйствующими лицами въ этихъ сказкахъ являются животныя и люди, и поставлены они во взаимныя отношенія сообразно дѣйствительной человѣческой жизни. Животныя, которыхъ изображаютъ сказки, немногочислены: это главнымъ образомъ—лисица, волкъ, медвѣдь, заяцъ, затѣмъ собака, котъ, козелъ, баранъ, и сравнительно рѣдко—быкъ и лошадь. Животныя въ сказкахъ представлены не какъ случайные экземпляры животнаго царства, а какъ бы опредѣленныя, отдѣльныя личности: у нихъ есть свой родъ, семья, предки и потомки.

Въ очень распространенной сказкѣ о лисѣ разсказывается, какъ однажды дѣдъ собрался за рыбой. Наловивъ ее, онъ ѣдетъ домой, но по дорогѣ видитъ—лежитъ мертвая лисица; расчитывая привезти подарокъ женѣ, онъ беретъ лису и кладетъ ее на возъ съ рыбой, а самъ ѣдетъ впереди. Лисица, которая только притворилась мертвой изъ хитрости, повыбросала съ воза всю рыбу и сама ушла; дѣдъ пріѣхалъ домой не только безъ подарка, но и безъ рыбы, за что и долженъ былъ выслушать брань своей жены; а лиса собрала потомъ съ дороги рыбу и съѣла. Въ другой сказкѣ о лисѣ и волкѣ, составляющей продолженіе

первой, лису за ѣдой рыбы встрѣчаетъ волкъ и проситъ ее подѣлиться добычей; лиса совѣтуетъ ему самому наловить рыбы и для этого опустить въ прорубь хвостъ (дѣло происходитъ зимой); волкъ такъ и сдѣлалъ, но хвостъ приморозило; волкъ, думая, что это произошло отъ множества рыбы, продолжаетъ отъ жадности сидѣть, а между тѣмъ пришли бабы и начали его бить, такъ что онъ едва убѣжалъ, оторвавши хвостъ и оставивши его на мѣстѣ.

Уже изъ этихъ сказокъ видно, что лиса изображена тутъ съ преобладаніемъ въ ней хитрости, а волкъ—глупости. Въ другихъ сказкахъ лиса изображена не только обманывающей (быка, пѣтуха, медвѣдя), но скупой и жадной (напр., по отношенію къ журавлю); медвѣдь обыкновенно изображенъ сильнымъ, довѣрчивымъ и простодушнымъ, заяцъ—трусливымъ, баранъ—глупымъ и т. д. Рядомъ съ этими сказками, гдѣ животныя, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, являются на первомъ планѣ, есть и такія, гдѣ они играютъ только служебную, второстепенную роль въ людскихъ приключеніяхъ. Такъ, въ сказкѣ « Волшебное кольцо» помощниками Мартына, вдовьина сына, при отысканіи имъ волшебнаго кольца, являются собака Журка и котъ Васька—въ благодарность Мартыну за то, что нѣкогда онъ спасъ ихъ отъ истязанія и смерти. Въ сказкѣ о «Козьмѣ Скоробогатомъ» хитрая лиса устраиваетъ такъ, что Козьма, будучи совершеннымъ бѣднякомъ и не обладая никакими личными достоинствами, женится на королевской дочери, такъ какъ лиса обманомъ выставляетъ его передъ королемъ въ видѣ богача.

Миѳическія сказки и переходныя къ бытовымъ.

Въ миѳологическихъ сказкахъ мы имѣемъ остатки старыхъ религіозныхъ вѣрованій въ силы и явленія природы, которыя получаютъ здѣсь человѣческое олицетвореніе. Въ иныхъ сказкахъ самъ человѣкъ получаетъ волшебныя свойства обращаться въ животныхъ, окаменѣвать или обмирать на долгое время; въ другихъ онъ является обладателемъ чудодѣйственныхъ предметовъ, вродѣ шапки-невидимки, ковра-самолета, волшебнаго напитка, возвращающаго силу, «живой и мертвой воды»; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сказокъ дѣйствуютъ одаренные чудесными свойствами люди или животныя—конь, воронъ, орелъ, участвующіе въ разнообразныхъ людскихъ приключеніяхъ. Таковы, напр., сказки съ явно миѳическимъ содержаніемъ «О зорькѣ, вечоркѣ и полуночкѣ», «Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ Вороновичъ» и цѣлый рядъ другихъ, въ которыхъ изображается борьба «свѣтлаго» и «темнаго» начала, дня и ночи, молніи и тучъ въ видѣ то молодца, убивающаго

чудовищнаго змѣя, то добыванія этимъ молодцомъ златогриваго коня и златорогаго оленя, то освобожденія имъ похищенной чудовищемъ дѣвы.

Съ теченіемъ времени миѳологическія пріуроченія и религіозный смыслъ этихъ сказокъ ослабѣли; онѣ сдѣлались просто сказками о чудесныхъ приключеніяхъ разныхъ героевъ и присоединялись къ однороднымъ съ ними другимъ сказкамъ, также разсказывавшимъ фантастическія вещи, плѣнявшія воображеніе слушателя; въ нихъ уже никто не искалъ миѳическаго содержанія, и все покрывала собою фабула, увлекательная своими причудливыми и длинными подробностями. Эти сказки—однѣ изъ самыхъ любимыхъ въ народѣ; онѣ имѣются во множествѣ варьянтовъ и въ самомъ широкомъ распространеніи: напр., сказки «Объ Иванѣ Царевичѣ, жаръ-птицѣ и сѣромъ волкѣ», «О молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ», «Морской царь и Василиса Премудрая», «Кощей Безсмертный», «Окаменѣлое царство».

Сказки о трехъ братьяхъ и объ Иванушкѣ-дурачкѣ.

Къ этой же категоріи полумиѳическихъ-полуавантюрныхъ (т. е. съ описаніями приключеній) сказокъ относится и спеціальная группа сказокъ «о трехъ братьяхъ», составляющая переходъ къ сказкамъ бытовымъ, такъ какъ въ нихъ уже ясно намѣчаются жизненныя черты народнаго быта. Ихъ очень много, напр. подъ именемъ «Сивка-бурка», «Свинка—золотая щетинка» и др., и видную роль въ нихъ играетъ младшій братъ, носящій имя Иванушки или «Ивана-дурака». Иванушка обыкновенно преслѣдуется своими старшими братьями, и въ этой борьбѣ свѣтлаго начала (Иванушки) съ темными силами (двумя старшими братьями, изображаемыми отрицательно) ученые видятъ остатки старыхъ миѳическихъ представленій о борьбѣ и конечной побѣдѣ свѣтлаго начала надъ темнымъ, добраго надъ злымъ. Когда миѳическій покровъ со временемъ отпалъ, то образъ Иванушки остался въ сказкахъ лишь съ нравственными чертами, имѣющими исключительно бытовой интересъ; вмѣсто трехъ братьевъ, нерѣдко являются только два и даже одинъ, самъ Иванушка—въ видѣ Ивана-царевича, Ивана-купеческаго сына или Ивана-крестьянскаго сына. Въ личности Иванушки народная фантазія создала особый типъ, являющійся носителемъ нравственнаго идеала народа, подобно былинному Ильѣ Муромцу: разница только въ томъ, что тамъ народный герой изображенъ въ важной и значительной роли защитника русской земли отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, а здѣсь Иванушка является въ простой обстановкѣ повсе-

дневной жизни, хотя бы и нарисованной фантастическими чертами. Согласно сказкамъ «о трехъ братьяхъ», Иванушка-дурачокъ въ сущности вовсе не глупъ, и конечная побѣда въ соперничествѣ его со старшими братьями всегда остается на его сторонѣ; тамъ же, гдѣ онъ дѣйствуетъ одинъ, его образъ слагается изъ положительныхъ чертъ, вполнѣ объясняющихъ неизмѣнное сочувствіе къ нему народной мысли: онъ бываетъ надѣленъ необыкновенной силой (расправляется съ разбойниками на подобіе того, какъ расправлялся Илья Муромецъ съ татарами, взявъ одного изъ нихъ за ноги и помахивая имъ какъ палкой; разрываетъ волосяной канатъ, которымъ его связали); ему неизмѣнно благопріятствуетъ счастье (то въ видѣ лягушки, оборачивающейся въ вѣщую дѣвицу, то въ видѣ пойманной «жаръ-птицы» или «коня златогриваго»); онъ почтителенъ къ отцу и матери; готовъ служить сестрамъ, доставляя для нихъ «звѣриное молоко»; онъ честенъ, безкорыстенъ, сострадателенъ къ животнымъ; умѣетъ разсказывать занимательныя сказки и отгадывать трудныя загадки. Въ одной сказкѣ Иванушка сводится даже съ богатырями Ильей Муромцемъ и Добрыней и въ концѣ концовъ перехитряетъ ихъ, добывая себѣ въ жены царскую дочь.

Бытовыя и нравоучительныя сказки.

Обширный отдѣлъ составляютъ сказки бытовыя и нравоучительныя, т. е. такія, въ которыхъ изображается народный бытъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нравственныя понятія народа, устроющія этотъ бытъ и вообще людскія отношенія въ разныхъ случаяхъ жизни; элементы быта и нравоучительности въ сказкахъ не отдѣлимы, потому что народная фантазія не мыслитъ бытовую обстановку жизни безъ участія нравственнаго закона, а съ другой стороны—и нравственныя воззрѣнія народа лучше всего находятъ себѣ выраженіе въ образахъ сказочнаго повѣствованія.

Кромѣ указанныхъ уже сказокъ «о трехъ братьяхъ» (Иванушкѣ—дурачкѣ), имѣющихъ отчасти бытовой и нравоучительный характеръ, можно указать еще на три категоріи сказокъ всецѣло бытовыхъ и нравоучительныхъ. Это, во-1-хъ, сказки о судьбѣ. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ судьба представляется одному человѣку благосклонной и покровительствующей, а другому, наоборотъ, крайне недоброжелательной: такова, напр., сказка «О Маркѣ Богатомъ и о Василіи Безсчастномъ», гдѣ нашла себѣ выраженіе вѣра въ слѣпое предопредѣленіе судьбы, рѣшающей иногда всю будущность человѣка при его рожденіи и, слѣдовательно, безъ всякаго съ его стороны участія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и такія

сказки, гдѣ судьба дѣйствуетъ не случайно, а въ полномъ соотвѣтствіи съ нравственными требованіями, карая преступленіе и отыскивая преступника, какъ въ сказкѣ «Чудесная дудка».— Во 2-хъ, имѣется рядъ сказокъ объ убожествѣ и богатствѣ. Тутъ изображаются обыкновенно бѣдный и богатый человѣкъ, изъ которыхъ одного во всѣхъ дѣлахъ его преслѣдуетъ «горе» въ человѣческомъ образѣ, а другому вездѣ благопріятствуетъ удача и «счастье». То и другое—и горе, и счастье—дѣйствуютъ какъ бы сознательно и, въ свою очередь, находятся въ извѣстной зависимости отъ человѣка, его правилъ и поведенія: отъ «горя» можно отвязаться путемъ хитрости и смѣлости, а «счастье» легко потерять, если неумѣло имъ пользоваться: таковы очень извѣстныя сказки «Горе» и «Двѣ доли».—Въ 3-хъ, имѣются сказки «о правдѣ и кривдѣ», гдѣ дается оцѣнка правды и лжи, которыми руководятся, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, сказочные герои. Обычный конецъ этихъ сказокъ—торжество правды надъ неправдой, чѣмъ удовлетворяются требованія нравственнаго чувства и дается нравоучительная оцѣнка бытовыхъ житейскихъ отношеній. Примѣромъ можетъ служить сказка «О правдѣ и кривдѣ», въ которой указанный нравственный вопросъ поставленъ вполнѣ сознательно и очень рельефно. Въ ней разсказывается о томъ, какъ жили на свѣтѣ два человѣка—одинъ стоялъ за «правду», а другой поступалъ «по кривдѣ», и вотъ они заспорили, кто изъ нихъ правъ и какъ жить лучше, по кривдѣ или по правдѣ. Рѣшили они спросить мнѣнія другихъ и, отправившись въ путь, встрѣтили сначала «барскаго мужичка», потомъ купца и, наконецъ, приказчика: всѣ утверждали, что кривдой жить лучше. Сторонникъ кривды торжествовалъ; на дальнѣйшемъ пути, когда у «криводушнаго», умѣвшаго ко всѣмъ «прилаживаться», было все, а у«правдиваго» и ѣсть нечего, послѣдній попросилъ у своего товарища хлѣба, но тотъ согласился дать хлѣба въ замѣну глазъ, которые безжалостно и выкололъ «правдивому», и потомъ они разстались. Тутъ судьба стала вознаграждать стоявшаго за «правду»: по указанію божественнаго голоса, слѣпецъ нашелъ чудесный ключъ, водой котораго онъ вернулъ себѣ зрѣніе, а усѣвшись затѣмъ на дубъ, услыхалъ отъ расположившихся подъ нимъ «нечистыхъ духовъ», что дочь одного царя больна и можетъ быть исцѣлена иконой Смоленской Божьей Матери, находящейся у одного купца. «Правдивый» отправился къ этому купцу и служилъ у него три года ради полученія иконы; получивъ икону, онъ немедленно отыскалъ царя съ больной дочерью, исцѣлилъ

ее и въ награду за это получилъ царевну себѣ въ жены. Потомъ, вмѣстѣ съ женой, онъ поѣхалъ навѣстить старушку-мать и по дорогѣ встрѣтилъ «криводушнаго», которому воочію могъ показать, что жить правдой лучше. Онъ даже разсказалъ ему про чудесный ключъ и дубъ, гдѣ нашелъ свое счастье, и «криводушный» пошелъ туда же, но не только не получилъ ожидаемаго, а былъ растерзанъ «нечистыми» на «мелкія части». Какъ видно эта сказка носитъ на себѣ черты христіанскихъ воззрѣній. Но и независимо отъ этого вліянія, въ русскихъ сказкахъ твердо и послѣдовательно выдерживается мысль о конечномъ преобладаніи добра надъ зломъ, правды надъ ложью, честности надъ обманомъ; въ нихъ господствуетъ свѣтлый оптимизмъ, покоящійся на нравственныхъ основаніяхъ и приводящій сказку большею частію къ благополучной развязкѣ. Изъ этого источника проистекаетъ и мораль сказки, особенно проглядывающая въ отдѣлѣ сказокъ бытовыхъ и нравоучительныхъ. По ярко выраженной поучительности нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ, напр. «Баба-яга», «Лихо одноглазое», «Морозко» и др., называются иногда еще «философскими», хотя въ точномъ смыслѣ слова народная поэзія чужда философіи и въ вопросахъ высшаго порядка руководится здравымъ смысломъ и непосредственнымъ чувствомъ правды.

Историческія сказки. Особый отдѣлъ с к а з о к ъ и с т о р и ч е с к и х ъ касается опредѣленныхъ историческихъ событій. Подобно историческимъ пѣснямъ, историческія сказки не заходятъ далѣе татарской эпохи. Такова малороссійская сказка «О золотыхъ воротахъ». Во время нашествія татаръ на Кіевъ, кіевляне, по требованію татаръ, рѣшили выдать имъ своего богатыря Михайлика; но тотъ, пристыдивъ кіевлянъ за измѣну, поднялъ кіевскія «золотыя ворота» на копье и прошелъ съ ними въ Царьградъ черезъ татарское войско, которое тогда свободно могло взять Кіевъ; а Михайликъ съ тѣхъ поръ поселился въ Царьградѣ, гдѣ передъ нимъ стоитъ стаканчикъ воды да просвирка: больше ничего не ѣстъ. Изъ великорусскихъ сказокъ самыя древнія—«О Мамаѣ безбожномъ», который изображенъ какъ злѣйшій ненавистникъ Россіи. Есть нѣсколько сказокъ о царѣ Иванѣ Грозномъ—напр. «О Горшенѣ». Затѣмъ, нѣсколько сказокъ посвящено популярной въ народѣ личности Петра Великаго—между прочимъ одна, описывающая его умъ и простоту обращенія съ подданными. Одна малороссійская сказка изображаетъ отношенія Петра I къ Мазепѣ и Палію: Палій

спасъ Россію, разоблачивъ передъ царемъ измѣну Мазепы, и царь въ награду за это исполнилъ просьбу Палія—не мстилъ Малороссіи за вѣроломное поведеніе ея гетмана.

Сатирическія сказки. Наконецъ, сатирическія сказки имѣютъ своимъ содержаніемъ осмѣяніе и осужденіе человѣческихъ недостатковъ. Сказки эти—поздняго происхожденія и по своему складу носятъ на себѣ отпечатокъ книжности. Изъ нихъ особенно замѣчательны двѣ—«О Шемякиномъ Судѣ» и «О Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ». Первая передаетъ очень распространенную книжную, при томъ чужеземную, повѣсть о неправедномъ судьѣ, примѣненную къ жестокому поступку Димитрія Шемяки, который приказалъ ослѣпить своего противника, московскаго князя Василія Темнаго, въ XV вѣкѣ. Вторая же сказка изображаетъ въ сатирическихъ чертахъ судебную московскую волокиту XVII вѣка и тоже основывается на соотвѣтственной книжной повѣсти того времени, но уже русскаго происхожденія. Сказка эта проникнута веселымъ юмористическимъ настроеніемъ и, въ этомъ отношеніи, примыкаетъ къ тѣмъ многочисленнымъ разсказамъ и анекдотамъ «О цыганѣ и мужикѣ», «Ѳома Беренниковъ», «Жена-доказчица», «Жена-спорщица», «О злой женѣ» и т. п., которые дополняютъ собою отдѣлъ сказокъ сатирическаго содержанія. Наконецъ, есть сказки, представляющія собою пересказы, со своеобразными дополненіями и измѣненіями, былевыхъ сюжетовъ, напр. «Илья Муромецъ и змѣй», «Василій Буслаевичъ», «Алеша Поповичъ»: это—т. наз. «побывальщины».

Пріемы сказочнаго повѣствованія. § 21. Внѣшніе пріемы сказочнаго повѣствованія гораздо проще, чѣмъ въ былинахъ или историческихъ пѣсняхъ, съ которыми сказка изъ всей области пѣсенно-поэтическаго творчества всего болѣе имѣетъ въ этомъ отношеніи общаго. Мѣсто дѣйствія обозначается неопредѣленно: «въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ», «за тридевять земель»; время и обстоятельства—тоже: «когда-то» или просто «жили-были». Обычный, благополучный, конецъ обозначается такъ: «стали жить-поживать, да добра наживать», а иногда и съ присказкой, свидѣтельствующей о вліяніи на складъ сказокъ профессіональныхъ «бахарей», подобно пѣсеннымъ скоморохамъ: «Свадьбу сыграли, долго пировали; я тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по губамъ текло, въ ротъ не попало. Да на окошкѣ оставилъ я ложку; кто легокъ на ножку, тотъ сбѣгай по ложку!» Хотя сказка вообще сложена и разсказывается

прозой, но нѣкоторые часто употребляемые обороты ея сохранили форму размѣренной рѣчи, даже съ риѳмой: «стань передо мной, какъ листъ передъ травой» (о конѣ), «стань по старому, какъ мать поставила» (объ избушкѣ), «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать» (о дѣвицѣ). Разсказъ обыкновенно ведется медленно, съ повтореніями и постоянными эпитетами, но не въ такой степени и не съ такой традиціонной торжественностью, какъ въ былинѣ или исторической пѣснѣ.

Вслѣдствіе легкости передачи, сказки въ большей степени, чѣмъ былины, носятъ на себѣ черты книжныхъ заимствованій или чужеземнаго происхожденія: мы уже видѣли отношеніе къ книжному источнику сказокъ сатирическихъ; съ заимствованными иностранными сюжетами являются такія популярныя русскія сказки, какъ «Еруславъ Лазаревичъ» (изъ персидскихъ сказаній) или «Бова-королевичъ» (изъ итальянской повѣсти). Въ свою очередь, и сами сказки очень рано стали переходить въ лубочную литературу, широко распространявшуюся въ народныхъ массахъ.

VI. НАРОДНАЯ ДРАМА.

§ 22. Элементы драмы въ народной поэзіи. «Вертепъ» и «Петрушка». Современныя народныя драматическія представленія.

Элементы драмы въ народной поэзіи.

§ 22. Рядомъ съ элементами лирическимъ и эпическимъ, получившими свое преобладающее развитіе въ народной пѣснѣ и сказкѣ, въ синкретическомъ составѣ первоначальной народной поэзіи присутствовалъ и элементъ драмы. Было уже отмѣчено (см. выше, §§ 4 и 5), что въ пѣсняхъ обрядовыхъ—игровыхъ, хороводныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ—а также и въ нѣкоторыхъ бытовыхъ имѣются зачатки драматическаго дѣйствія. Когда въ хороводѣ одна часть его ведетъ діалогъ съ другой, имѣющій то серьезно-обрядовый, то шутливый характеръ, или въ свадебныхъ пѣсняхъ изображается весь «чинъ» похищенія невѣсты дружиной жениха, а въ пѣсняхъ похоронныхъ идетъ одинъ «плачъ» за другимъ въ соотвѣтствіи съ отдѣльными моментами похороннаго обряда, то все это въ сущности—зародыши драмы.

«Вертепъ» и «Петрушка».

Но, независимо отъ этого, зачатки народной драмы, т. е. представленіе какого-либо простѣйшаго дѣйствія въ разговорной формѣ, имѣлись и въ болѣе чистомъ видѣ. Наиболѣе древними формами такой драмы является кукольный народный театръ, получившій въ Мало-

россіи названіе «Вертепа», а въ Великороссіи—«Петрушки»; самыя раннія извѣстія о немъ восходятъ къ XVI—XVII вв., но возможно предполагать существованіе его и въ еще болѣе отдаленное время. Нѣмецкій путешественникъ Адамъ Олеарій, посѣтившій Московское государство въ 1636 году, видѣлъ представленіе «Петрушки» и оставилъ даже рисунокъ его. Содержаніемъ «Вертепа» была первоначально передача духовной мистеріи на тему о Рождествѣ Спасителя, отчего онъ и получилъ свое названіе («вертепъ», т. е. пещера, гдѣ родился Іисусъ Христосъ); затѣмъ къ этому присоединились пьесы свѣтскаго, по преимуществу веселаго, характера; «Петрушка» съ самаго начала давалъ лишь свѣтскія пьесы народнаго или полународнаго, нерѣдко грубоватаго, содержанія. Если возникновеніе «Вертепа» надо связывать съ духовными «мистеріями», т. е. представленіями церковнаго происхожденія на библейскіе сюжеты, то «Петрушка» находится въ зависимости отъ кукольнаго народнаго театра на Западѣ: «Петрушка»—это шутъ, напоминающій нѣмецкаго Гансвурста или франко-итальянскаго Арлекина. Почвой для развитія «вертепнаго» репертуара была главнымъ образомъ школьная драма, и потому онъ носитъ на себѣ многіе слѣды книжнаго происхожденія, но въ дальнѣйшемъ развитіи «Вертепа», въ составѣ его свѣтской части, героями являются «дѣдъ» и «баба», солдатъ и гусаръ, цыганъ, польскій панъ, казакъ-запорожецъ. «Петрушка» также, вслѣдъ за иностраннымъ шутовскимъ содержаніемъ, включалъ въ себя плоды непосредственной народной фантазіи великорусскаго характера, но плоды эти были сравнительно бѣдны и малооригинальны. Какъ въ Малороссіи, такъ и въ Великороссіи кукольныя народныя представленія были обыкновенно въ рукахъ особыхъ спеціалистовъ этой забавы, своего рода потѣшниковъ и скомороховъ.

Современныя народныя драматическія представленія.

Въ настоящее время народныя драматическія представленія можно наблюдать въ разныхъ частяхъ Россіи лишь при участіи людей: кукольныя представленія уже отошли въ область дѣтской забавы. Ихъ исполняютъ по преимуществу деревенскіе молодые люди и солдаты, въ избахъ и казармахъ, въ праздничные рождественскіе и святочные вечера; текстъ нѣкоторыхъ изъ нихъ записанъ и носитъ на себѣ слѣды книжныхъ вліяній не только стараго западнаго происхожденія, какъ французская пѣсенка о походѣ Мальбрука, но и отзвуки или даже прямо заимствованія изъ русскихъ поэтовъ—Пушкина, Лермонтова и другихъ.

Самой извѣстной пьесой является «Царь Максимьянъ». Въ ней этотъ «царь» изображается главнымъ образомъ со стороны своего безстрашія и могущества. Онъ самъ говоритъ о себѣ:

Я не есть царь русскій,
Не король французскій,
Не король шведскій
И не султанъ турецкій,
А я изъ тѣхъ южныхъ странъ,
То есть грозный царь Максимьянъ...
Кто надъ царями царь,
Надъ рыцарями рыцарь,
Надъ повелителями повелитель,
Какъ я не я, грозный царь Максимьянъ?
Хотя я не великъ, но храберъ;
Кто есть на сей землѣ со мною равенъ?
(*Н. Ончуковъ*)

Максимьянъ, отступившійся отъ христіанской вѣры, требуетъ, чтобы сынъ его Адольфъ тоже поклонился «кумирческимъ богамъ, золотымъ истуканамъ», но юноша съ негодованіемъ отвергаетъ это требованіе:

Ваши кумирческіе боги
Повергаю себѣ подъ ноги,
Въ грязь топчу,
Вѣровать не хочу;
Вѣрую во Исуса Христа!

За это отецъ подвергаетъ сына мученіямъ, а затѣмъ казни; подъ конецъ и самъ царь умираетъ. Есть предположеніе, что пьеса эта возникла въ эпоху Петра Великаго и отразила на себѣ народное пониманіе отношеній Петра I къ царевичу Алексѣю.

Изъ другихъ пьесъ весьма популярна «Шлюпка» , или «Лодка», гдѣ изображаются «разбойники» гуляющими на Волгѣ, во главѣ со своимъ атаманомъ:

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей,
За Волгой шайка собиралась
Вокругъ пылающихъ огней.

Въ нѣкоторыхъ варьянтахъ этой драмы разбойники захватываютъ въ плѣнъ «помѣщика» или «фельдфебеля», но главное содержаніе ея составляетъ все таки картина вольной и разгульной жизни разбойниковъ въ духѣ уже разсмотрѣнныхъ раньше (см. выше, § 17) «разбойничьихъ пѣсенъ».

Нѣкоторыя изъ народно-драматическихъ піесъ, напр. «Баринъ», имѣютъ своимъ содержаніемъ сатирическое изображеніе барина—главнымъ образомъ со стороны его бѣдности и наивности—или «откупщика».

Въ пьесахъ этихъ нѣтъ раздѣленія на «дѣйствія» и «явленія»; сложены онѣ большею частію стихами, но совершенно невыдержанными въ ритмѣ; иногда слышится риѳма, преимущественно глагольная; стихи прерываются по мѣстамъ прозой; есть піесы (напр. «Параша», «Мнимый баринъ»), исключительно сложенныя прозой.

VII. ПОГОВОРКИ, ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ.

§ **23.** Другія произведенія устной словесности. Поговорки. Пословицы; ихъ происхожденіе и содержаніе; форма пословицъ; историческое значеніе пословицъ. — § **24.** Загадки; ихъ происхожденіе, содержаніе и форма.

Другія произведенія устной словесности.

§ **23.** До сихъ поръ мы разсматривали такія произведенія устнаго народнаго творчества, которыя, въ той или иной степени, могутъ быть отнесены къ области поэзіи—одни преимущественно къ лирикѣ (§§ 4—6, 16—18), другія къ эпосу (§§ 7—15, 19—21), третьи къ драмѣ (§ 22). Но въ области устнаго творчества, какъ и въ литературѣ письменной, есть произведенія, которыя, хотя и не могутъ быть названы поэтическими, однако близко подходятъ къ произведеніямъ словесности по заключающемуся въ нихъ общему интересу и по извѣстной законченности формы (ср. § 1). Эти произведенія являются продуктомъ разсудочной наблюдательности и умственнаго обобщенія; въ письменной литературѣ имъ соотвѣтствуютъ произведенія историческія, критико-публицистическія и философскія. Мы имѣемъ въ виду—поговорки, пословицы и загадки, которыя имѣютъ съ разсмотрѣнными ранѣе поэтическими произведеніями лишь то общее, что въ ихъ ф о р м ѣ иногда можно усмотрѣть элементы художественности; по своему же с о д е р ж а н і ю они являются тѣмъ, что, въ отличіе отъ поэзіи, принято называть прозой.

Поговорка.

Поговорка и пословица очень близки между собою. «Поговорка—цвѣточекъ, пословица—ягодка», говорится въ народѣ: въ самомъ дѣлѣ п о г о в о р к а, есть недоразвившаяся пословица, намекъ на нее, иносказаніе, которому недостаетъ сужденія, чтобы обратиться въ пословицу. Цѣль поговорки заключается не въ томъ, чтобы выразить законченную мысль,

а только въ томъ, чтобы образно очертить какую-нибудь одну сторону мысли; поговорка имѣетъ лишь вспомогательное значеніе, заключающееся не столько въ ея содержаніи, сколько въ формѣ или способѣ выраженія. Таковы поговорки: «какъ снѣгъ на голову», «легокъ на поминѣ», «куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней», «по Сенькѣ шапка» и т. п. Въ древности поговорки назывались «притчами»; одну изъ такихъ притчъ приводитъ Лѣтопись: «погибоша аки Обре», вспоминая опредѣленный историческій фактъ.

Пословицы; ихъ происхожденіе и содержаніе.

Пословица заключаетъ въ себѣ уже извѣстное сужденіе, результатъ опыта, наблюденія и размышленія; въ этомъ смыслѣ пословица является продуктомъ народной мудрости, отражая на себѣ опредѣленныя черты его міросозерцанія. Подобно поговоркамъ, пословицы также ведутъ свое начало съ очень давняго времени: въ Лѣтописи приводится пословица «Путята крести (новгородцевъ) мечомъ, а Добрыня огнемъ», указывающая на опредѣленное историческое событіе; есть пословицы, напоминающія татарскую эпоху: «каковъ ханъ, такова и орда», «не во время гость хуже татарина», и позднѣйшія историческія явленія: «семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ», «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день» (запрещеніе перехода крестьянъ отъ однихъ помѣщиковъ къ другимъ при Борисѣ Годуновѣ), «голодный французъ и воронѣ радъ» (изъ Отечественной войны 1812 года). Это есть въ собственномъ смыслѣ историческія пословицы.

Огромное количество пословицъ, первыя записи которыхъ, подобно былинамъ и историческимъ пѣснямъ, относятся къ XVII вѣку, можетъ быть по своему содержанію распредѣлено на нѣсколько отдѣловъ. Кромѣ упомянутыхъ историческихъ пословицъ, могутъ быть выдѣлены:

— Пословицы, возникшія на основѣ религіозныхъ вѣрованій. Нѣкоторыя изъ нихъ указываютъ на языческую эпоху: «горы да овраги—чортово жилье», «всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить»; другія свидѣтельствуютъ о христіанскихъ воззрѣніяхъ: «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», «человѣкъ гадаетъ, а Богъ совершаетъ», «проси Николу, а онъ Спасу скажетъ», «не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велитъ».

— Пословицы бытовыя, т. е. возникшія изъ наблюденій надъ опредѣленными чертами быта: о родовомъ сходствѣ («яблоко отъ яблони недалеко падаетъ», «воронѣ соколомъ не бы-

вать»), о дѣтяхъ («какъ Богъ до людей, такъ отецъ до дѣтей»), о женитьбѣ и выходѣ замужъ («много жениховъ, да суженаго нѣтъ»; «женитьба—не гоньба, поспѣешь», «жена не лапоть, съ ноги не скинешь»; «въ дѣвкахъ сижено—горе мыкано, замужъ выдано—вдвое прибыло», «люби жену какъ душу, тряси ее какъ грушу», «кого люблю, того и бью»), о правдѣ и неправдѣ («правда свѣтлѣе солнца», «правда глаза колетъ»; «правдою не обуешься, сытъ не будешь»), объ умѣ («чужимъ умомъ вѣкъ не проживешь», «счастье безъ ума—дырявая сума»), о характерѣ («у злой Натальи всѣ люди канальи»), о судьбѣ («кому что на роду написано», «отъ судьбы не уйдешь»), о богатствѣ и бѣдности («не проси у богатаго, проси у тороватаго», «бѣдность—не порокъ», «лишнія деньги—лишняя забота») и пр. Какъ видно, однѣ изъ этихъ пословицъ имѣютъ характеръ нравоучительный, а другія т. ск. философскій, выражая собою тѣ или другіе взгляды народа на вопросы общаго характера.

—Пословицы сатирическія, въ которыхъ выражается осужденіе или даже обличеніе разныхъ сторонъ жизни, человѣческихъ характеровъ, положеній: напр. похвальба («ржаная каша сама себя хвалитъ»), ханжество и лицемѣріе («не ради Іисуса, а ради хлѣба куса», «добрый воръ безъ молитвы не украдетъ», «всякъ крестится, да не всякъ молится»), взятки и неправый судъ («судъ прямой, да судья кривой», «тяжбу завелъ—сталъ голъ какъ соколъ», «въ судъ пойдешь, правды не найдешь», «конь любитъ овесъ, а воевода приносъ»).

Форма пословицъ. По формѣ пословицы большею частію двучленны, причемъ каждый членъ грамматически является особымъ краткимъ предложеніемъ; многія изъ нихъ построены на сопоставленіи предметовъ или явленій, въ обычномъ смыслѣ противоположныхъ, но сближенныхъ метафорой и тѣмъ выводомъ, логическимъ или нравственнымъ, который изъ этого сопоставленія получается. Между конечными словами обоихъ членовъ пословицы обыкновенно есть риѳма, неправильная въ строгомъ смыслѣ, но звучная, достигаемая путемъ сходныхъ окончаній именъ прилагательныхъ или глаголовъ.

Историческое значеніе пословицъ. Пословицы имѣютъ важное историческое и бытовое значеніе, представляя собою богатый матеріалъ для сужденія о матеріальной и духовной жизни и воззрѣніяхъ русскаго народа въ прошломъ и настоящемъ. Но къ матеріалу этому все-таки нужно относиться, съ этой точки зрѣнія, осторожно: съ одной стороны, многія пословицы

заимствованы отъ другихъ народовъ и поэтому лишены значенія самостоятельныхъ проявленій русской народной мысли, а съ другой—иныя, возникнувъ въ старое время, отжили свой вѣкъ и являются теперь лишь пережитками прошлаго.

Загадки; ихъ происхожденіе, содержаніе и форма.

§ **24.** Загадка въ настоящее время имѣетъ характеръ умственной забавы, но при своемъ возникновеніи и вообще въ старое время она имѣла гораздо болѣе серьезное значеніе: форму загадокъ принимали разнаго рода миѳическія представленія, предсказанія будущаго; загадками испытывали человѣческую мудрость. Загадка въ основѣ своей есть метафора, реальный смыслъ которой для первобытнаго человѣка былъ ясенъ и которая прельщала его картинностью своего выраженія; только позднѣе, когда загадка сдѣлалась игрой ума, для нея потребовалась и отгадка.

Загадки по содержанію своему столь же разнообразны, какъ и пословицы. Есть загадки изъ области явленій природы («крикнулъ воронъ на сто городовъ, на тысячу озеръ»—громъ; «летитъ огневая стрѣла , никто ее не поймаетъ: ни царь, ни царица, ни красная дѣвица»—молнія; «зимой грѣетъ, весной тлѣетъ, лѣтомъ умираетъ, осенью оживаетъ»—снѣгъ), которыя признаются наиболѣе древними и ведущими свое начало изъ языческихъ временъ; другія загадки касаются солнца и мѣсяца («золотъ хозяинъ—на поле, серебрянъ пастухъ—съ поля», «хоть и видятся, а не сойдутся»), лѣса («одно проклятое дерево безъ вѣтра шумитъ»—осина), воды («два братца въ воду глядятся, вѣкъ не сойдутся»—берега рѣки), домашнихъ животныхъ («не пахарь, не столяръ, не купецъ, не плотникъ, а первый въ селѣ работникъ»—лошадь; «ничего не болитъ, а все стонетъ»—свинья), разныхъ предметовъ домашняго обихода (« у нашей туши выросли уши, а головы нѣтъ» — ушатъ; «въ небо дыра, въ землю дыра, а по середкѣ огонь да вода»—самоваръ) и пр.

По своей формѣ, загадки, подобно поговоркамъ и пословицамъ, отличаются ритмичностью и иногда риѳмой. Нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе поздняго происхожденія, облечены въ форму вопроса: «что безъ огня горитъ?» (солнце), «что тяжелѣе горы?» (языкъ). Большая часть загадокъ кратки, но есть нѣкоторыя, облеченныя въ форму небольшого разсказа:

Крыса, Кошка, Мыши и Печь.

Выходитъ турица
Изъ подъ каменной горицы,
Спрашиваетъ курицу турица:

«Курица, курица!
Гдѣ ваша косарица?»
—Наша косарица лежитъ
На печерскихъ горахъ,
Хочетъ вашихъ дѣтей ловить.
«Ахъ, горе горевать:
Куда намъ дѣтей дѣвать?
Али въ старую норку сажать?»
(*Д. Садовниковъ*)

VIII. УСТНОЕ ТВОРЧЕСТВО ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ ХРИСТІАНСТВА.

§ **25.** Духовные стихи: ихъ происхожденіе и общій характеръ. Калики перехожіе; эпическія сказанія о нихъ. О Голубиной книгѣ. Объ Егоріи Храбромъ. Объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ. Другіе сюжеты духовныхъ стиховъ. — § **26.** Легенды: О Соломонѣ Премудромъ, О святыхъ Касьянѣ и Николѣ.

Духовные стихи; ихъ происхожденіе и общій характеръ.

§ **25.** Выше (§ 2) было уже упомянуто о томъ, что произведенія устнаго творчества, въ процессѣ своего развитія и даже самаго возникновенія, подвергались вліянію идей христіанства; въ пѣсняхъ, былинахъ, сказкахъ, заговорахъ и загадкахъ имѣются упоминанія имени Іисуса Христа, Божьей Матери, святыхъ, и притомъ многія изъ этихъ произведеній проникнуты христіанскимъ міросозерцаніемъ. Наконецъ, есть цѣлый отдѣлъ устнаго творчества, основанный, по сюжетамъ и ихъ обработкѣ, на преданіяхъ и фактахъ христіанской исторіи и догмы: это—духовные стихи и легенды.

Духовные стихи это—пѣсни, по внѣшнему своему складу напоминающія былины или историческія пѣсни и имѣющія своимъ содержаніемъ народно-поэтическую разработку темъ о началѣ и существѣ міра, о разныхъ событіяхъ и лицахъ изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, а также изъ исторіи Россіи съ религіозно-исторической точки зрѣнія. Сюжеты эти разработаны въ духѣ христіанскихъ воззрѣній, но съ большой примѣсью недостовѣрныхъ и даже фантастическихъ подробностей; фактическое содержаніе духовныхъ стиховъ отводитъ ихъ, въ смыслѣ источниковъ, къ разнаго рода апокрифическимъ сказаніямъ и преданіямъ, заимствованнымъ литературнымъ путемъ изъ Византіи и Запада (см. ниже, § 28); поэтому, на содержаніи духовныхъ стиховъ лежитъ печать сильнаго вліянія книжности. Время происхожденія духовныхъ стиховъ опредѣлить такъ же трудно, какъ и любого изъ отдѣловъ чисто-устной словесности, но можно предполагать все-таки, что возникли они въ христі-

анскую эпоху, и большая часть изъ нихъ сравнительно поздно, въ XVI—XVII вв., въ пору сильнаго броженія въ Московской Руси религіозныхъ идей и усиленнаго знакомства съ произведеніями церковной и церковно-апокрифической литературы.

Немалую роль въ этомъ процессѣ созиданія духовныхъ стиховъ играла и юго-западная школа, получившая въ XVI в. свое начало, а въ XVII в. уже оказавшая сильное вліяніе на церковно-религіозную жизнь Московскаго государства. Кіевскіе и вообще западно-русскіе школьные дѣятели той эпохи, наставники, ученики и разнаго рода книжные люди, охотно воспѣвали въ стихахъ библейскіе, церковно-историческіе и иные сюжеты благочестиваго характера, а иногда полагали ихъ на бумагу; въ большинствѣ же случаевъ эти стихи разносились устно, подобно другимъ произведеніямъ народной поэзіи, видоизмѣнялись, сокращались или пополнялись такими чертами, которыя шли совершенно изъ другихъ источниковъ: такъ попадали сюда разныя чисто-языческія представленія и подробности, которыя накладывали на всю эту поэзію черты «двоевѣрія».

Пѣсенныя произведенія исключительно книжныя, возникшія въ школьной обстановкѣ XVII в., носятъ названія «псальмовъ» и «кантовъ»; мы ими здѣсь заниматься не станемъ, т. к. они составляютъ содержаніе книжной словесности и по самому существу своему отличаются отъ «духовныхъ стиховъ», являющихся прежде всего продуктами народной фантазіи и устнаго творчества, хотя бы и подъ воздѣйствіемъ книжности.

Калики перехожіе; эпическія сказанія о нихъ.

Главными носителями духовныхъ стиховъ въ народѣ были т. наз. «калики перехожіе», т. е. нищіе, переходившіе съ мѣста на мѣсто за подаяніемъ и распѣвавшіе, для возбужденія интереса къ себѣ, пѣсни духовнаго содержанія. Названіе ихъ происходитъ, вѣроятно, отъ сл. «калига»—обуви, употреблявшейся паломниками въ ихъ далекихъ странствіяхъ къ святымъ землямъ. Только потомъ, вслѣдствіе созвучія, калики эти стали называться «калѣками», вовсе не будучи таковыми на самомъ дѣлѣ. Калики-странники совершали иногда далекія путешествія, въ Іерусалимъ и другія мѣста священнаго поклоненія, и эти благочестивыя путешествія могли содѣйствовать накопленію у нихъ знакомства съ духовно-религіозными стихами, вполнѣ гармонировавшими и съ цѣлью ихъ странствованій, и съ посѣщаемыми ими мѣстами. О происхожденіи этихъ каликъ имѣется особая пѣсня, родъ былины, подъ заглавіемъ «О Христовѣ вознесеніи», слѣ-

дующаго содержанія. При вознесеніи Христа на небо, «нищая братія» расплакалась и стала спрашивать Его, какъ они будутъ безъ него жить; Христосъ отвѣтилъ, что дастъ имъ на пропитаніе «гору золотую и рѣку медвяную», такъ что они будутъ «сыты да и пьяны, обуты и одѣты». Но бывшій тутъ Іоаннъ Богословъ отсовѣтовалъ Христу дать обѣщанное имъ «нищьей братьи», потому что все это отнимутъ у нихъ «сильные-богатые», а лучше пусть Онъ дастъ имъ Его святое имя, которое замѣнитъ имъ богатство: Христосъ вполнѣ согласился съ этимъ совѣтомъ:

Ты Иванъ да Богословецъ,
Ты Иванъ да Златоустый!
Ты умѣлъ слово сказати,
Умѣлъ слово разсудити!
Пусть твои слова да золотыя,
Пусть тѣ (т. е. тебѣ) въ году праздники частые!
(*П. Безсоновъ*).

Изъ другого стиха, извѣстнаго подъ именемъ «Сорокъ каликъ со каликою», вырисовывается личность «каликъ перехожихъ» и съ другой стороны. Они представлены тутъ на пути въ Іерусалимъ и составляютъ между собою богатырскій «кругъ», съ «атаманомъ» во главѣ; калики кладутъ заповѣдь не красть, не лгать и не дѣлать ничего дурного, а виновнаго противъ этой заповѣди— «едина оставить въ чистомъ полѣ и окопать по плеча во сыру землю»; яви шись къ князю Владиміру, они требуютъ отъ него милостыню «не рублемъ и не полтиною», а «цѣлыми тысячами», при чемъ кричатъ передъ нимъ такимъ «зычнымъ голосомъ», что

Дрогнетъ матушка сыра-земля,
Съ деревъ вершины попадали.
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали.
(*П. Безсоновъ*)

Однимъ словомъ, калики—настоящіе богатыри, подобно героямъ былиннаго эпоса, откуда, очевидно, и перенесены на нихъ эти фантастическія черты, не согласныя съ ихъ скромной и благочестивой профессіей.

Наиболѣе замѣчательными изъ духовныхъ стиховъ являются: О Голубиной книгѣ, Объ Егоріи Храбромъ, Объ Алексѣѣ, божьемъ человѣкѣ.

О Голубиной книгѣ.

Стихъ о Голубиной книгѣ посвященъ разрѣшенію вопросовъ космогоническаго характера, т. е. о томъ, какъ произошелъ видимый нами міръ. Въ немъ

разсказывается о томъ, какъ изъ тучи съ восточной стороны выпала на землю «Книга Голубиная» и къ ней собрались «сорокъ царей и царевичей, сорокъ королей и королевичей». Между царемъ Давыдомъ Евсѣичемъ и царемъ Волотоманомъ (или по другимъ варьянтамъ—Володимеромъ) завязывается бесѣда. Волотоманъ спрашиваетъ присутствующихъ, кто изъ нихъ «гораздъ въ грамотѣ», чтобы прочесть эту книгу и сказать—

Отчего зачался у насъ бѣлый свѣтъ,
Отчего началось солнце красное,
Отчего начался младъ свѣтелъ-мѣсяцъ.
Отчего начались звѣзды частыи,
Отчего начались зори свѣтлыи?

Отвѣтить на эти вопросы на основанiи Голубиной книги берется царь Давидъ и объясняетъ:

Начался у насъ бѣлый свѣтъ
Отъ самого Христа, царя небеснаго,
Началось солнце красное
Отъ свѣтлаго лица Божiя,
Младъ-свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его,
Звѣзды частыи отъ ризъ Божiихъ,
Зори утренны-вечерныи отъ очей его,
Отъ самого Христа, царя небеснаго.

Далѣе идутъ вопросы о томъ, откуда «цари съ боярами», «крестьяне православные», кто «надъ царями царь», всѣмъ городамъ и церквамъ мать. Получивши отвѣтъ на эти вопросы, цари задаютъ Давиду новые—о моряхъ, озерахъ, рыбахъ, птицахъ, звѣряхъ. Оказывается, что морямъ всѣмъ мать—«Океiанъ-море», изъ котораго «встала» соборная церковь святому Клименту, озерамъ мать—Ильмень-озеро, изъ котораго вытекаетъ Iордань-рѣка, рыбамъ мать—«Титъ (т. е. китъ)—рыба», птицамъ мать—«Стрефелъ-птица», живущая въ морѣ, а «надъ звѣрями звѣрь»—единорогъ, обитающiй въ горѣ Ѳаворѣ и ходящiй «по подземелью». Затѣмъ опять идутъ новые вопросы съ отвѣтами на нихъ о камняхъ, деревьяхъ, травахъ. Цари просятъ Давида истолковать имъ видѣнный ими случай, когда въ чистомъ полѣ сходились два зайца, бѣленькiй и сѣренькiй, при чемъ послѣднiй одолѣлъ перваго и ушелъ въ темный лѣсъ, а бѣлый заяцъ—въ поле чистое; Давидъ объяснилъ, что это боролись между собою «кривда и правда»: кривда одолѣла правду и пошла «ходить по мiру», а правду Богъ взялъ къ себѣ на небо. Наконецъ, Давидъ, по просьбѣ царя Волотомана-Володомера, истолковываетъ его сонъ, смыслъ ко-

тораго былъ тотъ, что у Волотомана родится дочь Саламидія, а у Давида сынъ Соломонъ, которые вступятъ между собою въ бракъ. Стихъ кончается выраженіемъ благодарности царей Давиду за его мудрость.

Объ Егоріи Храбромъ.

Стихъ объ Егоріи Храбромъ касается болѣе близкаго русскому человѣку вопроса—объ устроеніи Руси. Егорій—сынъ царя Федора и царицы Софіи Премудрой; родился онъ въ чудесной обстановкѣ:

По колѣнъ ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ.

Нѣкій «царище Демьянище», язычникъ и варваръ напалъ на царство отца Егорія, забралъ послѣдняго, вмѣстѣ съ тремя его сестрами, въ плѣнъ и сталъ принуждать его перейти въ «вѣру бусурманскую». Егорій съ негодованіемъ отказался покинуть христіанскую вѣру, и за то подвергся мученіямъ, но ни топоры, ни пилы, ни смола не сдѣлали Егорію никакого вреда, и тогда онъ заточенъ былъ въ глубокій погребъ. Однако будущее Егорія было предрѣшено: онъ долженъ былъ сдѣлаться просвѣтителемъ «земли святорусскія». Для этого онъ испрашиваетъ благословеніе у своей матери и отправляется на подвиги, какъ священный воинъ, взявши себѣ коня богатырскаго, желѣзныя цѣпи и палицу.

Егорій наѣзжаетъ сначала на «лѣса дремучіе», а потомъ на «горы толкучія»: здѣсь онъ рѣшаетъ построить «церковь соборную» и утвердить «святую вѣру». Далѣе ему попадаются на пути три его плѣнныя сестры, пасущія «звѣриное стадо», при чемъ—

Тѣло на нихъ какъ кора еловая,
А волосы на нихъ какъ ковыль-трава,
А гласомъ гласятъ по звѣриному.

Егорій возвращаетъ ихъ къ человѣческому образу совѣтомъ искупаться въ рѣкѣ Іордани. Потомъ онъ встрѣчаетъ «звѣря огненнаго» и лютую птицу: перваго загоняетъ подъ землю, а вторую поселяетъ въ морѣ. Наконецъ, Егорій выѣзжаетъ къ Кіеву, которымъ владѣетъ его врагъ Одемьянище и котораго онъ безъ пощады убиваетъ. Въ концѣ стиха Егорію воздается похвала:

Онъ стоялъ за вѣру христіанскую и православную!
(*П. Безсоновъ*)

Если въ стихѣ о Голубиной книгѣ историческія черты, кромѣ произвольно взятыхъ именъ царя Давида и Царя Волотомана (князя Владиміра), совершенно неуловимы, а все вниманіе

обращено на разрѣшеніе крупныхъ вопросовъ міроваго строенія, то въ стихѣ объ Егоріи Храбромъ видна уже фактическая основа фабулы, взятой изъ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства. Св. Георгій-Егорій былъ дѣйствительное историческое лицо; въ качествѣ исповѣдника христіанства, онъ былъ замученъ при императорѣ Діоклетіанѣ въ началѣ IV вѣка. Имя св. Георгія было необыкновенно популярнымъ въ русской народной средѣ; на него перешли даже черты какого-то языческаго божества, б. м. самого Дажь-бога; онъ считался покровителемъ земледѣлія, и въ «Егорьевъ день» (23 апрѣля) ему пѣлись особыя пѣсни. Такимъ образомъ, приписаніе въ стихѣ св. Георгію-Егорію духовнаго устроенія Руси, какъ по преимуществу земледѣльческой страны, вполнѣ соотвѣтствуетъ требованію народно-поэтической психологіи.

Объ Алексѣѣ, божьемъ человѣкѣ.

Еще ближе къ нашему времени, по своей исторической основѣ, сюжетъ стиха объ Алексѣѣ, божьемъ человѣкѣ. Тутъ нарисованъ уже чистый аскетическій идеалъ, который могъ развиваться и привлечь къ себѣ вниманіе народной фантазіи лишь въ сравнительно позднее время, когда церковно-христіанскія основы отшельничества пустили въ народное сознаніе болѣе или менѣе глубокіе корни. Историческій св. Алексѣй, изображенный въ стихѣ, жилъ въ концѣ IV—началѣ V вѣка.

Стихъ объ Алексѣѣ разсказываетъ о томъ, какъ въ Римѣ, «при Оноріи», у благочестиваго и знатнаго человѣка Ефимьяна родился сынъ Алексѣй. Онъ рано началъ учиться и въ семилѣтнемъ возрастѣ хорошо зналъ уже грамоту и могъ толковать Евангеліе. Когда пришло время, родители нашли ему прекрасную невѣсту, и хотя Алексѣй не имѣлъ охоты жениться, но, по кротости своего нрава, не пошелъ противъ родительской воли. Однако въ самый же день свадьбы, глубокой ночью, онъ покинулъ свою супругу, отдавъ ей на память свой перстень и шелковый поясъ; по его словамъ, онъ пошелъ въ «иншую землю»—

За батюшкинъ грѣхъ помолиться,
За матушкинъ грѣхъ потрудиться!

Алексѣй рѣшилъ, въ образѣ нищаго, искать себѣ своими трудами и молитвой будущаго спасенія; питаясь милостыней, онъ исходилъ много мѣстъ, былъ въ городѣ «Одесѣ» (Эдесъ, въ Месопотаміи) и, наконецъ, оказался въ родномъ Римѣ. Между тѣмъ родители тщетно его повсюду искали; когда онъ пришелъ въ Римъ и встрѣ-

тилъ родителей, они его не узнали; однако, видя въ немъ благочестиваго отшельника, дали ему для житья «убогую келью». Моментъ кончины Алексѣя ознаменовался слѣдующимъ чудомъ:

Во славномъ городѣ во Рымѣ
Промежду обѣденъ, заутрени
Исполнилъ Господь благоуханія:
Тимьяномъ и ладаномъ запахло
По всему по городу по Рыму.

Это обратило на себя вниманіе самого римскаго «архіерея»; стали искать вновь явленныя мощи и нашли ихъ въ убогой кельѣ при домѣ князя Ефимьяна; изъ «рукописанія», которое держалъ въ рукѣ покойный, узнали, кто онъ былъ родомъ и именемъ. При погребеніи его многіе болящіе получили исцѣленіе: итакъ—

Объявилъ Алексѣй святую свою славу
Во всю свято-русскую землю;
Онъ Богу былъ, свѣтъ, угоденъ,
Всему міру онъ доброхотенъ,
Угодно онъ Господу скончался.
(*П. Безсоновъ*)

Другіе сюжеты духовныхъ стиховъ.

Темы другихъ духовныхъ стиховъ—Страшный Судъ, Іосифъ Прекрасный, Царевичъ Іоасафъ, Николай Чудотворецъ, Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій и т. д. Изъ духовныхъ стиховъ, посвященныхъ событіямъ русской жизни, замѣчательны: о Борисѣ и Глѣбѣ, объ Александрѣ Невскомъ и необыкновенно поэтичный стихъ «Дмитріевская суббота», воспѣвающій великаго князя Димитрія Донского.

Легенды.

§ **26.** Легенды—это также продукты народной фантазіи на основѣ религіозныхъ и церковно-историческихъ преданій. Отношеніе ихъ къ духовнымъ стихамъ приблизительно то же, какъ сказокъ къ былинамъ и историческимъ пѣснямъ. Въ самомъ дѣлѣ, легенды—своего рода религіозныя сказки; въ нихъ религіозныя темы обработаны менѣе серьезно, чѣмъ въ духовныхъ стихахъ, и съ гораздо большей свободой допущена вульгаризація, т. е. опрощеніе, духовныхъ сюжетовъ. Подобно духовнымъ стихамъ, въ легендахъ можно усмотрѣть вліяніе иноземныхъ книжныхъ сказаній, взятыхъ преимущественно изъ апокрифической литературы Византіи и Запада (ср. ниже, § 28). Въ легендахъ сильно подчеркивается нравственно-назидательная точка зрѣнія на христіанской основѣ. Подобно сказкамъ, легенды изложены въ прозѣ.

О Соломонѣ Премудромъ.

Изъ ветхозавѣтныхъ легендъ—вотъ одна, разсказывающая о Соломонѣ. Іисусъ Христосъ, сошедши, послѣ распятія, въ адъ, вывелъ оттуда всѣхъ кромѣ Соломона Премудраго, которому предложилъ выйти самому, «своими мудростями». Соломонъ думалъ-думалъ и принялся вить длинную веревку, которой и сталъ измѣрять въ аду мѣсто; когда подошедшій къ нему маленькій чертенокъ спросилъ, что онъ дѣлаетъ, то Соломонъ отвѣтилъ, что хочетъ построить въ аду «церковь соборную». Чертенокъ разсказалъ это своему дѣду-сатанѣ, и тотъ немедленно выгналъ изъ ада Соломона, а этого Соломону только и надо было.

О святыхъ Касьянѣ и Николѣ.

Изъ новозавѣтныхъ легендъ есть много такихъ, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является самъ Іисусъ Христосъ, при чемъ разныя лица изъ простой народной среды ставятся къ Нему въ самыя обычныя, естественно-житейскія отношенія. Между легендами, посвященными святымъ угодникамъ, есть одна очень замѣчательная—о Касьянѣ и Николѣ. Однажды, въ осеннюю пору, мужикъ увязилъ на дорогѣ возъ. Идетъ мимо Касьянъ-угодникъ; мужикъ не узналъ его и попросилъ помочь вытащить возъ, но Касьянъ отказалъ и пошелъ дальше. Немного погодя шелъ по этой же дорогѣ Никола-угодникъ и, по просьбѣ мужика, вытащилъ возъ. Когда потомъ оба святые пришли къ Богу въ рай, то Богъ сталъ ихъ спрашивать, гдѣ они были. Касьянъ разсказалъ про встрѣчу съ мужикомъ и прибавилъ, что не хотѣлъ ему помогать, чтобы не испачкать райскаго платья; Никола-угодникъ сообщилъ просто объ оказанной имъ мужику помощи. Тогда Богъ сказалъ Касьяну, что такъ какъ онъ не помогъ мужику, то ему будутъ служить молебны только черезъ три года, а Николѣ, за его доброту, каждый годъ дважды. Эта легенда имѣла въ виду объяснить, почему память св. Касьяна празднуютъ только въ високосный годъ (29 февраля), а св. Николая каждый годъ дважды (9 мая и 6 декабря).

Древняя русская литература XI-XVII вв.

IX. ПИСЬМЕННОСТЬ КІЕВСКОЙ РУСИ (XI—XII вв.).

§ 27. Христіанство на Руси, въ связи съ общей просвѣтительной дѣятельностью Кирилла и Меѳодія. Изобрѣтеніе славянскаго алфавита; кириллица. Начало церковно-славянскаго литературнаго языка. Русскій литературный языкъ.—§ 28. Вліяніе Византіи на Русь и русскую литературу. Переводная литература изъ Византіи. Апокрифы. Остромирово Евангеліе и Изборники великаго князя Святослава. — § 29. Начало оригинальной письменности на Руси. Дѣленіе древней русской литературы на періоды.—§ 30. Общій характеръ письменности кіевскаго періода. Церковныя поученія. Лука Жидята. Иларіонъ. Кириллъ Туровскій.—§ 31. Житія святыхъ. Несторово житіе Феодосія Печерскаго.—§ 32. Начальная Лѣтопись и лѣтописные своды; происхожденіе Лѣтописи. Источники Лѣтописи. Особенности лѣтописца какъ писателя: религіозныя воззрѣнія, умственная пытливость, чувство любви къ родинѣ. Внѣшніе пріемы изложенія въ Лѣтописи. Языкъ Лѣтописи. — § 33. Поученіе Владиміра Мономаха.—§ 34. Путешествія русскихъ людей въ святыя земли. Игуменъ Даніилъ и его Хожденіе. Содержаніе Хожденія; цѣль и историческое значеніе Хожденія. — § 35. Свѣтская поэзія древнѣйшей эпохи. Слово о Полку Игоревѣ. Содержаніе поэмы. Разсказъ Лѣтописи о походѣ Игоря. Историческая цѣнность Слова. Литературная сторона Слова: вліяніе книжной литературы; вліяніе устной поэзіи. Особенности поэтическаго языка Слова. Цѣль написанія Слова; общее проникающее его настроеніе. Исключительное положеніе памятника и внѣшняя его судьба.— § 36. Общіе выводы о литературѣ кіевской эпохи.

Христіанство на Руси, въ связи съ общей просвѣтительной дѣятельностью Кирилла и Меѳодія.

§ 27. Переходъ отъ устной словесности къ письменной—явленіе естественное для всякой литературы. На Руси этотъ переходъ совершился при обстоятельствахъ, имѣющихъ большой историческій интересъ; безъ знакомства съ этими обстоятельствами невозможно понять той глубокой противоположности, въ которую на первыхъ порахъ стала новая письменная (книжная) словесность относительно старой, т. е. уже существовавшей, словесности устной.

Книжная словесность была вызвана у насъ принятіемъ христіанства. Хотя начало христіанства на Руси обыкновенно считается съ 988 года, но въ дѣйствительности оно существовало и раньше. Еще въ составѣ княжескихъ дружинъ Олега и Игоря были люди, принявшіе христіанскую вѣру въ Константинополѣ,

гдѣ позднѣе крестилась сама великая княгиня Ольга, а въ Кіевѣ была даже церковь въ память св. Иліи. Офиціальное признаніе христіанства господствующей религіей при Владимірѣ Святомъ принесло съ собою въ Россію и начатки книжнаго христіанскаго просвѣщенія—въ видѣ грамотности, чтенія и переписки священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Это просвѣтительное и безконечно важное для русскихъ славянъ дѣло связано съ великимъ подвигомъ первосвятителей славянскихъ, братьевъ Кирилла и Меѳодія, память о которыхъ навсегда сохранится въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы.

Святые Кириллъ (въ свѣтскомъ званіи Константинъ) и Меѳодій были родомъ греки. Выполняя порученіе византійскихъ духовныхъ властей, они посвятили свою жизнь и всѣ силы на дѣло просвѣщенія христіанствомъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ, съ которыми Византія то враждовала, то мирилась, и которыя, пребывая въ язычествѣ, являлись опасной угрозой ея политическому существованію; внеся къ этимъ племенамъ христіанство, Византія на долгіе вѣка, до самаго конца своего существованія, т. е. до половины XV вѣка, пріобрѣла надъ ними неоспоримое культурное вліяніе. По отношенію къ русскимъ славянамъ, особенныя заслуги проявилъ младшій изъ братьевъ, Кириллъ: въ началѣ второй половины IX вѣка онъ совершилъ путешествіе въ Хазарскую землю и по пути туда посѣтилъ славянское населеніе Южной Руси, гдѣ отъ него впервые была услышана проповѣдь христіанской вѣры. Около того же времени братья просвѣтили христіанствомъ моравскаго князя Ростислава и болгарскаго царя Бориса съ ихъ подданными.

Изобрѣтеніе славянскаго алфавита; кириллица. Начало церковно-славянскаго литературнаго языка.

Такъ какъ христіанство, основанное на Евангеліи и имѣвшее уже къ тому времени богатѣйшую литературу, преимущественно на греческомъ и латинскомъ языкахъ, не могло успѣшно распространяться безъ грамотности, то первымъ дѣломъ братьевъ просвѣтителей по отношенію къ славянамъ было изобрѣтеніе для нихъ славянскаго алфавита; грамотность должна была создать среди новопросвѣщенныхъ славянъ начатки христіанской книжности и тѣмъ закрѣпить въ нихъ основныя пріобрѣтенія христіанскаго просвѣщенія. Но какъ это было сдѣлать? Славяне, среди которыхъ Кириллъ и Меѳодій проповѣдывали христіанство, говорили хотя и сходными между собою, но все-же различными нарѣчіями; съ этими нарѣчіями братья-просвѣтители, видимо,

были знакомы въ степени, достаточной для устнаго общенія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они, быть можетъ, пользовались и переводчиками изъ грековъ, знавшихъ по-славянски, или изъ мѣстныхъ славянъ, знавшихъ по-гречески. Для созданія славянскаго алфавита они взяли звуки одного изъ славянскихъ нарѣчій, вѣроятно—болгарскаго, и примѣнили къ ихъ письменному изображенію готовые знаки греческаго алфавита: такъ образовалась азбука кириллица, названная по имени одного изъ братьевъ—Кирилла; она получила рѣшительное преобладаніе во всей церковной, а позднѣе и свѣтской, литературѣ славянъ южныхъ и восточныхъ, т. е. болгаръ, сербовъ и русскихъ. Какъ только былъ выработанъ славянскій алфавитъ, братья-просвѣтители принялись за переводъ съ греческаго языка на древне-болгарское нарѣчіе Евангелія и другихъ самыхъ важныхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ; этимъ было положено начало т. наз. церковно-славянскому литературному языку и литературѣ. Въ силу своего высокаго назначенія—быть выразителемъ догматовъ Христовой вѣры, истинъ Евангелія, молитвъ и вообще чувствъ, мыслей и познаній вѣрующаго христіанина—языкъ этотъ, несмотря на свое частное происхожденіе, сдѣлался вначалѣ общимъ письменнымъ языкомъ всего славянскаго міра, соединившимъ на долгое время все славянство единой связью. Это обстоятельство имѣло неисчислимыя и самыя благотворныя послѣдствія на будущую судьбу различныхъ славянскихъ народовъ, давая имъ возможность пользоваться общей христіанской литературой и тѣмъ содѣйствуя ихъ внутреннему духовному единству на основѣ христіанскаго нравственно-религіознаго просвѣщенія. Кромѣ того, это необыкновенно важно было и для каждаго изъ славянскихъ племенъ въ отдѣльности, давая имъ съ самаго же начала возможность воспринимать христіанскія истины и христіанское просвѣщеніе непосредственно изъ источника на понятномъ для каждаго языкѣ—въ церкви и дома, изъ книги или устной бесѣды церковнаго проповѣдника. Такихъ благопріятныхъ условій для христіанскаго просвѣщенія лишены были народы, получившіе христіанство не изъ Византіи, а изъ Рима, гдѣ богослужебнымъ языкомъ, въ силу разъ принятыхъ и узаконенныхъ понятій, былъ языкъ латинскій, и гдѣ, слѣдовательно, проповѣдь на мѣстныхъ языкахъ не дополнялась общепонятнымъ языкомъ церковной службы: такъ дѣло обстояло у большей части народовъ германскаго и романскаго корня въ Западной Европѣ.

Русскій литературный языкъ. Сдѣлавшись на первыхъ порахъ органомъ литературы, церковно-славянскій языкъ удерживалъ это свое положеніе на Руси лишь въ той части русской литературы, которая обнимала вопросы и понятія религіозные: на немъ существовали переводы книгъ Священнаго Писанія, затѣмъ—творенія Отцовъ Церкви, разныя религіозно-назидательныя и ученыя сочиненія, переводныя и отчасти оригинальныя. Рядомъ съ нимъ существовалъ и болѣе близкій къ народному употребленію книжный **русскій литературный языкъ**, слагавшійся изъ элементовъ церковно-славянскихъ и собственно-русскихъ. Участіе этихъ обоихъ элементовъ въ разныхъ памятникахъ было весьма различно: памятники преимущественно церковно-догматическаго и нравоучительнаго содержанія заключали въ своемъ языкѣ больше церковно-славянскаго элемента, чѣмъ, напр., историческія сочиненія: такимъ образомъ въ проповѣдяхъ и житіяхъ святыхъ онъ сказывался сильнѣе, чѣмъ въ лѣтописяхъ; еще болѣе народныхъ элементовъ можно наблюдать въ поэтическихъ произведеніяхъ, какъ Слово о Полку Игоревѣ, и особенно въ грамотахъ и вообще юридическихъ актахъ, гдѣ чисто дѣловыя цѣли совершенно почти заслоняли церковно-славянскую языковую стихію въ пользу народной русской.

Вліяніе Византіи на Русь и русскую литературу. § 28. Кириллъ и Меѳодій умерли (первый въ 869, а второй въ 885 году), не успѣвъ выполнить всего громаднаго плана созданія на славянскомъ языкѣ необходимой церковно-богословской и нравственно-поучительной литературы; это дѣло продолжали ихъ непосредственные ученики, дѣйствовавшіе преимущественно среди южнаго славянства: между ними особенно извѣстнымъ является Климентъ (ум. въ 916 году). Трудами Кирилла и Меѳодія и учениковъ ихъ въ полной мѣрѣ воспользовались и русскіе книжники, первые создатели русской литературы, писавшіе на церковно-славянскомъ и русскомъ литературномъ языкахъ. Памятники этой литературы извѣстны намъ со второй половины XI вѣка.

Просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Меѳодія съ ихъ учениками была лишь началомъ огромнаго воздѣйствія Византіи на русскую жизнь; за этимъ началомъ послѣдовали дальнѣйшіе шаги общаго глубокаго вліянія Византіи на Русь, сказавшіеся сильнѣйшимъ образомъ на образованіи и ходѣ русской литературы въ теченіе всего древняго періода ея существованія, т. е. съ XI и до конца XVII вѣка.

Несмотря на тяжелыя внутреннія потрясенія политическаго организма Византіи, государство это въ IX и X вв., т. е. въ эпоху перваго ближайшаго культурнаго соприкосновенія съ Русью, представляло собою крупную силу. Она обладала богатой литературой и образованностью, хотя та и другая имѣли одностороннее, преимущественно учено-богословское, направленіе; кромѣ того, были запасы и литературно-поэтическихъ трудовъ, которыми въ средніе вѣка Византія снабжала различныя литературы Запада. Религіозныя броженія въ Византіи и споры по религіозно-догматическимъ вопросамъ съ Римомъ привели въ половинѣ XI вѣка къ раздѣленію церквей, восточной отъ западной, православной отъ католической, при чемъ Византія вышла изъ этого спора съ полнымъ сознаніемъ своей правоты; это сознаніе отразилось и на древней Руси. Русскіе, получивъ христіанство изъ Византіи, должны были воспринять отъ нея и извѣстное нерасположеніе къ католическому Западу, называя католиковъ «погаными латынянами». Что касается собственно литературы византійской, то изъ нея заимствовано было русскими дѣятелями прежде и больше всего то, что касалось вопросовъ вѣры и благочестія, т. е. священныя, богослужебныя книги, творенія Святыхъ Отцовъ и разнаго рода нравственно-назидательныя сочиненія, преимущественно въ видѣ сборниковъ; чтеніе и переписка этихъ произведеній въ церковно-славянскихъ переводахъ воспитывали умъ и сердце первыхъ русскихъ читателей, принявшихъ христіанскую вѣру.

Литературное вліяніе Византіи не могло идти въ Россію непосредственно, такъ какъ византійскія произведенія писаны были по гречески; они нуждались въ переводѣ; однако переводчиковъ въ Россіи на первыхъ порахъ не было. Въ этомъ случаѣ Русь воспользовалась литературными трудами южныхъ славянъ, преимущественно болгаръ, а позднѣе—сербовъ. Въ Болгаріи, вскорѣ же по принятіи ею христіанства, возникла усиленная дѣятельность по переводу различныхъ произведеній византійской литературы; особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи дѣятельность болгарскаго царя Симеона (885—927), который былъ просвѣщеннымъ любителемъ литературы и ознаменовалъ собою «золотой вѣкъ» болгарской политической и культурной жизни. Онъ оказывалъ покровительство ученикамъ Кирилла и Меѳодія, а при его преемникахъ, въ X и XI вѣкахъ, въ Болгаріи переведено было на церковно-славянскій языкъ множество греческихъ сочиненій самаго разнообразнаго содержанія—не только церковныхъ, но и свѣтскихъ: романы и повѣсти, историческіе труды и пр.

Значительная часть этихъ сочиненій перенесена была потомъ и въ Россію, что представлялось вполнѣ возможнымъ въ виду понятности для русскихъ славянъ церковно-славянскаго языка.

Переводная литература изъ Византіи. Переводная литература, перешедшая на Русь черезъ посредство южнаго славянства, была очень обширна и стремилась удовлетворить, по возможности, всѣ умственныя и душевныя потребности новообращеннаго христіанскаго общества—какъ религіозныя, такъ и свѣтскія.

На первомъ планѣ стояли тексты Св. Писанія и церковно-богослужебныхъ книгъ. Книги Св. Писанія были переведены не всѣ сразу, а прежде всего—Евангеліе и Псалтырь. Евангеліе имѣлось въ двухъ видахъ—по евангелистамъ («тетръ»)и по порядку чтенія отрывковъ изъ него въ церкви («апракосъ»); списковъ второго вида сохранилось больше, чѣмъ перваго, такъ какъ для церковно-богослужебной практики это было нужнѣе. Псалтырь была одной изъ самыхъ любимыхъ книгъ у нашихъ предковъ: ее не только читали въ церкви за богослуженіемъ, но по ней обыкновенно учили дѣтей читать, а въ домашнемъ быту употребляли ее еще и для гаданья: существовали даже особыя «гадательныя псалтыри», снабженныя толкованіями для гадающихъ. Многія другія книги Ветхаго и Новаго Завѣта также были переведены, но въ рукописяхъ встрѣчаются рѣже, указывая тѣмъ и на болѣе рѣдкое ихъ употребленіе въ церкви и дома; полный же переводъ всѣхъ книгъ Ветхаго Завѣта былъ сдѣланъ въ Россіи гораздо позднѣе, при архіепископѣ Новгородскомъ Геннадіи, въ 1499 году. Рядомъ съ обычнымъ текстомъ Псалтыри и Евангелія, существовали еще толковыя Евангелія и Псалтыри, снабженныя толкованіями, т. е. объясненіями отдѣльныхъ мѣстъ этихъ книгъ, принадлежащими знаменитымъ Отцамъ Церкви.

Цѣлямъ богослуженія и вмѣстѣ съ тѣмъ назидательнаго чтенія дома служили Минеи и Прологи, въ которыхъ, рядомъ съ отдѣльными частями церковной службы, помѣщались многочисленныя житія восточныхъ святыхъ, кратко разсказанныя, въ перемежку съ церковными поученіями; исключительно житіями наполнены были Патерики—Скитскій, Синайскій, Іерусалимскій.

Для чтенія внѣ службы церковной служили многочисленныя житія, изъ которыхъ многія отличались большими литературными достоинствами и поэтичностью: таковы, напр., «Житіе Василія Новаго», «Житіе Варлаама и Іоасафа» и нѣкоторыя

другія, оказавшія большое вліяніе на книжную и даже устную русскую словесность. Той же цѣли назидательнаго чтенія служили многочисленные сборники святоотеческихъ сочиненій (Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Лѣствичника, Ефрема Сирина, Іоанна Дамаскина) и цѣлый длинный рядъ сборниковъ смѣшаннаго состава, носившихъ разнообразныя названія: Златоустъ, Измарагдъ, Маргаритъ, Златая Цѣпь, Пчела.

Изъ свѣтской переводной литературы особенно выдѣлялись историческія сочиненія: Палея, хроники, хронографы; съ историко-географическимъ характеромъ—Христіанская Топографія Козьмы Индикоплова, описывающая путешествіе автора по Индіи въ началѣ VI вѣка. Одно изъ историческихъ сочиненій посвящено вопросу, особенно интересному тогда для русскаго и вообще всякаго славянина: это—«Сказаніе о письменахъ славянскихъ» черноризца Храбра, имѣющее весьма важное значеніе для историческаго пониманія первыхъ шаговъ книжнаго просвѣщенія среди славянъ.

Большой отдѣлъ составляютъ переводы греческихъ романовъ и повѣстей, возникшихъ то самостоятельно въ Византіи, то перешедшихъ туда изъ восточныхъ сказаній. Одни изъ этихъ повѣстей и романовъ имѣютъ своимъ содержаніемъ сказочно-фантастическіе мотивы, напр. «Стефанитъ и Ихнилатъ» или «Синагриппъ», а другіе мотивы историческіе. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательны «Троянская война», «Александрія», «Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ» и повѣсть «О Дигенисѣ-Акритѣ». Въ «Троянской войнѣ» переданы разныя свѣдѣнія о причинахъ возникновенія Троянской войны, описаны главнѣйшіе ея эпизоды, сообщены преданія о судьбѣ ея участниковъ послѣ войны и т. д.; хотя въ этомъ произведеніи упоминается о Гомерѣ и Виргиліи, однако оно основано не на ихъ твореніяхъ, а на болѣе позднемъ сказаніи, приписываемомъ будто бы современникамъ этой войны Диктису и Дарету. «Александрія» касается крайне популярной въ средніе вѣка личности Александра Македонскаго, но въ этомъ произведеніи Александръ получаетъ не историческое, а совершенно фантастическое изображеніе. Тутъ описаны побѣдоносные его походы противъ индійскаго царя Пора, противъ нечестивыхъ царей Гога и Магога; въ этихъ походахъ Александръ встрѣчается съ необыкновенными чудовищами, вродѣ людей съ собачьими головами («песьи-главцы»), съ говорящими деревьями, летаетъ на птицахъ по воздуху, опускается въ морскія глубины, доходитъ даже до рая

и до мѣста адскихъ мученій грѣшниковъ; съ другой стороны, ему приписаны высокія христіанскія черты—молитвенное настроеніе, борьба противъ язычества. «Сказанію объ Индійскомъ царствѣ» придана форма письма индійскаго царя-пресвитера Іоанна къ византійскому императору Мануилу. Въ немъ дается фантастическое описаніе Индійской земли и ея царя, который до обѣда—священникъ, а послѣ обѣда—владыка нѣсколькихъ тысячъ царей и повелитель столь обширной земли, что и самъ не можетъ отмѣтить ея протяженія. Землю эту населяютъ необыкновенно рослые великаны, съ рогами, глазами и ртомъ на груди, копытами и получеловѣчьимъ-полусобачьимъ туловищемъ. Вся природа этой земли совершенно необыкновенна: на землѣ нѣтъ ни гадовъ, ни мухъ и комаровъ; море состоитъ не изъ воды, а изъ песка, постоянно волнующагося; посреди его протекаетъ рѣка Геонъ, которая выходитъ изъ рая и полна драгоцѣнностей. Палаты самого царя-пресвитера построены изъ серебра, золота и драгоцѣнныхъ камней; дворъ, гдѣ стоятъ эти палаты, столь обширенъ, что заключаетъ въ себѣ множество рѣкъ и озеръ; самъ царь окруженъ необычайно многолюдной свитой изъ другихъ, подвластныхъ ему, царей, князей, епископовъ, митрополитовъ и патріарховъ. Словомъ, въ этихъ обѣихъ повѣстяхъ, объ Александрѣ и объ Индіи, совершенно нѣтъ предѣла фантазіи; эти особенности ихъ приводили въ восхищеніе старинныхъ читателей и были причиной того, что многія подробности названныхъ повѣстей вошли въ другія произведенія и даже въ устную поэзію: напр., въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ, при описаніи его несмѣтныхъ богатствъ, есть подробности, напоминающія «Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ». О повѣсти «Дигенисъ-Акритъ» см. ниже, § 35.

Апокрифы. Въ особую группу, изъ числа переводныхъ произведеній византійскаго происхожденія, должны быть выдѣлены апокрифы. Апокрифами назывались такіе разсказы или цѣлыя книги, которые передавали о разныхъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событіяхъ и лицахъ подробнѣе и иначе, чѣмъ въ Библіи; они стояли внѣ признаннаго церковью «канона» священныхъ книгъ; многіе изъ нихъ считались прямо отверженными, «отреченными», вредными для христіанина—читателя и даже вносились въ существовавшій для этого особый «индексъ», т. е. указатель. Цѣлью составленія апокрифовъ было желаніе такъ или иначе выяснить разные вопросы, на которые нѣтъ отвѣтовъ въ библейскихъ книгахъ, при чемъ главнымъ источникомъ для такого рода выясненій являлись неопредѣленныя преданія и до-

гадки чисто фантастическаго характера. Апокрифы могутъ быть раздѣлены на два отдѣла—ветхозавѣтные и новозавѣтные.

Среди ветхозавѣтныхъ апокрифовъ особенно извѣстны были: «Объ Адамѣ и Евѣ», «Объ Эпохѣ», «Объ Авраамѣ», многочисленныя сказанія о Соломонѣ. Въ апокрифѣ объ Адамѣ и Евѣ разсказывается, какъ Богъ, сотворивъ рай, отдалъ его на храненіе Адаму—съ сѣверной и восточной стороны и Евѣ—съ западной и южной. Когда Адамъ и Ева поѣли, противъ воли Бога, запрещеннаго плода, то со всѣхъ деревьевъ въ саду спали листья, и только одна смоковница удержала свой зеленый покровъ, изъ котораго Адамъ и Ева сшили себѣ одежды. Послѣ суда надъ Адамомъ и Евой, происходившаго посрединѣ рая, и изгнанія ихъ обоихъ оттуда, оба они плакали семь дней, а затѣмъ пошли искать пищи, но ничего не нашли; тогда Богъ пожалѣлъ ихъ и послалъ имъ, черезъ ангеловъ Іоиля и Михаила, терноваго плода, меду и пшеницы. Далѣе, принявшись за обработку земли, Адамъ вторично подпалъ искушенію дьявола и даже далъ на себя дьяволу «рукописаніе», т. е. росписку на свою душу послѣ смерти. Это рукописаніе дьяволъ скрылъ на днѣ рѣки Іордана подъ камнемъ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ креститься Іисусъ Христосъ. Однако, по предложенію Евы, Адамъ, вмѣстѣ съ женою, сталъ поститься сорокъ дней, чтобы вымолить себѣ прощеніе, и для этого Адамъ велѣлъ Евѣ войти въ рѣку Тигръ и стоять тамъ до его прихода, а самъ пошелъ въ Іорданъ и тоже сталъ въ воду. Такъ оба они выдержали положенный срокъ покаянія и молитвы, за что и были прощены. Далѣе, въ этомъ же апокрифѣ разсказывается о дѣтяхъ Адама и Евы—Каинѣ, Авелѣ и Сиѳѣ—и о смерти Адама: къ умирающему Адаму Богъ послалъ трехъ ангеловъ, а архангелу Михаилу повелѣлъ отнести душу его въ рай; вскорѣ послѣ его смерти, умерла и Ева, которую Сиѳъ похоронилъ тамъ, гдѣ было похоронено тѣло Авеля.

Въ многочисленныхъ сказаніяхъ о Соломонѣ выставляется главнымъ образомъ мудрость этого царя. По одному разсказу, нѣкто, умирая, оставилъ тремъ своимъ сыновьямъ подарки, завѣщая старшему взять верхнее, среднему—среднее, а младшему нижнее; когда подарки эти были открыты, то оказалось, что въ первомъ заключалось золото, во второмъ—кости, въ третьемъ земля. Изумленные братья начали ссориться между собою и пошли къ Соломону съ просьбой ихъ разсудить; Соломонъ разъяснилъ волю завѣщателя такъ, что старшему брату должно принадлежать золото, среднему—скотъ и рабы, а младшему—поля, виноград-

ники и прочее недвижимое имущество, согласно намеку на нихъ посредствомъ костей и земли. Въ другомъ разсказѣ представлена дочь и шесть ея братьевъ, оставшихся послѣ смерти отца; умиравшій отецъ приказалъ отдать золото дочери, а все остальное—старшему сыну; другіе братья, обдѣленные отцомъ, рѣшились обратиться къ Соломону; тотъ сказалъ имъ, что можетъ разсудить ихъ дѣло лишь послѣ того, какъ они принесутъ къ нему правую руку умершаго ихъ отца. Сыновья бросились къ могилѣ отца и уже хотѣли ее раскопать, но старшій сынъ, не желавшій нарушать могильнаго покоя умершаго, просилъ этого не дѣлать и обѣщалъ раздѣлить все завѣщанное ему имущество поровну между братьями. Когда посланные Соломона разсказали ему объ этомъ, онъ подтвердилъ разумность завѣщанія отца: настоящимъ сыномъ его является дѣйствительно старшій братъ, не допустившій раскопать могилу, что не задумались сдѣлать другіе братья. Эти и другіе подобные разсказы извѣстны были подъ именемъ «Судовъ Соломона».

Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ особенно большое распространеніе имѣли: «Видѣніе апостола Павла», «Бесѣда трехъ святителей» и «Хожденіе Богородицы по мукамъ». Въ послѣднемъ нарисована широкая и потрясающая картина адскихъ мученій грѣшниковъ, дѣйствовавшая на религіозное воображеніе читателей своими яркими фантастическими подробностями; видя мученія грѣшныхъ людей и сжалившись надъ ними, Богородица проситъ Бога объ ихъ облегченіи; по этой молитвѣ Богоматери, Богъ посылаетъ въ адъ самого Христа, установившаго покой для мучениковъ отъ великаго четверга до пятидесятницы.

Эти и подобныя апокрифическія сказанія, число которыхъ очень велико, возникли въ древнемъ періодѣ русской литературы путемъ переводовъ съ греческаго, сдѣланныхъ у южныхъ славянъ, или въ самой Россіи; но опредѣлить болѣе точно время и мѣсто ихъ возникновенія не всегда возможно.

Остромирово Евангеліе и Изборники вел. кн. Святослава.

Изъ переводныхъ трудовъ, дошедшихъ до насъ въ подлинныхъ спискахъ древнѣйшей эпохи русской литературы, т. наз. «кіевской» или «до-монгольской», особенно замѣчательны «Остромирово Евангеліе» и два «Изборника» великаго князя Святослава. Оба эти памятника являются русскими копіями съ еще болѣе древнихъ памятниковъ болгарской переводной письменности; церковно-славянскій языкъ ихъ въ русскихъ спискахъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ сообразно фонетическимъ и грамматическимъ особенностямъ русской рѣчи.

«Остромирово Евангеліе» есть книга евангельскихъ чтеній типа «апракосъ», приспособленныхъ къ употребленію въ церковной службѣ; она была списана съ древне-болгарскаго оригинала въ 1056—1057 годахъ дьякономъ Григоріемъ для Новгородскаго посадника Остромира и представляетъ собою великолѣпную рукопись, украшенную изящнымъ орнаментомъ и снабженную ликами четырехъ евангелистовъ; «Остромирово Евангеліе» является драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ не только русскаго письменнаго языка XI вѣка, но и книжной живописи той эпохи въ византійскомъ вкусѣ. Рукопись хранится въ настоящее время въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ Петроградѣ.

«Изборники» Святослава—тоже копіи древне-болгарскихъ, переведенныхъ съ греческаго, произведеній. Особенно замѣчателенъ первый изъ нихъ, писанный на Руси въ 1073 году для великаго князя Святослава Ярославича и представляющій собою списокъ съ «Изборника», сдѣланнаго въ Болгаріи для упомянутаго книголюбца болгарскаго царя Симеона. Онъ заключаетъ въ себѣ много отрывочныхъ произведеній византійской литературы различнаго содержанія; при этой рукописи, хранящейся нынѣ въ Московской Синодальной Библіотекѣ, имѣется изображеніе в. кн. Святослава съ его семьей. Второй «Изборникъ» писанъ для того же князя въ 1076 году, также смѣшаннаго церковно-учительнаго содержанія, но выполненъ гораздо скромнѣе съ внѣшней стороны и лишенъ рисунковъ; онъ хранится, подобно Остромирову Евангелію, въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Начало оригинальной письменности на Руси. Дѣленіе древней русской литературы на періоды.

§ **29.** Вслѣдъ за переводами и рядомъ съ ними, возникла, по принятіи христіанства на Руси, также и письменность самостоятельная, т. е. не переводная; по своему содержанію и формѣ, она представляла сначала подражаніе письменности византійской и со временемъ пріобрѣтала все большую и большую самостоятельность.

Если имѣть въ виду, что вся русская литература, въ ея историческомъ развитіи, дѣлится на двѣ части—д р е в н ю ю (до Петра Великаго, т. е. до XVIII вѣка) и н о в у ю (послѣ Петра Великаго, т. е. съ начала XVIII вѣка и до настоящаго времени), то древнюю литературу (письменность) можно, въ свою очередь, раздѣлить на четыре отдѣла: 1. Древнѣйшая, т. е. кіевская, письменность обнимаетъ собою XI и XII вѣка вплоть до паденія Кіева и нашествія монголовъ на русскую землю въ первой четверти XIII вѣка, и потому называется еще «до-монгольскою»;

2. Сѣверо-восточная письменность, знаменующая переходъ русскихъ литературныхъ интересовъ и литературной дѣятельности на сѣверо-востокъ Руси, въ XIII—XIV вв.; 3. Московская письменность XV и XVI вв., когда центръ литературной работы переходитъ въ Москву, объединившую собою прежнія разрозненныя политическія и культурныя стремленія русскаго народа въ одно цѣлое; 4. Переходная эпоха русской письменности въ XVII в., отмѣченная вліяніемъ Запада, который пришелъ на смѣну вліянію Византіи; въ это время происходитъ подготовка къ преобразованіямъ Петра Великаго и постепенный переходъ къ новому періоду русской литературы.

Общій характеръ письменности кіевскаго періода.

§ 30. Письменность Кіевской Руси, отличающаяся по преимуществу церковно-религіознымъ характеромъ, довольно разнообразна по содержанію; тутъ имѣются и церковныя поученія, и житія святыхъ, и историческія сочиненія, и нравоучительныя обращенія отъ лица къ лицу, и описанія путешествій въ святыя земли, и произведенія поэтическія.

Церковныя поученія.

Самыми выдающимися проповѣдниками древнѣйшей эпохи являются Лука Жидята, митрополитъ Иларіонъ и Кириллъ Туровскій; они оставили послѣ себя рядъ проповѣдей, иначе называемыхъ «поученіями» или «словами».

Лука Жидята.

«Поученіе къ братіи» новгородскаго епископа Луки Жидяты (ум. 1059) отличается необыкновенной простотою и краткостью: тутъ даются наставленія о томъ, какъ вѣровать въ Бога, ходить въ церковь, быть кроткимъ, почитать старшихъ; видно, что оно обращено было къ паствѣ, только что просвѣщенной свѣтомъ христіанской вѣры. Лука Жидята считается самымъ древнимъ изъ русскихъ писателей, поскольку имена этихъ писателей сдѣлались извѣстны въ наукѣ.

Иларіонъ.

Кіевскій митрополитъ Иларіонъ, поставленный въ этотъ санъ въ 1051 году, былъ личностью весьма замѣчательной какъ по своему образованію, такъ и по высокимъ нравственнымъ качествамъ; ему принадлежитъ «Слово о законѣ и благодати», знаменитый памятникъ древне-русской учительной литературы. Въ этомъ произведеніи изображается высота христіанской вѣры, и проповѣдникъ достигаетъ своей цѣли путемъ сравненія ветхаго (до-христіанскаго) «закона» и новой (христіанской) «благодати»; въ концѣ проповѣдникъ говоритъ о просвѣщеніи

Руси Христовою вѣрой, при чемъ воздается прочувственная и краснорѣчивая похвала великому князю кіевскому Владиміру. «Слово» митрополита Иларіона есть произведеніе обширное и сложно построенное; оно обнаруживаетъ въ авторѣ прекрасное знакомство съ византійской проповѣднической литературой, а вмѣстѣ съ тѣмъ литературный талантъ, религіозное воодушевленіе и глубокое поэтическое настроеніе.

Кириллъ Туровскій. Кириллъ Туровскій принадлежитъ уже къ XII вѣку. Онъ былъ уроженцемъ города Турова, недалеко отъ Кіева, и вторую половину своей жизни посвятилъ церковно-административнымъ трудамъ въ качествѣ туровскаго епископа. Кириллъ отличался большой начитанностью въ византійской церковной литературѣ, что и отразилось на его собственныхъ многочисленныхъ проповѣдническихъ трудахъ. Это были поученія на разные церковные праздники: въ Вербную недѣлю (воскресенье), на Пасху, въ недѣлю Ѳомину, на Вознесеніе Господне и т. д.; въ нихъ проповѣдникъ даетъ слушателямъ разъясненіе празднуемыхъ евангельскихъ воспоминаній, призываетъ проникнуться христіанскимъ настроеніемъ. Кромѣ того, Кирилломъ Туровскимъ написаны разнаго рода поучительныя посланія и молитвы. Отличительной литературной особенностью Кирилла Туровскаго, какъ писателя, является его пристрастіе къ риторическимъ украшеніямъ своей рѣчи, метафорамъ, аллегоріямъ, сравненіямъ и другимъ пріемамъ искусственнаго ораторства; онъ далеко не чуждъ поэтическаго чувства, для выраженія котораго часто пользуется сопоставленіемъ библейско-историческихъ и обыкновенныхъ житейскихъ событій съ явленіями природы, напр. зимней стужей и весеннимъ тепломъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, проповѣди его не лишены драматизма, при чемъ авторъ пользуется діалогической формой изложенія.

Если вникнуть въ общій характеръ произведеній трехъ названныхъ авторовъ-проповѣдниковъ, то можно предполагать, что первый изъ нихъ, Лука Жидята, былъ вполнѣ доступенъ пониманію своей паствы, а два послѣдніе, Иларіонъ и Кириллъ Туровскій, могли обращаться только къ наиболѣе образованной части своихъ слушателей, которыхъ во всякомъ случаѣ было тогда немного; въ одномъ изъ своихъ произведеній Кириллъ Туровскій самъ жалуется на то, что его мало слушаютъ—очевидно потому, что проповѣди его, по своему искусственному построенію и ученому содержанію, мало были доступны тогдашней русской народной средѣ, еще недостаточно подготовленной

къ усвоенію глубокаго богословскаго содержанія и риторическихъ тонкостей.

Житія святыхъ. Несторово житіе Ѳеодосія Печерскаго.

§ 31. Если церковныя поученія служили цѣлямъ христіанскаго просвѣщенія преимущественно въ храмахъ, то для домашняго религіознаго чтенія особенно пригодны были житія святыхъ, т. е. повѣствованія о жизни святыхъ угодниковъ, полныя не только историческаго, но и нравоучительнаго интереса. Этотъ отдѣлъ литературы могъ развиться и дѣйствительно сильно развился въ послѣдующіе вѣка, при наличности святыхъ подвижниковъ, проводившихъ свою жизнь преимущественно въ монастыряхъ; то и другое, т. е. монастыри и подвижники, имѣли возможность появиться на Руси лишь съ теченіемъ времени: вотъ почему въ первые два вѣка русской письменности, т. е. въ кіевскій ея періодъ, «житій» имѣется немного; между тѣмъ эта литературная форма представляла большую привлекательность для благочестиваго читателя, соединяя въ себѣ легкость усвоенія съ глубокой назидательностью содержанія.

Русскіе монастыри въ древнюю пору были въ высокой степени полезными учрежденіями. Въ нихъ не только находили себѣ пріютъ искатели уединенной благочестивой жизни, но и вообще люди съ преобладающими духовными стремленіями; монахи переписывали въ монастыряхъ столь нужныя тогда книги, устраивали школы, лѣчили больныхъ и занимались другими видами благотворительности; тамъ же останавливались паломники и всякаго рода путешественники; обнесенные стѣнами монастыри служили мѣстомъ защиты мирнаго населенія во время нашествія враговъ; вообще монастыри являлись центрами умственно-религіозной и культурной жизни и пользовались большимъ почетомъ со стороны князей и мѣстнаго населенія, сельскаго и городского. Самымъ замѣчательнымъ изъ русскихъ монастырей въ древнѣйшую эпоху былъ Кіево-Печерскій, названный такъ потому, что основатели и первые обитатели его соорудили себѣ для житья подземныя «пещеры», отчасти сохранившіяся и донынѣ; онъ игралъ въ исторіи русской жизни особенно важную роль по своей близости къ столичному городу Кіевской Руси и по сосредоточенію въ немъ первыхъ русскихъ подвижниковъ, шедшихъ въ своихъ религіозныхъ стремленіяхъ по слѣдамъ христіанскихъ образцовъ Востока и Византіи. Здѣсь воспиталъ себя одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ писателей

кіевской эпохи—Несторъ, съ именемъ котораго связываются труды по созданію древнѣйшей русской Лѣтописи. Этому писателю-монаху безспорно принадлежатъ образцовыя для своего времени сочиненія житійскаго характера—Житіе Бориса и Глѣба и Житіе Θеодосія Печерскаго.

Несторъ родился въ 50-хъ годахъ XI вѣка, а умеръ около 1114 года. Принадлежащее ему Житіе Θеодосія замѣчательно столько же личностью Θеодосія, сколько и своими литературными достоинствами.

О Θеодосіи мы узнаемъ изъ Житія слѣдующее. Родился онъ въ посадѣ Василёвѣ (нынѣ Васильковъ, Кіевской губ.); дѣтство и юные годы провелъ въ Курскѣ, гдѣ отданъ былъ родителями учиться грамотѣ; здѣсь онъ наслышался и начитался о монастырскихъ подвижникахъ, увлекся ими и захотѣлъ самъ имъ подражать. Первоначально онъ сталъ удовлетворять своимъ подвижническимъ стремленіямъ тѣмъ, что трудился дома, въ селѣ и на полѣ, какъ простой работникъ; но это не понравилось его матери, и она старалась склонить сына къ такому дѣлу, которое бы болѣе отвѣчало его положенію въ домѣ состоятельныхъ родителей; тогда Θеодосій рѣшился бѣжать изъ дому, присоединившись къ группѣ странниковъ, шедшихъ въ Іерусалимъ; однако былъ силою возвращенъ матерью съ дороги, закованъ въ цѣпи и лишенъ свободы. Давъ обѣщаніе матери не стремиться уйти изъ дому, Θеодосій началъ съ особеннымъ усердіемъ посѣщать церковныя службы, самъ принималъ въ нихъ участіе и даже пекъ просфоры, что опять вызвало неудовольствіе матери. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы съ противодѣйствіемъ матери его жаждѣ духовныхъ подвиговъ, при чемъ нерѣдко Θеодосій подвергался побоямъ, онъ рѣшился, наконецъ, окончательно оставить родительскій домъ, пришелъ въ Кіевъ и здѣсь просилъ подвизавшагося въ кіевскихъ пещерахъ Антонія принять его къ себѣ; Антоній сначала отклонилъ эту просьбу Θеодосія, ссылаясь на его молодость, но потомъ все-таки согласился и велѣлъ пресвитеру Никону постричь Θеодосія. Между тѣмъ, число братіи въ пещерахъ увеличивалось; самъ Антоній, ища уединенія, оставилъ основанную имъ общину, поставивъ ей послѣ себя игуменомъ сначала Варлаама, а по уходѣ послѣдняго на игуменство въ другой монастырь игуменомъ Печерской обители сдѣлался Θеодосій, которому въ это время не было и 30-ти лѣтъ отъ роду. Θеодосій много содѣйствовалъ расширенію и процвѣтанію Печерскаго монастыря и умеръ 3 мая 1074 года. Въ

«житіи», написанномъ Несторомъ, сообщаются свѣдѣнія о многихъ чудесахъ послѣ смерти Θеодосія, явленныхъ имъ на пользу и славу монастыря, а также объ отношеніяхъ Θеодосія къ кіевскому великому князю Изяславу; князь высоко почиталъ великаго, но чрезвычайно скромнаго подвижника, а Θеодосій, въ свою очередь, имѣлъ на него вліяніе какъ въ личныхъ сношеніяхъ, такъ и въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ.— Это произведеніе Нестора имѣетъ интересъ не только въ качествѣ жизнеописанія знаменитаго подвижника, но и для исторіи самого Кіево-Печерскаго монастыря. Написано оно удивительно просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ литературнымъ талантомъ, и проникнуто необыкновенной любовью и благоговѣніемъ автора къ воспитавшей его обители.

Начальная Лѣтопись и лѣтописные своды; происхожденіе Лѣтописи.

§ 32. Лѣтопись—одинъ изъ самыхъ выдающихся памятниковъ древней русской письменности; главнѣйшая цѣнность его заключается въ богатствѣ свѣдѣній, доставляемыхъ лѣтописью для нашей гражданской и церковной исторіи, но онъ имѣетъ большой интересъ и какъ произведеніе литературы.

Лѣтопись называется такъ потому, что представляетъ собою запись «по лѣтамъ», т. е. по годамъ, событій касательно русской земли. Древнѣйшій текстъ лѣтописи, до насъ дошедшій, называется «Повѣстью временныхъ лѣтъ», самый древній списокъ которой относится ко второй половинѣ XIV вѣка и называется «Лаврентьевскимъ» по имени писца, его написавшаго. Но возникновеніе первоначальной Лѣтописи относится къ гораздо болѣе раннему времени—по всей вѣроятности къ первой половинѣ XI вѣка, въ Новгородѣ и въ Кіевѣ. Эти первоначальныя лѣтописи, появившіяся почти одновременно на двухъ противоположныхъ концахъ Руси, были очень кратки и касались лишь мѣстныхъ событій; вскорѣ между ними возникло взаимодѣйствіе, и около середины XI вѣка возникъ въ Кіевѣ уже лѣтописный «сводъ», въ которомъ собраны были свѣдѣнія какъ новгородскаго, такъ и кіевскаго происхожденія. Въ послѣдующее время этотъ «сводъ» пополнялся новыми свѣдѣніями, шедшими не только изъ Кіева и Новгорода, но и изъ другихъ русскихъ областей, принимая общерусскій характеръ: вотъ этотъ сводный трудъ и получилъ названіе «Повѣсти временныхъ лѣтъ», переписывался въ разныхъ мѣстахъ, дополнялся и отражалъ на себѣ черты и особенности мѣстныхъ его составителей. Изъ этихъ сводовъ, кромѣ упомянутаго Лаврентьевскаго, писаннаго въ Сѣве-

ро-Восточной Руси, особенно замѣчательны Ипатьевскій и Новгородскій; первый, дающій особенно подробныя свѣдѣнія о событіяхъ Южной Руси, отличается поэтичностью въ изложеніи, а второй—имѣетъ въ виду главнымъ образомъ событія Сѣверо-Западной Руси и ведетъ свой разсказъ исключительно фактически: несомнѣнно, что въ этой разницѣ отразились черты народнаго духа южной и сѣверной области тогдашней Руси. Чѣмъ далѣе двигалось русское лѣтописаніе, тѣмъ болѣе чувствовалась потребность объединять эти мѣстные своды въ новые, болѣе сложные и подробные, сборники лѣтописныхъ извѣстій; дѣло это получило особенное развитіе и обработку уже позже, въ Москвѣ въ XV—XVII вв.

Лѣтописаніе кіевской эпохи знаменуется появленіемъ «Начальнаго кіевскаго свода», вошедшаго въ текстъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ»: онъ сохранился до насъ въ двухъ видахъ, т. наз. «редакціяхъ», изъ которыхъ одна доведена до 1110 года, а другая до 1117 года. Содержаніе ихъ очень близко одно къ другому и разнится только въ незначительныхъ подробностяхъ. Кто былъ составителемъ нашей древнѣйшей лѣтописи въ ея болѣе или менѣе законченномъ видѣ? По однимъ мнѣніямъ, это былъ игуменъ Выдубицкаго Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ Сильвестръ, а по другимъ—извѣстный уже намъ Несторъ, авторъ житія Өеодосія. Такъ какъ на разныхъ спискахъ этого произведенія, въ обоихъ его видахъ, имѣются различныя указанія, то и отвѣтить опредѣленно на вопросъ объ имени составителя представляется невозможнымъ.

Содержаніе Лѣтописи. Содержаніе лѣтописи очень сложно. Вначалѣ говорится о событіяхъ библейскихъ, съ сотворенія міра, потомъ—о разселеніи славянъ вообще и въ частности славянъ русскихъ, объ образованіи у нихъ государства и о разныхъ событіяхъ до начала XII вѣка. Лѣтописецъ разсказываетъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ русскихъ до принятія христіанства, о крещеніи ихъ, о построеніи церквей и монастырей, о епископахъ и князьяхъ, о походахъ князей противъ кочевниковъ, объ ихъ побѣдахъ и пораженіяхъ, о случаяхъ междуусобицъ и братской любви между ними; касается быта русскихъ славянъ, просвѣтительной дѣятельности князей и духовенства и т. д. Событія, разсказанныя въ Лѣтописи, поставлены подъ опредѣленными годами.

Источники Лѣтописи. Какъ литературный памятникъ, Лѣтопись не является вполнѣ самостоятельной, т. е. написанной ея составителемъ лишь на основаніи собственныхъ наб-

людений и размышлений. Фактическій матеріалъ изъ русской жизни, первая дата котораго падаетъ на 852 годъ, взятъ имъ изъ предшествующихъ лѣтописныхъ трудовъ мѣстнаго характера, церковныхъ и монастырскихъ хроникъ, отъ которыхъ до насъ не дошло ни текстовъ ихъ, ни именъ авторовъ. Кромѣ того, лѣтописецъ пользовался для своего труда многими литературными источниками, чужеземными и русскими, а также устными сообщеніями и преданіями. Письменные источники Лѣтописи были очень разнообразны: Св. Писаніе; Палея, т. е. свободное изложеніе библейскихъ событій съ апокрифическими вставками; житія святыхъ Кирилла и Меѳодія; византійская хроника (т. е. изложеніе историческихъ событій) Георгія Амартола; а изъ русскихъ произведеній использованы лѣтописцемъ для своего труда Житіе св. Владиміра, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, поученія Ѳеодосія, разсказы о нападеніи на русскую землю половцевъ, о появленіи волхвовъ въ разныхъ мѣстахъ, о крещеніи и кончинѣ Ольги, о походахъ Святослава и другія сочиненія русскихъ авторовъ, имена которыхъ не всегда могутъ быть точно установлены.

Кромѣ этихъ источниковъ, существовавшихъ до лѣтописца или составленныхъ при немъ для внесенія въ Лѣтопись, онъ пользовался и многими разсказами, переданными ему устно; нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ уже имѣли тогда характеръ народныхъ преданій, въ правдоподобіи которыхъ никто не сомнѣвался, но которыя несомнѣнно были плодомъ фантазіи и носили на себѣ явные слѣды поэтическаго вымысла. Таково, напр., преданіе объ апостолѣ Андреѣ. Въ немъ разсказывается, что еще задолго до принятія христіанства на Руси, апостолъ Андрей проповѣдывалъ Евангеліе по берегамъ Чернаго моря, пришелъ въ Корсунь (Херсонесъ, въ Крыму) и отсюда вздумалъ совершить по Днѣпру путешествіе въ Римъ; во время этого путешествія онъ остановился на высокихъ горахъ, гдѣ теперь Кіевъ, и высказалъ сопровождавшимъ его ученикамъ свое пророчество, что здѣсь нѣкогда возсіяетъ свѣтъ вѣры Христовой; потомъ онъ благословилъ эти горы и поставилъ на нихъ крестъ. Далѣе, ап. Андрей прошелъ въ Новгородъ, гдѣ удивлялся обычаю тамошнихъ жителей мыться и париться въ баняхъ, и затѣмъ направился въ Римъ. Участіе въ этомъ разсказѣ объ ап. Андреѣ народной фантазіи обнаруживается не только спутанными географическими понятіями, въ силу которыхъ ап. Андрею приходится идти отъ Чернаго моря въ Римъ черезъ Новгородъ, но и тѣмъ

шутливымъ и сатирическимъ тономъ, въ которомъ ап. Андрей самъ будто бы разсказываетъ о новгородскихъ баняхъ; въ этихъ разсказахъ отразился, конечно, не дѣйствительный фактъ, котораго совсѣмъ и не было, а тѣ насмѣшливыя представленія, которыя существовали тогда у кіевлянъ относительно новгородцевъ, подобно тому, какъ это замѣчается въ народѣ разныхъ областей Россіи въ настоящее время и находитъ себѣ выраженіе въ разнаго рода сатирическихъ разсказахъ, анекдотахъ и поговоркахъ. Тѣ же легендарныя черты народно-поэтическаго происхожденія можно видѣть въ разсказахъ лѣтописца о братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, съ сестрою Лыбедью, явившихся основателями Кіева: въ старину, какъ и теперь, находятъ себѣ въ народѣ вѣру фантастическія преданія о родоначальникахъ-основателяхъ городовъ, даже цѣлыхъ народовъ и государствъ. Народной фантазіей, собранной изъ устныхъ источниковъ, проникнуты у лѣтописца свѣдѣнія объ Олегѣ-вѣщемъ, особенно объ его удивительной смерти, объ Игорѣ и мести за него со стороны Ольги, о Святославѣ. Характеренъ разсказъ, помѣщенный подъ 997 годомъ, объ осадѣ печенѣгами Бѣлгорода въ отсутствіи князя этого города. Тутъ печенѣги представлены необыкновенно глупыми людьми: когда осажденные были стѣснены голодомъ и уже хотѣли сдаться, то одинъ старецъ посовѣтовалъ имъ сварить изъ остатковъ бочку киселя и бочку меду, опустить ихъ глубоко въ землю и затѣмъ позвать печенѣжскихъ князей, чтобы показать имъ, что-де Бѣлгородцы никогда не будутъ принуждены къ сдачѣ, потому что у нихъ сама земля родитъ медъ и кисель; планъ этотъ удался какъ нельзя лучше, и печенѣги, убѣжденные такимъ доводомъ, дѣйствительно вскорѣ отступили отъ города. Въ этомъ желаніи представить печенѣговъ безконечно глупыми и наивными ярко выразилась дѣятельность сатирически настроенной народной фантазіи.

Особенности лѣтописца, какъ писателя: религіозныя воззрѣнія, умственная пытливость, чувство любви къ родинѣ.

Если исключить изъ Лѣтописи фактическія свѣдѣнія о русской и отчасти иноземной жизни, составляющія главное содержаніе и цѣнность этого памятника, а также тѣ многочисленныя мѣста историческаго, религіознаго и поэтическаго характера, которыя явились въ ней результатомъ заимствованія изъ разныхъ источниковъ, письменныхъ и устныхъ, то въ составѣ содержанія Лѣтописи останутся еще элементы, составляющіе личную принадлежность лѣтописца; они служатъ для характеристики его писательской сущности, умонастроенія и литератур-

ныхъ пріемовъ, и ими по преимуществу опредѣляется Лѣтопись какъ памятникъ русской литературы.

Хотя вниманіе лѣтописца сосредоточивается преимущественно на внѣшнихъ фактахъ, изложенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, но Лѣтопись не лишена также попытокъ освѣтить смыслъ и значеніе того или иного событія. Лѣтописецъ смотритъ на все съ точки зрѣнія вѣрующаго христіанина, и даже въ явленіяхъ природы усматриваетъ орудіе пророческихъ указаній для событій человѣческой жизни. Лѣтописецъ вѣритъ, что Богъ является высшей и первоначальной причиной всѣхъ человѣческихъ дѣйствій: Онъ влагаетъ въ умы князей «добрую мысль» на совершеніе доблестныхъ дѣлъ—защиту родины, построеніе церкви, поставленіе достойнаго іерарха; Онъ поражаетъ страхомъ сердца «невѣрныхъ» въ ихъ борьбѣ съ русскими на бранномъ полѣ; Онъ посылаетъ временныя бѣдствія на русскую землю, чтобы направить христіанъ къ сознанію своихъ грѣховъ. и спасительному покаянію. Съ другой стороны, по мнѣнію лѣтописца, всѣ дурные помыслы человѣка являются по навѣту дьявола, который завидуетъ будущему его спасенію; однако вліяніе дьявола простирается на человѣка лишь постольку, поскольку самъ человѣкъ обнаруживаетъ шаткость въ вѣрѣ, и на людей съ твердой вѣрой дьяволъ подѣйствовать не можетъ. Участіе божественнаго Промысла лѣтописецъ усматриваетъ и въ кругу явленій природы, гдѣ такъ же нѣтъ случайностей, какъ нѣтъ ихъ и въ дѣлахъ людскихъ; солнечное и лунное затменія, появленіе кометъ, чрезмѣрные засухи или дожди являются знаменіями то «на добро», то «на зло»: такъ, подъ 1063 годомъ отмѣчено, что въ рѣкѣ Волховѣ, въ Новгородѣ, вода потекла «вспять», т. е. назадъ, и лѣтописецъ тутъ же ставитъ это явленіе въ связь съ тѣмъ, что вскорѣ «Всеславъ пожже градъ (т. е. князь Всеславъ сжегъ Новгородъ)». Лѣтописецъ совершенно чуждъ эстетическихъ взглядовъ на природу, которая, помимо религіознаго смысла, для него какъ бы не существуетъ. Проникающая сознаніе лѣтописца религіозная точка зрѣнія не исключаетъ у него глубокой умственной любознательности, политическаго смысла, безпристрастія въ сужденіяхъ рядомъ съ пламенной любовью къ родинѣ.

Лѣтописецъ старается по возможности все объяснить и привести къ пониманію. Таковы, напр., его объясненія названій славянскихъ племенъ: Бужане названы такъ потому, что они «сѣдоша по Бугу», Древляне—«зане сѣдоша въ лѣсѣхъ», Поляне—«зане же въ полѣ сѣдяху»; Радимичи и Вятичи назвались по

имени своихъ родоначальниковъ Радима и Вятко; городъ Переяславль названъ такъ потому, что на мѣстѣ его нѣкогда русскій силачъ «перея славу» (т. е. перебилъ, захватилъ себѣ славу, честь побѣды) у печенѣжскаго исполина въ единоборствѣ. Лѣтописецъ исполненъ глубокой любви къ своей родинѣ, т. е. русской землѣ, радуясь ея процвѣтанію, духовному и матеріальному богатству; мысль его всецѣло направлена на поддержаніе любви и согласія между князьями: высшей похвалы съ его стороны заслуживаетъ тотъ, кто «положи главу свою за брата своего», и онъ груститъ при передачѣ сообщеній о княжескихъ междуусобицахъ, ослабляющихъ русскую землю. Несмотря на множество удѣловъ, управляемыхъ отдѣльными князьями, и ихъ постоянное соперничество на этой почвѣ, онъ полонъ сознанія единства русской земли, особенно передъ лицомъ враговъ и вообще въ трудныя минуты государственной жизни. Политическая зрѣлость лѣтописца идетъ и еще дальше: она выражена въ идеѣ общеславянскаго единства, т. е. желательнаго единенія всѣхъ славянскихъ племенъ для осуществленія крупныхъ политическихъ и культурныхъ идеаловъ.

Трогательная любовь лѣтописца къ своей родинѣ находитъ себѣ иногда выраженіе въ формѣ лирическаго восхищенія передъ нѣкоторыми историческими дѣятелями: онъ преклоняется передъ княгиней Ольгой, называя ее «зарей передъ свѣтомъ», т. е. предшественницей князя Владиміра въ дѣлѣ приведенія Руси къ Христовой вѣрѣ; также восторгается онъ дѣятельностью самого Владиміра и затѣмъ Ярослава—за заботы ихъ о просвѣщеніи, при чемъ высказываетъ мысль о великой пользѣ «книжныхъ словесъ», т. е. чтенія книгъ. Вмѣстѣ съ горячей любовью къ родинѣ и своимъ князьямъ, лѣтописецъ находитъ въ себѣ чувство безпристрастія и при оцѣнкѣ враговъ, напр. онъ съ уваженіемъ отзывается о польскомъ королѣ Болеславѣ, воевавшемъ съ Русью.

Внѣшніе пріемы изложенія въ Лѣтописи.

Все изложеніе лѣтописца проникнуто замѣчательной искренностью и спокойствіемъ. Его описанія кратки, повѣствованія образны и выразительны; у него нѣтъ излишнихъ подробностей или искусственныхъ украшеній рѣчи; онъ любитъ простоту, ясность и точность. Стиль лѣтописца хотя и обличаетъ въ немъ человѣка по тому времени вполнѣ образованнаго и «книжнаго», однако ему не чужды пріемы народно-поэтическаго склада рѣчи; онъ вноситъ въ свой разсказъ пословицы и поговорки: напр. «аще ся въвадить волкъ въ овцѣ, то выноситъ все стадо, аще не убьютъ его» (т. е.

если волкъ повадится ходить къ овцамъ, то уничтожитъ все стадо, пока его не убьютъ); «есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ» (т. е. существуетъ и до сихъ поръ поговорка на Руси: погибли какъ Обры) и т. п.

Языкъ Лѣтописи. Самый языкъ, которымъ написана Лѣтопись, есть тогдашній русскій литературный языкъ, съ примѣсью многихъ церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ. Языкъ Лѣтописи—самый типичный образчикъ литературнаго языка того времени, занимающій середину между чистымъ церковно-славянскимъ языкомъ переводныхъ текстовъ Св. Писанія и языкомъ грамотъ, ярко отражающихъ въ себѣ тогдашнюю народную рѣчь. Владѣя запасомъ словъ, вполнѣ достаточнымъ для точнаго и нерѣдко красиваго выраженія различныхъ понятій, и правильными грамматическими формами, лѣтописецъ затрудненъ болѣе въ синтаксисѣ: переходъ отъ прямой рѣчи къ косвенной не всегда строго послѣдователенъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ влечетъ за собою грамматическую неясность, что не мѣшаетъ однако же читателю точно понимать мысль, выраженную авторомъ.

Поученіе Владиміра Мономаха. § 33. Въ составѣ Лѣтописи, подъ 1096 годомъ, сохранился и замѣчательнѣйшій памятникъ кіевскаго періода—П о у ч е н і е В л а д и м і р а М о н о м а х а (1053—1125), обращенное имъ къ своимъ дѣтямъ и писанное въ первой четверти XII вѣка. Знаменитая личность автора, князя—миротворца въ эпоху тогдашнихъ княжескихъ усобицъ, проникнутаго высокими христіанскими идеалами, нравственно безупречнаго, сильнаго и вліятельнаго у современниковъ, дѣлаетъ это произведеніе особенно интереснымъ: выдающіяся личныя качества автора нашли себѣ въ немъ прекрасное выраженіе.

Поучительное обращеніе къ дѣтямъ было любимой литературной формой въ Византіи и у насъ въ древнюю пору: такое обращеніе, напр., имѣется въ упомянутомъ Изборникѣ Святослава 1076 года (§ 28) въ «Словѣ нѣкоего отца къ сыну своему», позднѣе—въ Домостроѣ и въ другихъ, большею частію анонимныхъ, произведеніяхъ этого рода. Поученіе Владиміра Мономаха среди этихъ произведеній тѣмъ болѣе замѣчательно, что оно написано лицомъ не духовнымъ, и выраженныя въ немъ мысли являются совершенно свободнымъ проявленіемъ стремленій, созданныхъ въ лучшихъ людяхъ той эпохи вліяніемъ христіанства; являясь убѣжденнымъ и глубокимъ носителемъ христіанскихъ идеаловъ

въ жизни, авторъ хотѣлъ внушить и передать ихъ другимъ: въ этомъ заключается главная цѣль «Поученія».

Содержаніе «Поученія» расположено по опредѣленному плану и можетъ быть раздѣлено на двѣ части: первая—поучительная и вторая—автобіографическая, гдѣ авторъ говоритъ о самомъ себѣ, какъ бы въ подтвержденіе выраженныхъ въ первой части теоретическихъ указаній.

Мономахъ начинаетъ первую часть своего «Поученія» обращеніемъ къ дѣтямъ или вообще къ тѣмъ, кому придется его читать , съ совѣтомъ прежде всего имѣть «страхъ Божій» и творить «милостыню неоскудну», т. е. щедро благотворить неимущимъ. Уже изъ этого видно, что Мономахъ былъ носителемъ живой и дѣятельной христіанской любви къ людямъ; поэтому, дальнѣйшія его наставленія пріобрѣтаютъ характеръ дѣйствительныхъ практическихъ указаній. Чтобы сохранить въ себѣ способность любить людей и помогать имъ, Мономахъ выставляетъ широкій евангельскій идеалъ—душевную чистоту, господство надъ матеріальными побужденіями, строгость къ себѣ и разумное снисхожденіе къ другимъ; онъ ссылается на примѣръ самого Спасителя, который показалъ намъ три пути къ достиженію нравственнаго совершенства: покаяніе, слезы и помощь ближнимъ. Мономахъ говоритъ, что если самъ человѣкъ не проникнется желаніемъ усовершенствовать себя и любовью къ ближнему, то не поможетъ ему и иноческій санъ: добрыя дѣла въ мірской жизни ставитъ онъ выше холоднаго и бездѣятельнаго самоограниченія въ монашествѣ. Глубокая религіозная вѣра, проникая сознаніе автора, приводитъ его къ восторженному созерцанію созданной Богомъ дивной природы: солнце, луна и звѣзды, свѣтъ и тьма, земля и вода, звѣри, птицы и рыбы—являются наглядными доказательствомъ Божія величія и приводятъ человѣка къ духовному слiянію съ Божествомъ.

Обращаясь затѣмъ къ подробностямъ христіанскаго поведенія въ жизни, авторъ говоритъ объ обязанностяхъ христіанина вообще и князя-христіанина въ частности.

Онъ требуетъ постояннаго упражненія въ молитвѣ—въ церкви и дома, особенно ночью и въ болѣзни: «а того не забывайте, не лѣнитеся; тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола»; въ дорогѣ, сидя на конѣ, онъ совѣтуетъ призывать помощь Божію краткой молитвою «Господи, помилуй», замѣняя ею приходящія въ голову пустыя и ненужныя мысли. «Всего же паче—продолжаетъ Мономахъ—убогихъ не забы-

вайте, но, елико могуще, по силѣ кормите и придавайте (т. е. приходите на помощь подаяніемъ) сиротѣ, и вдовицу оправдите сами, а не вдавайте (т. е. не допускайте) сильнымъ погубити человѣка». Онъ рѣшительно высказывается противъ лишенія человѣка жизни: «ни права, ни крива (т. е. ни праваго, ни виноватаго) не убивайте, ни повелѣвайте убити его». Онъ совѣтуетъ не клясться безъ нужды именемъ Божіимъ; поцѣловавши крестъ (т. е. давъ въ чемъ нибудь торжественное обѣщаніе), твердо держаться даннаго слова; почитать епископовъ, священниковъ и игуменовъ, любить и помогать имъ; не имѣть гордости въ сердцѣ, старыхъ чтить какъ отца, а молодыхъ почитать за братьевъ. «Въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите; не зрите (т. е. не полагайтесь) на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ и дому вашему».

Объ обязанностяхъ князя-христіанина, Мономахъ говоритъ своимъ дѣтямъ: «на войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью , ни ѣденью не лагодите (т. е. не предавайтесь съ излишествомъ, не обнаруживайте къ этому слабости), ни спанью; и сторожѣ (стражу) сами наряживайте». Въ походѣ онъ совѣтуетъ, ложась спать, не снимать оружіе и вообще не быть безпечнымъ; будучи въ пути—наблюдать за слугами, чтобы не навлечь на себя неудовольствія за ихъ проступки; оказывать расположеніе гостямъ и чужеземнымъ посламъ, потому что они разносятъ о человѣкѣ по своимъ землямъ добрую или дурную славу; посѣщать больныхъ, чтить умершихъ, привѣтливо относиться ко всякому человѣку; жену свою любить, но не давать ей надъ собой власти. Особенно вооружается Мономахъ противъ праздности: онъ совѣтуетъ дѣтямъ не забывать того добраго, чему они научились, и стараться научиться тому, чего не знаютъ; при этомъ онъ ссылается на своего отца, который «дома сѣдя, изумѣяше 5 язы́къ, въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земель»; онъ считаетъ лѣность матерью всего дурного и предостерегаетъ своихъ дѣтей, чтобы ихъ никогда не заставало солнце въ постели. Мономахъ предписываетъ имъ, въ княжескомъ званіи, день проводить такимъ образомъ: вставши утромъ рано, помолиться Богу, прося у него долгой и достойной жизни, потомъ—«думать», т. е. держать совѣтъ, съ дружиной, отправлять правосудіе и ѣхать на охоту, а по возвращеніи лечь отдыхать, потому что въ полудни «почиваетъ и звѣрь, и птица, и человѣци».

Во второй части «Поученія» Мономахъ говоритъ о своей собственной жизни. Онъ перечисляетъ совершенные имъ путешествія,

походы и «ловы», т. е. поѣздки на охоту за дикими звѣрьми. Перечень походовъ Мономаха, съ отцомъ и потомъ самостоятельно, съ подробнымъ обозначеніемъ посѣщенныхъ земель, плѣненныхъ половецкихъ князей и захваченной добычи, рисуетъ внушительную картину дѣятельной жизни Мономаха, его безстрашія, настойчивости и преданности своему княжескому дѣлу. Замѣчательны и его охотничьи подвиги: «Тура мя 2 метала на розѣхъ (т. е. на рогахъ) и съ конемъ, олень мя одинъ болъ (т. е. бодалъ), а 2 лоси одинъ ногами топталъ, а другой рогома болъ; вепрь ми на бедрѣ мечъ оттялъ (т. е. оторвалъ), медвѣдь ми у колѣна подклада укусилъ, лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже... И съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюдя живота своего, ни щадя головы своея».

Въ концѣ своего «Поученія» авторъ опять вспоминаетъ Бога и совѣтуетъ дѣтямъ возложить на него всю надежду, не бояться смерти ни на войнѣ, ни на охотѣ и творить, по мѣрѣ силъ, свое «мужское дѣло»: въ опасностяхъ войны или охоты ничто не страшно, если Богъ хранитъ человѣка, а «иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ отъяти», потому что «Божіе блюденіе лѣплѣе есть человѣческаго». Этой глубокой увѣренностью въ Божьей власти надъ человѣкомъ и заботѣ о немъ начинается и оканчивается «Поученіе».

Сочиненіе Владиміра Мономаха обнаруживаетъ въ немъ извѣстную начитанность: онъ самъ ссылается, напр., на «Шестодневъ» Василія Великаго, изъ котораго онъ могъ прочесть страницы восторженно-поэтическаго отношенія къ природѣ, соотвѣтствовавшаго его собственному умонастроенію.

Путешествія русскихъ людей въ святыя земли.

§ **34.** Путешествія русскихъ людей въ святыя земли, т. е. главнымъ образомъ въ Палестину, затѣмъ въ Царьградъ и на Аѳонъ, были въ теченіе всей до-петровской эпохи очень популярны; это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ видовъ общенія съ чужеземнымъ міромъ. Вслѣдствіе отсутствія вполнѣ безопасныхъ и удобныхъ путей сообщенія, обыкновенно отправлялись туда цѣлыми партіями и значительную часть дороги проходили пѣшкомъ, что совпадало и съ религіозно-благочестивой цѣлью путешествія. Люди, отправлявшіеся на поклоненіе святымъ мѣстамъ, назывались «паломниками»—по имени пальмовыхъ вѣтвей, которыя они обыкновенно приносили съ собою изъ Палестины на память; нѣкоторые изъ такихъ паломниковъ дѣлали изъ путешествій въ святыя

земли свою профессію, кормясь на пути подаяніемъ и распѣвая «духовные стихи» (ср. § 25). Обычай совершать паломничество въ Палестину подъ конецъ жизни, на спасеніе души, получилъ свое выраженіе и въ устной поэзіи, въ былинѣ о Василіи Буслаевѣ (§ 9). Хожденія въ святыя земли начались у русскихъ очень рано: по преданію, основатель Кіево-Печерскаго монастыря Антоній совершилъ въ первой половинѣ XI вѣка путешествіе на Аѳонъ, а потомъ эти явленія сдѣлались столь частыми, что въ XII вѣкѣ вызвали даже противъ себя осужденіе со стороны духовныхъ властей; именно, новгородскимъ архіепископомъ Нифонтомъ высказано было мнѣніе, что такія путешествія «губятъ» землю, пріучая многихъ къ праздности и тунеядству. Однако путешествія эти имѣли и свою хорошую сторону: кромѣ удовлетворенія потребностей религіознаго чувства, они знакомили путешественниковъ съ другими землями, отвѣчая любознательности, снабжая новыми свѣдѣніями и расширяя житейскій опытъ.

Наиболѣе просвѣщенные изъ русскихъ людей, совершая путешествія въ святыя земли, не ограничивались устными разсказами о нихъ, а подробно описывали все, видѣнное и слышанное ими въ пути и на мѣстахъ поклоненія святынямъ. Такія описанія служили другимъ лицамъ не только любимымъ видомъ назидательнаго и интереснаго чтенія, но и источникомъ глубокихъ религіозныхъ переживаній; иногда позднѣйшіе паломники брали эти книги съ собою въ дорогу и пользовались ими въ видѣ «путеводителей» при ознакомленіи съ достопримѣчательностями посѣщаемыхъ ими мѣстъ.

Игуменъ Даніилъ и его Хожденіе. Среди такихъ книгъ большую извѣстность получило одно изъ раннихъ проявленій русской паломнической литературы—«Хожденіе» игумена Даніила въ Святую Землю; оно представляетъ собою описаніе совершеннаго авторомъ путешествія въ Іерусалимъ въ началѣ XII вѣка и въ литературномъ отношеніи является памятникомъ въ высшей степени замѣчательнымъ—по своему богатому фактическому содержанію, по вложенному въ него религіозному настроенію и по изложенію.

Объ авторѣ «Хожденія» знаемъ мы немного. Онъ былъ игуменомъ какого-то монастыря—можетъ быть, въ Черниговской области; самъ онъ себя чувствуетъ и называетъ просто русскимъ человѣкомъ, «русскія земли игуменъ», и, будучи въ Іерусалимѣ, ставитъ, съ разрѣшенія тамошняго короля, лампаду передъ гробомъ Господнимъ «отъ всея русскія земли». Свое путешествіе въ Іе-

лестину игуменъ Даніилъ совершилъ въ 1106—1108 годахъ; онъ пробылъ въ Іерусалимѣ 16 мѣсяцевъ, живя въ монастырѣ Св. Саввы и совершая оттуда небольшія путешествія въ разныя мѣста Святой Земли. Затѣмъ, изъ описанія путешествія видно, что Даніилъ ходилъ въ Іерусалимъ не одинъ, а съ «дружиной», т. е. свитой изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Будучи въ Палестинѣ, онъ поставилъ себя въ глазахъ тамошнихъ властей въ положеніе весьма почетное, и самъ Іерусалимскій король Балдуинъ оказывалъ ему особое вниманіе; на торжествѣ чудеснаго «исхожденія Св. Духа» онъ поставилъ его въ церкви возлѣ себя, на весьма почетномъ мѣстѣ. При путешествіи по разнымъ мѣстамъ Палестины Даніилъ, видимо, не стѣснялся въ денежныхъ средствахъ, особенно на раздачу проводникамъ за ихъ труды и сообщенія; въ монастырѣ Св. Саввы ему удалось найти человѣка, который хорошо зналъ мѣстныя святыни и, полюбивъ русскаго паломника, оказалъ ему своими разсказами о Св. Землѣ большую пользу.

Содержаніе Хожденія. «Хожденіе» игумена Даніила представляетъ собою описаніе пути отъ Царьграда къ Святой Землѣ и различныхъ достопримѣчательностей ея съ точки зрѣнія исключительно религіозныхъ интересовъ, воодушевлявшихъ паломника. Онъ совсѣмъ почти не говоритъ о политическомъ положеніи этой страны въ то время, мало касается ея природы и внѣшнихъ условій жизни, но зато передаетъ много легендарныхъ и апокрифическихъ сказаній, смѣшанныхъ съ библейскими воспоминаніями, объ отдѣльныхъ мѣстахъ Іерусалима и Палестины; онъ перечисляетъ церкви и монастыри, мощи, иконы и другія святыни.

О Іерусалимѣ онъ разсказываетъ, что «святый той градъ» расположенъ въ «дебрехъ», и что возлѣ него имѣются большія и высокія каменныя горы; при приближеніи къ Іерусалиму, сначала виденъ «столпъ Давыдовъ», а «потомъ, мало пошеди, видѣти Елеонская гора и Святая Святыхъ, а потомъ весь градъ видѣти». На разстояніи одной версты отъ Іерусалима есть гора, у которой люди сходятъ съ лошадей и приближаются пѣшкомъ къ храму Святого Воскресенія: «и бываетъ радость велика всякому христіанину, увидѣвшему святый градъ Іерусалимъ; никто же бо не можетъ не прослезитися, видѣвше землю желанную и мѣста святая, идѣже Христосъ Богъ нашъ, нашего ради спасенія, походи; и идутъ вси пѣши съ радостію великою ко граду Іерусалиму».—О церкви Воскресенія Господня онъ сообщаетъ, что она «кругла образомъ» и имѣетъ въ длину и поперекъ 30 саженъ;

при ней имѣются просторныя палаты, въ которыхъ живетъ патріархъ; внѣ стѣны, за алтаремъ, лежитъ «пупъ земной», т. е. середина, центръ земли. Отъ «пупа земного» въ 12 саженяхъ находится мѣсто Распятія Господня и Лобное мѣсто; на мѣстѣ Распятія Господня стоитъ камень, вышиною съ копье и круглый какъ гора, а посреди его наверху круглое отверстіе, въ которое водруженъ былъ Крестъ Господень. Подъ этимъ камнемъ покоится голова Адама, перваго человѣка; когда, во время распятія, Іисусъ Христосъ испустилъ духъ, тогда треснулъ и этотъ камень, а сквозь трещину протекла на главу Адама кровь и вода, омывши тѣмъ самымъ грѣхи рода человѣческаго: « и есть разсѣлина та на камени томъ, и до днешняго дне знати есть на деснѣй (т. е. правой) странѣ распятія Господня знаменіе то честное».—Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ Даніилъ и о рѣкѣ Іорданѣ. Рѣка эта течетъ быстро, имѣя съ одной стороны крутые, а съ другой пологіе берега; вода ея мутна, сладка для питья и здорова; рѣка Іорданъ похожа на рѣку Сновь (въ Черниговской области, отчего и является предположеніе, что самъ Даніилъ былъ оттуда); въ мѣстѣ Крещенія Христа имѣетъ четыре сажени глубины. Возлѣ «купели» на берегу Іордана лежитъ небольшой лѣсокъ, въ которомъ много высокихъ деревьевъ, вродѣ вербы: «И сподоби же мя Богъ трижды быти на Іорданѣ, со всею дружиною моею, и видѣхомъ благодать Божію, приходящую на воду Іорданскую, и множество народа безчисленно тогда приходятъ къ водѣ съ свѣщами, и всю ту нощь бываетъ пѣніе изрядно и свѣщъ безъ числа горящъ; въ полунощи же бываетъ крещеніе водѣ: тогда бо Духъ Святый исходитъ съ небесе на воды Іорданскія; человѣци же достойніи добрѣ видятъ, како всходитъ Духъ Святый, а вси народи не видятъ, но токмо всякому человѣку радость бываетъ тогда въ сердци».—Очень подробно и въ яркихъ краскахъ описываетъ Даніилъ «о свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесъ къ Гробу Господню», предваряя это описаніе такими словами: «Видѣхъ очима своима грѣшныма поистинѣ», како сходитъ Свѣтъ Святый къ Гробу животворящему Господа Спаса нашего Іисуса Христа. Мнози бо иніи страннщи неправо глаголють о схожденіи свѣта святаго: инъ убо глаголетъ, яко голубемъ сходитъ Духъ Святый къ Гробу Господню, а друзіи глаголютъ, яко молніи сходитъ и вжигаетъ кандила надъ Гробомъ Господнимъ; то есть лжа: ничтоже бо есть тогда видѣти, ни голуби, ни молнія, но тако невидимо сходитъ благодать Божія и вжигаются кандила надъ Гробомъ Господнимъ».

Описывая отдѣльныя посѣщенныя имъ мѣста, Даніилъ говоритъ о Виолеемѣ, о горѣ Елеонской, о Капернаумѣ, о церкви

пророка Захаріи; указываетъ на колодецъ, недалеко отъ Назарета, гдѣ Св. Дѣвѣ Маріи впервые явился благовѣствующій архангелъ. Говоря о Тиверіадскомъ морѣ, онъ отмѣчаетъ, что въ немъ много рыбы, и, между прочимъ, есть рыба, которую особенно любилъ самъ Христосъ: она слаще всякой рыбы и видомъ похожа на карпа. О горѣ Хевронѣ онъ говоритъ какъ опытный руководитель монастырскаго хозяйства: «Поистинѣ есть земля та Богомъ обѣтованна и благословенна есть отъ Бога всѣмъ добромъ—пшеницею и виномъ, и масломъ, и всякимъ овощемъ обильна есть зѣло, и скотомъ умножена есть; и овци бо и скоти дважды ражаются лѣтомъ и пчелами увязло ту есть въ каменіи по горамъ тѣмъ краснымъ. Суть же и винограды мнози по пригоріемъ тѣмъ и древеса многоовощная стоятъ безъ числа, масличіе, смокви, и рожци, и яблони, и черешни... Нѣсть такого овоща нищѣ же».

Цѣль и историческое значеніе Хожденія. О внутреннихъ побужденіяхъ и о цѣли, съ которой написано «Хожденіе», игуменъ Даніилъ опредѣленно говоритъ въ самомъ началѣ своего сочиненія. Удостоившись видѣть святыя мѣста, онъ не хотѣлъ скрыть даннаго ему таланта и написалъ свое сочиненіе ради «вѣрныхъ человѣкъ», которые бы, услышавъ о тѣхъ мѣстахъ, «потщались» (т. е. вознеслись, устремились) къ нимъ «душею и мыслію» и приняли бы одинаковую «мзду» съ тѣми, кто тамъ былъ и все видѣлъ: вѣдь многіе добрые люди, сидя дома на своихъ мѣстахъ, милостынею убогимъ и своими добрыми дѣлами какъ бы достигаютъ этихъ святыхъ мѣстъ,—они и получатъ свою награду; а многіе, дошедшіе до святыхъ мѣстъ и видѣвшіе Іерусалимъ, лишаются награды потому, что гордятся своимъ путешествіемъ, какъ будто сдѣлали уже этимъ какое-то добро и великое дѣло. Съ глубокимъ смиреніемъ истиннаго христіанина Даніилъ не только совершилъ свое путешествіе, но и сдѣлалъ его превосходное описаніе.

«Хожденіе» цѣнно не только своимъ благочестивымъ настроеніемъ и искреннимъ тономъ, такъ трогавшимъ русскаго читателя, но и цѣннымъ фактическимъ содержаніемъ. Сдѣланныя имъ указанія географическаго и историческаго характера о Святой Землѣ ставятъ это произведеніе наряду съ лучшими сочиненіями западно-европейскихъ средневѣковыхъ путешественниковъ о томъ же предметѣ.

Свѣтская поэзія древнѣйшей эпохи. **§ 35.** Разсмотрѣнныя до сихъ поръ произведенія русской письменности Кіевской Руси въ большинствѣ своемъ отличались характеромъ назидательнымъ или даже церковнымъ; авторами ихъ являлись

лица почти исключительно духовныя. Эта особенность нашей древнѣйшей письменности вытекала изъ условій тогдашней литературной жизни на Руси, когда литература была главнымъ образомъ въ рукахъ духовенства, и содержаніе литературныхъ произведеній тѣсно связано было съ духовными потребностями христіанскаго общества. Но въ народной русской душѣ того времени жили и другія стремленія, были потребности болѣе широкаго литературнаго развитія въ области поэзіи свѣтской. Зачатки свѣтскаго поэтическаго творчества имѣлись уже и въ устной поэзіи той эпохи, хотя теперь мы не можемъ точно опредѣлить ни ихъ объема, ни характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ средѣ наиболѣе образованныхъ людей въ городахъ, при великокняжескомъ и удѣльно-княжескихъ дворахъ, накапливались впечатлѣнія отъ свѣтской поэзіи Византіи и южнаго славянства, и выдвигалась потребность облечь событія русской исторической или бытовой дѣйствительности въ литературно-поэтическія формы. Изъ такихъ—вѣроятно, немногихъ—плодовъ русской свѣтской поэзіи древнѣйшей эпохи дошла до насъ единственная въ своемъ родѣ великолѣпная историческая поэма неизвѣстнаго автора конца XII вѣка— Слово о Полку Игоревѣ.

Слово о Полку Игоревѣ.

Слово о Полку Игоревѣ—какъ показываетъ кратко и самое его названіе—есть художественное повѣствованіе о походѣ («полку») Новгородъ-Сѣверскаго князя Игоря Святославича противъ половцевъ въ 1185 году.

Сюжетъ взятъ по-тогдашнему чрезвычайно интересный: половцы были постоянными врагами русскихъ князей съ востока, набѣгая изъ своихъ степныхъ убѣжищъ на русскую землю, разоряя города и села, уводя въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Борьба русскихъ князей съ половцами, какъ и съ другими восточными кочевниками, далеко не всегда бывала удачна, какъ это видно изъ Лѣтописи; къ числу такихъ несчастныхъ походовъ принадлежитъ и тотъ, который описанъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Что этотъ именно походъ Игоря Святославича былъ въ глазахъ современниковъ однимъ изъ выдающихся, видно изъ того, что ему посвященъ въ Лѣтописи особенно подробный разсказъ подъ 1185 годомъ. Поэтому, совершенно естественно, что и авторъ Слова избралъ это событіе для своего поэтическаго труда—тѣмъ болѣе, что неудачный исходъ предпріятія Игоря Святославича, отправившагося противъ половцевъ безъ согласія и содѣйствія кіевскаго великаго князя, давалъ возможность распространиться о междуусобіяхъ русскихъ князей и ихъ соперничествѣ между собою, нерѣдко губив-

шемъ русскую землю: тема эта была тогда, по своей назидательности, очень популярна.

Содержаніе поэмы. Содержаніе Слова о Полку Игоревѣ, въ литературномъ отношеніи, построено очень искусно.

Вначалѣ имѣется вступленіе, въ которомъ авторъ выражаетъ намѣреніе разсказать о походѣ Игоря, «по былинамъ сего времени», т. е. согласно современнымъ историческимъ обстоятельствамъ, а «не по замышленію Бояню», т. е. не по фантастическимъ домысламъ пѣвца вродѣ Бояна. Кто такой былъ этотъ Боянъ, изъ словъ автора неясно: можетъ быть, это былъ какой-нибудь народный пѣвецъ, подобно тѣмъ, о которыхъ сообщаетъ Лѣтопись (подъ 1240 годомъ говорится о «словутномъ пѣвцѣ Митусѣ»), или просто отвлеченный поэтическій идеалъ; авторъ говоритъ о немъ, что Боянъ, когда принимался пѣть, то «растекашеся мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками», т. е. давалъ большую волю своему поэтическому вымыслу. Такимъ образомъ нашъ авторъ хочетъ быть ближе къ дѣйствительности и посвятить свою поэму князю Игорю, который «стягну умъ крѣпостію своею (закалилъ умъ своей силой) и поостри сердца своего мужествомъ: наполнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя полки на землю половецкую, за землю русскую».

Далѣе идетъ самая поэма, изъ которой можно выдѣлить три основныя части:

1. Несчастный походъ Игоря. Въ походѣ Игоря Святославича участвовали, кромѣ его самого, еще братъ его Всеволодъ Святославичъ, князь Курскій и Трубчевскій; племянникъ ихъ Святославъ Ольговичъ, князь Рыльскій; сынъ Игоря Владиміръ, князь Путивльскій. Описаніе похода начинается съ того, какъ Игорь увидѣлъ солнечное затменіе и призвалъ своихъ воиновъ немедленно собираться въ дорогу—посмотрѣть «синяго Дону»: «хощу бо—сказалъ имъ—копіе преломити конецъ поля половецкаго; съ вами, русичи, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону». Всеволодъ Святославичъ, названный въ поэмѣ «буй-туромъ», ободряетъ брата къ предстоящему подвигу, указывая, что его куряне—опытные воины, «подъ трубами повиты, подъ шеломы взлелѣяны, конецъ копія вскормлены»: они «скачутъ аки сѣрыи волци въ полѣ, ищучи себѣ чти (чести), а князю славы». Послѣ этого князья выступаютъ въ походъ, и вскорѣ встрѣчаются съ половцами. Передъ Игоремъ—грозныя предзнаменованія природы и множество вра-

говъ, сбѣгающихся къ «Дону великому». Въ пятницу произошла первая битва, удачная для русскихъ. На другой день—опять встрѣча съ врагомъ, собравшимся въ огромномъ множествѣ: «половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ»; тутъ русскіе потерпѣли полное пораженіе и должны были отступить. Авторъ такъ привѣтствуетъ храбро дравшагося въ этой битвѣ князя Всеволода: «Яръ-туре Всеволоде! стоиши на брони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харолужными; камо, туръ, поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкія!» Художественное и полное воодушевленія описаніе этого сраженія оканчивается такимъ грустнымъ размышленіемъ автора, вспоминающаго недавнее прошлое: «Ничетъ (пригибается) трава жалощами (отъ жалости), а древо съ тугою (съ печалью) къ земли приклонися. Уже бо, братіе, невеселая година встала, уже пустыня силу прикрыла... И начаста князи про малое «се великое» молвити, а сами на себе крамолу ковати; а поганіи со всѣхъ сторонъ прихождаху съ побѣдами на землю русскую. О, далече заиде соколъ, птицъ бья, къ морю»! Игорь попадаетъ къ половцамъ въ плѣнъ.

2. Сонъ великаго князя Святослава и плачъ Ярославны. Авторъ переживаетъ свое повѣствованіе двумя вставочными эпизодами, необыкновенно поэтичными по содержанію. Въ то время, какъ Игорь изнемогалъ въ неравной борьбѣ съ половцами, великій князь кіевскій Святославъ видитъ вѣщій и притомъ недобрый сонъ: будто съ вечера его одѣвали на тесовой кровати чернымъ покрываломъ, лили на него синее вино, съ «трудомъ» (горемъ) смѣшанное, сыпали ему на лоно изъ пустыхъ половецкихъ колчановъ крупный жемчугъ; а между тѣмъ доски въ златоверхомъ теремѣ князя показались ему безъ верха, и всю ночь съ вечера каркали вороны. Бояре объяснили этотъ сонъ князя печальными событіями, происходившими съ Игоремъ и Всеволодомъ: «два сокола слетѣста съ отьня стола (отцовскаго трона) злата поискати града Тьмутороканя, алюбо испити шеломомъ Дону: уже соколома крыльца припѣшали (подсѣками) поганыхъ саблями, а самого опуташа въ путины желѣзны». Тогда Святославъ обратилъ свое «золотое слово, смѣшанное съ слезами» къ несчастнымъ родичамъ, погибавшимъ отъ половцевъ: онъ отдавалъ честь ихъ доблести и желанію защитить русскую землю, но жалѣлъ объ ихъ неопытности и постигшей ихъ неудачѣ; съ горечью указывалъ онъ на ихъ рѣшимость дѣйствовать въ такомъ опасномъ дѣлѣ отдѣльно отъ другихъ, при чемъ вспоминалъ о преж-

нихъ побѣдахъ русскихъ надъ «погаными», когда князья дѣйство вали сообща, не ослабляя себя междуусобицами, какъ въ нынѣшнее время. «О, стонати русской земли, помянувши первую годину и первыхъ князей!»—такъ заканчиваетъ свое скорбное «слово» великій князь Святославъ.—Въ это же время супруга Игоря, Ярославна, оплакиваетъ своего несчастнаго мужа. Она, подобно безвѣстной «зегзицѣ» (кукушкѣ), на стѣнѣ города Путивля, обращается сначала къ вѣтру, потомъ къ Днѣпру и, наконецъ, къ солнцу, какъ къ живымъ существамъ, прося ихъ помочь Игорю благополучно вернуться изъ опаснаго похода. По своимъ художественнымъ краскамъ, этотъ «плачъ» можно считать перломъ всей русской книжной поэзіи древнѣйшей эпохи.

3. Возвращеніе Игоря изъ плѣна. Послѣ двухъ вставокъ разсказъ продолжается: Игорю удалось бѣжать изъ половецкаго плѣна, при помощи преданнаго ему слуги Овлура. Самъ Богъ бѣглецу «путь кажетъ изъ земли половецкой на землю русскую къ отьню злату столу (золотому трону отцовскому)», а животныя и вообще природа прикрываютъ его отъ погони: «тогда врани (вóроны) не граяхуть, галицы (галки) помолкоша, сороки не троскоташа; дятлове тектомъ (стукомъ) путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ». Бросились за Игоремъ въ погоню половецкіе ханы Гзакъ и Кончакъ, но безуспѣшно. Возвращеніе Игоря изъ плѣна встрѣчено было на Руси всеобщей радостью: «Солнце свѣтится на небеси, Игорь князь въ русской земли; дѣвицы поютъ на Дунаи, вьются голоси черезъ море до Кіева.... Страны ради, гради весели».

Поэма заканчивается торжественнымъ привѣтомъ русскимъ князьямъ, участникамъ несчастнаго похода: «Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здрави князья и дружина, побарая за христіаны на поганыя полки! Князем слава и дружинѣ! Аминь».

Разсказъ Лѣтописи о походѣ Игоря.

Чтобы имѣть возможность судить объ исторической вѣрности разсказа автора Слова о Полку Игоревѣ, надо имѣть въ виду повѣствованіе объ этомъ же событіи въ Лѣтописи, помѣщенное тамъ, какъ уже сказано, подъ 1185 годомъ. Въ Ипатской Лѣтописи дѣло передается такъ. Князь Игорь Святославичъ отправился изъ Новгородъ-Сѣверска въ походъ 23 апрѣля, во вторникъ. Подходя къ Донцу, онъ увидѣлъ солнечное затменіе, которое, по мнѣнію дружины, было «не на добро»; однако, надѣясь на Божію помощь, перешелъ рѣку и у Оскола подождалъ своего брата

Всеволода, шедшаго другой дорогою изъ Курска. Развѣдчики, добывъ «языка», донесли братьямъ, что много половцевъ сосредоточилось въ степи и что надо или немедленно идти дальше или воротиться; Игорь опять рѣшилъ—идти впередъ. Въ пятницу встрѣтили братья, при которыхъ были ихъ племянникъ Святославъ Ольговичъ и сынъ Игоря Владиміръ, первые половецкіе отряды. Игорь сказалъ братіи: «Братья! сего есмы искали, а потягнемъ», и бросился на враговъ, которые отступили и оставили въ рукахъ русскихъ князей богатую добычу. Послѣ этой побѣды Игорь хотѣлъ вернуться домой, но Святославъ Ольговичъ, ссылаясь на утомленіе своихъ коней, просилъ дать время отдохнуть. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, русскіе князья были окружены множествомъ новыхъ половецкихъ полчищъ, такъ что не знали, кому изъ нихъ въ которую сторону броситься; рѣшили пробиваться обратно къ Донцу, но въ столкновеніи съ половцами не устояли, и самъ Игорь былъ раненъ въ лѣвую руку. Битва продолжалась цѣлый день; на другой день, утромъ, раненый князь сдѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы остановить начавшееся отступленіе, но въ это время былъ онъ взятъ въ плѣнъ и, съ жалостью смотря на безнадежныя усилія брата Всеволода, желалъ себѣ смерти: «и тако, въ день святого воскресенья, наведе на ны Господь гнѣвъ свой; въ радости мѣсто наведе на ны плачъ, и во веселье мѣсто желю, на рѣцѣ Каялы». Остальные князья тоже были плѣнены, и лишь немногіе изъ русскихъ, спасшіеся бѣгствомъ, явились на Руси вѣстниками печальнаго событія. Великій князь кіевскій Всеволодъ, самъ собиравшійся предстоящимъ лѣтомъ противъ половцевъ, узнавъ о пораженіи русскихъ князей, былъ огорченъ этимъ тѣмъ больше, что походъ былъ совершенъ тайно отъ него: «и не любо бысть ему». Между тѣмъ, половцы, ободренные небывалымъ успѣхомъ, рѣшили всей массой идти на Русь, распредѣляя между отдѣльными ханами роли: Кончакъ долженъ былъ направиться противъ Кіева, Гзакъ—противъ Чернигова. Изъ плѣненныхъ князей лучше всего отнеслись половцы къ Игорю, имѣя въ виду выдать за его сына Владиміра дочь половецкаго хана Кончака. Приставленный для услугъ Игорю, крещеный половчанинъ Лавръ предложилъ ему бѣжать; 11 дней были они въ опасномъ пути и, наконецъ, дошли «до города Донца», а оттуда пробрались къ родному для Игоря Новгородъ-Сѣверску. Позднѣе, въ 1187 году, вернулся изъ плѣна и Владиміръ Игоревичъ «съ Кончаковною, и сотвори свадьбу Игорь сынови своему».

Историческая цѣнность Слова.

Изъ сравненія лѣтописнаго разсказа о походѣ Игоря со «Словомъ о Полку Игоревѣ» можно видѣть, что авторъ Слова въ общемъ держался дѣйствительныхъ событій въ своемъ изложеніи, но разница между Словомъ и Лѣтописью все-таки столь велика, что невозможно установить зависимость автора Слова отъ лѣтописца даже и въ фактическомъ повѣствованіи о событіяхъ; судя по отступленіямъ отъ изложенія Лѣтописи, напр., въ топографическихъ подробностяхъ похода Игоря, можно думать, что авторъ Слова пользовался какимъ-нибудь другимъ разсказомъ о походѣ, не вполнѣ сходнымъ съ Лѣтописью. Тѣмъ не менѣе, историческая вѣрность автора Слова дѣйствительнымъ происшествіямъ очень велика; она не ограничивается фабулой, но переходитъ и на подробности изображенія дружиннаго, боярскаго и княжескаго быта XII вѣка. Онъ правильно рисуетъ передъ читателемъ тогдашнюю военную жизнь: вооруженіе, походный бытъ въ степи, лѣсахъ и болотахъ, пріемы нападенія и защиты; рядомъ съ этимъ, отчасти нашли себѣ въ Словѣ изображеніе и особенности мирной жизни—вплоть до благочестиваго паломничества спасшагося изъ плѣна Игоря къ чтимой кіевской святынѣ, Богородицѣ Пирогощей, въ благодарность за благополучное возвращеніе на родину. Въ этихъ чертахъ заключается историческая цѣнность Слова.

Литературная сторона Слова.

Еще болѣе цѣннымъ представляется Слово со стороны литературной. Будучи оригинальнымъ произведеніемъ русскаго книжника и сочиненное вскорѣ послѣ воспѣтаго въ немъ событія, именно около 1187 года, оно носитъ на себѣ черты начитанности автора въ произведеніяхъ византійской и русской литературы, а также близкаго знакомства его съ содержаніемъ и пріемами устнаго русскаго народнаго творчества.

Вліяніе книжной литературы.

По отдѣльнымъ особенностямъ изложенія, изъ области книжной литературы всего болѣе напоминаютъ Слово о Полку Игоревѣ два переводныхъ византійскихъ произведенія: историческій трудъ Іосифа Флавія «О взятіи Іерусалима» и романъ «О Дигенисѣ-Акритѣ», особенно послѣдній. Въ этомъ романѣ (ср. § 28) неизвѣстнаго автора, переведенномъ съ греческаго въ Болгаріи и перешедшемъ потомъ на Русь, рисуются военные подвиги греческаго героя Дигениса-Акрита; авторъ пользуется тутъ разнаго рода сравненіями воспѣваемаго героя то съ солнцемъ, то съ соколомъ, напоминающимъ

отношеніе автора Слова къ Игорю; подобно Игорю, Дигенису-Акриту сочувствуетъ природа; наконецъ, знакомство съ поэтическими произведеніями греческой литературы замѣтно у автора Слова о Полку Игоревѣ и въ самомъ планѣ его поэмы—со вступленіемъ, главной частью и лирическимъ заключеніемъ. Авторъ Слова былъ знакомъ также и съ произведеніями современной ему русской оригинальной литературы—поученіями, житіями и въ особенности лѣтописями; это видно изъ многихъ оборотовъ рѣчи въ Словѣ и, въ свою очередь, указываетъ на существовавшую тогда общность литературныхъ пріемовъ у писателей, касавшихся самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ.

Вліяніе устной поэзіи.

Съ другой стороны, на Словѣ о Полку Игоревѣ еще болѣе слѣдовъ знакомства автора его съ народной поэзіей. Это не значитъ, что народная поэзія вліяла на автора Слова своими сюжетами, а значитъ, что онъ весь былъ проникнутъ ея мотивами, настроеніемъ и стилемъ. Подобно народно-устной поэзіи, природа, въ ея миѳологическихъ проявленіяхъ, играетъ въ Словѣ очень видную роль: небесныя явленія предостерегаютъ Игоря своими мрачными «знаменіями» передъ походомъ; при неудачѣ во второй битвѣ съ половцами, трава и деревья наклоняются къ землѣ отъ печали; когда Игорь бѣжитъ изъ плѣна, животныя радуются и помогаютъ ему избѣжать опасности погони; въ «плачѣ» своемъ Ярославна призываетъ сочувствіе къ себѣ и своему горю со стороны солнца, вѣтра и днѣпровскихъ волнъ, къ которымъ она обращается какъ бы съ заклинаніемъ — спасти князя Игоря; въ чисто миѳологическомъ освѣщеніи является и упоминаніе авторомъ Слова объ оборотнѣ—полоцкомъ князѣ Всеславѣ, который «перебѣгалъ волкомъ путь великому Хорсу (т. е. солнцу)»; пѣвецъ Боянъ именуется «внукомъ Велеса», вѣтры—«внуками Стрибога», а самъ русскій народъ —«внукомъ Дажь-бога».

Особенности поэтическаго языка Слова.

Особенно ярко отразилась народная поэзія на языкѣ Слова, которое, въ смыслѣ поэтическихъ пріемовъ рѣчи, почти цѣликомъ сложено на подобіе народныхъ пѣсенъ. Тутъ встрѣчаются во множествѣ эпитеты («каленыя стрѣлы», «сѣрый волкъ», «чистое поле», «черный воронъ», «красное солнце»), сравненія (Ярославна—кукушка, Игорь и Всеволодъ—два сокола; битва—то свадебный пиръ, то посѣвъ, то молотьба хлѣба), уподобленія (Боянъ—какъ сѣрый волкъ по землѣ или орелъ подъ облаками; дружина—какъ туры; телѣги скрипятъ какъ распуганные лебеди; Игорь скачетъ какъ

горностай, летитъ какъ соколъ), тавтологія («трубы трубятъ въ Новѣградѣ»; «ни мыслію смыслити, ни думою сдумати»). Болѣе общіе пріемы поэтическаго стиля въ Словѣ также напоминаютъ народную поэзію—въ видѣ параллелизмовъ («солнце свѣтится на небеси, Игорь князь въ русской земли»; «не буря соколы занесла чрезъ поля широкая, галицы стады бѣжатъ къ Дону великому») или повтореній (въ выраженіяхъ: «О, русская земля! Уже за шеломенемъ еси!», «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ»). Самый складъ Слова отзывается размѣренной рѣчью, стихотворнымъ ритмомъ.

Изъ этихъ указаній становится яснымъ, что Слово есть произведеніе книжной поэзіи, но авторъ его, христіанинъ по вѣрѣ, можетъ быть дружинникъ кіевскаго князя Святослава или героя поэмы, князя Игоря, всецѣло пропитанъ былъ духомъ народной поэзіи своего времени и вполнѣ владѣлъ внѣшними средствами ея выраженія; ему также свойственно было и то міровоззрѣніе, называемое «двоевѣріемъ» (ср. § 2), при которомъ миѳологическое вѣрованіе уживалось съ наличностью христіанскихъ догматовъ и, въ данномъ случаѣ, давало богатый матеріалъ и средства для украшенія поэтической рѣчи. Необыкновенная широта поэтическихъ пріемовъ автора Слова сказывается, между прочимъ, въ помѣщеніи рядомъ «сна Святослава» и «плача Ярославны»: поскольку первый, со всѣми своими подробностями, отводитъ читателя въ глубину легендарныхъ сказаній международнаго характера, почерпнутыхъ изъ книжной литературы, постольку второй является плодомъ вдохновенной поэтической мысли автора, напитавшейся знакомствомъ съ произведеніями подлинной народной лирики.

Такимъ образомъ, Слово о Полку Игоревѣ есть историческая поэма, основанная на дѣйствительномъ событіи русской жизни, очевидно произведшемъ на современниковъ большое впечатлѣніе и заставившемъ много о себѣ говорить; въ литературномъ отношеніи она опирается отчасти на произведенія книжной чужеземной поэзіи и, главнымъ образомъ, на пріемы русскаго устнаго народно-поэтическаго творчества. Но, наряду съ этими источниками Слова, обнаруживается и еще одинъ—м. б. самый замѣчательный и важный. Это—поэтическая душа автора и его настроеніе, давшія поэмѣ глубокій смыслъ произведенія вполнѣ національнаго.

Цѣль написанія Слова; общее проникающее его настроеніе. Внутренняя цѣль написанія поэмы заключалась въ желаніи автора изобразить въ поэтической формѣ мысль о родинѣ, богатой героическими силами, но гибнущей отъ разногласій и соперничества князей между собою: иллюстраціей этой мысли является разсказъ о несчастномъ походѣ Игоря. Авторъ носитъ въ своей душѣ глубокую любовь къ родинѣ и чувство истиннаго патріотизма; его сознаніе проникнуто идеей единства русской земли, въ укрѣпленіи котораго онъ видитъ главнѣйшій залогъ ея будущаго существованія и процвѣтанія. Авторъ вспоминаетъ, съ глубокимъ чувствомъ удовлетворенія, о Владимірѣ Мономахѣ и Ярославѣ Осмомыслѣ Галицкомъ, грозныхъ оберегателяхъ русской земли; высоко оцѣниваетъ «золотое слово» великаго князя кіевскаго Святослава, оплакивающаго междоусобія князей и призывающаго ихъ на защиту отечества; съ воодушевленіемъ приглашаетъ князей Рюрика и Давида Ростиславичей отомстить «за раны Игоря, буего Святославлича». Любовь автора къ родинѣ заставляетъ его съ горечью оплакивать ея несчастія, но въ то же время гордиться ея доблестями и непоколебимо вѣрить въ лучшее будущее.

Исключительное положеніе памятника и внѣшняя его судьба. Слово о Полку Игоревѣ—памятникъ въ своемъ родѣ исключительный, какъ рѣдкій образецъ оригинальной свѣтской поэзіи среди многочисленныхъ произведеній церковно-назидательной и по преимуществу подражательной письменности XI—XII вв. Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на современниковъ, но позднѣе, въ XV—XVI вв., возникли произведенія на родственную ему тему о борьбѣ русскихъ съ татарами и о Куликовской битвѣ (см. § 39), гдѣ видны явные слѣды знакомства со Словомъ о Полку Игоревѣ и подражанія его поэтическимъ пріемамъ.

Внѣшняя судьба Слова о Полку Игоревѣ, какъ памятника литературы, довольно необыкновенна. Онъ сохранился въ единственномъ спискѣ, по которому и изданъ былъ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ въ 1800 году; списокъ этотъ сдѣланъ былъ по мнѣнію однихъ ученыхъ въ XIV, а по мнѣнію другихъ—въ XVI в. съ болѣе древняго списка, но онъ сгорѣлъ во время нашествія на Москву французовъ въ 1812 году. Еще до изданія Мусина-Пушкина, въ послѣднемъ десятилѣтіи XVIII в., со сгорѣвшаго списка была сдѣлана для императрицы Екатерины II рукописная копія, хранящаяся нынѣ въ Государственномъ Ар-

хивѣ, которая, вмѣстѣ съ изданіемъ 1800 года, является единственнымъ матеріаломъ для изученія текста Слова. Эта утрата единственной, сравнительно древней, рукописи Слова о Полку Игоревѣ тѣмъ болѣе достойна сожалѣнія, что, сколько можно судить по изданію Мусина-Пушкина, Слово дошло до насъ въ весьма испорченномъ видѣ: остаются непонятными многія мѣста въ текстѣ этого памятника, совершенно неясенъ смыслъ отдѣльныхъ словъ и выраженій; по объясненію т. наз. «темныхъ» или загадочныхъ мѣстъ Слова въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ накопилась огромная научная литература, равной которой, по объему и интереснымъ домысламъ, не имѣетъ ни одинъ памятникъ древней русской литературы: это объясняется не только несчастной судьбой текста памятника, но и той необыкновенно высокой оцѣнкой, которая сдѣлана была ему съ самаго же начала въ виду его выдающихся литературныхъ достоинствъ. Достоинства эти были столь велики, что заставили нѣкоторыхъ ученыхъ сомнѣваться въ подлинности памятника, какъ произведенія XII вѣка: не вѣрилось, что такое произведеніе могло возникнуть въ эпоху Кіевской Руси. Въ настоящее время, послѣ тщательной разработки вопроса, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ этомъ отношеніи.

Общіе выводы о литературѣ кіевской эпохи.

§ **36.** Изъ разсмотрѣнія литературныхъ явленій кіевской эпохи XI—XII вв. можно получить слѣдующіе общіе выводы:

1. Являясь началомъ русской литературы, произведенія этой эпохи, возникшія на основѣ христіанства и византійскихъ культурныхъ вліяній, отличаются свѣжестью и непосредственностью содержанія, внѣшняго выраженія и настроенія.

2. Рядомъ съ Византіей, большую роль въ созданіи русской литературы играетъ Болгарія; вліяніе болгарской литературы на русскую, путемъ перенесенія въ нее переводовъ съ греческаго, сдѣланныхъ въ Болгаріи, является результатомъ общеславянской основы просвѣтительной дѣятельности святыхъ Кирилла и Меѳодія.

3. Литература получила значительное развитіе въ количественномъ отношеніи—особенно ясное, если принять во вниманіе множество недошедшихъ до насъ произведеній этой эпохи, истребленныхъ пожарами, вражескими нашествіями и другими обстоятельствами тогдашней тревожной жизни. Значительная часть оставшихся произведеній— переводныя.

4. Не менѣе замѣчательно развитіе литературы и въ качественномъ отношеніи, сказавшееся въ обильномъ развитіи литературныхъ дарованій авторовъ, выступавшихъ съ оригинальными (не переводными) произведеніями. Съ одной стороны, эти авторы усвоили всѣ высшіе пріемы византійской литературы, напр. Иларіонъ или Кириллъ Туровскій; а съ другой—обнаружили самостоятельныя творческія стремленія, какъ преп. Несторъ, Владиміръ Мономахъ или авторъ Слова о Полку Игоревѣ.

5. Преобладающій характеръ оригинальной литературы есть церковно-нравоучительный, однако же съ большимъ разнообразіемъ внѣшней формы: поученія, посланія, житія, «хожденія» и пр. Рядомъ съ этимъ, обозначаются стремленія и къ свѣтской литературѣ—въ Лѣтописи и особенно исторической поэзіи, единственнымъ цѣльнымъ образцомъ которой сохранилось отъ того времени Слово о Полку Игоревѣ.

6. Письменная литература развивается отдѣльно отъ устнаго народнаго творчества: въ то время какъ первая находилась подъ сильнымъ воздѣйствіемъ христіанскихъ идей, вторая носила въ себѣ интересъ къ язычеству.

7. Внѣшнимъ центромъ литературной дѣятельности былъ Кіевъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, литературная работа шла и въ другихъ городахъ—Новгородѣ, Смоленскѣ, Туровѣ, Черниговѣ.

X. Письменность сѣверо-восточной Руси (XIII—XIV вв.)

§ 37. Переходъ центра культурной и литературной жизни изъ Кіева на сѣверо-востокъ.—§ 38. Серапіонъ Владимірскій.—§ 39. Произведенія исторической поэзіи: Слово о погибели русской земли; Задонщина.—§ 40. Легендарныя сказанія: О царевичѣ Петрѣ Ордынскомъ; О князѣ Петрѣ и Февроніи; О св. Меркуріи.—§ 41. Патерикъ Печерскій. Житіе Александра Невскаго.—§ 42. Моленіе Даніила Заточника.—§ 43. Общіе выводы о литературѣ Сѣверо-восточной Руси.

Переходъ центра культурной и литературной жизни изъ Кіева на сѣверо-востокъ.

§ 37. Въ первой половинѣ XIII вѣка Кіевская Русь подверглась сильному нападенію со стороны татаръ, завершившихъ своимъ натискомъ цѣлый рядъ болѣе раннихъ попытокъ восточныхъ кочевниковъ ослабить политическій ростъ русскаго государства. Но перемѣна въ судьбѣ Кіева, какъ центра культурной и политической русской жизни, началась еще до татарскаго нашествія. Съ одной стороны, въ концѣ XI вѣка возникаетъ, подъ властію русскихъ князей

Василька и Володаря Ростиславичей, самостоятельное Галицкое княжество, оттягивавшее матеріальныя и духовныя силы Кіева на западъ, а съ другой—въ XII вѣкѣ на сѣверо-востокѣ, въ предѣлахъ Оки и Волги, выростаетъ настолько сильное Владиміро-Суздальское княжество, что въ 1169 году князь его Андрей Боголюбскій подвергаетъ разгрому самый Кіевъ. Въ 1240 году Кіевъ окончательно палъ подъ рукою татаръ, и центръ политической жизни былъ перенесенъ на сѣверо-востокъ, причемъ владимірскій князь Ярославъ Всеволодовичъ получилъ титулъ великаго князя, связанный прежде всегда съ Кіевомъ; туда же передвинулась, вмѣстѣ съ князьями и духовенствомъ, значительная часть книжнаго люда , нуждавшагося для своей дѣятельности въ безопасности и покровительствѣ. Съ конца XIII вѣка изъ 'Владиміро-Суздальскаго княжества выдѣляется княжество Московское, а къ концу XIV вѣка уже вполнѣ опредѣляется его политическое преобладаніе на сѣверо-востокѣ Руси. Такимъ образомъ, культурный и политическій центръ Руси изъ Кіева мало-по-малу переносится на сѣверо-востокъ, въ предѣлы городовъ Владиміра, Суздаля, Ростова, а затѣмъ—въ Москву, гдѣ въ XV—XVI вв. получаетъ развитіе литература московскаго періода.

Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію литературныхъ явленій Сѣверо-восточной Руси XIII и XIV вв. и увидимъ, что на первыхъ порахъ эта сѣверо-восточная литература поддерживаетъ тѣсную связь съ преданіями литературы кіевской, т. е. древнѣйшей, эпохи XI—XII вѣковъ.

Серапіонъ Владимірскій.

§ 38. Очень естественно, что многія литературныя произведенія Сѣверо-восточной Руси отразили въ себѣ важнѣйшую сторону тогдашней русской жизни—татарское нашествіе и политическое подчиненіе Руси татарамъ.

Такова—проповѣдническая дѣятельность Серапіона Владимірскаго. Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ проповѣдниковъ всего древняго періода русской литературы, самостоятельный какъ въ содержаніи своихъ проповѣдей, такъ и въ ихъ изложеніи; онъ не увлекался высокимъ, но сухимъ краснорѣчіемъ византійскихъ образцовъ и вносилъ въ свои проповѣди живыя черты тогдашней русской дѣйствительности.

О жизни Серапіона мы знаемъ лишь то, что въ 1274 году, когда Серапіонъ былъ кіево-печерскимъ архимандритомъ, Кіевскій митрополитъ Кириллъ II поставилъ его епископомъ Владимірскимъ, Суздальскимъ и Нижегородскимъ, а въ слѣдующемъ

1275 году Серапіонъ скончался и былъ погребенъ во Владимірѣ; лѣтописецъ характеризуетъ его «зѣло учительнымъ въ божественномъ писаніи», т. е. отлично образованнымъ проповѣдникомъ. И въ самомъ дѣлѣ, сохранившіяся до насъ немногочисленныя проповѣди Серапіона вполнѣ подтверждаютъ этотъ отзывъ лѣтописца о проповѣдникѣ, очевидно, пользовавшемся у современниковъ большой извѣстностью. Отъ Серапіона дошло до насъ пять проповѣдей, или «поученій». Первыя три поученія посвящены обличенію различныхъ грѣховъ противъ религіи и нравственности, т. е. невѣрія, лжи, клеветы, зависти, гордости, лести и пр. Проповѣдникъ стремится показать, что за эти грѣхи Богъ наказываетъ людей разными несчастіями—моромъ, землетрясеніемъ и, наконецъ, нашествіемъ «поганыхъ», подъ которыми онъ разумѣетъ татаръ. Такъ какъ поученія составлены были проповѣдникомъ подъ самыми свѣжими впечатлѣніями татарскаго нашествія, то и изображеніе этого бѣдствія въ нихъ носитъ на себѣ черты особенно яркія и выразительныя. «Приде на ны языкъ (т. е. народъ) немилостивъ, попустившу Богу; и землю нашу пусту створиша, и грады наши плѣниша и церкви святыя разориша; отца и братію нашу избиша, матери наши и сестры наши въ поруганіе быша» (I поуч.). «Разрушены божественныя церкви; осквернени быша сосуди священнии, потоптана быша святая; святители мечу въ ядь (т. е. въ пищу, въ жертву) быша; плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снѣдь повержени быша; кровь и отецъ и братья нашея, аки вода многа, землю напои; князій нашихъ воеводъ крѣпость исчезе; храбріи наши, страха наполньшеся, бѣжаша; множайшая же братія и чада наша въ плѣнъ ведени быша; села наша лядиною поростоша (т. е. какъ запущенное, покрытое кустарникомъ мѣсто), и величество (т. е. гордость) наше смирися, красота наша погибе, богатство наше инѣмъ въ корысть бысть, трудъ нашъ поганіи наслѣдоваша» (III поуч.).

Въ двухъ другихъ поученіяхъ Серапіонъ касается спеціальныхъ видовъ народнаго русскаго суевѣрія той эпохи: испытанія женщинъ, признанныхъ за «вѣдьмъ», посредствомъ холодной воды и затѣмъ истребленіе ихъ огнемъ (IV поуч.), и выгребаніе изъ земли похороненныхъ утопленниковъ и удавленниковъ, которые, по народному повѣрью, могли вредить урожаю и портить погоду (V поуч.). Въ обоихъ случаяхъ проповѣдникъ съ полной опредѣленностью считаетъ эти выступленія противъ вѣдьмъ и утопленниковъ самыми пагубными и преступными остатками язычества. Онъ старается внушить слушателямъ мысль о томъ, что хотя-де

силы волхованія и нельзя отрицать, однако она дѣйствуетъ лишь на того, кто недостаточно крѣпокъ въ вѣрѣ въ Бога и что, во имя человѣчности, нельзя самолично расправляться съ людьми невѣжественными и жалкими, часто по глупости принимающими на себя личину колдовства; касаясь обычая выгребать утоплениковъ и удавлениковъ по подозрѣнію ихъ въ дѣйствіи на урожай и погоду, просвѣщенный проповѣдникъ энергически проводитъ ту мысль, что въ дѣйствительности между погребеніемъ этихъ несчастныхъ и народными бѣдствіями нѣтъ и не можетъ быть связи, и что, слѣдовательно, обычай этотъ долженъ быть сурово осужденъ съ точки зрѣнія христіанской нравственности. Въ томъ и другомъ случаѣ Серапіонъ переноситъ вниманіе своихъ слушателей, склонныхъ къ суевѣріямъ, на ихъ собственную жизнь, полную невѣрія и грѣховности, и всякаго рода народныя несчастія, приписываемыя суевѣрнымъ воображеніемъ вѣдьмамъ или утопленикамъ, онъ объясняетъ собственными грѣхами его паствы. Поэтому онъ призываетъ своихъ слушателей къ глубокому и искреннему покаянію, особенно приличному для вѣрующаго христіанина въ годы тяжелыхъ испытаній, ниспосланныхъ на русскую землю. «О человѣци!—восклицаетъ онъ , обращаясь съ глубокимъ убѣжденіемъ къ слушателямъ—се ли ваше покаянье? симъ ли Бога умолите, что утопла или удавленика выгрести? симъ ли Божію казнь хощете утишити? Лучши, братья, престанемъ отъ зла, лишимся (т. е. освободимся, откажемся) всѣхъ дѣлъ злыхъ: разбоя, грабленья, пьянства, прелюбодѣйства, скупости, лихвы... Аще ся не останете сихъ (т. е. не отстанете отъ этихъ злыхъ дѣлъ), то горшая бѣды почаете по семъ; но, моляся вамъ (т. е. умоляя васъ), глаголю: пріимемъ покаянье отъ сердца, да Богъ оставитъ гнѣвъ свой, и обратимся отъ всѣхъ дѣлъ злыхъ, да Господь Богъ обратится къ намъ» (V поуч.).

Произведенія исторической поэзіи.

§ **39.** Татарское нашествіе отразилось также въ нѣсколькихъ произведеніяхъ исторической поэзіи и въ возникновеніи нѣкоторыхъ легендарныхъ сказаній.

Самыми ранними произведеніями исторической поэзіи этого рода являются повѣсти «О Калкскомъ побоищѣ и 70-ти храбрыхъ» и «Объ Евпатіи Коловратѣ и разореніи Рязанской земли». Литературныя достоинства этихъ произведеній и обработанныя въ нихъ темы побудили составителей лѣтописныхъ сводовъ внести ихъ на страницы Лѣтописи; первая изъ нихъ носитъ на себѣ еще полуцерковный характеръ, но вторая—исключительно свѣтскаго содержанія

и, по своему складу, кое въ чемъ напоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ; въ ней, кромѣ того, нѣтъ того покаяннаго элемента, который сопровождалъ обыкновенно упоминаніе о татарахъ, и мысль автора находитъ себѣ утѣшеніе въ изображеніи храбрости и героизма русскихъ князей; ихъ «гордость» характеризуется уже не какъ недостатокъ, а какъ достоинство и доказательство ихъ силы.

Слово о погибели русской земли. Болѣе замѣчательнымъ въ литературномъ отношеніи представляется «Слово о погибели русской земли», сохранившееся до насъ лишь въ небольшомъ отрывкѣ и возникшее, повидимому, въ первой половинѣ XIII вѣка. Въ началѣ сохранившагося отрывка восхваляется красота и величіе русской земли какъ въ отдаленномъ, такъ и въ недавнемъ прошломъ. Русь обладала нѣкогда необъятными границами, и далеко гремѣла слава ея князей—Всеволода, отца его Юрія, князя Кіевскаго, и дѣда его, Владиміра Мономаха, передъ которымъ трепетала Литва и Половцы. Угры ограждали свои каменные города желѣзными воротами, и только «нѣмцы» (т. е. шведы) спокойно жили за синимъ моремъ; даже самъ византійскій царь Мануилъ посылалъ къ Владиміру дары, чтобы тотъ не взялъ Царьграда. Такъ было въ прошломъ, а при «нынѣшнемъ Ярославѣ и братѣ его Юріи, князѣ Владимірскомъ» наступила «болѣзнь крестьяномъ». На этомъ и оканчивается отрывокъ. Подъ «болѣзнью» надо разумѣть татарское нашествіе, а подъ «нынѣшнимъ Ярославомъ» — Переяславскаго князя Ярослава Всеволодовича (ум. въ 1246 году), при которомъ и написано самое произведеніе. Авторъ его по имени намъ неизвѣстенъ, но онъ былъ, очевидно, человѣкъ книжный и носилъ въ душѣ высокое патріотическое настроеніе: это видно изъ тона, въ которомъ онъ говоритъ о «русской землѣ» и которымъ онъ напоминаетъ тоже неизвѣстнаго автора «Слова о Полку Игоревѣ». Въ произведеніи этомъ есть черты и изъ области народной фантазіи, напр., упоминаніе о царѣ Мануилѣ, который по времени своей жизни (1143—1180) не могъ быть данникомъ Владиміра Мономаха, да и отношенія его къ Руси, изображенныя авторомъ Слова, не имѣли мѣста въ дѣйствительности.

Задонщина. Къ концу XIV вѣка относится не дошедшая до насъ лѣтописная повѣсть о Куликовской битвѣ 1380 года, въ которой русскіе одержали побѣду надъ татарами и получили твердую увѣренность въ возможности сверженія татарскаго ига. Эта лѣтописная повѣсть послужила матеріаломъ для нѣсколькихъ поэтическихъ обработокъ того же сюжета, сдѣланныхъ

русскими книжниками въ XV и XVI вв. Обработки эти находятся между собою въ тѣсной преемственной зависимости, дающей право считать ихъ разновидностями одного и того же литературнаго произведенія на чрезвычайно популярную тему; онѣ носятъ названія то «Повѣданія» (или «Задонщины»), то «Сказанія» о Мамаевомъ побоищѣ. Авторомъ ихъ рукописные тексты называютъ то «іерея Софонія», то какого- то «брянскаго боярина», но въ точности онъ неизвѣстенъ. Хотя поэтическая обработка этой темы о Куликовской битвѣ относится къ нѣсколько болѣе позднему времени, чѣмъ разсматриваемая нами теперь область сѣверо-восточной литературы (XIII—XIV вв.), но такъ какъ основа ея относится все-таки къ XIV вѣку, то здѣсь и умѣстно о ней говорить въ связи съ другими литературными отраженіями татарскаго господства надъ Русью.

Произведеніе это, которое будемъ называть «Задонщиной», можно раздѣлить на три части: событія до битвы, самая битва и событія послѣ битвы. Въ первой части разсказывается о томъ, какъ Мамай, завидуя славѣ Батыя, взявшаго нѣкогда Кіевъ и Владиміръ, отправился овладѣть Москвой. Рязанскій князь Олегъ, изъ вражды къ московскому князю, не только самъ передался Мамаю, но и склонилъ къ тому литовскаго князя Ягайлу Ольгердовича. Между тѣмъ князь Дмитрій Ивановичъ сталъ готовиться къ битвѣ, опираясь на помощь князя Владиміра Андреевича и другихъ русскихъ князей, обѣщавшихъ ему твердо постоять за русскую землю. Далѣе идетъ описаніе сборовъ князя Дмитрія Ивановича, посѣщеніе имъ Св. Сергія въ Троицкомъ монастырѣ, прощаніе съ женой и выступленіе въ походъ; на дорогѣ къ нему присоединились два другіе Ольгердовича и иные князья; наконецъ, обѣ вражескія рати стали другъ противъ друга въ ожиданіи боя. Во второй части живыми красками описана самая битва, счастливый для русскихъ исходъ ея, геройское поведеніе князя Дмитрія Ивановича и торжественное вступленіе побѣдителя въ Москву. Третья часть кратко разсказываетъ о печальной судьбѣ Мамая, на котораго напалъ другой восточный царь Тахтамышъ и загналъ его въ Каѳу, гдѣ Мамай и нашелъ свою безславную смерть.

«Задонщина» также напоминаетъ до извѣстной степени «Слово о Полку Игоревѣ», которое, вѣроятно, было извѣстно автору «Задонщины» и которому старался онъ подражать отдѣльными выраженіями и цѣлыми поэтическими картинами. Въ общемъ, это произведеніе выдерживаетъ спокойный эпическій тонъ, ко-

торый только по мѣстамъ смѣняется лирическими отступленіями: это именно тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о князьяхъ, боровшихся за русскую землю противъ татаръ. Подобно Слову о Полку Игоревѣ, въ «Задонщинѣ» природа изображена сочувствующей русскимъ; разсказъ оживленъ многочисленными сравненіями; есть упоминаніе о Боянѣ, а въ концѣ помѣщенъ плачъ русскихъ женъ о погибшихъ князьяхъ, обращенный къ Дону: «Доне, Доне, быстрый Доне! Прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси березі харалужныя, прилелѣй моего Микулу Васильевича!...»

Легендарныя сказанія.

§ 40. Легендарныя сказанія, отчасти связанныя съ опредѣленными историческими событіями и лицами татарской эпохи и, вѣроятно, относящіяся къ ней по своей первоначальной основѣ, были обработаны въ литературномъ смыслѣ еще позднѣе, чѣмъ сюжетъ о Куликовской битвѣ, въ XV—XVII вв. Но и о нихъ умѣстно сказать именно здѣсь, въ виду близкаго отношенія ихъ содержанія ко времени первыхъ вѣковъ владычества татаръ надъ Русью. Таковы сказанія: ростовское—о царевичѣ Петрѣ Ордынскомъ, муромское—о князѣ Петрѣ и Февроніи, смоленское—о Св. Меркуріи.

О царевичѣ Петрѣ Ордынскомъ.

Сказаніе о царевичѣ Петрѣ Ордынскомъ передаетъ слѣдующее. Въ Ордѣ, когда епископъ ростовскій Кириллъ разсказывалъ хану Беркаю (бывшему татарскимъ властелиномъ послѣ Батыя, въ 1257—66 годахъ) о крещеніи Ростовской земли епископомъ Леонтіемъ, разсказы его слушалъ юноша, племянникъ хана, и настолько плѣнился христіанствомъ, что рѣшилъ отправиться вмѣстѣ съ епископомъ въ Ростовъ. Здѣсь онъ такъ былъ пораженъ богослуженіемъ въ храмѣ Пресвятой Богородицы, что просилъ Кирилла крестить его. Вскорѣ епископъ Кириллъ умеръ (въ 1262 году), и ему наслѣдовалъ Игнатій, при князѣ Борисѣ Васильевичѣ Ростовскомъ. Однажды царевичъ Петръ забавлялся возлѣ ростовскаго озера охотой; тутъ ему, во время отдыха, явились два «свѣтлыхъ мужа» и передали два мѣшка—одинъ съ золотомъ, другой съ серебромъ—для пріобрѣтенія трехъ иконъ: Богородицы, Св. Димитрія и Николая Чудотворца; «свѣтлые мужи» были апостолы Петръ и Павелъ, повелѣвшіе Петру пойти съ иконами къ епископу и просить его основать, въ память ихъ, апостоловъ, церковь. Епископъ Игнатій такъ и сдѣлалъ; когда церковь была готова, и Петръ царевичъ, вмѣстѣ съ княземъ ростовскимъ, возвращались изъ храма, то князь въ шутку сказалъ царевичу: «владыка тебѣ устроилъ церковь, а я мѣста не дамъ; что тогда

будешь дѣлать?» Петръ отвѣтилъ, что купитъ у князя земли, сколько нужно, и дѣйствительно на деньги, заключавшіяся въ данныхъ Петру апостолами мѣшкахъ, купилъ отъ ростовскаго князя землю для храма и обвелъ ее рвомъ, при чемъ князь и владыка видѣли, что, несмотря на множество выложеннаго изъ мѣшковъ серебра и золота, оно въ нихъ не уменьшалось. Потомъ царевичъ Петръ женился на русской, и князь ростовскій далъ ему грамоты на владѣніе купленной царевичемъ землей, чтобы—какъ онъ объяснилъ—дѣти и внуки его не отняли впослѣдствіи этой земли у дѣтей и внуковъ Петра-царевича. Прошли годы; умерли и ростовскій князь, и владыка Игнатій, и, наконецъ, самъ царевичъ Петръ. Внуки ростовскаго князя въ самомъ дѣлѣ пожелали отнять землю, унаслѣдованную дѣтьми Петра у отца, завидуя постоянно счастливому улову рыбы изъ озера на этой землѣ; явившійся татарскій «посолъ» рѣшилъ этотъ споръ въ пользу дѣтей царевича. Позднѣе, при внукѣ Петра, Игнатіи, на завоеваніе Ростова пришелъ царь Ахмылъ, сжегши передъ тѣмъ городъ Ярославль. Ростовскіе князья изъ страха бѣжали; хотѣлъ бѣжать и владыка ростовскій Прохоръ, но Игнатій остановилъ его и убѣдилъ покориться и съ честью встрѣтить Ахмыла; при этомъ молитвами Прохора былъ исцѣленъ больной сынъ Ахмыла. Ахмылъ восхвалилъ мудрость Игнатія, спасшаго городъ, и сказалъ ему: «ты—наше племя, царева кость»! Затѣмъ, онъ поклонился владыкѣ Прохору, сѣлъ на коня и поѣхалъ обратно въ Орду, а владыка Прохоръ и граждане вернулись въ городъ, «возрадовашася, и пѣвъ молебенъ, и прославиша Бога». —Въ этомъ сказаніи съ особенной ясностью выступаетъ мысль о воздѣйствіи на татаръ со стороны ростовскихъ владыкъ во славу Христовой вѣры: царевичъ изъ Орды не только сближается съ ростовскимъ княземъ, беретъ себѣ невѣсту «отъ великихъ вельможъ» русскихъ и навсегда остается жить въ Ростовѣ, но принимаетъ христіанскую вѣру и строитъ церковь, а потомокъ его, при содѣйствіи ростовскаго епископа, избавляетъ Ростовъ отъ разгрома со стороны своихъ единоплеменниковъ-татаръ.

О князѣ Петрѣ и Февроніи. Дѣйствіе сказанія о князѣ Петрѣ и Февроніи происходитъ въ Муромѣ. Упоминанія о татарахъ тутъ нѣтъ, но съ предшествующимъ сказаніе это сближается тѣмъ, что дѣйствіе происходитъ тоже въ Сѣверо-восточной Руси. Къ женѣ муромскаго князя Павла сталъ летать змѣй съ цѣлью соблазна. Княгиня разсказала объ этомъ мужу и, по совѣту его, вывѣдала отъ змѣя, что тотъ долженъ умереть «отъ

Петрова плеча, отъ Агрикова меча». Этотъ намекъ примѣнилъ къ себѣ младшій братъ князя Петръ и рѣшилъ, что онъ долженъ убить змѣя; «Агриковъ мечъ» нашелъ онъ, по чудесному указанію явившагося къ нему юноши, въ церкви женскаго монастыря Воздвиженія Животворящаго Креста; дѣйствительно, онъ убилъ имъ змѣя, но при этомъ обагрилъ себя его кровью и заболѣлъ: его тѣло покрылось струпьями. Ища исцѣленія, онъ набрелъ на одну деревню, Ласково, вошелъ въ домъ и увидѣлъ въ немъ дѣвицу, сидящую за тканьемъ, а передъ ней скакалъ заяцъ. Дѣвица сказала Петру: «не хорошо быть дому безъ ушей, а храму безъ очей», а затѣмъ на вопросъ Петра, гдѣ хозяинъ этого дома, отвѣтила: «отецъ и мать мои пошли взаемъ плакать, братъ же мой пошелъ черезъ ноги въ нави зрѣти». Видя, что юноша не понимаетъ ея изреченій, дѣвица объяснила, что если бы при домѣ ея были собака и мальчикъ, то первая бы услышала, а второй увидѣлъ его приходъ, и онъ бы не засталъ ее «сидящею въ простотѣ»; второе изреченіе она объяснила такъ, что отецъ и мать ея пошли оплакивать покойника, надѣясь, что и ихъ кто-нибудь послѣ смерти взаимно оплачетъ; что братъ ея, какъ и отецъ—«древолазцы», собирающіе съ деревьевъ дикій медъ: такъ какъ дѣло это опасное, потому что съ дерева можно каждую минуту сорваться на землю, то она и сказала, что онъ черезъ ноги «въ нави», т. е. въ могилу, смотритъ. Эта мудрая дѣвица называлась Февронія; она обѣщалась исцѣлить Петра, но съ условіемъ, если онъ на ней женится. Послѣ уловокъ со стороны исцѣленнаго Петра не исполнить обѣщанія и вторичнаго его заболѣванія, Февронія достигла цѣли и сдѣлалась женою князя Петра, который вскорѣ унаслѣдовалъ отъ брата владычество надъ Муромомъ; но жители Мурома, и особенно жены ихъ, не желали имѣть Февронію княгиней, вслѣдствіе ея низкаго происхожденія; тогда она предпочла уйти изъ Мурома вмѣстѣ со своимъ мужемъ, но потомъ муромцы снова позвали Петра и Февронію княжить надъ ними. Черезъ нѣсколько лѣтъ оба они, по взаимному желанію, одновременно скончались, предварительно попросивъ, чтобы ихъ положили въ одномъ гробѣ; муромцы и тутъ выразили свою непримиримость къ Февроніи, положивши ея тѣло отдѣльно, однако тѣла чудеснымъ образомъ соединились вмѣстѣ въ Соборномъ храмѣ Богородицы. Незадолго до смерти Петръ и Февронія приняли монашество—первый подъ именемъ Давида, а вторая—Евфросиніи.—Легенда эта, русская по мѣсту дѣйствія, носитъ на себѣ черты иноземнаго вліянія распространенныхъ сказаній о

«вѣщей дѣвѣ», какою сначала является здѣсь Февронія, и о сраженіи со змѣемъ.

О св. Меркуріи. Сказаніе о св. Меркуріи снова вводитъ насъ въ тему о татарахъ, даже прямо о разорителѣ Кіева Батыѣ, но мѣстомъ дѣйствія является Смоленская область. Именно, тутъ разсказывается, что въ Смоленскѣ жилъ одинъ молодой человѣкъ, именемъ Меркурій. Онъ былъ весьма благочестивъ и часто молился за міръ у Креста Господня. На Смоленскъ напалъ со своей ратью царь Батый, пожегъ уже много окрестныхъ церквей и подошелъ къ городу. Жители въ страхѣ собрались въ соборную церковь Пречистой Богородицы. Недалеко отъ города, въ Печерскомъ монастырѣ, къ пономарю явилась Богородица и велѣла ему послать къ Себѣ Меркурія. Когда Меркурій пришелъ, Богородица сказала ему: «Иди скоро; сотвори отмщеніе крови христіанской. Ступай, побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его! Потомъ придетъ къ тебѣ человѣкъ, прекрасный лицомъ: отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову; ты же возьми ее въ руку свою и ступай въ свой градъ; тамъ примешь кончину, и положено будетъ твое тѣло въ моей церкви». Меркурій взялъ благословеніе отъ Богородицы, сѣлъ на коня, достигъ полковъ Батыя и сталъ побивать ихъ, собирая плѣнныхъ и скакая съ такою же быстротою, какъ орелъ летаетъ по воздуху. Батый, одержимый ужасомъ, бѣжалъ отъ Смоленска въ Угры (Венгрію) и былъ тамъ убитъ царемъ Стефаномъ. Между тѣмъ, Меркурію предсталъ прекрасный воинъ, передъ которымъ онъ склонился, и тотъ отсѣкъ ему голову. Меркурій взялъ голову въ одну руку, а другой велъ коня и пришелъ въ городъ. Граждане съ удивленіемъ смотрѣли на это зрѣлище, но Меркурій легъ въ воротахъ и скончался, а конь его сталъ невидимъ. Затѣмъ, по истеченіи трехъ дней, явилась на солнечной зарѣ Богородица, взяла тѣло Меркурія въ свою полу и принесла его въ соборную церковь. Сошедшійся народъ, видя это чудо, прославилъ Господа.—Это легендарное сказаніе, подобно сказанію о князѣ Петрѣ и Февроніи, носитъ на себѣ слѣды вліянія иноземной литературы, гдѣ дѣйствуетъ образъ свѣтлаго рыцаря-воина въ защиту христіанства и противъ нечестивыхъ мусульманъ; близость Смоленска къ западнымъ границамъ государства и къ «Готскому берегу» дѣлаетъ весьма понятнымъ и вѣроятнымъ такое литературное заимствованіе, закрѣпленное русской исторической обстановкой всего дѣйствія; кромѣ того, на созданіе отдѣльныхъ частей этого сочиненія могли дѣйствовать и нѣкоторыя произведенія русской книжности какъ

византійскаго, такъ и оригинально-русскаго происхожденія, напр., повѣсть «Объ убіеніи Батыя».

§ **41.** Кромѣ указанныхъ литературныхъ произведеній, на сѣверо-востокѣ, по предположенію ученыхъ, возникли и нѣкоторыя другія сочиненія, не связанныя непосредственно съ темой о татарахъ. Это—житія святыхъ и т. наз. «Моленіе Даніила Заточника».

Житія святыхъ, составленныя на сѣверо-востокѣ, являются съ одной стороны продолженіемъ и завершеніемъ прежнихъ трудовъ этого рода изъ кіевской эпохи, а съ другой—новыми работами, выдвинутыми потребностями современной жизни; изъ первыхъ остановимся на Патерикѣ Печерскомъ, а изъ вторыхъ на Житіи Александра Невскаго.

Патерикъ Печерскій. Патерикъ (или Отечникъ) Печерскій есть сборникъ разсказовъ о жизни и посмертныхъ чудесахъ подвижниковъ («отцовъ») Кіевскаго Печерскаго монастыря. За два столѣтія существованія монастыря накопилось извѣстное количество воспоминаній не только о первоначальномъ возникновеніи этой обители, построеніи въ ней церквей и общемъ ея устроеніи, но также о лицахъ, прославившихъ монастырь своей жизнью и духовными подвигами. Среди произведеній переводной литературы уже извѣстны были русскимъ читателямъ патерики иноземнаго происхожденія: поэтому явилась мысль создать такой же патерикъ и для своей родной обители—Кіевской. Начало этой литературной работы относится къ первой четверти XIII вѣка: туда было внесено «Слово о первыхъ черноризцахъ (т. е. монахахъ) печерскихъ» извѣстнаго уже намъ Нестора и разсказы объ отдѣльныхъ святыхъ, помѣщенные въ «посланіяхъ» епископа Симона къ иноку Поликарпу и Поликарпа къ игумену Акиндину. Симонъ, постриженикъ Кіево-Печерскаго монастыря, былъ сначала игуменомъ Богородицкаго монастыря во Владимірѣ, а потомъ епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ; умеръ онъ въ 1226 году; Поликарпъ былъ также черноризцемъ Печерской обители, близкимъ человѣкомъ къ Симону или, можетъ быть, даже его родственникомъ, а Акиндинъ былъ игуменомъ Печерскаго монастыря во время пребыванія тамъ Поликарпа, въ началѣ XIII вѣка. Симонъ помѣстилъ въ своемъ письмѣ къ Поликарпу девять «житій» печерскихъ подвижниковъ и выразилъ въ немъ, кромѣ того, свое глубокое почтеніе къ Печерскому монастырю: онъ готовъ былъ бы промѣнять всѣ свои епископскія почести на самое скромное и ничтожное положеніе

въ дорогой ему обители, если бы имѣлъ къ этому возможность. Поликарпъ въ письмѣ къ Акиндину дѣлаетъ дополненіе къ разсказамъ Симона: именно, помѣщаетъ новыхъ одиннадцать «житій» печерскихъ подвижниковъ. Теперь трудно сказать съ точностью, были ли эти письма съ разсказами о жизни святыхъ дѣйствительно написаны Симономъ и Поликарпомъ, или это была лишь простая литературная форма, въ которую кто-нибудь изъ писателей XIII вѣка уложилъ сообщенныя тамъ извѣстія; можно только увѣренно сказать, что составившаяся такимъ образомъ книга, съ присоединеніемъ къ ней особаго сочиненія Симона «Слово о созданіи церкви Печерской» и упомянутаго «Слова о первыхъ черноризцахъ печерскихъ» Нестора, явилась сборникомъ, чрезвычайно интереснымъ для тогдашнихъ русскихъ читателей. Сборникъ этотъ составился частію на югѣ, въ Кіевѣ, частію на сѣверо-востокѣ, во Владимірѣ или Суздалѣ, но окончательная обработка была дана ему на сѣверо-востокѣ. Въ виду этого, Патерикъ Печерскій слѣдуетъ считать произведеніемъ, которое, по характеру своего созданія, принадлежитъ одинаково какъ югу, такъ и сѣверо-востоку; по содержанію же своему онъ вполнѣ опирается на кіевскія преданія, которыя, будучи связаны со знаменитой кіевской обителью, были одинаково дороги и русскимъ дѣятелямъ въ новомъ центрѣ тогдашняго русскаго просвѣщенія и литературы.

Разсказы о святыхъ, помѣщенные въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, отличаются замѣчательной простотой, напоминающей литературную манеру преп. Нестора въ его «Житіи Ѳеодосія». Историческое значеніе ихъ очень велико; въ нихъ отразились многія черты тогдашней русской жизни: какъ жили въ монастыряхъ иноки, чѣмъ они занимались, кто посѣщалъ монастырь изъ постороннихъ, какъ относились къ монастырю князья, высшее духовенство и бояре, изъ какихъ сословій поступали въ монашество и пр.

Житіе Александра Невскаго.

«Житіе» Александра Невскаго, первоначальный очеркъ котораго возникъ, вѣроятно, въ предѣлахъ Владиміро-Суздальской земли въ XIV вѣкѣ, замѣчательно главнымъ образомъ по личности знаменитаго князя, котораго подвиги на пользу русской земли въ немъ описаны. Первая половина дѣятельности князя Александра Ярославича прошла въ Новгородѣ, гдѣ онъ прославилъ себя побѣдами надъ шведами (на рѣкѣ Невѣ, за что и получилъ прозваніе «Невскаго»), а потомъ и надъ нѣмцами, на Чудскомъ озерѣ; вторую же полови-

ну жизни провелъ онъ въ качествѣ великаго князя Суздальскаго и велъ тутъ осторожную политику съ татарами, часто ѣздя въ Орду и всячески оберегая русскую землю отъ татарскихъ нашествій и разореній.

«Житіе» этого князя (ум. въ 1263 году), принадлежащее неизвѣстному автору и занесенное на страницы Лаврентьевскаго списка лѣтописи, представляетъ собою простое и цѣльное повѣствованіе о жизни князя, пользовавшагося у современниковъ и ближайшаго потомства большимъ уваженіемъ и популярностью. Тутъ изложены свѣдѣнія о дѣтствѣ князя, ранней его жаждѣ къ военнымъ подвигамъ, необыкновенной личной храбрости, политическомъ умѣ, любви къ родной землѣ и постоянной заботѣ о ней. Въ концѣ «житія» разсказывается, что когда митрополитъ Кириллъ, сообщая о смерти князя Александра людямъ въ церкви, воскликнулъ: «Чада моя, разумѣйте, яко уже зайде солнце земли Суждальскія», то—по словамъ автора—«игумени же и попове и дьяконе, черноризцы, богатіи и нищи, и вси людіе мнози вопіяху глаголюще: уже погибаемъ!»

Моленіе Даніила Заточника.

§ **42.** «Моленіе» Даніила Заточника—памятникъ очень замѣчательный по содержанію и по своей литературной формѣ. Онъ представляетъ собою обращеніе неизвѣстнаго, называющаго себя Даніиломъ, къ своему князю. Такъ какъ сочиненіе это извѣстно въ разныхъ редакціяхъ, называющихъ имя князя различно, то и нельзя въ точности опредѣлить, къ кому собственно было обращено «моленіе»: всего вѣроятнѣе—къ Ярославу Всеволодовичу, княжившему въ Переяславлѣ Суздальскомъ въ 1213—1236 годахъ; этими годами опредѣляется и самое время написанія «моленія». Авторъ, повидимому, былъ сыномъ зажиточныхъ родителей, чѣмъ-то провинился передъ родителями, впалъ въ бѣдность и обращается къ князю за помощью. Онъ проситъ князя взять его къ себѣ на службу, причемъ выставляетъ свой умъ и опытность, пріобрѣтенную имъ благодаря прилежному чтенію книгъ; при дворѣ князя онъ не хотѣлъ бы исполнять какой-нибудь низшей должности, признавая свое право на высшую: такой могла бы быть военная служба или участіе въ княжескомъ совѣтѣ. Признавая себя неспособнымъ къ военной службѣ, Даніилъ проситъ князя опредѣлить его къ себѣ въ качествѣ совѣтника: мудрые совѣтники нужны князю какъ на войнѣ, такъ и въ мирѣ. Цѣлью посланія Даніила является именно желаніе его доказать передъ княземъ свой умъ и книжное образованіе. «Моленіе» имѣетъ нѣкоторый планъ: оно состоитъ изъ

вступленія, довольно обширной главной части и краткаго заключенія. Вступленіе исполнено риторической торжественности при обращеніи къ особѣ князя. Главная часть состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ просьбъ къ князю, неизмѣнно начинающихся словами: «княже мой, господине!» Тутъ авторъ всего болѣе говоритъ о себѣ самомъ, и, рекомендуя себя, для вящаго убѣжденія князя ссылается на разные историческіе примѣры, начиная съ «египетскихъ мудрецовъ» и кончая русскими князьями, Святославомъ, Святополкомъ и Ростиславомъ, нуждавшимися въ мудрыхъ совѣтникахъ для своихъ предпріятій. Предполагая со стороны князя совѣтъ ему, для избавленія отъ нищеты, жениться на богатой невѣстѣ или идти въ монахи, онъ даетъ на него отвѣтъ съ одной стороны въ формѣ доказательства безнравственности женитьбы по расчету, а съ другой—осуждаетъ тѣхъ, которые изъ выгоды принимаютъ на себя «святительскій санъ». Эти чисто литературные обороты мысли даютъ автору поводъ, говоря о женитьбѣ, обрушиться на «злыхъ женъ»: такая тема была очень популярна въ древне-русской литературѣ, при установившемся аскетическомъ міровоззрѣніи и обычномъ взглядѣ на женщину какъ на существо по преимуществу грѣховное. Въ заключеніи своего «Моленія» Даніилъ снова указываетъ на свои умственныя преимущества, а затѣмъ обращается съ добрыми пожеланіями къ князю и родной землѣ: «не дай же, Господи, въ полонъ земли нашея языкомъ, не знающимъ Бога». Это—несомнѣнный намекъ на татаръ.

«Моленіе» Даніила, подобно другимъ памятникамъ эпохи XIII—XIV вв., обрабатывалось въ послѣдующее время, сокращалось, пополнялось и видоизмѣнялось по своему содержанію и формѣ. По своей оригинальной формѣ, остроумію многихъ отдѣльныхъ мѣстъ и не совсѣмъ обыкновенной личности замысловатаго автора, «Моленіе» Даніила читалось и нравилось нашимъ предкамъ очень долгое время, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе его списки и передѣлки вплоть до XVII вѣка. Въ одной изъ этихъ, болѣе раннихъ, передѣлокъ прибавлено было кѣмъ-то извѣстіе, будто Даніилъ писалъ свое сочиненіе «въ заточеніи на Бѣлѣ-озерѣ», и это послужило поводомъ къ тому, чтобы назвать автора «заточникомъ», чего на самомъ дѣлѣ, повидимому, вовсе не было.

«Моленіе» Даніила цѣнно для насъ какъ одинъ изъ показателей высокаго литературнаго искусства въ первой половинѣ XIII вѣка. Кромѣ того, это—одинъ изъ немногихъ памятниковъ свѣтской литературы той эпохи, стоящій по своей оригинальности

почти на ряду со Словомъ о Полку Игоревѣ и Поученіемъ Владиміра Мономаха.

Общіе выводы о литературѣ Сѣверо-восточной Руси.

§ 43. О литературѣ Сѣверо-восточной Руси можно сдѣлать слѣдующія общія заключенія:

1. Въ основѣ своей она является продолженіемъ литературы Кіевской эпохи: удерживаются тѣ же литературныя формы (проповѣди, житія и пр.); въ качествѣ авторовъ являются нѣкоторыя лица, жившія прежде въ Кіевѣ; обрабатываются темы, ближайшимъ образомъ соприкасающіяся съ Кіевомъ (Патерикъ).

2. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта литература отзывчива на событія живой дѣйствительности; самое яркое изъ нихъ—татарское нашествіе, отраженіе котораго видно и въ проповѣдяхъ Серапіона, и въ житіяхъ (Александра Невскаго), и въ легендарныхъ сказаніяхъ.

3. Въ количественномъ отношеніи, литература эта слабѣе кіевской; особенно къ концу XIV вѣка наблюдается значительное затишье.

4. Въ качественномъ отношеніи, не обнаруживается того подъема и той яркости писательскихъ дарованій, какъ въ кіевскій періодъ.

5. Подобно кіевской эпохѣ, и здѣсь есть нѣсколько городовъ, гдѣ происходитъ литературная работа: Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Муромъ, но нѣтъ такого объединяющаго центра, какимъ былъ раньше Кіевъ. Этимъ центромъ позднѣе, въ XV вѣкѣ, является Москва.

XI. Московская письменность (XV—XVI вв.).

§ **44**. Новое опредѣленіе отношеній Руси къ Византіи. Повѣсть о Флорентійскомъ соборѣ. Повѣсть о взятіи Царяграда. — § **45**. Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ. Сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ. Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ. Теорія Филоѳея о Москвѣ—третьемъ Римѣ.— § **46**. Усиленіе интереса къ житійной литературѣ. Епифаній Премудрый и написанное имъ Житіе Сергія Радонежскаго.— § **47**. Разногласія по религіознымъ вопросамъ. Князь А. М. Курбскій и его переписка съ царемъ Иваномъ Грознымъ. Посланіе царя Ивана Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. — § **48**. Домострой. — § **49**. Общіе выводы о литературѣ Московской Руси XV—XVI вв.

Новое опредѣленіе отношеній Руси къ Византіи.

§ **44.** Какъ уже сказано, въ XV вѣкѣ ясно обозначается новый центръ литературной жизни тогдашней Руси—Москва, а въ XVI вѣкѣ московская литература получаетъ быстрое и замѣчательное развитіе. Основными особенностями этой литературы

являются: ея всеобщность, т. е. сознаніе, въ лицѣ Москвы, русскаго культурно-политическаго единства, особый интересъ къ широкимъ вопросамъ государственности, церковной жизни и внутренняго быта, яркая идейность и небывалое до того развитіе публицистики.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ вопросовъ этого времени было новое опредѣленіе отношеній къ Византіи и потребность въ выводахъ, которые вытекали изъ этого опредѣленія для Россіи и русскаго народа.

Отношенія къ Византіи у Руси были, какъ извѣстно, очень давнія: оттуда получила она христіанство, грамотность, первоначальныя основы церковнаго устройства, начатки литературы, религіозное міровоззрѣніе. На этихъ основаніяхъ жила и развивалась литература Кіевской и Сѣверо-восточной Руси, дѣлаясь все болѣе и болѣе самостоятельной и обогащаясь матеріаломъ изъ русской дѣйствительности; однако религіозный авторитетъ Византіи оставался попрежнему неприкосновеннымъ.

Около половины XV вѣка, въ силу крупныхъ историческихъ событій, въ самой Византіи, въ отношеніяхъ къ ней со стороны Россіи наступаетъ глубокій переломъ, имѣвшій непосредственное отраженіе и на русской литературѣ.

Повѣсть о Флорентійскомъ соборѣ.

Тѣснимая турками и теряя постепенно свои владѣнія въ Азіи и Европѣ, Византія, въ первой половинѣ XV вѣка, рѣшилась, изъ-за политическихъ соображеній, вступить въ «унію», т. е. единеніе, съ Римом. при условіи признанія надъ всей вселенской церковью главенства римскаго папы. Для торжественнаго провозглашенія этой уніи созванъ былъ въ 1439 году Ферраро-Флорентійскій соборъ, на который со стороны Византіи приглашена была и русская церковь, въ лицѣ московскаго митрополита Исидора. Несмотря на «измѣну» Исидора, не рѣшившагося поднять на соборѣ голосъ противъ «латынянъ», къ ненависти противъ которыхъ греки прежде постоянно пріучали русскихъ, въ средѣ самого русскаго духовенства и вообще русскихъ людей возникъ протестъ этой византійской рѣшимости нарушить давнишнія преданія церковной жизни. Литературнымъ выраженіемъ этого протеста явилась «Повѣсть о Флорентійскомъ соборѣ», написанная іеромонахомъ Симеономъ.

Іеромонахъ Симеонъ состоялъ въ свитѣ митрополита Исидора, когда тотъ ѣздилъ для участія въ занятіяхъ Ферраро-Флорентійскаго собора. Исидоръ взялъ къ себѣ въ спутники Суз-

дальскаго епископа Авраамія, а тотъ назначилъ при себѣ еще двухъ лицъ—и между ними суздальскаго іеромонаха Симеона, на обязанности котораго лежало описаніе собора и изложеніе соборныхъ преній. На основаніи всего видѣннаго, Симеонъ и написалъ свою «Повѣсть, како римскій папа Евгеній состави осьмый (т. е. послѣ семи вселенскихъ, ранѣе бывшихъ) соборъ со своими единомышленники». Въ своей «повѣсти» авторъ изобличаетъ не только «латынянъ», но и «грековъ» въ неправомысліи, къ которому примкнулъ и митрополитъ Исидоръ: поэтому Симеонъ, убѣдившись въ «измѣнѣ» митрополита, не могъ при немъ оставаться, и изъ Венеціи, вмѣстѣ съ великокняжескимъ посломъ Ѳомой, вернулся въ Россію, именно въ Новгородъ, гдѣ нашелъ покровительство у новгородскаго владыки Евѳимія, а потомъ взятъ былъ подъ стражу и, въ качествѣ узника, привезенъ въ Москву.

Въ «Повѣсти» сообщаются сначала внѣшнія свѣдѣнія о созваніи собора, о прельщеніи грековъ «сребролюбіемъ и златолюбіемъ», объ измѣнѣ ихъ православію и о своемъ возвращеніи въ Россію. Главная часть повѣствованія посвящена самому собору. Перечисляются участники собора какъ съ латинской, такъ и съ греческой стороны; между послѣдними особенно выдвигается личность Марка Ефесскаго, къ которому авторъ относится съ восторженнымъ благоговѣніемъ, какъ къ непоколебимому защитнику православія. Затѣмъ изображены тѣ мѣры, къ которымъ прибѣгали «латыняне», чтобы правдами или неправдами склонить православныхъ къ уніи, окончательный успѣхъ въ этомъ папы Евгенія и торжественная присяга папѣ, какъ новопризнанному главѣ вселенской церкви: во время этого торжества «вси вострубиша въ свирѣли, въ органы и въ бубны и во всякую игру играша»; въ числѣ присягнувшихъ былъ и митрополитъ Исидоръ, который, по возвращеніи въ Москву, старался обезпечить тамъ признаніе уніи, но потерпѣлъ неудачу, такъ какъ могучимъ защитникомъ православія на Москвѣ оказался великій князь Василій Васильевичъ. Въ заключеніе «повѣсти» помѣщена авторомъ лирическая похвала этому князю, имѣвшая отчасти характеръ церковной службы и начинавшаяся словами: «Радуйся, благовѣрный князь Василіе».

Историческій интересъ «Повѣсти о Флорентійскомъ соборѣ» заключается съ одной стороны въ ея содержаніи, дающемъ картину одного изъ интереснѣйшихъ событій тогдашней церковной жизни, при участіи въ ней русскаго іерарха, а съ другой—въ

настроеніи, проникающемъ ея автора: скромный суздальскій іеромонахъ оказался въ вопросахъ вѣры болѣе стойкимъ, чѣмъ его верховный владыка; забывая перенесенныя имъ за свои мнѣнія душевныя и физическія страданія, онъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія говоритъ о московскомъ великомъ князѣ, котораго именуетъ «бѣлымъ царемъ всея Руси» и благодаря которому православіе на Руси спасено, несмотря на «прелесть», т. е. соблазнительное поведеніе, самихъ грековъ; церковно-религіозный авторитетъ грековъ для него уже не существуетъ.

Повѣсть о взятіи Царяграда. По основной подкладкѣ и по общему настроенію очень близко подходитъ къ «Повѣсти» іеромонаха Симеона произведеніе совсѣмъ другого содержанія: именно—«Повѣсть о взятіи Царяграда».

Эта «повѣсть» посвящена изображенію историческаго событія огромной важности, завоеванію Константинополя турками въ 1453 году. Паденіе политической независимости Византійской имперіи имѣло особенный интересъ для Россіи, въ виду ея тѣсныхъ связей съ Византіей въ области церковныхъ и литературныхъ сношеній. Авторомъ повѣсти явился, повидимому, нѣкто Несторъ-Искандеръ, русскій по происхожденію, бывшій въ турецкихъ войскахъ во время самой осады и взятія города турками и противъ воли принявшій магометанство; втайнѣ онъ однако же оставался христіаниномъ и съ тяжелымъ сердцемъ смотрѣлъ на успѣхи турокъ. Когда городъ былъ взятъ, Несторъ-Искандеръ дополнилъ свои свѣдѣнія разспросами грековъ о положеніи дѣлъ во время осады, и затѣмъ написалъ свое произведеніе, прибавивъ вначалѣ къ разсказу о взятіи Царяграда еще историческія и легендарныя данныя объ его основаніи.

Такимъ образомъ, «Повѣсть о взятіи Царяграда» состоитъ изъ двухъ частей: первая—объ основаніи этого города и вторая—объ его взятіи турками. Въ первой разсказывается о томъ, какъ римскій царь Константинъ Флавій, заботясь о распространеніи христіанской вѣры, рѣшилъ основать новый городъ. Когда «мудрыми мужами» было найдено подходящее, дивное по красотѣ, мѣсто, то во снѣ царю было указано на тревожную будущность этого города: онъ будетъ служить ареной борьбы христіанства съ мусульманствомъ, при чемъ конечная побѣда останется за христіанами. Затѣмъ идетъ вторая часть разсказа. Когда «безбожный Махметъ» подступилъ съ войскомъ къ Царьграду, то всѣ—начиная съ императора и кончая послѣднимъ городскимъ обывателемъ—стали молиться Богу и готовиться къ оборонѣ.

Царь лично объѣзжалъ войска, прося ихъ положить «головы свои за православную вѣру и за святыя церкви». Сначала дѣло обороны шло хорошо, но вотъ въ ночь на 24 мая осажденные увидѣли, какъ изъ оконъ храма св. Софіи поднялось огромное пламя и, обратившись въ «неизреченный свѣтъ», ушло на небо; боярами это было истолковано такъ, что отнынѣ ангелъ Божій, охранявшій храмъ, оставилъ его, и городъ долженъ будетъ отдаться врагамъ. И дѣйствительно, несмотря на геройское сопротивленіе, въ одинъ изъ дальнѣйшихъ приступовъ городъ былъ взятъ турками.

«Повѣсть о взятіи Царяграда» была интересна русскимъ читателямъ не однимъ только содержаніемъ, но и ея нравственнымъ и политическимъ смысломъ. По словамъ автора повѣсти, Царьградъ былъ взятъ «грѣхъ ради нашихъ», но нельзя было примириться съ мыслью, что съ нимъ погибло и православное христіанство, источникомъ котораго въ теченіе столькихъ вѣковъ былъ этотъ городъ и вообще Византія для русскихъ: если Царьградъ палъ, то истинное православіе должно найти себѣ убѣжище въ другомъ мѣстѣ, достойномъ принять это великое наслѣдство; такимъ мѣстомъ можетъ быть только Россія, и русская церковная власть является прямой наслѣдницей церковной власти цареградскаго патріарха. Москва, на смѣну Царьграду, должна воспринять на себя всю полноту его историческихъ правъ и обязанностей въ области не только церковной, но и свѣтской власти: такая обязанность опиралась на особыя права великаго князя, а потомъ царя московскаго, къ которому великодержавная власть перешла какъ законное наслѣдство изъ Рима и Византіи. Эта идея объ особомъ предназначеніи Россіи, ея міровой «миссіи» нашла себѣ и спеціальное выраженіе въ нѣкоторыхъ литературныхъ памятникахъ XV—XVI вѣка.

§ **45.** Эти памятники суть: Сказанія «о Вавилонскомъ царствѣ» и «о князьяхъ Владимірскихъ», «Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ» и «Посланіе старца Филоѳея».

Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ.

«Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ»—памятникъ неоригинальный, греческаго происхожденія, и имѣетъ интересъ для русской литературы лишь по своей связи со «Сказаніемъ о князьяхъ Владимірскихъ». Въ немъ разсказывается о томъ, какъ греческій царь Василій отправилъ въ Вавилонъ пословъ добывать вещи, которыя нѣкогда принадлежали Навуходоносору, а самъ остановился, въ ожиданіи возвращенія пословъ, въ пятнадцати поприщахъ отъ

города. Между этими послами одинъ былъ родомъ русскій. Послы прошли сначала мимо страшныхъ змѣй, охранявшихъ Вавилонъ, а потомъ пробрались черезъ высокую стѣну въ самый городъ; здѣсь, въ церкви, на гробницахъ святыхъ отроковъ Ананіи, Азаріи и Мисаила, они нашли чудодѣйственный кубокъ, полный «мура и ливана», выпили изъ него, отдохнули и хотѣли было его взять съ собой, но изъ гробницъ услышали запрещеніе брать кубокъ и совѣтъ идти дальше, въ «царевы палаты». Въ палатахъ посланцы нашли два вѣнца—Навуходоносора и его царицы—, грамоту, «крабицу сердоликовую», въ которой лежала царская багряница, кубокъ, подобный лежавшему на гробницахъ святыхъ отроковъ, и много драгоцѣнностей. Взявъ все это, послы возвратились снова къ гробницамъ и, получивъ отъ нихъ новое благословеніе, отправились къ ожидавшему ихъ царю. На пути имъ пришлось испытать новые страхи отъ пробудившихся сторожевыхъ змѣй, однако все кончилось благополучно. Царь съ радостью принялъ принесенныя изъ Вавилона вещи и немедленно отправился къ патріарху. Патріархъ благословилъ вавилонскими вѣнцами царя Василія и царицу Александру. Грамоту царь оставилъ у себя, а изъ принесенныхъ драгоцѣнностей одну часть отдалъ посламъ, другую же отправилъ въ Іерусалимъ.

Сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ. Въ этомъ разсказѣ главной частью является сообщеніе о томъ, что греческій, т. е. византійскій, царь получилъ будто бы грамоту и знаки своего царскаго достоинства изъ Вавилона, т. е. отъ глубокой и неоспоримой старины. Въ «Сказаніи о князьяхъ Владимірскихъ», памятникѣ русскаго происхожденія, проводится подобная же мысль—объ отдаленной генеалогической связи русскихъ князей съ домомъ римскаго кесаря Августа. Черезъ длинный рядъ поколѣній отъ римскаго кесаря произошелъ Прусъ, владѣвшій землями на берегахъ Нѣмана и Вислы, а изъ его рода новгородцами призванъ былъ владѣть русской землей одинъ изъ потомковъ этого Пруса—Рюрикъ, отъ котораго произошелъ Владиміръ Святой, «просвѣтившій русскую землю». Потомку этого князя въ «четвертомъ колѣнѣ», Владиміру Всеволодовичу, князю Кіевскому, успѣшно воевавшему съ Византіей, византійскій императоръ Константинъ Мономахъ прислалъ полученную его предкомъ историческую «крабицу сердоликовую», бармы, золотую цѣпь и «многіе царскіе дары», какъ символы передачи ему своей царской власти, и съ тѣхъ поръ князь Владиміръ Всеволодовичъ сталъ именоваться Мономахомъ: «оттолѣ и донынѣ

тѣмъ царскимъ вѣнцомъ вѣнчаются великіе князья Владимірскіе, егоже прислалъ греческій царь Константинъ Мономахъ, егда поставятся на великое княженіе россійское». Въ концѣ повѣсти прибавлено сообщеніе, что при царѣ Константинѣ Мономахѣ отъ греческой православной вѣры отпалъ «римскій папа Ѳормосъ» (Формоза) и уклонился въ «латынство», «мы же, православніи христіане,—прибавляетъ къ этому авторъ—исповѣдуемъ Святую Троицу, безначальнаго Отца съ единороднымъ Сыномъ и съ пресвятымъ единосущнымъ и животворящимъ Духомъ во единомъ Божествѣ, вѣруемъ и славимъ и поклоняемся». Очевидный смыслъ и основная цѣль этого «сказанія» заключается въ томъ, чтобы доказать преемство московской великокняжеской и царской власти отъ Рима и Византіи. Упоминаніе въ концѣ объ уклоненіи въ «латынство» римскаго папы и сопоставленіе съ этимъ фактомъ правовѣрія русскаго народа имѣетъ въ виду указать на преобладаніе Руси и въ церковно-религіозномъ смыслѣ. Однако доводы этой послѣдней мысли нашли себѣ выраженіе въ особомъ произведеніи—«Повѣсти о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ».

Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ.

«Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ» имѣетъ форму «посланія» какого-то «грека-толмача Дмитрія» новгородскому архіепископу Геннадію. Если принять во вниманіе, что Геннадій, извѣстный церковный дѣятель и участникъ работъ по составленію полнаго славянскаго списка церковныхъ книгъ, былъ архіепископомъ въ Новгородѣ въ 1484—1504 годахъ, то, значитъ, сочиненіе «посланія» относится къ концу XV или началу XVI вѣка. Содержаніе «Повѣсти» таково. Однажды римскій царь Константинъ, будучи еще язычникомъ, заболѣлъ, и римскіе волхвы посовѣтовали ему для исцѣленія отъ болѣзни выкупаться въ крови перворожденныхъ младенцевъ; для этого приказано было доставить 3000 такихъ дѣтей. Но въ ночь передъ убіеніемъ дѣтей къ царю явились въ видѣніи апостолы Петръ и Павелъ, обѣщая ему исцѣленіе, если онъ сдѣлается христіаниномъ. Царь послушался ихъ совѣта и, принявъ крещеніе отъ епископа Сильвестра, дѣйствительно выздоровѣлъ. Желая почтить Сильвестра, царь предоставилъ ему ношеніе «бѣлаго клобука», т. е. особаго головного украшенія. Послѣ смерти Сильвестра клобукъ этотъ перешелъ къ римскимъ владыкамъ вплоть до папы Формозы, который, уклонившись отъ первоначальнаго православія, возненавидѣлъ клобукъ и отправилъ его въ «дальнія страны». Клобукъ чудомъ прибылъ въ Константинополь, а оттуда въ Новгородъ: здѣсь встрѣ-

тилъ его, какъ святыню, съ почестями архіепископъ Василій, возложилъ на почетнѣйшее мѣсто въ храмѣ св. Софіи, и съ тѣхъ поръ носилъ его въ торжественные дни какъ знакъ своей высокой церковной власти. Идея «повѣсти» заключалась въ доказательствѣ той мысли, что церковная власть, въ духѣ неповрежденнаго латинской «ересью» первоначальнаго православія, перешла изъ Рима и Царьграда на Русь (въ Новгородъ), подобно тому какъ высшая свѣтская власть, какъ мы видѣли изъ «Повѣсти о князьяхъ Владимірскихъ», тоже по преемству изъ Рима и Византіи, была принята русскимъ великимъ княземъ (въ Москвѣ).

Теорія Филоѳея о Москвѣ—третьемъ Римѣ.

Всѣ эти три произведенія, съ историческими именами мѣстъ и дѣйствующихъ лицъ, но съ преобладаніемъ вполнѣ фантастическаго содержанія, интересны для насъ главнымъ образомъ по той цѣли, съ которой они составлены и которая вытекала изъ желанія московскихъ людей оправдать возраставшую въ XV вѣкѣ централизующую власть Москвы, свѣтскую и духовную, ссылкой на отдаленную преемственность ея изъ Рима и Византіи. Но наиболѣе полное теоретическое развитіе мысль эта (касательно свѣтской власти) получила еще въ одномъ произведеніи московской литературы, относящемся къ XVI вѣку: это—Посланіе старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея къ царю Ивану Васильевичу IV: Сущность разсужденій его заключается въ слѣдующемъ. Всѣми человѣческими дѣлами управляетъ Божья воля: ею цари возводятся на престолы, ею же достигается и всякая правда на землѣ. Согласно съ пророческими книгами, т. е. задолго сдѣланными предсказаніями, старый Римъ палъ, уклонившись въ ересь; новый Римъ, т. е. Константинополь, тоже погибъ отъ рукъ невѣрныхъ, измѣнивъ православію и принявъ латинство; теперь остается «третій Римъ»—Москва, сіяющая благочестіемъ и соборной церковью Успенія Божьей Матери: этотъ Римъ есть послѣдній въ исторіи человѣчества, и четвертому Риму не бывать. Поэтому, русскій царь, обладающій Москвой, есть единственный православный царь на землѣ, и русская держава есть послѣднее міровое царство, за которымъ должно послѣдовать уже царство Христа.

Такимъ образомъ, цѣлый рядъ памятниковъ московской литературы XV—XVI в. проникнутъ идеей о преемствѣ русской свѣтской и духовной власти изъ глубины отдаленнаго прошлаго; въ настойчивости проведенія такой идеи ясно видно выросшее къ этому времени политическое самосознаніе Россіи и глубокая увѣренность въ своихъ жизненныхъ силахъ.

Усиленіе интереса къ житійной литературѣ.

§ **46.** Значительное мѣсто въ ряду памятниковъ русской литературы XV вѣка занимаютъ житія святыхъ. Потребность въ этого рода произведеніяхъ вызывалась слагавшимися обстоятельствами тогдашней русской жизни. Мы уже видѣли, что татарское нашествіе наложило на строй мыслей русскаго человѣка покаянный характеръ; чувствовалась извѣстная подавленность настроенія. Проникнутые религіознымъ стремленіемъ умы находили въ такомъ настроеніи пищу для размышленій о томъ, что несчастія русской жизни случились «грѣхъ ради нашихъ». Усилилось тяготѣніе къ иноческой жизни, и во множествѣ стали возникать монастыри: напр., въ XIV вѣкѣ монастырей возникло почти вчетверо больше, чѣмъ въ предшествующее столѣтіе. Въ эту эпоху и возникли такіе монастыри, какъ Троице-Сергіевъ, Кирилло-Бѣлозерскій и Волоколамскій, которые потомъ играли важнѣйшую роль въ духовномъ устроеніи русской жизни и въ исторіи русскаго просвѣщенія. Въ монастыряхъ появились замѣчательные подвижники, привлекавшіе къ себѣ народное вниманіе еще при жизни, а чаще послѣ смерти; ходили разсказы объ ихъ благочестивой жизни, о совершенныхъ ими чудесахъ, а это вызывало, въ свою очередь, потребность имѣть ихъ жизнеописанія.

Для удовлетворенія агіографическихъ (житійно-описательныхъ) нуждъ русской литературы своихъ силъ не хватало, потому что писателей этого рода было мало, и на помощь Руси въ данномъ случаѣ пришли южные славяне—болгары и сербы. Это было тѣмъ естественнѣе, что именно XIV вѣкъ былъ временемъ подъема и значительнаго оживленія въ южно-славянскихъ литературахъ, послѣ временнаго періода упадка. Съ половины XIV вѣка начались усиленныя сношенія русскихъ людей съ южно-славянскими литературными дѣятелями—то путемъ поѣздокъ русскихъ въ славянскія земли, на Аѳонъ и въ Константинополь, гдѣ работали сербскіе и болгарскіе книжники, то путемъ пріѣзда южно-славянскихъ дѣятелей въ Россію. Среди послѣднихъ особенно замѣчательны своими литературными трудами въ Россіи митрополитъ Кипріянъ, родомъ болгаринъ, и Пахомій-сербъ; Пахомій написалъ много житій русскихъ святыхъ подвижниковъ. Но, одновременно съ ними, дѣйствовали по части писанія житій святыхъ и нѣкоторые русскіе писатели, усвоившіе южно-славянскую манеру витіеватаго и крайне искусственнаго изложенія; они тоже писали житія русскихъ святыхъ, и между такими русскими писателями XV вѣка особенную извѣстность пріобрѣлъ Епифаній

Премудрый, прозванный такъ за высокое качество своихъ литературныхъ произведеній.

Епифаній Премудрый и написанное имъ Житіе Сергія Радонежскаго.

Изъ житійно-описательныхъ сочиненій Епифанія Премудраго самымъ замѣчательнымъ является Житіе св. Сергія Радонежскаго, основателя Троице-Сергіева монастыря (нынѣ Троице-Сергіевская Лавра, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы) и великаго духовнаго подвижника старой Руси. Епифаній лично зналъ Сергія; жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ его обители до самой смерти святителя, умершаго въ 1392 году. Самъ Епифаній скончался между 1418—1421 годами.

Житіе Сергія Радонежскаго,написанное Епифаніемъ въ концѣ его жизни, основано авторомъ частію на собственныхъ наблюденіяхъ, а частію по разсказамъ очевидцевъ или вообще людей, близкихъ къ описываемымъ событіямъ. Послѣ обширнаго «предисловія», въ которомъ авторъ говоритъ о себѣ съ большой скромностью, а о святителѣ Сергіѣ съ глубокимъ благоговѣніемъ, онъ начинаетъ свой разсказъ съ родителей Сергія. Они были добрые и благочестивые люди. Сергій еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ обнаруживалъ склонность къ молитвѣ и къ чтенію священныхъ книгъ; очень рано данъ былъ ему разумъ отъ Бога. Когда Сергій былъ еще въ отроческомъ возрастѣ, родители его должны были переселиться изъ родной Ростовской земли въ Радонежъ, и тутъ померли; братья Сергія поженились, а самъ онъ мечталъ объ иноческой уединенной жизни; вскорѣ ему пришлось принять иноческій санъ отъ нѣкоего игумена Митрофана, а затѣмъ предаться подвигамъ пустынножительства независимо и въ полномъ уединеніи. Однако слухъ о Сергіи, устроившемъ себѣ келью въ лѣсу, сталъ быстро распространяться среди окрестныхъ жителей, и къ нему стали сходиться люди, жаждавшіе духовныхъ трудовъ и молитвы. Это были первые основатели будущей Троице-Сергіевой обители; собственными руками, при самомъ дѣятельномъ участіи Сергія, котораго они избрали игуменомъ, люди эти расчистили мѣсто, построили скромныя жилища, соорудили церковь и завели нѣкоторое хозяйство. Жизнеописатель подробно разсказываетъ о Божьей помощи въ этомъ дѣлѣ,оказанной Сергію, и о «соблазнахъ», творимыхъ ему «бѣсомъ»; передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ живо изображенныхъ картинъ трогательнаго смиренія Сергія, его духовной стойкости, крѣпкой вѣры въ Божій промыселъ, почтенія къ нему лицъ разныхъ сословій, начиная съ князя и кончая простымъ поселяниномъ. Бывали и чудеса: то являлся, по

молитвѣ Сергія, источникъ прекрасной воды, то самъ Сергій воскрешалъ отрока или исцѣлялъ бѣсноватаго «вельможу». Когда число монаховъ въ обители Сергія умножилось, то Сергій, ища уединенія, ушелъ въ другое мѣсто, къ рѣкѣ Кержачъ, построилъ тутъ келью и церковь; но и тутъ вскорѣ стала увеличиваться монастырская братія, привлекаемая личностью основателя, такъ что Сергій рѣшился опять вернуться въ Троицевъ монастырь, мѣсто его первоначальныхъ подвиговъ. Въ эту пору ему пришлось, между прочимъ, преподать благословеніе на битву съ Мамаемъ московскому великому князю Димитрію Донскому, который, кромѣ того, упросилъ Сергія благословить основаніе Голутвинскаго монастыря въ Коломнѣ, а по просьбѣ другого князя Сергіемъ положено было основаніе и еще одному монастырю—въ Серпуховѣ. Сергій приглашаемъ былъ сдѣлаться и московскимъ митрополитомъ, но онъ рѣшительно отклонилъ эту честь, по своей скромности и глубокому влеченію къ уединеннымъ трудамъ и молитвѣ. Скончался Сергій, окруженный своей братіей, съ полнымъ сознаніемъ величія этого перехода въ другую жизнь. Трудъ Епифанія о Сергіи Радонежскомъ оканчивается обширной и прочувствованной «похвалой» святому. Съ литературной точки зрѣнія эта похвала написана въ высшей степени искусно, обнаруживая тогдашнюю склонность какъ русскихъ, такъ и южно-славянскихъ агіографовъ къ витіеватому слогу, который они сами называли «плетеніемъ словесъ». Въ отличіе отъ южно-славянскихъ слагателей житій, между которыми самымъ извѣстнымъ на Руси былъ упомянутый сербъ Пахомій (Логоѳетъ), Епифаній Премудрый соединилъ въ своей литературной манерѣ пышную искусственность стиля съ любовью къ правдѣ и живой дѣйствительности.

§ **47.** Московская литература XV и XVI вв. имѣетъ ту особенность, что въ ней были подняты и обработаны многіе живые вопросы тогдашней современности—изъ области религіозныхъ понятій, политическихъ взглядовъ и народнаго быта.

Разногласія по религіознымъ вопросамъ.

Споры по религіознымъ вопросамъ получили толчокъ въ появленіи въ XV в. ереси сначала «стригольниковъ», а потомъ «жидовствующихъ». Эти ереси проповѣдывали уклоненіе отъ обрядовъ и нѣкоторыхъ догматовъ православной церкви, заключали въ себѣ слѣды увлеченія іудействомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторый раціонализмъ и критическое отношеніе къ христіанству вообще. Противъ нихъ, въ качествѣ офиціальныхъ обличителей, выступили новгородскій архіепископъ Геннадій и игуменъ Волоколамскаго монастыря

Іосифъ; послѣдній изложилъ свою точку зрѣнія на еретиковъ въ обширномъ произведеніи «Просвѣтитель». Рядомъ съ этимъ, въ связи съ пониманіемъ основъ монастырской жизни, возникли два противоположныхъ теченія среди русскаго духовенства: одни полагали, что монастыри должны служить интересамъ свѣтской власти и имѣть право владѣть большими имуществами, а другіе, наоборотъ, думали, что назначеніе монастырей—быть убѣжищемъ исключительно для религіозныхъ подвиговъ, молитвы и нравственнаго совершенствованія: первую мысль раздѣлялъ тотъ же упомянутый игуменъ Іосифъ Волоколамскій (или Волоцкій), московскій митрополитъ Даніилъ и другіе, а противоположную имъ точку зрѣнія отстаивали т. наз. «заволжскіе», т. е. жившіе въ монастыряхъ за Волгой, старцы, между которыми самымъ замѣчательнымъ, въ качествѣ писателя и дѣятеля, былъ Нилъ Сорскій.

Такое же рѣзкое разногласіе обнаружилось въ вопросахъ политическихъ и государственныхъ. Тутъ особенно замѣчательна писательская дѣятельность царя Ивана IV Грознаго и князя Андрея Михайловича Курбскаго.

Князь А. М. Курбскій и его переписка съ царемъ Иваномъ Грознымъ.

Царь Иванъ Грозный и князь Курбскій обмѣнялись между собою рядомъ «посланій», т. е. писемъ, въ которыхъ выразилась противоположная другъ другу точка зрѣнія ихъ на основы царской власти. Въ лицѣ Ивана Грознаго царская власть нашла себѣ яркое и полное выраженіе; онъ былъ могущественнымъ самодержцемъ, неограниченнымъ обладателемъ Московскаго царства, и имѣлъ о полнотѣ своей власти самое высокое понятіе, освященное историческими преданіями о преемствѣ ея изъ Рима и Византіи. Между тѣмъ, среди русскаго боярства и прежнихъ удѣльныхъ князей, недовольныхъ своимъ вынужденнымъ подчиненіемъ Москвѣ, бродила мысль о томъ, что и они имѣютъ нѣкоторыя права судить, рядомъ съ царемъ, о государственныхъ дѣлахъ и оказывать свое вліяніе на ходъ управленія Московскимъ государствомъ. Вотъ это разногласіе и послужило главнымъ содержаніемъ для переписки между Иваномъ Грознымъ и княземъ Курбскимъ.

Князь А.М. Курбскій (1528—1583) происходилъ изъ стариннаго боярства и считалъ себя потомкомъ Владиміра Мономаха. Всю первую половину своей жизни онъ провелъ на военной службѣ и, между прочимъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ покореніи Иваномъ Грознымъ Казанскаго царства; но потомъ между нимъ и царемъ произошли разногласія и, боясь сдѣлаться

жертвой царскаго гнѣва, онъ бѣжалъ въ 1564 году на Литву, въ предѣлы польскаго короля Сигизмунда-Августа; здѣсь онъ принятъ былъ съ почетомъ, надѣленъ богатыми помѣстьями, но особенно большого участія въ военныхъ дѣлахъ своего новаго повелителя не принималъ и, будучи въ католической странѣ, остался непоколебимо вѣренъ православной вѣрѣ; эти годы своей жизни на чужбинѣ, гдѣ онъ оставался до самой смерти, князь Курбскій посвятилъ ревностнымъ трудамъ на пользу русскаго просвѣщенія, на защиту православія отъ иновѣрцевъ и на литературные труды. Эти труды состояли изъ оригинальныхъ историческихъ сочиненій, какъ «Исторія о великомъ князѣ Московскомъ», и изъ переводовъ съ латинскаго на славянскій языкъ разнаго рода церковныхъ сочиненій; кромѣ того, онъ охотно поддерживалъ деньгами и совѣтомъ молодыхъ тружениковъ, работавшихъ по его указаніямъ надъ тѣми же вопросами церковной литературы и христіанскаго просвѣщенія.

Вся переписка Курбскаго и Ивана Грознаго состоитъ изъ пяти писемъ: три написаны были Курбскимъ и два—царемъ. Она распадается на двѣ части; въ первую входитъ первое письмо Курбскаго, начавшаго переписку, отвѣтъ на него со стороны Грознаго и новое письмо Курбскаго: все это относится къ 1563—1564 годамъ; вторую часть составляетъ письмо Грознаго, возобновившаго замолкшую переписку въ 1578 году и получившаго на свое письмо отвѣтъ Курбскаго въ слѣдующемъ 1579 году.

Съ внѣшней стороны, письма Курбскаго и Грознаго рѣзко отличаются. Письма царя гораздо обширнѣе; въ нихъ авторъ цитируетъ многія сочиненія, преимущественно духовныя, излагаетъ свои мысли пространно и безпорядочно, очевидно волнуясь и находясь подъ вліяніемъ раздраженія противъ Курбскаго. Наоборотъ, Курбскій обнаруживаетъ большую сдержанность и самообладаніе въ своемъ письменномъ спорѣ съ Грознымъ; письма его короче и написаны болѣе обработаннымъ литературнымъ языкомъ; самъ Курбскій гордится этой своей литературной манерой, свидѣтельствующей объ его книжномъ образованіи и упражненіи; слогъ царя онъ осуждаетъ за его необработанность и говоритъ, что нехорошо писать такъ «въ чужую землю», гдѣ есть люди, искусные «не только въ грамматическихъ и риторическихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ».

Еще болѣе интересна эта переписка по своему содержанію. Курбскій обвиняетъ Грознаго въ томъ, что тотъ преслѣдуетъ жестокими средствами, до смертной казни включительно, своихъ

доблестныхъ и вѣрныхъ слугъ изъ боярства, вродѣ самого Курбскаго, а случайнымъ и своекорыстнымъ любимцамъ потакаетъ; отъ этого государство терпитъ внутри и извнѣ: съ одной стороны—народныя бѣдствія, пожары и голодъ, а съ другой—военныя неудачи. Говоря о себѣ лично, Курбскій отклоняетъ обвиненіе въ измѣнѣ и, напротивъ, выставляетъ свои военныя заслуги передъ царемъ и отечествомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Курбскій бросаетъ и общій взглядъ на современное положеніе въ Россіи: онъ рисуетъ печальную картину господства невѣжества и дурныхъ нравовъ, объясняя это смѣной прежняго благотворнаго вліянія іерея Сильвестра на царя, угодничествомъ царю разныхъ шутовъ и тунеядцевъ. Письма царя являются, съ одной стороны, объясненіемъ и исповѣдью, а съ другой—суровымъ и настойчивымъ обвиненіемъ Курбскаго въ измѣнѣ. Царь очень подробно и съ большой искренностью говоритъ о своей несчастной юности, о боярскихъ интригахъ, о своихъ отношеніяхъ къ Сильвестру и Адашеву; онъ негодуетъ на воеводъ, въ томъ числѣ и на Курбскаго, за ихъ лѣность, нерадѣніе и желаніе постоянно играть видную роль въ ущербъ законной царской власти. Вообще письма съ той и другой стороны обнаруживаютъ большую рѣзкость и обличаютъ полную противоположность точекъ зрѣнія обоихъ корреспондентовъ какъ принципіально, такъ и по ихъ личнымъ отношеніямъ. Принципіальное различіе во взглядахъ Курбскаго и Грознаго, выраженное въ этой перепискѣ необыкновенно ярко и опредѣленно, даетъ ей большое историческое значеніе. Кромѣ того, въ этой перепискѣ выступаетъ чрезвычайно одаренная и страстная личность царя Ивана IV, его кипучій темпераментъ, большая начитанность и литературный талантъ.

Посланіе царя Ивана Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Литературное дарованіе Ивана Грознаго нашло себѣ выраженіе еще въ одномъ произведеніи—Посланіи его къ монахамъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, возникшій подобно Троице-Сергіеву въ XIV вѣкѣ, былъ также замѣчательнымъ центромъ духовнаго подвижничества и книжныхъ занятій его иноковъ. Но въ XVI вѣкѣ монастырь этотъ измѣнился къ худшему: тамъ стали находить себѣ прибѣжище разные опальные бояре, враждебные Ивану Грозному; они поселялись въ монастырѣ со своими слугами и домочадцами, имѣли особыя помѣщенія, сладко ѣли и пили и допускали всякія излишества, недопустимыя въ святой обители. Напр., въ 1573 году тамъ оказались бояре Шереметевъ и Хабаровъ, постри-

женные въ монахи. Игуменъ монастыря Козьма, зная личное расположеніе царя къ Кирилло-Бѣлозерской обители, просилъ его дать монахамъ свое царское наставленіе и при этомъ жаловался, со своей стороны, на монастырскіе безпорядки. Иванъ Грозный воспользовался этимъ вызовомъ, и въ указанномъ году написалъ въ монастырь свое «посланіе». Онъ начинаетъ его скромнымъ признаніемъ въ томъ, что совершенно недостоинъ давать совѣты и наставленія инокамъ, ибо написано: «свѣтъ инокомъ ангелы, свѣтъ же міряномъ иноки!» Онъ указываетъ монахамъ на великій духовный ихъ свѣтильникъ—основателя обители св. Кирилла, оставившаго имъ наставленія и высокій образецъ. Однако, послѣ этого вступленія, Иванъ Грозный обращается къ роли суроваго обличителя. Указывая на послабленія, дѣлаемыя въ монастырѣ Шереметеву и Хабарову, онъ говоритъ о полномъ забвеніи монахами самаго назначенія монастыря: вмѣсто повиновенія игумену, терпѣнія «скорби» и «всякой напасти», бывшіе бояре въ монастырѣ устроили тамъ все по-своему: «не они у васъ постриглися, вы у нихъ постриглися; не вы имъ учители и законоположники, они вамъ учители и законоположители». «Да,—продолжаетъ далѣе съ ироніей царь — Шереметева уставъ добръ, держите его; а Кирилловъ уставъ не добръ, оставите его. Да сегодня тотъ бояринъ ту страсть введетъ, а иногда иной иную слабость введетъ, да помалу, помалу весь обиходъ монастырскій крѣпостный испразднится, и будутъ вси обычаи мірскіе. Вѣдь по всѣмъ монастыремъ сперва начальники уставили крѣпкое житіе, да опослѣ ихъ разорили, любострастные». Житіе Шереметева изображаетъ онъ такими чертами: «А нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что̀ царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ, да иные черницы, да ѣдятъ, да піютъ, что въ міру; а Шереметевъ невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинъ разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастыремъ дворъ, а на немъ запасы годовые всякіе; а вы ему молчите о таковомъ великомъ пагубномъ монастырскомъ безчиніи». Царь предполагаетъ возраженіе на это со стороны монаховъ: если не принимать къ себѣ бояръ и не искать ихъ расположенія, то монастырь скоро «оскудѣетъ безъ даянья»; но на это царь, въ свою очередь, отвѣчаетъ, что монастыри «стоятъ» (т. е. прочно существуютъ) не богатствомъ, а благочестіемъ; великіе основатели монастырей, вродѣ Сергія и Кирилла, «не гонялись за боярами, да бояре за ними гонялись, и обители ихъ распространялись». Въ общемъ, посланіе это является собою не только доказательство литературнаго дарованія

царственнаго автора, но и замѣтную страницу изъ области обличительной литературы древней Руси.

Домострой. § 48. Литературнымъ памятникомъ XVI вѣка, обнаруживающимъ вниманіе тогдашней литературы къ вопросамъ народнаго быта, является «Домострой», написанный, вѣроятно, тѣмъ самымъ іереемъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ Сильвестромъ, о которомъ упоминалъ Курбскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Грозному. Въ «Домостроѣ» (наставленіи о томъ, какъ «строить» домъ, т. е. вести домашнюю жизнь въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія) выразился идеалъ русскаго человѣка XVI вѣка, воспитаннаго въ правилахъ христіанскаго благочестія и въ уваженіи къ старинѣ. Къ XVI вѣку уже стали замѣчаться въ народной жизни отклоненія подъ вліяніемъ сношеній съ Западомъ и потери вѣры въ былой авторитетъ Византіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе крупныхъ политическихъ успѣховъ Москвы и усиленія власти московскаго князя, создалось и созрѣло представленіе о высокой цѣнности старинныхъ основъ самой русской жизни, выработанныхъ вѣками: въ силу этого, мыслящіе люди той эпохи находили нужнымъ начертать такой идеалъ русской жизни, который основывался бы на прочныхъ старинныхъ началахъ и уберегъ бы молодое поколѣніе отъ опаснаго увлеченія новизной. Конечно, такое произведеніе не могло быть вполнѣ оригинально по содержанію. Оно составилось изъ множества прежнихъ наставленій о жизни, разсѣянныхъ въ разныхъ произведеніяхъ (поученіяхъ, посланіяхъ, повѣстяхъ), переводныхъ и непереводныхъ; между этими источниками для «Домостроя» особое мѣсто должны были занимать тѣ многочисленныя обращенія «отъ отца къ сыну», которыми наполнены были рукописные сборники XIV—XVI вв. и болѣе ранній образецъ которыхъ мы видѣли въ «Поученіи» Владиміра Мономаха (§ 33). Сильвестръ переработалъ весь этотъ обширный нравоучительный матеріалъ, дополнилъ его своими соображеніями и указаніями, почерпнутыми изъ долгаго жизненнаго опыта, и присоединилъ въ концѣ особое «посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну»; оно является уже личнымъ обращеніемъ Сильвестра къ своему сыну Анфиму.

«Домострой» состоитъ изъ 64 главъ, содержаніе которыхъ можетъ быть раздѣлено на двѣ части: въ первой части (главы 1—25) имѣются религіозно-нравственныя наставленія «о духовномъ строеніи» и «о мірскомъ строеніи», а во второй (главы 26—63) совѣты хозяйственно-житейскаго характера «о домовномъ строеніи»;

послѣдняя, 64 глава занята упомянутымъ личнымъ обращеніемъ автора къ своему сыну.

Первая глава «Домостроя» имѣетъ характеръ введенія, въ которомъ указывается на важность преподанныхъ далѣе наставленій и на необходимость ихъ выполненія для достиженія идеала «христіанскаго жительства». Въ послѣдующихъ главахъ идутъ сначала наставленія догматическаго и религіозно-обрядоваго свойства—какъ вѣровать въ Св. Троицу, причащаться и пр., а потомъ разобраны отношенія мірского (т. е. не духовнаго) человѣка къ его семьѣ, обществу, церкви, духовенству, воспитанію дѣтей, къ царю и князю. Въ этихъ главахъ очень много интереснаго: даются совѣты о томъ, какъ держать себя на званомъ пиру—не садиться сразу на первое («переднее») мѣсто, чтобы не пришлось уступить это мѣсто, по просьбѣ хозяина, новому и болѣе почетному гостю, а сѣсть на «послѣднее мѣсто»: тогда хозяинъ предложитъ сѣсть «выше», и этимъ воздастъ честь скромному гостю передъ другими гостями; одна глава посвящена вопросу о томъ, какъ угощать у себя гостей: тутъ даются предостереженія отъ пьянства, неприличныхъ рѣчей, «бѣсовскихъ пѣсенъ» и азартныхъ игръ. Затѣмъ, даются подробныя наставленія объ обращеніи съ женой и дѣтьми. Мужъ долженъ наблюдать за женой, хорошо ли она ведетъ себя въ домѣ, и если замѣтитъ что-нибудь «непорядливо» (т. е. не въ порядкѣ), то долженъ дать ей словесное наставленіе, а если такое наставленіе не помогаетъ, то—прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію, «плетью постегать, по винѣ смотря, а побить не передъ людьми, наединѣ, поучити да примолвити и пожаловати..., а плетью съ наказаньемъ бережно бити: и разумно, и больно, и страшно, и здорово». Въ случаѣ нужды, еще опредѣленнѣе рекомендуется тѣлесное наказаніе и по отношенію къ дѣтямъ: «казни (т. е. наказывай) сына твоего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту душѣ твоей». Къ духовенству («святительскому, священническому и монашескому чину») предписывается имѣть «велію вѣру и любовь и всякое покореніе»; свѣтской власти тоже рекомендуется воздавать полное почтеніе и покорность —царю, князю и «вельможамъ»; къ «старѣйшинамъ» въ обществѣ должно имѣть «честь», «среднихъ» любить какъ братію, а «юнѣйшихъ» какъ дѣтей своихъ. Даются наставленія о томъ, чтобы умѣть переносить обиды, быть скромнымъ, не мстить за зло, помнить свои грѣхи и въ нихъ раскаиваться, помогать бѣднымъ и немощнымъ; за исполненіе этихъ наставленій обѣщается спасеніе въ будущей жизни, а за нарушеніе ихъ—проклятіе и муки ада.

Послѣднія главы «Домостроя» посвящены подробнымъ указаніямъ на то, какъ надо устраивать свое домашнее хозяйство, управлять слугами, заготовлять своевременно провизію, принимать гостей, платить пошлины и, при всемъ этомъ, умѣть соразмѣрять доходы съ расходами; въ этихъ главахъ авторъ входитъ въ самыя мелкія подробности домашняго обихода, стараясь предусмотрѣть всѣ возможныя случайности жизни людей самаго разнообразнаго положенія и достатка. Въ обращеніи къ сыну своему Анфиму Сильвестръ сначала пересказываетъ вкратцѣ содержаніе первой части «Домостроя», т. е. наставленія по вопросамъ религіи, нравственности и общихъ правилъ христіанской жизни, а потомъ—говоритъ о себѣ, о своей семьѣ и въ частности о сынѣ Анфимѣ. Онъ указываетъ на то, что въ домѣ его сынъ могъ видѣть примѣръ «тихаго житія», «страха Божія» и сердечной простоты; онъ и его жена всячески помогали въ своемъ домѣ бѣднымъ, трудились, были скромны и терпѣливы, воспитывали сиротъ и учили слугъ всякой полезной работѣ, грамотѣ, иконному письму, всякому рукодѣлію, домоводству и торговлѣ, а потомъ многихъ изъ нихъ поженили или выдали замужъ «у добрыхъ людей». Въ концѣ этого обращенія, Сильвестръ совѣтуетъ своему сыну, бывшему тогда на службѣ «у таможенныхъ дѣлъ», служить «вѣрой да правдой», блюсти интересъ государя, быть справедливымъ, ласковымъ съ товарищами и подчиненными и привѣтливымъ ко всѣмъ людямъ.

«Домострой» даетъ намъ обширную картину русской жизни XVI вѣка—не той жизни, которая была вездѣ въ дѣйствительности, а которая была желательна и представлялась какъ идеалъ съ точки зрѣнія человѣка, воспитаннаго по старинѣ и желавшаго удержать лучшія стороны этой старины и въ будущемъ. Въ этомъ и заключается историческое значеніе «Домостроя», какъ памятника литературнаго. Идеалъ этотъ высоко оцѣнивался и въ послѣдующемъ ходѣ русской жизни, что явствуетъ изъ сохранившихся многихъ списковъ этого памятника XVII и даже XVIII вѣковъ.

Общіе выводы о литературѣ Московской Руси XV—XVI вв.

§ 49. О московской письменности XV—XVI вв. можно сдѣлать слѣдующія общія замѣчанія:

1. Литература этой эпохи представляетъ собою непосредственное продолженіе письменности Сѣверо-восточной Руси.

2. Освободившаяся отъ татарскаго ига, Московская Русь имѣла возможность создать обширную литературу, отличающуюся большимъ количествомъ литературныхъ произведеній, разнооб-

разіемъ ихъ содержанія и значительнымъ объемомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

3. Среди писателей появляются крупныя литературныя дарованія, какъ Епифаній Премудрый, царь Иванъ Грозный или князь А. М. Курбскій.

4. Многія литературныя произведенія являются проводниками идейныхъ стремленій въ области религіозно-нравственныхъ воззрѣній, государственныхъ вопросовъ и народнаго быта.

5. Литература стремится опредѣлить отношеніе Руси къ самому источнику духовной жизни—Византіи, при чемъ на грековъ, подпавшихъ власти турокъ, устанавливается отрицательный взглядъ. Въ связи съ этимъ, литература является отраженіемъ того воззрѣнія, что Москва не нуждается въ чужой духовной помощи, можетъ и должна жить самостоятельно, опираясь на историческія преданія и свое неповрежденное православіе.

6. Замѣчается въ первой половинѣ разсмотрѣннаго періода возобновленіе южно-славянскаго литературнаго вліянія, особенно въ области житійно-описательной.

XII. Переходное время (XVII в.).

§ 50. Потребность сближенія съ Западной Европой. Вліяніе на Юго-западную Русь Польши и католичества. Борьба Юго-западной Руси за свою вѣру и національность. Схоластическая литература. — **§ 51.** Переходъ юго-западной науки и литературы въ Москву. Симеонъ Полоцкій и его литературная дѣятельность: лирика, драматическія произведенія. —**§ 52.** Начало русскаго театра.—**§ 53.** Переводныя повѣсти бытового содержанія въ XVII вѣкѣ. «Шемякинъ судъ».—**§ 54** Оригинальныя русскія повѣсти XVII вѣка: Объ Ульянѣ Муромской; О Саввѣ Грудцынѣ; О горѣ—злосчастьи; О Фролѣ Скобеевѣ; Судное дѣло Леща съ Ершомъ. —**§ 55.** Расколъ и причины его возникновенія. Протопопъ Аввакумъ; написанное имъ его «Житіе».—**§ 56.** Общіе выводы о литературѣ переходнаго времени.

Потребность въ сближеніи съ Западной Европой. § 50. Хотя Москва въ XVI вѣкѣ въ полной мѣрѣ чувствовала себя обладательницей религіозной истины и достаточно сильной въ политическомъ отношеніи, однако она не могла совершенно обойтись безъ помощи западныхъ европейцевъ: постепенно проникали въ Москву съ Запада военныя и техническія познанія, и приходили оттуда люди, нужные и полезные для Московскаго государства; такъ было еще при Иванѣ Грозномъ, а къ концу XVI и началу XVII в. наплывъ въ Москву разнаго рода мастеровъ, торговыхъ людей и военныхъ еще болѣе усилился. Вмѣстѣ съ этимъ должна была чувствоваться и потребность въ духовномъ сближеніи съ Запа

домъ. Однако главнымъ препятствіемъ этому было то, что Западъ былъ по вѣрѣ «латинскій», т. е. католическій и отчасти протестантскій—значитъ, въ глазахъ православныхъ московскихъ людей, «еретическій». Трудную и исторически неизбѣжную роль сближенія Москвы съ Западомъ взяла на себя Юго-западная Русь и ея литература XVI и начала XVII вѣка.

Вліяніе на Юго-западную Русь Польши и католичества.

Юго-западная Русь, включавшая въ себя земли Кіевской, Галицкой (Червонной) и Бѣлой Руси, въ силу разныхъ историческихъ обстоятельствъ, подпала къ серединѣ XVI вѣка подъ сильное вліяніе Польши. Это вліяніе выразилось, между прочимъ, въ томъ, что въ 1569 году между Литвой, объединившей всѣ эти земли, и Польшей заключена была въ городѣ Люблинѣ политическая «унія», т. е. государственное объединеніе подъ властью польскихъ королей-католиковъ, а въ 1596 году за ней послѣдовала въ городѣ Брестѣ и унія церковная, въ силу которой было установлено признаніе православнымъ населеніемъ власти римскаго папы. Эти обстоятельства открыли въ Юго-западную Русь широкій доступъ польско-католическому воздѣйствію въ бытѣ, понятіяхъ и литературѣ; воздѣйствіе это было западное, потому что Польша давно уже, вслѣдствіе принятія католической вѣры, сама находилась подъ вліяніемъ католиковъ и іезуитовъ—людей, образованныхъ по европейскому образцу. Но въ Юго-западной Руси, большинство населенія которой было русское и православное, жило національное чувство и вѣрность православію; оно не могло легко мириться съ ополяченіемъ и окатоличеніемъ народа: отсюда возникло стремленіе бороться съ польско-католическимъ вліяніемъ.

Борьба Юго-западной Руси за свою вѣру и національность.

Русскіе православные люди Юго-западной Руси очень хорошо понимали, что для успѣха борьбы за свою вѣру и національность необходимы были тѣ самыя средства, которыми обладали и ихъ противники, т. е. образованіе. Для этого стали открываться въ разныхъ городахъ (Львовѣ, Вильнѣ, Могилевѣ, Кіевѣ и др.) православныя «братства» и общества, а при нихъ—школы и типографіи. Въ этихъ школахъ учили, рядомъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, также латинскому языку, который былъ тогда языкомъ науки въ Западной Европѣ; преподавали предметы не только духовные (катехизисъ, богословіе), но и свѣтскіе—ариѳметику, грамматику, философію. Самой замѣчательной изъ этихъ школъ оказалась Кіевская братская школа, основанная

въ 1615 году, преобразованная потомъ митрополитомъ Петромъ Могилой въ «коллегіумъ» и существующая донынѣ подъ именемъ Кіевской Духовной Академіи.

Благодаря школамъ и типографіямъ, въ Юго-западной Руси зародилась и литература. Хотя по своимъ цѣлямъ и настроенію эта литература была православная, но своими формами она вполнѣ походила на литературу польскую, потому что и образованіе шло изъ Польши, и учебныя книги въ братскихъ школахъ были первоначально польскія и латинскія. Литература эта называется «схоластической» (отъ слова schola), такъ какъ она носила формально-школьный характеръ, заимствованный съ Запада черезъ посредничество Польши.

Схоластическая литература.

Юго-западная схоластическая литература была очень обширна и разнообразна по своему содержанію: тутъ была и церковная полемика (въ защиту православныхъ противъ католичества), и проповѣдь, и научные труды (преимущественно по исторіи и грамматикѣ), и, наконецъ, стихотворство. Изъ дѣятелей этой эпохи особенно замѣчательны своими литературными трудами Мелетій Смотрицкій (богословъ и филологъ), Захарія Копыстенскій (полемистъ), Іоанникій Голятовскій, Лазарь Барановичъ и Антоній Радивиловскій (проповѣдники), Иннокентій Гизель и Ѳеодосій Сафоновичъ (составители историческихъ сочиненій). Самое широкое распространеніе имѣло стихотворство. Для этого употреблялся особо выработанный, заимствованный съ польскаго, силлабическій стихъ («вирша», отъ латинскаго versus), отличительной особенностью котораго было одинаковое количество слоговъ въ строкѣ. Такое строеніе стиха, свойственное лишь языкамъ, имѣющимъ постоянное, т. е. на извѣстномъ слогѣ, удареніе (французскій, польскій) не соотвѣтствовало свойствамъ русскаго языка, имѣющаго подвижное удареніе: поэтому, силлабическій размѣръ русскаго стиха, навязанный ему изъ подражанія польскому стиху, представляется въ высшей степени искусственнымъ и часто неуклюжимъ. Писанію стиховъ на самыя разнообразныя темы усердно учили въ школахъ; для этого существовала особая наука «піитика», также заимствованная въ русскія школы изъ латинско-польскихъ образцовъ. Что касается содержанія этихъ стихотвореній, то они большею частію относились къ области лирики: таковы были—хвалебныя оды и разнаго рода привѣтственныя обращенія, поздравленія и пожеланія; въ стихи перекладывались также церковныя пѣснопѣнія и молитвы. На Рождество и на Пасху школьники западно-русскихъ училищъ сочи-

няли обыкновенно духовные стихи («псальмы» и «канты»), распѣвали ихъ передъ начальствомъ, подносили важнымъ покровителямъ и даже выступали съ ними въ народъ; личныя обращенія въ такихъ стихотвореніяхъ отличались чрезмѣрной лестью, самоуничиженіемъ автора и вообще крайней искусственностью въ выраженіи чувствъ. Еще большей неестественностью отличались стихотворенія эпиграмматическія—краткія по формѣ и нерѣдко крайне замысловатыя по содержанію: это была большею частію «курьезная» забавная эпиграмма, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ переходившая въ сатиру. Значительное развитіе получила также и драма. Сюжеты для драматическихъ произведеній брались главнымъ образомъ изъ Библіи или церковной исторіи, напр., объ «Адамѣ и Евѣ», объ «Іосифѣ», о «Страстяхъ Христовыхъ» или объ «Алексѣѣ, божьемъ человѣкѣ». Сочиненіемъ этихъ драмъ занимались обыкновенно школьные учителя «піитики»; піесы разыгрывались въ школѣ, а исполнителями являлись ученики. Отвѣчая жизненнымъ потребностямъ этой школьной драмы, въ нее проникали и нѣкоторые простонародные элементы: именно, между дѣйствіями піесы разыгрывались т. наз. «интермедіи», въ которыхъ дѣйствующими лицами выводились мужики, цыгане, содержатели шинковъ; эти люди вели между собою забавные разговоры, обыкновенно пересыпанные грубоватымъ юморомъ.

Вообще же слѣдуетъ отмѣтить, что западно русская литература XVI и начала XVII в., тѣсно связанная съ школой, удовлетворяла вкусы лишь болѣе образованнаго класса населенія и была далека отъ народной жизни въ широкомъ смыслѣ слова; лишь «интермедіи» въ извѣстной степени удовлетворяли этимъ потребностямъ. Но эта литература интересна и важна въ историческомъ отношеніи, помогая намъ понять многія особенности московской литературной жизни XVI вѣка.

Переходъ юго-западной науки и литературы въ Москву.

§ 51. Юго-западная Русь, обладая, вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, значительнымъ количествомъ школъ, типографій, разнообразной схоластической литературой и людьми, образованными въ томъ же направленіи, могла къ половинѣ XVII вѣка явиться и для Москвы источникомъ школьнаго просвѣщенія и книжности. Нуждаясь въ знакомствѣ съ западной наукой и литературой, Москва предпочитала брать ихъ скорѣе изъ Кіева и другихъ городовъ Юго-западной Руси, чѣмъ прямо съ Запада или изъ Польши; этому содѣйствовали общность языка

и единство православной вѣры и народности. Однако московскіе люди, на которыхъ лежала забота о просвѣщеніи народномъ, относились къ западно-русскимъ ученымъ и ихъ литературнымъ трудамъ съ большой осторожностью, такъ какъ считали ихъ—и не безъ основанія—«зараженными» западно-европейской «мудростью», которую въ Москвѣ считали «еретической»; кромѣ того, въ Москвѣ считали западно-русскихъ людей и не вполнѣ православными, потому что нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно иногда проникались уніатскими воззрѣніями и временно измѣняли православію: таковъ былъ, напр., Мелетій Смотрицкій.

Симеонъ Полоцкій и его литературная дѣятельность.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ пришельцевъ изъ Юго-западной Руси въ Москву былъ Симеонъ Полоцкій, много потрудившійся въ Москвѣ какъ дѣятель просвѣщенія и какъ писатель.

Симеонъ Полоцкій (род. 1629) происходилъ изъ Бѣлоруссіи, вѣроятно изъ города Полоцка, откуда и получилъ свое прозваніе. Высшее образованіе получилъ онъ въ Кіевской Коллегіи, а затѣмъ въ Польшѣ. Принявши въ молодые еще годы монашество и сдѣлавшись учителемъ въ Полоцкой Братской школѣ, онъ имѣлъ случай лично узнать царя Алексѣя Михайловича, посѣтившаго Полоцкъ , и вскорѣ переѣхалъ на житье въ Москву. Здѣсь нужны были люди, подобные Симеону; обладая недюжиннымъ практическимъ умомъ и образованіемъ, Симеонъ понялъ свое положеніе и, при своемъ гибкомъ характерѣ, въ короткое время сумѣлъ сдѣлаться въ Москвѣ человѣкомъ извѣстнымъ и необходимымъ. Онъ готовъ былъ на исполненіе всевозможныхъ порученій. По желанію московской духовной власти, выступилъ онъ на борьбу съ возникшимъ расколомъ и написалъ по этому поводу особую обличительную книгу «Жезлъ Правленія»; получивъ ближайшій доступъ въ царскую семью, онъ сдѣлался учителемъ царскихъ дѣтей: сначала старшаго царевича Алексѣя, потомъ его брата Ѳедора, и, наконецъ, царевны Софьи и царевича Петра Алексѣевича, будущаго великаго реформатора Россіи; его энергіи и опыту много обязана была первая высшая свѣтская школа въ Москвѣ, Славяно-греко-латинская Академія, открытая вскорѣ послѣ смерти Симеона (1680) въ 1687 году и нынѣ существующая подъ именемъ Московской Духовной Академіи.

Литературная дѣятельность Симеона Полоцкаго была весьма обширна. Въ лицѣ Симеона впервые явился въ Москвѣ писатель съ пріемами новаго школьнаго образованія, дѣятельный, талантливый и вполнѣ преданный своему дѣлу. Хотя онъ писалъ и бо-

гословскія сочиненія, и проповѣди, и книги для начальнаго обученія царскимъ дѣтямъ, но самымъ любимымъ его занятіемъ было стихотворство. Стихами Симеонъ началъ свою литературную дѣятельность, когда, въ бытность свою въ Полоцкѣ, поднесъ царю Алексѣю Михайловичу привѣтственныя «вирши», по случаю посѣщенія царемъ этого города; стихами же онъ ее и окончилъ, написавъ за два дня передъ смертью свое стихотвореніе «Философія».

Лирика Симеона. Многочисленныя стихотворенія Полоцкаго были собраны вмѣстѣ самимъ авторомъ въ послѣдніе годы его жизни, при ближайшемъ содѣйствіи его ученика, Сильвестра Медвѣдева: это—два обширныхъ сборника «Риѳмологіонъ» и «Вертоградъ Многоцвѣтный», оставшіеся, впрочемъ, и до сихъ поръ въ рукописи.

Въ «Риѳмологіонѣ» помѣщены стихотворенія на разные случаи и по поводу различныхъ событій въ жизни царской семьи и приближенныхъ ко двору лицъ. «Вертоградъ Многоцвѣтный» обладаетъ болѣе разнообразнымъ содержаніемъ: тутъ находятся краткія изреченія, привѣтствія, повѣсти, сказанія, молитвы, эпитафіи и тому подобныя произведенія во вкусѣ того времени. Сюжеты ихъ заимствованы авторомъ то изъ старинныхъ книжныхъ произведеній, большею частію переводныхъ (прологи, житія святыхъ и пр.), то изъ наблюденій надъ дѣйствительной жизнью, ходячихъ разсказовъ и народныхъ легендъ. Цѣль этихъ стихотвореній—дать читателю обильное назидательное чтеніе, причемъ для удобства пользованія всѣ стихотворенія расположены въ алфавитномъ порядкѣ ихъ заглавій.

Въ «Вертоградѣ Многоцвѣтномъ» наиболѣе цѣнны тѣ стихотворенія, которыя основаны на наблюденіи авторомъ живой дѣйствительности. Одни изъ нихъ посвящены вопросамъ семейной жизни, другія затрагиваютъ разныя житейскія и общественныя отношенія. Напр., въ стихотвореніи «Начальникъ» авторъ даетъ наставленія начальникамъ, какъ имъ слѣдуетъ относиться къ подчиненнымъ: постоянно заботиться о нихъ, не отказывать имъ въ законномъ покровительствѣ и быть для нихъ примѣромъ во всемъ; этотъ образъ поведенія одинаково пригоденъ для епископа по отношенію къ своей паствѣ, богатаго—къ рабамъ, мужа—къ женѣ, судьи—къ подсудимымъ, царя—къ подданнымъ. Въ стихотвореніи «Милость господская» авторъ совѣтуетъ съ большой осторожностью пользоваться покровительствомъ знатныхъ и сильныхъ—не слишкомъ удаляться отъ нихъ и не слишкомъ къ нимъ приближаться; онъ уподобляетъ этихъ людей огню, от-

даленіе отъ котораго лишаетъ тепла, а приближеніе къ нему можетъ опалить. Въ стихотвореніи «Пиръ» даются наставленія о томъ, какъ настоящимъ христіанамъ надо устраивать у себя пиры. Нѣкоторыя стихотворенія представляютъ собою обличеніе пороковъ отдѣльныхъ сословій—купечества, монашества и т. п.; они даютъ читателю интересныя въ историческомъ отношеніи картины тогдашняго русскаго быта.

Драматическія произведенія Симеона. Перу Симеона Полоцкаго принадлежатъ и два драматическихъ произведенія, также написанныя стихами: «Комедія о Навуходоносорѣ царѣ» и «Комедія о Блудномъ сынѣ».

«Комедія о Навуходоносорѣ царѣ» передаетъ извѣстный библейскій разсказъ о трехъ отрокахъ, вверженныхъ царемъ Навуходоносоромъ въ «огненную пещь». Сюжетъ этотъ еще задолго до Симеона послужилъ предметомъ для духовной драмы (представляемой въ церкви, съ участіемъ священнослужителей) подъ именемъ «Пещного дѣйства». Піеса начинается и оканчивается привѣтствіемъ царю: до начала представленія дѣйствующія лица восхваляютъ силу, душевную доброту и благочестіе царя, а въ концѣ благодарятъ его за вниманіе и извиняются въ своемъ плохомъ искусствѣ; такъ какъ піеса сочинена при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, то эти привѣтствія позволяютъ предполагать, что названный царь или въ самомъ дѣлѣ присутствовалъ на представленіи, или, по крайней мѣрѣ, піеса была предназначена авторомъ для представленія ея при дворѣ, въ царскомъ присутствіи.

Болѣе сложной является «Комедія о Блудномъ сынѣ». Она состоитъ изъ «пролога» и шести «частей». Въ «прологѣ» говорится о пользѣ театральныхъ представленій, и затѣмъ испрашивается благосклонное вниманіе къ піесѣ, которая будетъ представлена. Въ I части передается бесѣда отца съ двумя сыновьями, которымъ онъ даетъ разные совѣты относительно жизни. Тяготясь преклоннымъ возрастомъ и чувствуя приближеніе смерти, онъ предоставляетъ дѣтямъ въ самостоятельное владѣніе доли ихъ имущества и право воспользоваться ими по собственному желанію. Старшій сынъ выражаетъ полную покорность отцу и хочетъ попрежнему оставаться при немъ, но младшій жаждетъ увидѣть свѣтъ; его тянетъ куда-то вдаль, на свободную жизнь:

Богъ волю далъ есть; се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ вольно пребываютъ.
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати,
Разумну сущу, весь міръ посѣщати.

Отецъ отговариваетъ его, но безуспѣшно, и младшій сынъ покидаетъ отцовскій домъ. Во II части мы видимъ изображеніе роскошной жизни блуднаго сына: онъ радуется полученной свободѣ, нанимаетъ себѣ множество слугъ, пируетъ съ ними, пьетъ и играетъ, а они его обыгриваютъ. Въ III части блудный сынъ выходитъ на сцену съ ощущеніемъ тяжелаго похмѣлья, у него болитъ и кружится голова; слуга совѣтуетъ ему полѣчиться новой «скляницей» вина, но оказывается, что деньги всѣ истрачены: тогда слуги одинъ за другимъ покидаютъ блуднаго сына, и онъ впадаетъ въ уныніе. Въ IV части, продавъ свою послѣднюю одежду и надѣвъ рубище, томимый голодомъ, блудный сынъ ищетъ работы; онъ поступаетъ въ слуги къ одному встрѣчному «купчику», который посылаетъ его пасти свиней; блудный сынъ съѣдаетъ назначенную свиньямъ пищу и за это подвергается побоямъ; тогда ему приходитъ мысль вернуться домой. V часть изображаетъ встрѣчу съ отцомъ и пиръ по случаю его возвращенія, а въ VI части блудный сынъ, въ длинномъ монологѣ, выражаетъ свое раскаяніе. Піеса оканчивается «эпилогомъ», въ которомъ высказывается слѣдующая мораль:

Юнымъ се образецъ старѣйшихъ слушати,
На младой разумъ свой не уповати.
Старымъ—да юныхъ добрѣ наставляютъ,
Ничто на волю младыхъ не спущаютъ.

Въ «Комедіи о Блудномъ сынѣ», несмотря на ея готовое содержаніе, взятое изъ евангельской притчи, вложенъ авторомъ опредѣленный общественный смыслъ. Тутъ сопоставляются два поколѣнія, старое и новое, изъ которыхъ второе стремится куда-то вдаль, а первое сдерживаетъ порывы его неопытности; мораль Симеона совершенно ясна: онъ стоитъ на сторонѣ стараго поколѣнія. Вѣроятно, и эта піеса Симеона Полоцкаго была написана для представленія при дворѣ въ Москвѣ, а, можетъ быть, и дѣйствительно была тамъ представлена.

Симеонъ Полоцкій, какъ писатель талантливый, плодовитый и разнообразный, является съ большимъ историческимъ значеніемъ. Личность его очень характерна для XVII вѣка: онъ и богословъ, и проповѣдникъ, и въ особенности стихотворецъ. Симеонъ былъ первымъ придворнымъ стихотворцемъ въ Москвѣ и однимъ изъ первыхъ писателей западно-русскаго, т. е. въ основѣ своей западно-европейскаго, схоластическаго просвѣщенія. Кромѣ того, онъ былъ и виднымъ общественнымъ дѣятелемъ; несмотря на свой монашескій санъ, онъ былъ чутокъ къ текущимъ вопросамъ, которыхъ было очень много въ тогдашній переходный періодъ

русской жизни: старая Русь готовилась къ переустройству всего своего стараго уклада, въ обществѣ создавалось новое настроеніе, и Симеонъ былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ выразителей этого настроенія.

Начало русскаго театра.

§ 52. Драматическая дѣятельность Симеона Полоцкаго была лишь эпизодомъ въ начальной исторіи русскаго театра, падающей именно на вторую половину XVII вѣка.

Мы уже видѣли (§ 50), что въ литературѣ Юго-западной Руси извѣстную роль играла драма; вмѣстѣ съ другими видами этой литературы, школьная драма была перенесена въ Москву, и названныя двѣ «комедіи» Симеона Полоцкаго являются ея отраженіемъ въ обстановкѣ придворной жизни царя Алексѣя Михайловича въ 80-хъ годахъ XVII вѣка. Но Алексѣй Михайловичъ сталъ интересоваться театромъ еще раньше. Несмотря на изданныя имъ самимъ, по совѣту духовныхъ властей, въ 1648 и 1657 годахъ запрещенія мірского веселья, въ которомъ усматривалось служеніе язычеству, царь съ большимъ любопытствомъ слушалъ разсказы о театрѣ своихъ заграничныхъ пословъ и бояръ, вродѣ Ртищева, Ордина-Нащокина или Артамона Матвѣева, поддерживавшихъ тѣсныя связи съ жившими въ Москвѣ иностранцами; въ московской Нѣмецкой слободѣ не разъ устраивались театральныя представленія. Желая имѣть у себя театральную «потѣху», царь обратился въ 1672 году, черезъ Матвѣева, къ пастору московской лютеранской церкви Іогану-Готфриду Грегори съ порученіемъ «учинить комедію» при дворѣ. Для этого была построена въ лѣтней царской резиденціи, селѣ Преображенскомъ, особая «хоромина» съ театральной сценой, и 17 октября 1672 года труппою Грегори была представлена драма, съ библейскимъ сюжетомъ, «Есѳирь». Это и было началомъ русскаго театра, дѣйствовавшимъ исключительно при царскомъ дворѣ. Послѣ «Есѳири» поставлены были и другія піесы: «Объ Алексѣѣ, божьемъ человѣкѣ», «Юдиѳь», «Объ Адамѣ и Евѣ», «Іосифъ», «О Баязетѣ и Тамерланѣ». Представленія шли частію по-нѣмецки, а частію по-русски, такъ какъ въ труппѣ Грегори были главнымъ образомъ нѣмцы и лишь немногіе русскіе. Послѣ смерти пастора Грегори (1675), представленіями при московскомъ дворѣ завѣдывалъ учитель Кіевской Братской школы Степанъ Чижинскій, а въ 1676 году умеръ и самъ покровитель всего этого дѣла, царь Алексѣй Михайловичъ. Новый царь, Ѳедоръ Алексѣевичъ, отчасти подъ вліяніемъ сторонниковъ стараго міровоззрѣнія, враждебнаго

Западной Европѣ, относился къ театру равнодушно; къ иностранцамъ для развитія этой затѣи онъ не обращался, и при немъ или вскорѣ послѣ его смерти (1682), вѣроятно, были представлены лишь упомянутыя двѣ «комедіи» Симеона Полоцкаго «О Навуходоносорѣ царѣ» и «О Блудномъ сынѣ». При наступившихъ смутныхъ политическихъ обстоятельствахъ во время малолѣтства Петра Алексѣевича и правленія царевны Софьи, начатая театральная забава захирѣла и прекратилась на цѣлую четверть вѣка; но начатки эти имѣли большое значеніе, какъ одинъ изъ проводниковъ западнаго вліянія на русскую жизнь и литературу.

Переводныя повѣсти бытового содержанія въ XVII вѣкѣ.

§ 53. Въ XVII вѣкѣ большое развитіе получила литература повѣстей—не историческаго, какъ это было раньше, но преимущественно бытового содержанія.

Эта отрасль литературы также находилась въ связи съ начавшимся западно-европейскимъ вліяніемъ. Къ концу XVI вѣка въ западно-европейской литературѣ накопилось множество повѣствовательныхъ произведеній, которыя опирались въ своихъ сюжетахъ то на восточныя сказанія, то на греко-римскій міръ, то на средневѣковыя преданія и разсказы разныхъ народовъ Западной Европы. Эти повѣсти, черезъ посредство главнымъ образомъ польской литературы, гдѣ онѣ усердно переводились и издавались, попали и въ русскую литературу: во второй половинѣ XVII вѣка ихъ во множествѣ переводили въ Москвѣ на русскій языкъ съ латинскаго, нѣмецкаго и польскаго; нѣкоторыя изъ повѣстей предварительно проходили юго-западную литературу и уже оттуда попадали въ Москву.

Эти повѣствовательныя произведенія были съ одной стороны—духовнаго содержанія, а съ другой—свѣтскаго. Изъ первыхъ самымъ замѣчательнымъ было «Великое Зерцало», обширный сборникъ самыхъ разнообразныхъ назидательныхъ разсказовъ; изъ свѣтскихъ—«Римскія Дѣянія» и «Исторія о семи мудрецахъ». Заключавшаяся въ этихъ разсказахъ мораль имѣла вполнѣ серьезный, иногда прямо церковный, характеръ. Но, рядомъ съ ними, переводились и произведенія забавнаго, шутливаго, сатирическаго содержанія. Они назывались иногда «апофегматами» или «фацеціями». Въ этихъ разсказахъ главную роль играли шуты, лѣкаря, недогадливые поселяне и особенно женщины, «злой нравъ» которыхъ давалъ обильную пищу для остроумія, насмѣшекъ и обличенія; сатира этихъ произведеній выражалась преимущественно въ шутливой и непритязательной формѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ

такихъ краткихъ разсказовъ. Одинъ странникъ былъ приглашенъ къ обѣду, и когда гостепріимные хозяева предложили ему распорядиться лежавшей на столѣ курицей, то, имѣя въ виду положеніе каждаго изъ членовъ семьи, онъ голову курицы отдалъ хозяину, шейку хозяйкѣ, ноги сыновьямъ, крылья дочерямъ, а себѣ взялъ все остальное. — Одинъ отецъ жестоко проучилъ своего сына, который, воротившись изъ школы, утверждалъ, что знаетъ хорошо по-латыни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ умѣлъ лишь прибавлять къ каждому слову окончаніе «us».—Во время бури на морѣ плаватели рѣшились выбросить за бортъ свой грузъ для облегченія корабля; при этомъ одинъ изъ нихъ выбросилъ свою жену, говоря, что тяжелѣе этого груза у него ничего не было ни дома, ни на кораблѣ.—Когда утонула одна женщина, то мужъ отправился искать ея тѣло вверхъ по рѣкѣ, а не внизъ, думая, что и въ данномъ случаѣ она не оставила привычки идти во всемъ наперекоръ.

Шемякинъ судъ. Къ числу переводныхъ произведеній сатирическаго характера относится и очень популярный въ свое время «Шемякинъ Судъ». Тутъ разсказывается о томъ, какъ жили нѣкогда богатый и убогій. Убогій постоянно пользовался одолженіями богатаго; наконецъ, богатому стало это надоѣдать, и когда затѣмъ убогій попросилъ у него лошадь, чтобы съѣздить въ лѣсъ за дровами, то богатый далъ ему только лошадь, а хомута не далъ. Тогда убогій привязалъ сани къ хвосту лошади и, нагрузивши возъ дровами, пріѣхалъ домой; передъ дворомъ, забывъ снять подворотню, онъ ударилъ лошадь такъ, что та изо всей мочи рванулась и оторвала свой хвостъ. Когда убогій затѣмъ привелъ лошадь къ богатому, тотъ не хотѣлъ ее взять безъ хвоста и отправился жаловаться судьѣ. Убогій пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. По дорогѣ съ убогимъ опять случилось нѣсколько несчастій: въ одномъ случаѣ онъ, упавъ съ полатей, нечаянно задавилъ спавшаго въ люлькѣ младенца, въ другомъ, проходя по мосту, онъ упалъ въ ровъ и задавилъ больного старика; родственники пострадавшихъ присоединились къ богатому и пошли вмѣстѣ съ нимъ жаловаться судьѣ на убогаго. Но убогій, пришедъ къ судьѣ, показалъ ему издали платокъ, въ которомъ былъ завернутъ камень, а судья, думая, что убогій обѣщаетъ ему взятку, рѣшилъ всѣ дѣла въ его пользу. Когда, по окончаніи суда, судья-мздоимецъ потребовалъ себѣ уплаты обѣщаннаго, то убогій показалъ ему содержимое въ платкѣ, объяснивъ, что онъ вовсе не обѣщалъ ему денегъ, а, напротивъ, грозилъ камнемъ, если судья будетъ

судить не въ его пользу; судья, узнавъ, въ чемъ дѣло, былъ и самъ радъ такому концу всей этой исторіи. Изъ заглавія этой повѣсти можно видѣть, что центромъ ея содержанія является несправедливый судья, причемъ поступокъ этого судьи обставленъ забавными подробностями. Историческое имя галицкаго князя Димитрія Шемяки (XV в.) присоединено было къ названію этой повѣсти потому, что Шемяка, варварски ослѣпившій своего двоюроднаго брата Василія Темнаго, вызвалъ этими дѣйствіями у современниковъ и потомства крайне невыгодное мнѣніе о своей личности.

Оригинальныя русскія повѣсти XVII вѣка.

§ 54. Къ XVII вѣку должно быть отнесено возникновеніе и нѣсколькихъ оригинальныхъ русскихъ повѣстей: однѣ изъ нихъ, по своему духовному содержанію и складу являются продолженіемъ старыхъ литературныхъ преданій; другія представляютъ смѣсь элементовъ духовныхъ и свѣтскихъ, съ преобладаніемъ послѣднихъ, указывающихъ на новые вкусы читателей, а иныя проникнуты настроеніемъ исключительно шутливымъ и сатирическимъ.

Объ Ульянѣ Муромской.

«Повѣсть объ Ульянѣ Муромской (Лазаревской)» имѣетъ историческій характеръ, разсказывая о лицахъ, дѣйствительно существовавшихъ. При царѣ Иванѣ Грозномъ, въ семьѣ царскаго ключника, родилась дочь Ульяна, которая послѣ смерти родителей жила у своей тетки, въ Муромской области. Съ дѣтства она отличалась скромностью, послушаніемъ и любовью къ посѣщенію церкви; 16-ти лѣтъ она выдана была замужъ за богатаго и добродѣтельнаго человѣка Осорьина. Въ замужествѣ Ульяна продолжала слѣдовать пріобрѣтеннымъ привычкамъ къ постоянной церковной молитвѣ и милостынѣ нищимъ. Вскорѣ русскую землю посѣтилъ голодъ, такъ что многіе бѣдные люди умирали отъ недостатка хлѣба: тогда Ульяна, скромная въ своихъ потребностяхъ относительно пищи, все отдавала неимущимъ, а когда за голодомъ наступилъ моръ, то она вся предалась лѣченію и уходу за больными, а умиравшихъ обмывала своими руками, предавала погребенію и молилась за нихъ. У нея было нѣсколько дѣтей, но сыновья одинъ за другимъ умерли, а затѣмъ умеръ и ея мужъ. Оставшись вдовой и получивъ возможность самостоятельно распоряжаться своимъ имуществомъ, Ульяна еще дальше расширила предѣлы своей благотворительности, а сама жила какъ монахиня. Въ царствованіе Бориса Годунова случился опять на Руси голодъ: тогда многіе богатые люди потеряли все, и у Ульяны Осорьиной погибъ не только посѣянный хлѣбъ, но и домашній скотъ

отъ недостатка корма; однако она продала послѣднее, что имѣла въ домѣ, и, покупая на вырученныя деньги хлѣбъ, кормила имъ всѣхъ къ ней приходившихъ; слава объ ея самоотверженной добротѣ и щедрости распространилась по всему краю. Наконецъ, она тихо скончалась, жалѣя лишь о томъ, что не удостоилась при жизни принять схиму, т. е. полное монашество. Тѣло Ульяны похоронили въ родныхъ Муромскихъ предѣлахъ въ селѣ Лазаревѣ, подлѣ могилы ея мужа, 10 января 1604 года. Десять лѣтъ спустя при погребеніи у той же церкви св. Лазаря, сына Ульяны, Георгія, обнаружено было ея нетлѣнное тѣло, и многіе получили отъ него исцѣленіе: «мы же—заканчиваетъ свою повѣсть неизвѣстный авторъ—сего не смѣяхомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство» (т. е. мы не осмѣлились писать объ этомъ потому, что это не было офиціально засвидѣтельствовано).

О Саввѣ Грудцынѣ. Въ разсказанной повѣсти объ Ульянѣ Муромской иногда является «бѣсъ», нечистая сила, стремящаяся соблазнить Ульяну и сбить ее съ пути добродѣтели и благочестія; однако это ему не удается. Уже въ болѣе видной роли бѣсъ является въ повѣсти «О Саввѣ Грудцынѣ». Этой повѣсти также даны историческія рамки. Дѣйствіе происходитъ въ смутную эпоху, въ 1606 году. Въ городѣ Великомъ Устюгѣ жилъ купецъ Ѳома Грудцынъ, у котораго былъ сынъ Савва, смолоду пріученный имъ къ торговымъ дѣламъ. Однажды, по волѣ отца, Савва отправился въ Соликамскъ, по дорогѣ остановился въ городѣ Орловѣ, и здѣсь поселился въ домѣ пріятеля своего отца, Бажена. У Бажена была молодая жена, вскорѣ полюбившая Савву; но когда послѣдній опомнился и оставилъ жену Баженову, то она приворожила его «отравнымъ зельемъ», и Савва, ища тогда самъ расположенія коварной и злой женщины, долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи бѣса, принявшаго видъ «названнаго брата» Саввы. Въ награду за помощь, Савва далъ бѣсу «рукописаніе» на свою душу послѣ смерти. Долгое время блуждалъ потомъ Савва съ этимъ «названнымъ братомъ» по разнымъ мѣстамъ: были они, между прочимъ, въ Шуѣ и въ Смоленскѣ, гдѣ Савва поступилъ въ солдаты и, при помощи бѣса, побѣдилъ трехъ польскихъ богатырей; наконецъ, они пришли въ Москву. Здѣсь Савва остановился въ домѣ сотника Якова Шилова, заболѣлъ и почувствовалъ приближеніе смерти. Когда пришелъ для его исповѣди священникъ, то «названный братъ» Саввы, уже въ настоящемъ дьявольскомъ образѣ, сталъ въ углу и вынулъ «рукописаніе», напоминая тѣмъ умиравшему о данномъ

имъ обѣщаніи. Однако больной, раскаявшись на исповѣди, былъ чудесно спасенъ заступничествомъ Богородицы: послѣ молитвы передъ образомъ Богородицы, «рукописаніе» снова оказалось въ рукахъ Саввы, и душа его была освобождена. Самъ же Савва выздоровѣлъ, постригся въ Чудовомъ монастырѣ въ монахи и черезъ нѣкоторое время тамъ скончался.

О горѣ—злосчастьи. Тотъ же бѣсъ, но уже въ образѣ соблазнителя на пьянство, является и въ «Повѣсти о горѣ-злосчастьи»; тутъ онъ сливается съ «горемъ», своего рода судьбой, которая преслѣдуетъ человѣка до какого-нибудь опредѣленнаго конца и которую мы знаемъ уже изъ народныхъ сказокъ съ бытовымъ содержаніемъ (§ 20). Повѣсть изложена въ стихахъ. Сотворивъ Адама и Еву, Богъ—

Далъ намъ заповѣдь божественну:
Не повелѣлъ вкушати плода винограднаго
Отъ едемскаго дерева великаго.

Но прародители согрѣшили, и отъ нихъ пошло «непокорливое» племя, къ которому принадлежитъ и герой разсказа. Это—«молодецъ», котораго родители учили не пить вина, не прельщаться женской красотой и не играть съ «костарями» (игроками въ кости) и корчемниками. Однако молодецъ этихъ совѣтовъ не послушался и пожелалъ жить «какъ ему любо»: за деньги онъ нашелъ себѣ «друзей», изъ которыхъ одинъ свелъ его въ «избу кабацкую», поднесъ ему чару «зелена вина» и сталъ учить, какъ жить:

Гдѣ пилъ, тутъ и спать ложись.
Надѣйся, надѣйся на меня, братца названнаго,
Я сяду стеречь и досматривать.

И началась безпорядочная жизнь, а за ней и нищета: молодецъ потерялъ и «драгіе порты», и «рубашку», и «чулочки», и пристанище, такъ что пришлось положить «кирпичикъ» подъ «буйную голову». Молодцу стало вскорѣ стыдно; не смѣя пойти къ отцу и матери, онъ отправился на чужую сторону, и здѣсь, на «честномъ пиру», ему пришлось выслушать новые совѣты о жизни:

Не будь ты спесивъ на чужой сторонѣ,
Покорися ты другу и недругу,
Поклонися ты стару и молоду!

Слѣдуя этимъ совѣтамъ, молодецъ вскорѣ нажилъ богатство, да на пиру порасхвастался. Подслушало это хвастаніе «горе-злосчастіе» и привязалось къ молодцу: оно побудило его оставить хорошую жизнь, снова пуститься въ пьянство, и въ дальнѣйшихъ странствованіяхъ молодецъ никакъ уже не могъ отдѣлаться отъ этого своего спутника:

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;

Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ.

Не видя себѣ спасенія отъ «горя», молодецъ пошелъ въ монахи: тогда «горе» отъ него отвязалось.

Главная литературная цѣнность этого произведенія заключается въ оригинальномъ сочетаніи книжнаго мотива о бѣсѣ, являющагося тутъ въ видѣ «горя-злосчастія» съ народнымъ представленіемъ о «лихой долѣ». Въ повѣсти нѣтъ какихъ-либо хронологическихъ указаній или опредѣленныхъ личныхъ именъ; она имѣетъ лишь общій и бытовой характеръ.

О Фролѣ Скобеевѣ. Свободной отъ участія бѣсовской силы является «Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобеевѣ»; религіознаго элемента въ ней также нѣтъ, въ противоположность тремъ повѣстямъ, ранѣе разсказаннымъ : это—разсказъ объ удачныхъ продѣлкахъ «ябедника» (ходатая по судебнымъ дѣламъ), бывшаго новгородскаго дворянина Фрола Скобеева. Дѣйствіе повѣсти относится къ 1680 году. Фролъ Скобеевъ, несмотря на свое скромное общественное положеніе, пожелалъ пріобрѣсти любовь дочери богатаго стольника Нардина-Нащокина, Аннушки. Благодаря своей хитрости, подкупу няни Аннушки и полной неопытности самой дѣвушки, расчеты Фрола оправдались, и дѣвушка сама согласилась вступить съ нимъ въ бракъ. Вѣнчаніе молодыхъ людей совершено было тоже обманомъ, при содѣйствіи другого стольника, Ловчикова. Когда уже дѣло было кончено, обо всемъ узналъ Нардинъ-Нащокинъ, и ему оставалось только примириться со своимъ нежеланнымъ зятемъ изъ жалости и любви къ дочери: Скобеевъ не только получилъ прощеніе отъ гордаго стольника, но и изрядное имущество въ прибавку, а впослѣдствіи сдѣлался наслѣдникомъ всего имущества своего тестя и сталъ жить въ «великой славѣ».

Въ повѣсть введено громкое историческое имя: подъ Нардиномъ-Нащокинымъ надо разумѣть извѣстнаго Ордина-Нащокина (ум. въ 1680 году), ближняго боярина царя Алексѣя Михайловича и одного изъ замѣчательныхъ государственныхъ русскихъ людей XVII вѣка; впрочемъ, въ жизни историческаго Ордина-Нащокина не извѣстно случая, подобнаго описанному въ повѣсти. «Исторія» о Фролѣ Скобеевѣ лишена какой бы то ни было нравственной назидательности. Приключенія Скобеева, въ ней описанныя, представляютъ собою просто любовную исторію и изображеніе ряда неблаговидныхъ поступковъ, направленныхъ къ пріобрѣтенію матеріальныхъ выгодъ; ко всѣмъ этимъ событіямъ авторъ повѣсти относится очень благодушно и совершенно не

имѣетъ въ виду внушить читателямъ чувство возмущенія поступками своего героя.

Судное дѣло Леща съ Ершомъ.

Наконецъ, уже въ совершенно шутливомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сатирическомъ тонѣ написано было «Судное дѣло Леща съ Ершомъ»; этотъ разсказъ сдѣлался болѣе извѣстенъ въ видѣ народной «Сказки объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ». Тутъ разсказывается, какъ Лещъ «съ товарищами» подали челобитную на Ерша, обвиняя его въ томъ, что Ершъ хитростью зашелъ въ Ростовское озеро, расплодился тамъ и началъ подкалывать своими «щетинами» другихъ рыбъ, издавна владѣвшихъ этимъ озеромъ. Судъ состоялъ изъ «большого боярина и воеводы» Осетра, Бѣлуги и Бѣлорыбицы. Въ свидѣтели были позваны Сигъ и Сельдь Переяславская, но Ершъ объявилъ имъ «отводъ», отрицая ихъ безпристрастіе. Однако они даютъ показаніе не въ пользу Ерша. Затѣмъ, на судѣ выступаютъ и другія рыбы—Окунь, Сомъ. Дѣло кончается такимъ приговоромъ: признать жалобу Леща правильной, а Ерша выдать ему головою и казнить его «торговою казнью» —повѣсить въ жаркій день противъ солнца.

«Судное дѣло» есть сатира на судебную «волокиту» XVII вѣка; въ ней видны слѣды знакомства автора съ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича (1649) и съ порядками тогдашняго судопроизводства. Въ упоминаніи о Ростовскомъ озерѣ можно видѣть отзвукъ легенды о тяжбѣ за Ростовское озеро, вошедшее въ болѣе раннее «Сказаніе о царевичѣ Петрѣ Ордынскомъ» (§ 40).

Таковы начатки русской оригинальной повѣсти, относящіеся по своему происхожденію ко второй половинѣ XVII вѣка. Три изъ нихъ (объ Ульянѣ Муромской, О Саввѣ Грудцынѣ, О Фролѣ Скобеевѣ) имѣютъ характеръ историческаго повѣствованія, съ упоминаніемъ опредѣленныхъ мѣстностей, годовъ и именъ дѣйствующихъ лицъ; двѣ другія этихъ историческихъ пріуроченій не имѣютъ и обнаруживаютъ характеръ просто бытового разсказа. Содержаніе трехъ повѣстей (Объ Ульянѣ Муромской, О Саввѣ Грудцынѣ, О горѣ-злосчастьи) не лишено религіознаго элемента, но въ двухъ другихъ этотъ признакъ отсутствуетъ, а «Судное дѣло» является даже съ наличностью веселой шутки. Цѣль авторовъ трехъ повѣстей (Объ Ульянѣ Муромской, О Саввѣ Грудцынѣ, О горѣ-злосчастьи) — нравственно-назидательная, а въ остальныхъ такой цѣли нѣтъ, и, сверхъ того, въ «Судномъ дѣлѣ» имѣется на лицо сатирическое изобличеніе одной изъ сторонъ современной русской жизни.

Расколъ и причины его возникновенія. § 55. Своеобразную и вполнѣ самостоятельную сторону московской жизни XVII вѣка представляетъ собою расколъ и порожденная имъ литература.

При преобладающемъ церковно-религіозномъ направленіи русской жизни, одною изъ главныхъ основъ ея являлись богослужебныя книги и церковный обрядъ; надежнымъ ручательствомъ вѣрности того и другого представлялась ихъ неизмѣнность. Но сохранить въ полной неприкосновенности церковный обрядъ и тексты богослужебныхъ книгъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, было невозможно.

При отсутствіи книгопечатанія, книги, ветшавшія отъ времени, замѣнялись рукописными копіями; вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ, въ эти копіи проникали многія неисправности и ошибки, которыя, въ свою очередь, порождали новые поводы къ порчѣ книжнаго текста. При митрополитахъ московскихъ Алексѣѣ и Кипріанѣ, во второй половинѣ XIV вѣка, сдѣланы были попытки исправленія книжныхъ текстовъ, на основѣ греческихъ оригиналовъ, но, вслѣдствіе такихъ событій, какъ Ферраро-Флорентійскій соборъ, а затѣмъ паденіе Царьграда, попытки эти не только не имѣли ближайшаго продолженія, но, съ точки зрѣнія московскихъ людей, заподозрѣнъ былъ и самый источникъ подобныхъ справокъ и исправленій, т.е. греческая церковная литература. Дѣло это возобновилось лишь во второмъ десятилѣтіи XVII вѣка, когда въ Москвѣ рѣшено было напечатать въ исправленномъ видѣ Требникъ, т. е. сборникъ церковно-богослужебныхъ текстовъ, наиболѣе часто употребляемый въ практикѣ; кромѣ Требника, разсмотрѣны были и другія богослужебныя книги—Минеи, Октоихъ, Тріодъ, Псалтырь и др.; источникомъ для провѣрки и исправленія текстовъ приняты были лишь славянскія книги; греческія, какъ заподозрѣнныя въ своемъ авторитетѣ, были исключены. Однако, ученые люди, взявшіеся за это трудное дѣло, во главѣ съ архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря Діонисіемъ, потерпѣли полную неудачу: трудъ ихъ, вслѣдствіе интригъ невѣжественной партіи, вліятельной въ церковныхъ вопросахъ, не только не былъ оцѣненъ, но и сами исправители подверглись гоненіямъ; въ совершенно правильныхъ исправленіяхъ ихъ, внесенныхъ въ книги, было усмотрѣно опасное «новшество», будто бы вредное для чистоты православной вѣры. То же приблизительно было и съ церковными обрядами. Полученные нѣкогда изъ Греціи, они съ теченіемъ времени такъ видоизмѣнились, что къ половинѣ XVI вѣка на нихъ обращено было вниманіе самой московской церковной власти именно въ постановлені-

яхъ московскаго Стоглаваго собора 1551 года; среди этихъ обрядовыхъ уклоненій отъ старины особую извѣстность получило «двоеперстіе», т. е. складываніе для крестнаго знаменія двухъ перстовъ правой руки, вмѣсто трехъ. Дѣло назрѣвшаго пересмотра и исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ получило могучій толчокъ, когда церковное управленіе перешло въ руки патріарха Никона (1652—1666).

Опираясь на сочувствіе царя и немногихъ, наиболѣе образованныхъ, лицъ изъ московскаго духовенства, Никонъ ввелъ исправленія въ нѣкоторыя богослужебныя книги и обряды: для первыхъ онъ пользовался средствами Московской казенной типографіи, находившейся въ распоряженіи духовной власти, а о вторыхъ онъ разсылалъ по церквамъ особыя «памяти», требуя замѣны произвольныхъ церковныхъ обрядовъ первоначальными. Такая дѣятельность патріарха Никона, имѣвшая цѣлью внести исправленія въ русскій церковный бытъ, вызвала противодѣйствіе нѣкоторыхъ представителей изъ духовенства, напр., коломенскаго епископа Павла, протопоповъ Ивана Неронова, Аввакума, Даніила, Логгина. Эти люди усматривали въ дѣятельности Никона и лицъ, ему сочувствовавшихъ («никоніанъ»), покушеніе на правильность и чистоту главнѣйшихъ устоевъ русской жизни, обвиняя патріарха въ «ереси»; имъ сочувствовали многіе изъ московскаго общества, движимые ненавистью и недовѣріемъ къ грекамъ и греческимъ книгамъ, на авторитетъ которыхъ опирался Никонъ и его сторонники. Сила противодѣйствія, оказаннаго Никону, была такъ велика, что ему пришлось оставить патріаршій престолъ, но дѣло его, правое само по себѣ и необходимое для тогдашняго состоянія русской жизни, продолжалось: московскіе церковные соборы 1666—1667 годовъ вполнѣ одобрили нововведенія Никона и осудили его противниковъ—этихъ первыхъ расколоучителей, за которыми послѣдовали потомъ многіе другіе. Такъ образовался *расколъ* и возникла *раскольническая литература*.

Протопопъ Аввакумъ; написанное имъ его «Житіе».

Изъ первыхъ расколоучителей самымъ замѣчательнымъ въ литературномъ отношеніи является протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ писателей второй половины XVII вѣка.

Ему принадлежитъ «Житіе», родъ автобіографіи, въ которой авторъ не только описалъ почти всю свою жизнь, но и далъ защиту своихъ взглядовъ и своей энергичной дѣятельности противъ «никоніанъ». Изъ этого произведенія видно, что Аввакумъ родился около 1620 года, въ Нижегородской области; отецъ

его былъ сельскимъ священникомъ. Очень рано и самъ Аввакумъ сдѣлался священникомъ въ селѣ Лопатицахъ, той же Нижегородской области, и уже здѣсь обнаружилъ суровыя черты своего характера; онъ входилъ въ столкновенія и съ мѣстнымъ воеводой, и съ боярами, и со многими изъ простыхъ мірянъ, вездѣ отстаивая свою вѣру въ «старину», т. е. въ церковные обряды до попытокъ ихъ исправленія предшественниками Никона. Послѣ цѣлаго ряда приключеній, Аввакумъ попалъ въ Москву, и здѣсь, по вступленіи на патріаршій престолъ Никона, сразу сдѣлался непримиримымъ врагомъ его дѣятельности; къ нему присоединились и нѣкоторые другіе. На Аввакума и его товарищей были воздвигнуты гоненія, а затѣмъ Аввакума сослали въ Сибирь, куда за нимъ послѣдовали его жена и дѣти. Аввакумъ въ яркихъ чертахъ описываетъ въ своемъ «Житіи» лишенія, которымъ онъ подвергался, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою борьбу съ воеводой Афанасіемъ Пашковымъ, посланцомъ въ этотъ край отъ московскаго правительства. Изъ сибирской ссылки Аввакумъ былъ возвращенъ въ Москву, и здѣсь наступило для него счастливое время: съ одной стороны , Никонъ былъ въ немилости у царя, а съ другой—самъ царь выказывалъ расположеніе и вниманіе къ Аввакуму. Однако торжества своимъ взглядамъ Аввакумъ ожидать не могъ: борьба церковной власти съ расколомъ продолжалась, и Аввакумъ былъ снова сосланъ—сначала на Мезень, потомъ въ Пафнутьевъ монастырь и, наконецъ, въ Пустозерскій острогъ на Печорѣ. Въ эту послѣднюю ссылку Аввакуму сопутствовали и другіе расколоучители — Лазарь и Ѳедоръ. Досюда доведено изложеніе «Житія». Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что и здѣсь Аввакумъ продолжалъ бороться: въ началѣ 1681 года онъ написалъ царю Ѳедору Алексѣевичу письмо, съ самыми неумѣренными выраженіями противъ «никоніанъ» и даже противъ покойнаго царя Алексѣя. Въ результатѣ послѣдовала казнь Аввакума, 14 апрѣля 1682 года, путемъ сожженія на кострѣ.

Изъ «Житія» Аввакума видно, что это былъ человѣкъ необыкновенно сильной воли и непреклонныхъ убѣжденій, за которыя ему и пришлось въ концѣ концовъ поплатиться. Источникомъ убѣжденій Аввакума была вѣра въ религіозную и обрядовую «старину», которая будто бы повреждена была попытками исправленія книгъ и обрядовъ русской церкви, предпринятыми въ XVII вѣкѣ; главнѣйшимъ виновникомъ этой порчи Аввакумъ и другіе расколоучители считали Никона, видя въ немъ прямо «антихриста». Аввакуму нельзя отказать въ обширномъ знакомствѣ съ церковной литературой, на которую онъ нерѣд-

ко ссылается въ своихъ обличеніяхъ; но къ этой литературѣ онъ относился совершенно не критически, произвольно выбирая изъ нея то, что ему казалось доказательствомъ правоты его предубѣжденій. Съ этой стороны, Аввакумъ является типическимъ церковнымъ мыслителемъ древней Руси, начитаннымъ книжникомъ, но лишеннымъ настоящаго духовнаго образованія; вмѣсто послѣдняго, въ цѣляхъ убѣдительности доводовъ Аввакума, является его пылкій темпераментъ и глубокая ненависть къ своимъ противникамъ; эти черты опредѣляютъ и тотъ ядовитый, въ высшей степени нетерпимый и, по мѣстамъ, грубый тонъ, которымъ отличается «Житіе» и другія произведенія Аввакума. Сочиненія Аввакума являются выразительнымъ протестомъ защитниковъ «старины» противъ «новизны», выдвигаемой потребностью и обстоятельствами переходнаго времени: чувствовалось уже приближеніе перестройки всей русской жизни, шедшей какъ бы навстрѣчу преобразовательной дѣятельности Петра Великаго.

Общіе выводы о литературѣ переходнаго времени. **§ 56.** Изъ знакомства съ фактами литературы переходнаго времени (XVII в.) можно получить слѣдующіе выводы:

1. Замѣтно обнаруживается западное вліяніе на литературу, шедшее на смѣну старому вліянію изъ Византіи; оба теченія—старое и новое—вступаютъ между собою въ борьбу, но побѣда остается за новымъ.

2. Въ первой половинѣ переходнаго времени литературная дѣятельность сосредоточивается главнымъ образомъ въ Юго-западной Руси, которая, въ силу извѣстныхъ историческихъ условій, вошла въ тѣсное соприкосновеніе съ Польшей.

3. Въ юго-западной русской литературѣ первой половины XVII вѣка возникаетъ схоластическая литература, направленная на защиту православія и русской народности; во второй половинѣ XVII в. эта литература переходитъ въ Москву.

4. Московская литература XVII в. богата новыми явленіями: стихотворство, начало театральныхъ представленій, зачатки самостоятельной русской повѣсти.

5. При соприкосновеніи съ новыми культурными теченіями съ Запада, Москва переживаетъ глубокія внутреннія духовныя броженія.

6. Стремленіе исправить недочеты русской церковной жизни вызвало отпоръ со стороны защитниковъ старины; это дало поводъ къ возникновенію литературы первыхъ расколоучителей.

7. Общій характеръ литературной жизни въ Москвѣ XVII вѣка дѣлаетъ вполнѣ яснымъ близкое наступленіе преобразовательной дѣятельности Петра Великаго.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII-го ВѢКА.

XIII. Время Петра Великаго.

§ 57. Петръ Великій какъ историческая личность. Заботы его о просвѣщеніи и литературѣ; переводы книгъ. Начало періодической печати въ Россіи.—§ 58. Публицистика Петровской эпохи. Стефанъ Яворскій. Ѳеофанъ Прокоповичъ. И. Т. Посошковъ. В. Н. Татищевъ.—§ 59. Повѣсть.—§ 60. Драма.—§ 61. Стихотворство.

Петръ Великій какъ историческая личность.

§ 57. Стремленіе русской жизни къ новому содержанію и новымъ формамъ, нашедшее свое отраженіе въ литературѣ XVII вѣка, получило болѣе опредѣленное и рѣшительное осуществленіе въ т. наз. Петровскую эпоху. Петровская эпоха носитъ свое названіе по имени Петра Великаго, положившаго новыя основанія русской жизни; дѣятели русской литературы въ эту эпоху явились не только изобразителями новой русской жизни, но, можетъ быть, въ еще большей степени ея двигателями и вождями.

Самъ Петръ Великій (1672—1725), является исторической личностью огромнаго размѣра, соединявшей съ умственной геніальностью необычайныя творческія силы и непреклонный характеръ. Осмотрѣвшись въ условіяхъ русской жизни, стремившейся къ новизнѣ, онъ еще въ ранніе отроческіе годы понялъ предназначенное ему исключительное положеніе и ясно опредѣлилъ свою историческую задачу—какъ преобразователя Россіи. Для осуществленія этой великой цѣли онъ взялъ за образецъ духовную и внѣшнюю культуру Запада, но понималъ ее лишь какъ средство для всесторонняго возрожденія и величія Россіи. Подражая Западу, онъ стремился не къ порабощенію Россіи иноземнымъ идеаламъ, а къ тому, чтобы путемъ иноземныхъ заимствованій пробудить народныя русскія силы, въ которыя онъ безгранично вѣрилъ. И надежды Петра Великаго вполнѣ оправдались: русская жизнь получила отъ него могучій толчокъ для своего дальнѣйшаго существованія и развитія въ тѣсномъ союзѣ съ культурой общеевропейской.

Заботы его о просвѣщеніи и литературѣ; переводы книгъ.

Главнѣйшимъ средствомъ сближенія Россіи съ Западомъ Петръ считалъ просвѣщеніе въ европейскомъ смыслѣ слова, а проводниками его—школы и литературу. Поэтому, въ области школьнаго дѣла и литературы участіе личной воли Петра было весьма замѣтно.

Правильно организованной системы школьнаго образованія на Руси до Петра Великаго не существовало. Правда, въ концѣ XVII вѣка, при дѣятельномъ участіи Симеона Полоцкаго (см. § 51) была основана въ Москвѣ Славяно-греко-латинская Академія, но это высшее училище не опиралось на подготовительныя школы средняго и низшаго типа и имѣло по преимуществу духовный характеръ. Петръ стремился пополнить тотъ и другой недостатокъ. Съ одной стороны, во многихъ провинціальныхъ городахъ были устроены свѣтскія («цыфирныя») и духовныя (при архіерейскихъ домахъ) училища, а съ другой—Московская Академія была значительно преобразована въ 1701 году въ смыслѣ расширенія преподаваемыхъ въ ней предметовъ; кромѣ того, въ началѣ XVIII вѣка была учреждена въ Москвѣ, на Сухаревой башнѣ, «Навигацкая школа», изъ которой выдѣлилась потомъ въ Петербургѣ Морская Академія. Основаны были въ Москвѣ также школы Инженерная и Артиллерійская, въ которыя, по государеву указу, принимали дѣтей какъ высшихъ, такъ и низшихъ сословій.

Литературѣ Петръ Великій также придавалъ большое значеніе. Прежде всего онъ стремился къ тому, чтобы путемъ переводовъ пересадить на русскую почву произведенія литературъ западныхъ. Первыя заботы Петра о переводѣ книгъ относятся еще къ его отроческимъ годамъ, но особенно частыми являются его приказанія объ этомъ съ 1708 года, когда введенъ былъ въ употребленіе, вмѣсто церковнаго, гражданскій шрифтъ. Петръ окружилъ себя въ дѣлѣ перевода книгъ цѣлымъ рядомъ дѣятельныхъ сотрудниковъ: среди нихъ были начальникъ монастырскаго приказа И. А. Мусинъ-Пушкинъ, директоръ московской типографіи Ѳедоръ Поликарповъ, ректоръ Московской Академіи Ѳеофилактъ Лопатинскій, префектъ училищъ Гавріилъ Бужинскій и многіе другіе—вплоть до типографскихъ справщиковъ и переводчиковъ при Св. Синодѣ. Этимъ лицамъ Петръ самъ заказывалъ переводы разныхъ сочиненій на русскій языкъ съ языковъ—латинскаго, нѣмецкаго, французскаго, голландскаго, итальянскаго. При этомъ, Петръ тщательно входилъ въ заботы о качествѣ заказанныхъ или уже исполненныхъ переводовъ: они должны быть вѣрны подлинникамъ, но при этомъ вразумительны и по возможности кратки.

При просмотрѣ, напр., въ рукописи перевода знаменитаго тогда сочиненія Самуила Пуффендорфа «Введеніе въ исторію европейскую», Петръ остался очень недоволенъ тѣмъ, что переводчикъ, Гавріилъ Бужинскій, пропустилъ въ своемъ переводѣ главу о «Московіи», въ которой находились рѣзкіе и непріятные для самолюбія русскаго читателя отзывы автора о Россіи и русскихъ. Желая имѣть переводъ въ полномъ видѣ, Петръ потребовалъ внесенія въ него и этой главы, и въ такомъ видѣ книга была напечатана на русскомъ языкѣ въ 1718 году. Книги для перевода выбирались Петромъ главнымъ образомъ съ практическимъ содержаніемъ—по военному и морскому дѣлу, математикѣ, разнаго рода техническимъ вопросамъ; но, широко понимая потребности русскаго просвѣщенія, онъ не пренебрегалъ и книгами болѣе общаго содержанія—по исторіи, географіи, политикѣ, юриспруденціи, богословію, искусству; онъ думалъ даже о переводѣ энциклопедическихъ словарей, бывшихъ тогда въ самой Европѣ большой новостью. Петръ, любя книгу, былъ неравнодушенъ и къ ея внѣшнему виду: онъ давалъ Мусину-Пушкину подробныя наставленія о выработкѣ и выпискѣ изъ-за границы разныхъ видовъ типографскаго шрифта, о переплетѣ и иллюстраціяхъ.

Особенно характерными для потребностей широкихъ круговъ русскаго общества той эпохи являются двѣ переведенныя при Петрѣ Великомъ книжки: «Приклады, како пишутся комплименты разные» (М. 1708) и «Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію» (Спб. 1717). Первая имѣетъ цѣлью дать образцы писемъ къ разнымъ лицамъ и при различныхъ обстоятельствахъ жизни; образцы эти составлены въ самыхъ витіеватыхъ и напыщенныхъ выраженіяхъ, свидѣтельствующихъ о тогдашнихъ понятіяхъ и вкусахъ человѣческаго общежитія; книжка переведена съ нѣмецкаго. Вторая книжка, переведенная изъ разныхъ руководствъ, французскихъ и нѣмецкихъ, заключаетъ въ себѣ подробныя наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ вести себя юношѣ дома и въ обществѣ; наставленія эти своей крайней элементарностью свидѣтельствуютъ о томъ, что правила внѣшняго обхожденія въ русскихъ семьяхъ стояли еще на первобытной ступени и для приближенія къ европейскому идеалу нуждались въ упорной и длительной обработкѣ. Тутъ говорится не только о сохраненіи въ чистотѣ ногтей и рта, о запрещеніи чихать, плевать и сморкаться, но и о томъ, какъ надо обращаться со слугами, держать ихъ въ страхѣ, «смирять и унижать».

Начало періодической печати въ Россіи.

Но всего очевиднѣе обнаружилось личное участіе Петра въ литературномъ движеніи своего времени при изданіи «Вѣдомостей». До Петра Великаго періодической печати въ Россіи не было, и первая русская газета есть въ полной мѣрѣ его созданіе. Правда, еще въ XVII вѣкѣ при Посольскомъ приказѣ въ Москвѣ составлялись «куранты», т.е. переводныя выписки изъ иностранныхъ газетъ, заключавшія въ себѣ свѣдѣнія о военныхъ и политическихъ событіяхъ въ иноземныхъ государствахъ и подносившіяся для доклада царю. Петръ Великій пожелалъ расширить такое слишкомъ спеціальное назначеніе газеты и привлечь ее къ активному участію въ своей работѣ по обновленію Россіи. 16 декабря 1702 года имъ изданъ былъ указъ о печатаніи «вѣдомостей», т. е. періодическаго изданія, въ которомъ сообщались свѣдѣнія не только о военныхъ походахъ царя, указахъ и распоряженіяхъ правительственной власти, но и о разныхъ общественныхъ предпріятіяхъ, случаяхъ, открытіяхъ и находкахъ, напр., мѣдной руды, купороса и пр. Первый номеръ этихъ «Вѣдомостей» вышелъ 2 января 1703 года, и затѣмъ номера выходили въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія матеріала, то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ; печатались они сначала славянскимъ шрифтомъ, а потомъ гражданскимъ. Самъ Петръ принималъ личное участіе въ составленіи и корректурѣ этого изданія; онъ не забывалъ о немъ даже въ походахъ.

Публицистика Петровской эпохи.

§ 58. Возникшая при Петрѣ Великомъ литература явилась полнымъ и многостороннимъ отраженіемъ его времени. Формы этой литературы остаются еще старыя, унаслѣдованныя отъ прошлаго—описаніе путешествій въ чужія земли, проповѣдь, повѣсти, публицистическіе трактаты; но содержаніе литературныхъ произведеній носитъ яркія черты новизны и непосредственнаго отношенія къ современной жизни. Своей преобразовательной дѣятельностью Петръ, съ одной стороны, возбудилъ противъ себя противниковъ реформы, стоявшихъ за старину, а съ другой—создалъ и защитниковъ преобразованій; оба эти настроенія, противоположныя другъ другу, нашли свое выраженіе и въ литературѣ. Высоко цѣня общественную роль и значеніе литературы, Петръ съ большимъ искусствомъ пользовался литературными талантами для своихъ цѣлей, и даже такія спеціальныя литературныя формы, какъ церковная проповѣдь, обращались подъ его воздѣйствіемъ, въ крупную силу, служившую цѣлямъ реформы.

Примѣнительно къ обстоятельствамъ тогдашней жизни, на первый планъ выступала публицистика. Выдающимися публицистами Петровской эпохи являются изъ духовной сферы Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, а изъ свѣтской—Татищевъ и Посошковъ.

Стефанъ Яворскій. Стефанъ Яворскій былъ родомъ изъ Южной Россіи; образованіе получилъ сначала въ Кіевской коллегіи, а потомъ въ заграничныхъ католическихъ школахъ—Львовѣ, Люблинѣ, Вильнѣ и Познани. Рано принявши монашество, онъ былъ сначала учителемъ, а потомъ префектомъ родной своей коллегіи въ Кіевѣ. Вызванный въ 1700 году въ Москву, Стефанъ понравился Петру Великому; сочувствіе царя и личныя дарованія Стефана быстро привели его къ высшимъ церковнымъ должностямъ—вплоть до мѣстоблюстителя патріаршаго престола и затѣмъ президента Св. Синода, учрежденнаго въ 1721 году. Стефанъ умеръ въ 1722 году. Первоначально Стефанъ Яворскій всецѣло стоялъ на сторонѣ Петра, сочувствуя его преобразовательной дѣятельности, но потомъ, слѣдуя влеченію своего ума, наклоннаго къ старинѣ, измѣнилъ свой взглядъ на Петра Великаго и на его общественное дѣло; хотя съ внѣшней стороны онъ удержалъ почтеніе и покорность царю и остался при всѣхъ своихъ высокихъ должностяхъ, но, во второй половинѣ своей дѣятельности, сталъ внутренно тяготѣть къ прошлому русской жизни, съ которымъ боролся Петръ какъ преобразователь. Этотъ поворотъ, въ свою очередь, навлекъ на Стефана нерасположеніе со стороны Петра. Новое настроеніе Стефана выразилось и въ его проповѣдяхъ; сначала онъ восхвалялъ Петра и его дѣянія, а потомъ довольно прозрачно сталъ его обличать: такова въ особенности знаменитая проповѣдь его «О храненіи заповѣдей Господнихъ» (1712), окончательно лишившая Стефана сочувствія Петра Великаго.

Ѳеофанъ Прокоповичъ. Внѣшняя судьба Ѳеофана Прокоповича напоминаетъ многія черты сходства съ судьбой Яворскаго. Онъ также былъ южно-русскимъ уроженцемъ и обучался сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ польскихъ училищахъ за границей, гдѣ даже временно принялъ уніатство; онъ побывалъ затѣмъ въ Римѣ, путешествовалъ по Италіи, Швейцаріи и Австріи и, вернувшись въ Кіевъ, постригся въ монашество. Ѳеофанъ былъ и учителемъ въ Кіевской коллегіи, и затѣмъ префектомъ; въ 1715 году онъ вызванъ былъ въ Петербургъ, потомъ возведенъ въ санъ архіепископа и занималъ должность вице-президента Св. Синода, трудясь въ этомъ учрежденіи рядомъ со Стефаномъ Яворскимъ. Въ проти-

воположность Стефану, Ѳеофанъ остался всю жизнь последовательнымъ почитателемъ и сторонникомъ Петра Великаго; это отношеніе свое къ великому преобразователю сохранилъ онъ и послѣ смерти Петра, продолжая трудиться на административномъ и литературномъ поприщахъ и при его преемникахъ; умеръ онъ въ 1736 году.

Литературная дѣятельность Ѳеофана Прокоповича была необыкновенно обширна и разнообразна. Онъ былъ выдающимся проповѣдникомъ и всю силу своего краснорѣчія употребилъ на доказательство цѣлесообразности и величія преобразованій Петра Великаго. Особенно восхвалялъ онъ военные успѣхи Петра на сушѣ и на морѣ, основаніе Петербурга. Самыми замѣчательными проповѣдями его являются—о Полтавской побѣдѣ (1709) и «О власти и чести царской» (1718), гдѣ проповѣдникъ становится лицомъ къ лицу со своими политическими противниками и опредѣленно выражаетъ свою точку зрѣнія сочувствія Петру Великому. Важнымъ трудомъ Ѳеофана Прокоповича, также имѣющимъ отчасти публицистическій характеръ, является «Духовный Регламентъ», написанный по поводу учрежденія въ 1721 году Св. Синода. Тутъ Ѳеофанъ, касаясь разныхъ общественныхъ недостатковъ церковной и гражданской жизни, съ особенной силой выражаетъ свое политическое міровоззрѣніе и обличительное настроеніе; все произведеніе проникнуто критицизмомъ по отношенію къ отживающей старинѣ жизни и стремленіемъ построить новую жизнь на основѣ полнаго отрицанія прежняго застоя и невѣжества.

Ѳеофанъ Прокоповичъ работалъ также и въ другихъ областяхъ литературы. Онъ охотно писалъ стихи и велъ даже въ стихахъ переписку съ кн. А. Д. Кантемиромъ, сатирическимъ обличеніямъ котораго вполнѣ сочувствовалъ. Ему же принадлежитъ и драматическая пьеса «Владиміръ», о которой будетъ сказано ниже, въ своемъ мѣстѣ (§ 60).

И. Т. Посошковъ. Если въ проповѣдническихъ трудахъ Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича публицистическое содержаніе и настроеніе находятся въ тѣсной связи съ духовнымъ характеромъ этихъ произведеній, то въ сочиненіяхъ Татищева и Посошкова публицистика имѣетъ уже вполнѣ или въ значительной степени свѣтскій обликъ, чуждый церковности.

Иванъ Тихоновичъ Посошковъ (1652-1726) происходилъ изъ простой крестьянской среды и былъ въ полномъ смыслѣ самоучка. Познакомившись въ дѣтствѣ съ церковными книгами и съ грамма-

тикой Мелетія Смотрицкаго, Посошковъ открылъ себѣ путь къ пріобрѣтенію книжныхъ познаній путемъ чтенія. Въ помощь начитанности пришли замѣчательныя умственныя дарованія Посошкова и обширный житейскій опытъ: Посошковъ много ѣздилъ по разнымъ мѣстамъ въ Россіи, хорошо зналъ ея природу и складъ народной жизни. Кромѣ того, Посошковъ былъ носителемъ того нравственно-религіознаго настроенія, которое составляло основу русскаго человѣка старой эпохи, и прочно соединялъ это настроеніе съ сочувствіемъ Петру Великому и созидательной дѣятельности его на пользу обновляемой Россіи. Такимъ образомъ, въ Посошковѣ мы имѣемъ типическое сочетаніе стараго съ новымъ, примѣръ замѣчательной духовной цѣльности, явившейся на почвѣ старыхъ условій русской жизни и приспособленности къ требованіямъ новой эпохи.

Среди многочисленныхъ сочиненій Посошкова самымъ замѣчательнымъ является публицистическій трактатъ «Книга о скудости и богатствѣ», написанная имъ въ концѣ жизни. Заглавіе этой книги не исчерпываетъ ея содержанія: это не есть трактатъ только политико-экономическій, но—разсмотрѣніе самыхъ разнообразныхъ вопросовъ общественной жизни Россіи въ ту эпоху, обширный проектъ ея всесторонняго преобразованія. Подъ «богатствомъ» онъ разумѣетъ не одно лишь матеріальное благосостояніе, а ту «истинную правду», которая составляетъ внутреннюю основу государства, т. е. религіозную и нравственную крѣпость каждаго отдѣльнаго лица и всего общества: такого именно «богатства» авторъ желаетъ для Россіи, противопоставляя ему духовную «скудость» въ видѣ невѣжества, нравственной грубости, приниженности однихъ сословій передъ другими, недостатка правосудія и другіе подобные недочеты русской жизни. Излагая свой взглядъ на разныя стороны общественной и государственной жизни въ Россіи, авторъ указываетъ сначала на фактическое положеніе дѣла, высказываетъ свое мнѣніе о причинахъ отмѣченныхъ недостатковъ и затѣмъ предлагаетъ проектъ ихъ исправленія. Сочиненіе раздѣлено на девять главъ, въ которыхъ Посошковъ послѣдовательно разбираетъ вопросы о духовенствѣ, военномъ сословіи, судѣ, о купечествѣ и торговлѣ, ремеслахъ, крестьянствѣ и пр. И только послѣдняя глава имѣетъ исключительно экономическій характеръ, говоря о «царскомъ интересѣ», т. е. объ организаціи государственныхъ доходовъ.

В. Н. Татищевъ. Василій Никитичъ Татищевъ (1686—1750) не менѣе Посошкова былъ воодушевленъ стремленіемъ къ общественному благу; кромѣ того, онъ былъ человѣкъ основательно

образованный и обладалъ научнымъ складомъ ума. Учился Татищевъ въ Московской Инженерной школѣ, рано поступилъ на военную службу; онъ не разъ бывалъ за границей, служилъ при Петрѣ Великомъ по управленію горными заводами въ Оренбургѣ и Екатеринбургѣ, но подъ конецъ навлекъ на себя неудовольствіе царя за то, что бралъ взятки, въ чемъ онъ и самъ откровенно признался. Послѣдніе годы жизни прожилъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи Болдинѣ и занимался научными трудами.

Главнѣйшіе научные труды Татищева принадлежатъ исторіи и географіи Россіи, которыми онъ заинтересовался еще въ очень раннюю пору своей жизни. Ему принадлежитъ интересное сочиненіе «Духовная», гдѣ онъ, въ формѣ завѣщанія своему сыну, выражаетъ рядъ мыслей по вопросамъ просвѣщенія, религіи, нравственности и общественныхъ обязанностей человѣка. Историческая цѣнность этого труда заключается въ томъ, что здѣсь авторъ высказывается какъ человѣкъ своего времени; все сочиненіе проникнуто духомъ уваженія къ наукѣ и просвѣщенію.

Любимому вопросу Татищева—о просвѣщеніи—посвящено имъ спеціальное сочиненіе «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ». Это—главный трудъ Татищева въ области публицистики, но, подобно «Книгѣ о скудости и богатствѣ» Посошкова, онъ въ свое время не былъ напечатанъ. «Разговоръ» состоитъ изъ 120 вопросовъ съ соотвѣтствующими имъ отвѣтами. Въ этихъ отвѣтахъ говорится съ одной стороны о наукахъ вообще, а съ другой—о состояніи и потребностяхъ русскаго просвѣщенія. Авторъ настаиваетъ на необходимости примѣненія научныхъ знаній къ внутренней политикѣ и законодательству въ Россіи и предлагаетъ планъ преобразованія существующихъ училищъ вмѣстѣ съ учрежденіемъ новыхъ. Изъ частныхъ мыслей Татищева заслуживаютъ особеннаго вниманія: о пользѣ отправки молодыхъ людей за границу, о необходимости обезпечить русское юношество хорошими учителями; предусматривая будущій политическій ростъ Россіи, онъ высказывается о необходимости русскимъ, въ видахъ государственной пользы, изучать не одни только западно-европейскіе, но и восточные языки. Совѣты Татищева по вопросамъ просвѣщенія носятъ преимущественно практическій характеръ и проникнуты здоровымъ философскимъ міровоззрѣніемъ.

Повѣсти. § 59. Извѣстное развитіе получили въ Петровскую эпоху повѣсть, драма и лирическое стихотворство.

Какъ мы видѣли (§ 54), оригинальная русская повѣсть проявила свое существованіе еще въ XVII вѣкѣ, но тамъ она отли-

чалась въ значительной степени религіознымъ характеромъ и носила на себѣ черты общаго направленія литературы въ древней Руси. Повѣсти Петровскаго времени чужды религіознаго элемента и по содержанію, и по общему ихъ складу. Мѣсто дѣйствія этихъ повѣстей—исключительно за границей, и описываемые въ нихъ русскіе люди, послѣ заграничныхъ приключеній, возвращаются въ Россію, чтобы умереть или жить самой обыкновенной жизнью. Попадая въ чужія земли, русскіе герои повѣстей—исключительно мужчины — ведутъ тамъ веселую жизнь и проводятъ время большею частью въ любовныхъ затѣяхъ; повѣсти наполнены описаніями волокитства русскихъ героевъ за иноземными женщинами, ихъ неизмѣннаго успѣха въ этомъ и разнаго рода происходящихъ при этомъ радостныхъ и печальныхъ обстоятельствъ. Русскіе люди изображены настоящими «кавалерами»— особенно въ ихъ отношеніяхъ къ женщинѣ, которая представлена полною противоположностью привычному женскому образу старой эпохи: въ ней нѣтъ древне-русскаго демонизма XVII вѣка, она занята исключительно «амуромъ». Въ повѣсти нѣтъ и преклоненія передъ идеалами аскетизма. Русскіе люди являются въ этихъ повѣстяхъ съ нѣкоторой образованностью и съ уваженіемъ къ просвѣщенію; въ дѣловыхъ отношеніяхъ, умѣ, ловкости и галантности русскіе герои нисколько не уступаютъ своимъ иноземнымъ товарищамъ и соперникамъ; они очаровываютъ своихъ возлюбленныхъ красотой, смѣлостью и силой страсти. Отношеніе ихъ къ своимъ оставшимся на далекой родинѣ родителямъ отмѣчено почтительностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніемъ своихъ неоспоримыхъ правъ на новую жизнь, болѣе тревожную, но и болѣе интересную; въ свою очередь, родители не препятствуютъ дѣтямъ въ ихъ стремленіи оставить родину въ поискахъ счастія. Русская женщина въ этихъ повѣстяхъ совсѣмъ не показывается: она еще не созрѣла для той роли, которая предназначена здѣсь мужчинѣ. Вообще вопросъ объ отношеніи двухъ половъ получаетъ въ повѣстяхъ особенно яркое освѣщеніе, свидѣтельствуя о томъ, что и въ самой жизни онъ привлекалъ тогда къ себѣ очень большое вниманіе. Вообще эти повѣсти со стороны содержанія представляютъ большой историческій интересъ, отмѣчая явственный поворотъ жизни въ семьѣ и обществѣ, въ правахъ, понятіяхъ и настроеніяхъ.

Особенности эпохи наложили свою печать и на внѣшней формѣ этихъ произведеній. Герои нерѣдко говорятъ длинными монологами или поютъ «аріи», т.е. пѣсни, и пишутъ письма, исполненныя лиризма и сантиментальности. Языкъ повѣстей представляетъ пе-

струю смѣсь старинныхъ русскихъ и даже церковно-славянскихъ оборотовъ со словами иноземнаго происхожденія, напр. «ассамблея», «банкетъ», «куранты», «презентъ», «сикурсъ» и пр. Это послѣднее обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что повѣсти Петровской эпохи опираются, въ основѣ своей, на западноевропейскіе литературные сюжеты и на яркую струю разноязычныхъ—нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, польскихъ—теченій въ русскомъ литературномъ языкѣ того времени. Оригинальныя въ цѣломъ разсказѣ, эти повѣсти представляютъ въ своемъ текстѣ множество частныхъ заимствованій иноземнаго происхожденія какъ въ содержаніи, такъ и въ языкѣ.

Самой замѣчательной изъ повѣстей этой эпохи является «Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли». Она представляетъ чрезвычайно занимательный разсказъ о русскомъ матросѣ, посланномъ учиться за границу, пережившемъ тамъ множество приключеній и, благодаря своему уму и счастью, женившемся на королевской дочери и достигшемъ потомъ королевской короны.

Драма. § **60.** Мы уже видѣли (§52), что начатки русскаго театра относятся къ царствованію Алексѣя Михайловича, но развитію ихъ не сочувствовалъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, и не благопріятствовали смутныя обстоятельства русской жизни во время дѣтства Петра Великаго. Этотъ застой въ театральномъ дѣлѣ въ Россіи продолжается около четверти вѣка, и самъ Петръ обратилъ вниманіе на театръ лишь послѣ своего перваго путешествія за границу (1697—1698). Къ этому времени отъ прежней дѣятельности Грегори и Чижинскаго остались лишь смутныя воспоминанія, и не было въ наличности ни театральнаго помѣщенія, ни актеровъ, ни основанной нѣкогда театральной школы. Для новой организаціи театральнаго дѣла Петръ обратился, какъ и отецъ его, за границу: изъ Германіи была выписана небольшая труппа актеровъ, во главѣ которой стоялъ Іоаннъ-Христіанъ Кунстъ, согласившійся, за весьма высокую по тогдашнему плату, заняться устройствомъ въ Москвѣ публичныхъ театральныхъ представленій. Представленія труппы Кунста начались на святкахъ 1702—1703 года; такъ какъ эта труппа могла играть лишь на нѣмецкомъ языкѣ, то приняты были мѣры къ тому, чтобы приготовить и русскихъ актеровъ, а также обучить нѣкоторыхъ изъ нихъ пѣнію и музыкѣ. Послѣ вскорѣ послѣдовавшей смерти Кунста, его дѣло продолжалъ Отто Фирстъ, но онъ не имѣлъ опытности своего предшественника, и заведенный въ Москвѣ театръ послѣ переѣзда въ 1707

году двора въ Петербургъ, прекратилъ свое существованіе. Толчкомъ для новыхъ заботъ Петра о театрѣ въ Петербургѣ послужило второе путешествіе его за границу, въ 1716—1717 годахъ: насмотрѣвшись произведеній народнаго театра въ Германіи, онъ пожелалъ и у себя завести театръ, доступный самому широкому кругу зрителей. Однако сношенія съ иностранцами, и особенно съ чехами въ Австріи, на этотъ разъ не привели къ желаннымъ результатамъ, да и самъ царь слишкомъ былъ отвлеченъ отъ этого дѣла вопросами болѣе крупнаго государственнаго значенія. Поэтому, театральныя представленія поддерживались въ Петербургѣ лишь любимой сестрой Петра, царевной Наталіей Алексѣевной, которая, еще въ пору московской жизни двора, устраивала у себя въ селѣ Преображенскомъ домашніе спектакли; кромѣ того, подъ покровительствомъ самой императрицы Екатерины, супруги Петра Великаго, дѣйствовала нѣкоторое время (въ 1723 году) нѣмецкая труппа.

Репертуаръ русскаго театра при Петрѣ Великомъ былъ, конечно, въ большей своей части, несамостоятельный и проистекалъ изъ двухъ источниковъ: съ одной стороны, онъ примыкалъ къ драматической литературѣ, господствовавшей въ XVII вѣкѣ въ Германіи, а съ другой—къ преданіямъ школьной драмы, перешедшей въ Москву изъ Кіева и вообще съ юго-запада Россіи.

Самымъ выдающимся изъ театральныхъ дѣятелей въ Германіи XVII вѣка былъ Іоганъ Фельтенъ, многочисленныя пьесы котораго представляютъ собою смѣсь классическихъ трагедій и комедій, подвиговъ баснословныхъ царей и героевъ, похожденій влюбленныхъ принцессъ и принцевъ, всевозможныхъ аллегорій, балетовъ и арій, наконецъ — простонародной грубой веселости той эпохи. Таковы были , напр., піесы «О королѣ Эпирскомъ», « О принцѣ Пикель-Герингѣ», «Сципіонъ Африканскій», «О Баязетѣ и Тамерланѣ » и пр.

Московская Славяно-греко-латинская академія восприняла отъ Кіевской академіи обычай устраивать въ своихъ стѣнахъ школьныя «дѣйства» (ср. § 50). Въ Москвѣ характеръ этихъ представленій, разыгрываемыхъ учениками, осложнился: удерживая свою библейско-религіозную или историческую основу, представленія эти, согласно желанію царя и духу времени, должны были служить не однимъ лишь школьнымъ, но и политическимъ цѣлямъ: въ нихъ дѣлались намеки на современныя событія, восхвалялась личность Петра Великаго и давалась панегирическая оцѣнка его дѣятельности. Таковы, напр., піесы

«Царство міра», «Свобожденіе Ливоніи и Ингерманландіи». По своему характеру, къ числу такихъ піесъ принадлежитъ и трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича «Владиміръ». Она была написана авторомъ еще въ Кіевѣ, по обязанности преподавателя піитики, въ 1705 году, и тогда же была разыграна воспитанниками академіи. Содержаніе трагедокомедіи (т. е. произведенія, стоящаго, по мысли автора, какъ бы посрединѣ между трагедіей и комедіей) Прокоповича взято изъ начальныхъ лѣтъ русской исторіи и изображаетъ борьбу князя Владиміра съ язычествомъ, окончившуюся принятіемъ имъ христіанства. Авторъ выводитъ на сцену языческихъ жрецовъ Жеривола, Курояда и Піара, которые оказываютъ противодѣйствіе греческому философу, явившемуся къ Владиміру въ качествѣ вѣстника христіанства. Піеса снабжена предисловіемъ, состоитъ изъ пяти актовъ и заканчивается хоромъ апостола Андрея съ ангелами, прославляющими великое дѣло князя Владиміра.

Эта піеса Прокоповича замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Уже самый выборъ сюжета обнаруживаетъ самостоятельность автора: вмѣсто господствовавшихъ въ Кіевѣ библейскихъ или чужихъ историческихъ сюжетовъ, онъ обращается къ родной старинѣ и героемъ піесы выбираетъ такое лицо, которое тогда олицетворяло собою борьбу стараго съ новымъ. Этотъ взглядъ Прокоповича на Владиміра сближаетъ его піесу съ живой современностью, когда въ лицѣ Петра, этого новаго Владиміра, шла тоже непримиримая и настойчивая борьба съ закоренѣлыми предразсудками и невѣжествомъ отживающей старины; въ этой мысли заключается и основная идея автора. Сочувствіе его, конечно, всецѣло лежитъ на сторонѣ изображеннаго имъ главнаго героя піесы, а сатирическія мѣста піесы, заключающія насмѣшку надъ врагами Владиміра, обнаруживаютъ въ авторѣ умнаго и талантливаго публициста. Этотъ сатиризмъ сказывается и въ самыхъ именахъ идольскихъ жрецовъ, враговъ христіанства, свидѣтельствующихъ о присущей имъ жадности и угожденіи плоти; современники Прокоповича видѣли въ этихъ лицахъ прямые намеки на политическихъ противниковъ его изъ среды высшаго духовенства, не сочувствовавшихъ реформѣ, на ихъ заносчивость, лицемѣріе, властолюбіе и другіе пороки. Въ какой степени самъ Прокоповичъ дорожилъ мыслями, выраженными имъ во «Владимірѣ», видно изъ того, что изображенію той же исторической личности стараго кіевскаго князя и въ томъ же освѣщеніи его, какъ борца за новые идеалы жизни, онъ посвятилъ одну изъ своихъ

кіевскихъ проповѣдей. Вообще эта піеса Ѳеофана Прокоповича, какъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ, такъ и по вложенному въ нее историческому смыслу, занимаетъ весьма видное мѣсто въ числѣ литературныхъ произведеній Петровскаго времени.

Стихотворство. **§ 61.** Подобно повѣсти и драмѣ, лирическое стихотворство при Петрѣ Великомъ также имѣетъ свои корни въ XVII вѣкѣ.

Мы уже видѣли (§ 51), что Симеонъ Полоцкій охотно упражнялся въ стихотворствѣ; послѣ него стихотворство продолжало служить цѣлямъ панегиризма и являлось украшеніемъ разнаго рода торжествъ, празднествъ и побѣдныхъ тріумфовъ: таковы были привѣтственныя оды по поводу Полтавской побѣды (1709), возвращенія Петра изъ второго заграничнаго путешествія (1717), заключенія мира со шведами (1721). Авторами этихъ произведеній являлись разнаго рода духовные или свѣтскіе люди, напр., магистръ І. Паусъ, Софроній Лихудъ. Рядомъ съ этой дидактической и хвалебной лирикой офиціальнаго и полуофиціальнаго характера, стала развиваться и лирика съ любовнымъ содержаніемъ, затрагивавшая интимныя стороны частной человѣческой жизни. Начатки ея падаютъ именно на эпоху Петра Великаго. Уже въ повѣстяхъ Петровскаго времени имѣются «аріи» съ любовнымъ содержаніемъ, выраженныя въ стихотворной формѣ и воспѣвающія нѣжную привязанность «дамъ» и «кавалеровъ». Къ началу XVIII вѣка относится рядъ подобныхъ лирическихъ стихотвореній, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ вліянію польской и малорусской поэзіи конца XVII вѣка; наконецъ, нѣсколько позднѣе, въ первыя десятилѣтія XVIII вѣка возникли стихотворенія на любовные сюжеты, принадлежащія перу царевны Елизаветы Петровны, камергера В. И. Монса и его секретаря Е. М. Столѣтова. Это любовное стихотворство, подобно повѣсти и драмѣ, оставшееся въ рукописяхъ, имѣло своей задачей отвѣтить на новые запросы жизни, но на этомъ пути должно было встрѣтиться съ народной пѣсней, которая также, и уже издавна, заключала въ себѣ въ большомъ количествѣ любовные мотивы. Однако искусственное лирическое стихотворство этого времени должно было сильно разниться отъ народной пѣсни. Правда, тутъ также на первомъ мѣстѣ является женщина, но не столько изображается ея физическая красота, сколько дается умственный обликъ и нравственная оцѣнка; отмѣчается ея «учливость», т. е. умѣніе держать себя;

въ изображеніи любовной страсти оттѣняется галантное отношеніе къ женщинѣ со стороны мужчины, который тоже нерѣдко является лицомъ страдающимъ. Самая любовь изображается безъ внѣшней фабулы, которую любитъ народная пѣсня; много вниманія удѣляется «фортунѣ», которая иногда помогаетъ любящимъ выйти изъ трудныхъ жизненныхъ обстоятельствъ и побороть препятствія.

Внѣшнія средства этого любовнаго стихотворства отличаются склонностью къ метафорѣ: страсть является въ видѣ «лукавца Купида», поражающаго сердце любовными «стрѣлами»; любовь чаще всего уподобляется огню; обращенія къ природѣ встрѣчаются рѣдко. Кромѣ того, тутъ уже попадаются признаки будущихъ ложноклассическихъ пріемовъ въ видѣ упоминаній музъ и классическихъ боговъ—вродѣ Венеры, Аполлона, Вулкана, Паллады.

XIV. Новоклассицизмъ (тридцатые, сороковые и пятидесятые годы XVIII вѣка).

§ **62.** Новыя потребности литературы. Новоклассицизмъ и его исторія на Западѣ. Теорія Буало. Положительныя и отрицательныя стороны французскаго новоклассицизма. Связь новоклассицизма со старой схоластикой въ Россіи. — § **63.** Князь А. Д. Кантемиръ; его жизнь. Сатиры Кантемира: первая сатира; вторая сатира; девятая сатира. Общій характеръ Кантемира, какъ писателя.—§ **64.** В. К. Тредьяковскій; его жизнь. Литературные труды.— § **65.** М. В. Ломоносовъ; его жизнь. — § **66.** Литературные труды Ломоносова. Ода на восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны. Духовныя оды: Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ. Поэма «Петръ Великій». Драматическія произведенія.—§ **67.** Научно-теоретическіе труды. Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства. Риторика. Грамматика. О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ.—§ **68.** А. П. Сумароковъ; его жизнь. Начало драматической дѣятельности Сумарокова; основаніе русскаго театра. Трагедіи Сумарокова. Комедіи Сумарокова.— § **69.** Сатиры и басни Сумарокова. Эпистола о стихотворствѣ. Трудолюбивая Пчела.— § **70.** Общіе выводы о литературѣ первой половины XVIII вѣка.

Новыя потребности литературы.

§ **62.** Какъ можно было видѣть изъ изложеннаго о литературѣ Петровскаго времени, стремленія ея дѣятелей заключались въ томъ, чтобы овладѣть результатами западно-европейскаго просвѣщенія и привить ихъ къ новымъ потребностямъ русской жизни. Имѣя въ виду литературу въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. какъ проводникъ общихъ идей истины, красоты и добра, надо признать, что Петру Великому пересадить ее на русскую почву было труднѣе, чѣмъ, напр., технику военнаго дѣла или мореплаванія. Для успѣха въ пре-

образованіи литературы необходимы были извѣстная умственная среда и обновленный литературный языкъ, нужный для передачи непривычныхъ понятій, образовъ и представленій. Быстро создать это было невозможно, и сложная работа надъ созданіемъ прочныхъ зачатковъ новой русской литературы выпала на долю писателей 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ XVIII вѣка.

На первомъ планѣ стояло усвоеніе новыхъ литературныхъ формъ, шедшихъ съ запада. Писатели Петровской эпохи пользовались еще старыми литературными формами — проповѣдь, публицистическій трактатъ, повѣсть,—и только въ драмѣ да въ лирическомъ стихотворствѣ можно видѣть сравнительно недавнія пріобрѣтенія знакомства съ литературой Польши и Южной Руси. Между тѣмъ съ Запада шла на Россію могучая литературная волна, для воспріятія и переработки которой на мѣстѣ нужны были извѣстныя подготовительныя средства. Необходимо было познакомиться съ новымъ движеніемъ, шедшимъ главнымъ образомъ изъ Франціи, покорившимъ Германію и отчасти Англію и извѣстнымъ подъ именемъ новоклассицизма или ложноклассицизма.

Новоклассицизмъ и его исторія на Западѣ.

Новоклассицизмъ на Западѣ, имѣющій въ своей основѣ преклоненіе передъ классической древностью и стремленіе возродить ее въ новыхъ литературныхъ формахъ, связанъ съ эпохой «возрожденія» наукъ и искусствъ въ Италіи въ XIV—XV вв. Все вниманіе было направлено тогда на древнюю культуру Греціи и Рима, возвращенія и гуманизирующаго вліянія которой желали руководители европейской мысли и образованія въ эту эпоху. Возрожденный интересъ къ классической древности, заброшенной и осужденной на полное забвеніе средними вѣками, простирается на всѣ стороны античной жизни—бытовую археологію, памятники искусства, литературу. Обнаруживалось всеобщее стремленіе не только отыскать, сберечь и изучить старое, но направить и новыя творческія усилія по пути подражанія этой старинѣ. Всего легче такому подражательному стремленію поддавалась литература. Изъ всѣхъ странъ Западной Европы Франція наилучшимъ образомъ воспроизвела въ своей литературѣ эти стремленія къ классической древности; въ XVII вѣкѣ, при «королѣ-солнцѣ» Людовикѣ XIV, у нея явились образцовые писатели, сумѣвшіе въ блестящихъ литературныхъ формахъ возсоздать классическую старину. Это были—главнымъ образомъ трагики Корнель и Расинъ, авторы многочисленныхъ трагедій на сюжеты

изъ греко-римской исторіи; къ нимъ должны быть присоединены Мольеръ въ области «высокой комедіи» и Лафонтенъ въ области басни. Теорія французскаго новоклассицизма нашла себѣ полное выраженіе въ трудѣ извѣстнаго тогда сатирика Буало «L'art poètique» (искусство поэзіи), составленномъ въ подражаніе «Посланію къ Пизонамъ» Горація на ту же тему, но гораздо болѣе широкомъ по своему содержанію (1674).

Теорія Буало. Исходя изъ того взгляда на поэзію, что она является прежде всего продуктомъ «разума» и «здраваго смысла», примѣненнаго къ изученію прошлаго или наблюденію современности, Буало желалъ дать въ своемъ произведеніи сводъ «правилъ», которыми долженъ руководиться писатель. Его сочиненіе написано въ видѣ поэмы, стихами, и состоитъ изъ четырехъ «пѣсенъ»; въ нихъ, кромѣ общихъ разсужденій о писателѣ и поэтическомъ «стилѣ», авторъ даетъ наставленія о томъ, чѣмъ должны быть ода, сатира, трагедія, комедія, эпопея, идиллія: это были самыя распространенныя поэтическія формы того времени.

Главнымъ руководителемъ поэта, по Буало, долженъ быть «разумъ», а безусловнымъ требованіемъ разума въ поэтическомъ произведеніи является «правдоподобіе»; чтобы достигнуть этого правдоподобія, надо «подражать природѣ», т. е. дѣйствительно существующему. Однако не все дѣйствительно существующее достойно поэтическаго изображенія; грубое и низменное не можетъ доставить удовольствія при своемъ изображеніи въ поэзіи, и потому надо изображать лишь «избранную природу», т. е. такія ея проявленія, которыя отмѣчены изяществомъ формы и внутреннимъ благородствомъ. Такимъ образомъ, Буало является своего рода «натуралистомъ», но очень условнымъ. Его натурализмъ имѣетъ мало общаго съ реалистическими стремленіями литературы позднѣйшаго времени (въ XIX вѣкѣ), потому что онъ ставитъ важную преграду поэту въ изображеніи дѣйствительности—въ выборѣ сюжетовъ. Въ поэтической обработкѣ сюжета трагедіи и комедіи Буало, преслѣдуя принципъ «правдоподобія», требуетъ строгаго соблюденія трехъ «единствъ»: «единство времени» должно заключаться въ томъ, чтобы дѣйствіе не продолжалось болѣе сутокъ, «единство мѣста»—чтобы оно не переносилось съ одного мѣста на другое, а «единство дѣйствія» —чтобы послѣднее вращалось вокругъ одного сюжета и одного главнаго героя пьесы; кромѣ того, для трагедіи онъ требовалъ наличности «истины, интереса (въ развитіи дѣйствія) и страсти», а по отношенію къ комедіи—чтобы авторъ соображался со вкусами

«двора» и «города» (т. е. Парижа). Буало требуетъ отъ поэта безкорыстнаго служенія искусству и преданности высокимъ нравственнымъ идеаламъ; поэтъ долженъ руководиться въ своемъ трудѣ стремленіемъ къ славѣ, а не къ матеріальной выгодѣ; онъ долженъ обладать наличностью поэтическаго таланта. Придавая большое значеніе внѣшней формѣ поэтическихъ произведеній, Буало даетъ подробныя наставленія о техникѣ стиха; онъ устанавливаетъ правила версификаціи и требуетъ, чтобы стихъ отличался правильностью своего построенія, выразительностью и гармоніей. Всѣ эти наставленія Буало имѣли огромное вліяніе на писателей въ разныхъ странахъ Европы, въ томъ числѣ и въ Россіи; на русскій языкъ это сочиненіе впослѣдствіи было переведено В. К. Тредьяковскимъ (ср. ниже, § 64).

Положительныя и отрицательныя стороны французскаго новоклассицизма.

Французскіе писатели XVII вѣка, работавшіе надъ насажденіемъ «новоклассицизма» у себя на родинѣ, создали не только рядъ образцовыхъ произведеній въ этомъ родѣ, но и особые литературные вкусы, принятые всей Европой. Въ литературныхъ пріемахъ, созданныхъ новоклассицизмомъ, были свои достоинства и недостатки. Первыя заключались въ обогащеніи и освѣженіи литературы новымъ содержаніемъ, полнымъ величія и красоты; устанавливались высокія понятія о роли литературы въ обществѣ и о призваніи писателя; вырабатывались ясность, точность и изящество поэтическаго выраженія, достигшія подъ перомъ Корнеля и Расина великаго совершенства и законченности. Недостатки этихъ пріемовъ были: въ установленіи искусственнаго взгляда на поэзію, въ неуваженіи къ исторической достовѣрности изображаемаго прошлаго (изображались только типическія черты, чуждыя исторической правды и надуманныя авторомъ въ цѣляхъ поучительности), въ пренебреженіи къ изображенію всей полноты жизни (допускалось изображать только красивое, и потому даже Шекспиръ, съ его реализмомъ, казался «грубымъ дикаремъ»), въ риторизмѣ и искусственной разукрашенности стиля миѳологическими элементами. Эта послѣдняя черта получила, въ виду легкости ея усвоенія, особое распространеніе: введены были имена греческихъ и римскихъ боговъ (Венеры, Марса, Нептуна, Вулкана), а также разныхъ поэтическихъ олицетвореній (зефиръ, амуръ) для выраженія отвлеченныхъ или реальныхъ понятій любви, войны, моря, вѣтра и т. д.; въ эпосѣ и лирикѣ, по примѣру древнихъ пѣвцовъ-поэтовъ, авторъ употребляетъ

слово «пѣть» вм. прославлять, говорить. По существу, въ этихъ пріемахъ литературнаго выраженія для поэзіи не было ничего вреднаго, но они создали тотъ шаблонъ, который въ рукахъ посредственныхъ писателей доводилъ литературную работу до крайнихъ предѣловъ скучнаго однообразія и неестественности.

Преувеличенія и своего рода злоупотребленія пріемами литературнаго новоклассицизма вызвали впослѣдствіи въ самой Франціи отпоръ этому движенію, которое тогда названо было ложноклассицизмомъ: въ этомъ порицательномъ наименованіи заключалась та мысль, что французская новоклассическая литература, желая изобразить древне-классическій міръ, изображала его невѣрно и вообще создавала искусственные, противные реальнымъ требованіямъ литературы, пріемы поэтической мысли и ея выраженія. Но было бы совершенно неправильно выводить изъ этого общее невыгодное заключеніе о новоклассицизмѣ, какъ литературномъ движеніи и направленіи: онъ былъ неизбѣжнымъ и весьма полезнымъ звеномъ въ исторической цѣпи постепеннаго развитія литературныхъ понятій—и не только во Франціи, гдѣ онъ былъ явленіемъ строго историческимъ, но и въ другихъ странахъ, не исключая Россіи. Внесенный къ намъ новоклассицизмъ познакомилъ русскихъ читателей съ обширнымъ матеріаломъ изъ области античной исторіи и литературы и имѣлъ на умы ихъ несомнѣнное и широкое образовательное вліяніе.

Связь новоклассицизма со старой схоластикой въ Россіи.

Однако нельзя сказать, чтобы французскій новоклассицизмъ, появившійся у насъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, былъ во всѣхъ своихъ частяхъ явленіемъ, совершенно незнакомымъ и новымъ въ Россіи. Господствовавшіе у насъ въ Кіевѣ и въ Москвѣ пріемы школьной, схоластической, поэзіи заключали уже въ себѣ нѣкоторые элементы, вошедшіе потомъ въ литературный кодексъ французскаго новоклассицизма: уже и тамъ указывались особенныя требованія отъ трагедіи и комедіи, намѣчались «единства» и допускалось употребленіе въ метонимическомъ смыслѣ именъ языческихъ боговъ. Эти мнѣнія находили свое выраженіе какъ въ произведеніяхъ школьной поэзіи, напр., у Симеона Полоцкаго и Ѳеофана Прокоповича, такъ и въ теоретическихъ трудахъ. Напр., Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ сочиненіи «De arte poetica» (объ искусствѣ поэзіи), составляющемъ его чтенія въ Кіевской Академіи (1705), осуждаетъ преувеличенное пристрастіе современниковъ пользоваться име-

нами Паллады, Нептуна, Діаны и Вулкана для обозначенія понятій мудрости, воды, цѣломудрія и огня; самъ онъ, какъ и его современники въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., знакомъ былъ съ «Сидомъ» Корнеля и «Андромахой» Расина — по крайней мѣрѣ, въ польскихъ переводахъ. Весьма вѣроятно, что Ломоносовъ и Тредьяковскій, игравшіе такую видную роль въ перенесеніи теоріи и практики новоклассицизма на русскую почву, познакомились съ этимъ литературнымъ теченіемъ еще въ Россіи, отъ своихъ московскихъ учителей.

Князь А. Д. Кантемиръ. § 63. Вполнѣ сознательными и дѣятельными проводниками новоклассическаго направленія въ русской литературѣ были Тредьяковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ. Но передъ ними, въ порядкѣ хронологической послѣдовательности, стоитъ фигура князя Кантемира, который съ одной стороны—по характеру своей духовной личности, по содержанію и внѣшнимъ особенностямъ творчества—примыкаетъ къ Петровской эпохѣ, а съ другой—по знакомству съ новоклассической литературой Франціи—является непосредственнымъ предшественникомъ трехъ упомянутыхъ «столповъ» нашего новоклассицизма первой половины XVIII вѣка.

Его жизнь. Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ (род. 1709) былъ иностранецъ по происхожденію. Его отецъ, господарь Молдавіи въ начальные годы XVIII в., обладалъ большимъ образованіемъ и оставилъ послѣ себя рядъ трудовъ историческаго и философскаго содержанія; въ 1711 году онъ переселился въ Россію. Будущій писатель-сатирикъ получилъ прекрасное образованіе сначала дома, въ Москвѣ и Петербургѣ, а потомъ у профессоровъ - иностранцевъ, приглашенныхъ въ Россію въ качествѣ первыхъ членовъ только что основанной (1725) Академіи Наукъ; на эти именно годы ученья падаетъ и начало его занятій литературой—въ видѣ переводовъ и сочиненія модныхъ тогда «любовныхъ пѣсенокъ» (ср. § 61), о которыхъ онъ впослѣдствіи самъ упомянулъ въ одной изъ своихъ сатиръ въ видѣ воспоминанія о годахъ своей ранней юности. Въ первые годы послѣ смерти Петра Великаго, покровителя всей ихъ семьи, Кантемиръ, при первыхъ его преемникахъ, очутился въ вихрѣ политическихъ придворныхъ событій и безъ колебаній, по глубокому своему убѣжденію, сталъ въ ряды сторонниковъ его преобразованій; на этой почвѣ онъ тѣсно сблизился съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и даже велъ съ нимъ дружескую стихотворную переписку на латинскомъ языкѣ. При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны,

Кантемиру пришлось играть довольно активную роль и выступить противъ «верховниковъ», стремившихся къ ограниченію монархической власти. Это обстоятельство, въ связи съ его родовитостью и серьезнымъ образованіемъ, выдвинуло его очень рано на служебномъ поприщѣ: несмотря на свою крайнюю молодость, Кантемиръ былъ назначенъ въ 1731 году на постъ резидента въ Лондонѣ, а въ 1738 году, въ званіи полномочнаго министра, былъ переведенъ въ Парижъ. Какъ дипломатъ, Кантемиръ обнаружилъ большую наблюдательность, тактъ и твердую настойчивость въ проведеніи плановъ своего правительства. Но все свободное время въ Парижѣ и Лондонѣ онъ отдавалъ сближенію съ учеными и писателями (Вольтеръ, Мопертюи, Монтескье), а также и своей собственной литературной дѣятельности: уѣхавъ изъ Россіи уже авторомъ пяти первыхъ своихъ сатиръ, онъ прибавилъ къ нимъ за-границею еще четыре новыхъ и подвергъ передѣлкѣ старыя. Однако Кантемиру не суждено было вернуться живымъ въ Россію: не отличаясь съ дѣтскихъ лѣтъ крѣпкимъ здоровьемъ, онъ въ Парижѣ заболѣлъ и умеръ въ 1744 году.

Сатиры Кантемира. Хотя Кантемиръ писалъ очень много, но своимъ почетнымъ мѣстомъ въ исторіи русской литературы онъ обязанъ исключительно сатирамъ; впрочемъ, сатиры эти, написанныя имъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII вѣка, явились въ печати лишь въ 1762 году, да и то не всѣ, и, такимъ образомъ, русское общество лишено было возможности испытать на себѣ вліяніе этихъ произведеній непосредственно послѣ ихъ созданія. Самъ Кантемиръ, въ «предисловіи» къ одной изъ своихъ сатиръ, говоритъ, что побужденіемъ при написаніи ея было главнымъ образомъ «излишество времени», однако въ дѣйствительности онъ хотѣлъ этимъ лишь снять съ себя подозрѣніе въ литературной «злобѣ» и въ сатирѣ «на лица»; работая надъ сатирами, авторъ, безъ сомнѣнія, руководился вполнѣ сознательными мотивами общественнаго служенія: онъ хотѣлъ въ острой формѣ насмѣшки надъ своими современниками указать на общественные пороки своего времени и содѣйствовать ихъ искорененію. Сатиры Кантемира обнаруживаютъ въ немъ писателя чрезвычайно образованнаго и наблюдательнаго; въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ нимъ, онъ старается объяснить читателямъ мало понятныя тогда выраженія, примѣры, намеки и, наконецъ, чужеземные литературные источники, изъ которыхъ заимствовалъ что-либо или которымъ вообще подражалъ авторъ: это были Горацій, Ювеналъ и Буало. Но заимствованія Кантемира у

этихъ писателей касаются лишь формы; по содержанію сатиры Кантемира являются вполнѣ самостоятельными произведеніями русской литературы: въ нихъ отразились многія дѣйствительныя стороны русской жизни, и въ этомъ заключается ихъ главная историческая цѣнность.

Первая сатира. Наибольшій интересъ изъ сатиръ Кантемира представляютъ I, II и IX. I сатира носитъ двойное заглавіе «Къ уму своему (на хулящихъ ученье)»: одно указываетъ на форму, а другое на содержаніе. Въ ней авторъ, въ видѣ обращенія къ своему уму, жалуется сначала на безотрадное положеніе писателя въ обществѣ, а потомъ выводитъ четыре типа враговъ «ученія», т. е. просвѣщенія.

Начинаетъ онъ съ ханжи Критона, который «съ чётками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ», стараясь доказать, что науки вредны. Онъ говоритъ, что «расколы и ереси науки суть дѣти», и что молодое поколѣніе, занявшись науками, стало непочтительно къ «священному чину» и отбилось отъ добрыхъ нравовъ:

Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ;
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.

Слѣдующій хулитель ученія—помѣщикъ Сильванъ, которому просвѣщеніе не нравится потому, что оно отвлекаетъ людей отъ умноженія доходовъ; онъ не видитъ въ немъ главнаго, по его мнѣнію, въ жизни—средства обогащенія; нападаетъ на изученіе природы, медицины, астрономіи, математики. На третьемъ мѣстѣ выступаетъ гуляка Лука, которому просвѣщеніе мѣшаетъ поддерживать «содружество людей»:

Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она не долга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?

Наконецъ, четвертый врагъ просвѣщенія—Медоръ, фатъ и щеголь, которому жаль идущей на письмо и книги бумаги, потому что она могла бы лучше пригодиться на завиваніе кудрей. Изъ этихъ четырехъ лицъ, первыя два принадлежатъ къ старому поколѣнію, до реформы Петра Великаго; третій не является характернымъ ни для какого момента—это типъ общій—, а четвертый составляетъ уродливый продуктъ новаго склада русской жизни. Затѣмъ, выведены безыменные типы епископа и судьи,

надѣленные сатирикомъ чертами высокомѣрія и невѣжества. Въ концѣ сатиры авторъ печалится при видѣ жалкаго положенія науки въ Россіи:

Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита;
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавшіе на морѣ корабельной службы,—

и успокаиваетъ свой умъ горькимъ совѣтомъ—молчать; пользу наукъ объяснять не стоитъ: вмѣсто похвалы придется выслушать «хулу злую». И этотъ безотрадный выводъ, составляющій весь смыслъ сатиры, мало смягчается оговоркой автора въ началѣ сатиры, что въ «молодомъ монархѣ» (Петрѣ II) подается музамъ (т. е. наукамъ, просвѣщенію) «немалая надежда».

Вторая сатира. II сатира, подъ заглавіемъ «На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ», написана вслѣдъ за первой, съ которой она имѣетъ по содержанію самую тѣсную связь. Въ ней подвергнуты осмѣянію тѣ «злонравные» дворяне, которые завидовали возвышенію до значительныхъ мѣстъ въ государствѣ простыхъ по происхожденію людей, въ силу изданной Петромъ Великимъ «табели о рангахъ», и стремились получить всѣ служебныя преимущества исключительно по праву своего рожденія. Сатира имѣетъ форму бесѣды между «любителемъ добродѣтели» (Аретофилосъ) и дворяниномъ. По собственному признанію автора, въ этой сатирѣ онъ кое-что заимствовалъ изъ Ювенала и Буало, причемъ отъ послѣдняго автора принялъ и діалогическую форму изложенія; несмотря на это признаніе, II сатира Кантемира является вполнѣ оригинальнымъ произведеніемъ. Въ «предисловіи къ читателю» этой сатиры авторъ нашелъ нужнымъ объяснить, что обличенія его имѣютъ не личный, а общественный характеръ: «все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая (т. е. обличая, стараясь устранить) все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ». Въ литературномъ отношеніи эта сатира слабѣе I-ой; она отличается излишней растянутостью.

Девятая сатира. IX сатира называется «Къ солнцу (на состояніе свѣта сего)»; она также цѣликомъ посвящена изображенію русской жизни, но на фонѣ болѣе общихъ, нравственныхъ и общественныхъ, требованій. Тутъ выведенъ сначала «мужикъ, который соху оставилъ недавно»; онъ болтаетъ всякій вздоръ и ведетъ «богословскія рѣчи» о вредѣ брадобритія, чтенія библіи, ношенія «нѣмецкаго платья» и вообще жалуется на упадающую старину; за нимъ идутъ священникъ, невѣжественный и корыстный, и ку-

пецъ, кладущій въ церкви поклоны и съ легкимъ сердцемъ обманывающій своихъ ближнихъ:

Эдакой святецъ вотъ что дѣлаетъ безгрѣшный,
Къ Богу лицемѣръ, къ власти воръ и хищникъ спѣшный!

Но сатирикъ не удивляется этимъ печальнымъ явленіямъ, потому что народу негдѣ учиться вслѣдствіе дурного состоянія школъ:

Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому (т. е. къ ученью) скоро поспѣшаетъ,
А пришедъ, комплиментовъ увидитъ немало,
Высокихъ же наукъ тамъ стѣни (т. е. тѣни, подобія) не бывало.

Въ концѣ сатиры авторъ скорбитъ «о нашемъ житьѣ междоусобномъ», отсутствіи правды и любви въ человѣческихъ отношеніяхъ, и приходитъ къ такому грустному заключенію:

Теперь въ свѣтѣ семъ буде кто пожить желаетъ,
Пускай правды далеко во всемъ отбѣгаетъ:
Инако бо нельзя двумъ господамъ служити,
Нельзя Богу и свѣту вмѣстѣ угодити.

Другія сатиры Кантемира заключаютъ въ себѣ то обличеніе разныхъ сторонъ русской дѣйствительности, то нравственно-поучительныя наставленія и размышленія: напр., въ VI сатирѣ онъ указываетъ на идеалъ истиннаго блаженства, находя, что блаженъ лишь тотъ, кто «малымъ доволенъ», не стремится къ почестямъ и умѣетъ находить удовлетвореніе въ добродѣтели.

Общій характеръ Кантемира, какъ писателя.

Характеръ обработки сатиръ Кантемира отводитъ насъ къ римской и французской литературѣ XVII вѣка. Но Кантемиръ далекъ былъ отъ пристрастія французскихъ «новоклассиковъ» къ трагедіи, комедіи и одѣ; его симпатіи скорѣе были на сторонѣ подлинной классической литературы—напр., въ лицѣ Анакреона и Горація, которыхъ онъ усердно переводилъ на русскій языкъ. По своему внутреннему настроенію Кантемиръ изъ всѣхъ иноземныхъ писателей, ему знакомыхъ, ближе всего стоялъ къ Горацію, раздѣляя съ нимъ наклонность къ дидактизму и къ «золотой серединѣ», какъ самому вѣрному правилу счастливой жизни.

Стихъ Кантемира въ сатирахъ — силлабическій, нѣсколько тяжеловатый, хотя и не лишенный по мѣстамъ живости, яркости и силы отдѣльныхъ выраженій. Хотя Кантемиръ и знакомъ былъ съ сочиненіемъ Тредьяковскаго по теоріи русскаго стиха (см. ниже, § 64), но онъ не принялъ его мысли о тоническомъ характерѣ русскаго стихосложенія; онъ ограничился лишь усовершенствованіемъ силлабическаго стиха, введя въ него строгую правильность удареній. Свои мысли по теоріи стихосложенія онъ выразилъ въ

особомъ сочиненіи «Письмо къ пріятелю о сложеніи стиховъ русскихъ».

Кантемиръ — нашъ первый сатирикъ; онъ родоначальникъ нашей обличительной литературы, которая въ послѣдующемъ ходѣ русской литературной жизни занимаетъ очень видное мѣсто. Въ Кантемирѣ-писателѣ мы видимъ достойнаго носителя современнаго ему европейскаго образованія, философа-моралиста, стремившагося къ объединенію религіи и науки, и человѣка, искренне преданнаго идеѣ обновленія Россіи путемъ просвѣщенія. Не обладая большимъ художественнымъ дарованіемъ, Кантемиръ не былъ истиннымъ поэтомъ; сознательнаго стремленія къ реформѣ русскаго языка и литературы онъ не имѣлъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны Кантемиръ является человѣкомъ Петровской эпохи въ тѣсномъ смыслѣ слова, а съ другой —примыкаетъ къ писателямъ «новоклассической» эпохи: Тредьяковскому, Ломоносову и Сумарокову.

В. К. Тредьяковскій; его жизнь.

§ 64. Василій Кирилловичъ Тредьяковскій (1703—1769), сынъ священника, обучавшійся въ Московской Заиконоспасской школѣ (Славяно-греко-латинская академія), былъ первымъ изъ русскихъ, устремившимся на Западъ въ поискахъ свѣтскаго, научнаго и литературнаго образованія. Въ самыхъ трудныхъ матеріальныхъ условіяхъ онъ провелъ около трехъ лѣтъ въ Парижѣ, обучаясь тамъ въ университетѣ историческимъ, математическимъ, философскимъ и богословскимъ наукамъ. Вернувшись въ Россію, Т. принятъ былъ сначала переводчикомъ при Академіи Наукъ, а впослѣдствіи назначенъ былъ тутъ-же« профессоромъ какъ латинскія, такъ и россійскія элоквенціи» (краснорѣчія). Всю свою жизнь Т. ревностно трудился надъ исполненіемъ порученій Академіи Наукъ и по собственной любви къ литературнымъ занятіямъ. Научные, преимущественно переводные, литературные труды были истиннымъ призваніемь Т., въ которыхъ онъ находилъ наибольшее для себя удовлетвореніе. Онъ былъ замѣчательнымъ труженикомъ, и съ этой стороны достоинъ полнаго уваженія; но этому трудолюбію не соотвѣтствовали его природныя литературныя дарованія. Какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ писалъ онъ очень тяжелымъ, иногда прямо уродливымъ, языкомъ, но причиной этого было отчасти и неупорядоченное состояніе русскаго литературнаго языка той эпохи.

Наибольшее значеніе для исторіи литературы имѣютъ теоретическіе труды Т.

Литературные труды. Въ 1735 году Т. вступилъ въ учрежденное при Академіи Наукъ «Россійское Собраніе»; здѣсь онъ произнесъ рѣчь « о чистотѣ россійскаго языка» и, для достиженія желаемаго въ немъ совершенства, указалъ на необходимость работать надъ русской грамматикой, словаремъ, риторикой (теоріей прозы) и «стихотворной наукой» (теоріей поэзіи).

Самъ Т. всего болѣе потрудился надъ «стихотворной наукой». Въ томъ же 1735 году онъ напечаталъ «Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ», гдѣ изложилъ впервые на русскомъ языкѣ теорію тоническаго стихосложенія; здѣсь онъ выразилъ ту мысль, что русскому языку, въ противоположность метрической системѣ греческаго и латинскаго языковъ, свойственно тоническое стихосложеніе, основанное на количествѣ ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ. Это наблюденіе свое основалъ онъ на изученіи склада народныхъ русскихъ пѣсенъ и стихотворнаго склада у сербовъ. Мысль Т. о тоническомъ стихосложеніи въ русскомъ языкѣ не встрѣтила сочувствія у современниковъ: противъ нея возражали Ломоносовъ и Сумароковъ, хотя мысль Т. была совершенно правильной. Это разногласіе отчасти объясняется тѣмъ, что Т. не умѣлъ доказать свою теоретическую догадку на практикѣ; написанная имъ для этой цѣли «Ода на взятіе Гданска» (1734) была въ стихотворномъ смыслѣ совершенно неудачной. Въ томъ же сочиненіи (т. е. въ «Новомъ и краткомъ способѣ») Т. даны впервые, въ печатномъ видѣ на русскомъ языкѣ, краткія опредѣленія отдѣльныхъ поэтическихъ родовъ, начиная съ эпоса, лирики и драмы; всего такихъ родовъ насчитывается у Т. 23. Тутъ Тредьяковскій слѣдовалъ съ одной стороны старымъ рукописнымъ школьнымъ руководствамъ XVII и нач. XVIII в., а съ другой—теоретическимъ понятіямъ, почерпнутымъ имъ отъ французовъ. О главнѣйшихъ поэтическихъ родахъ говорится въ спеціальныхъ трудахъ Тредьяковскаго, построенныхъ на знакомствѣ его съ соотвѣтствующими мнѣніями французскихъ теоретиковъ: «Разсужденіе объ одѣ вообще» (1735), «Предъизъясненіе героической поэмѣ», т. е. эпосѣ (1766) и «Разсужденіе о комедіи вообще»; первое изъ этихъ сочиненій имѣетъ своимъ основаніемъ Буало, второе—Рамсэ, а третье—Роллена, Буало, Рапэна и др. О поэзіи вообще онъ высказался въ «Письмѣ къ пріятелю о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи».

Изъ другихъ литературныхъ трудовъ Тредьяковскаго, кромѣ упомянутой «Оды на взятіе Гданска», могутъ быть указаны здѣсь его стихотворенія на разные сюжеты, помѣщенныя въ при-

ложенiи къ изданной имъ переводной книжкѣ «Ѣзда на островъ любви»—самомъ раннемъ выступленiи Т. въ печати немедленно по прiѣздѣ въ Петербургъ (1730).

Среди многочисленныхъ переводныхъ трудовъ Т. должны быть еще отмѣчены «Эпистола къ Пизонамъ» Горацiя, «Наука о стихотворенiи и поэзiи» Буало и «Телемахида» Фенелона.

М. В. Ломоносовъ; его жизнь.

§ 65. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ представляетъ собою огромную фигуру не только въ исторiи русской литературы, но и въ исторiи русскаго просвѣщенiя и русской жизни вообще.

Ломоносовъ родился 8 ноября 1711 г. въ деревнѣ Денисовкѣ, въ нын. Холмогорскомъ уѣздѣ Архангельской губ. Отецъ его былъ довольно зажиточный крестьянинъ, занимавшiйся рыболовствомъ; для этого онъ выѣзжалъ иногда далеко въ море, причемъ нерѣдко бралъ съ собою и сына. Такiя поѣздки, приводившiя мальчика въ соприкосновенiе съ суровой сѣверной природой, развивали въ немъ не только физическiя, но и духовныя силы—наблюдательность, умъ и волю; для будущаго ученаго натуралиста и географа онѣ были настоящей практической школой. Не было недостатка и въ людяхъ: несмотря на свою слабую населенность, сѣверный край былъ оживленъ походами Петра Великаго и присутствiемъ купцовъ-иностранцевъ. Ломоносовъ-мальчикъ сравнительно рано выучился грамотѣ, доставши книги въ своей же деревнѣ: это были Псалтырь, Грамматика Мелетiя Смотрицкаго (ср. § 50) и Ариѳметика Леонтiя Магницкаго. Почувствовавъ въ себѣ неодолимое желанiе учиться, Ломоносовъ, съ согласiя и при поддержкѣ своихъ односельчанъ, поручившихся платить за него подушную подать, отправился въ Москву и здѣсь поступилъ, подобно Тредьяковскому, въ Заиконоспасскую школу. Послѣ пяти лѣтъ его ученiя въ духовной школѣ, Ломоносовъ въ 1735 году былъ отправленъ въ Петербургскую Академiю Наукъ для обученiя въ академической гимназiи свѣтскимъ наукамъ, но вскорѣ затѣмъ посланъ былъ въ Германiю для изученiя горной науки. За границей Ломоносовъ пробылъ нѣсколько больше четырехъ лѣтъ, изъ которыхъ болѣе трехъ лѣтъ учился въ Марбургѣ и около года во Фрейбергѣ.

Пребыванiе Ломоносова въ Марбургскомъ университетѣ было для него первой въ настоящемъ смыслѣ научной школой, которую онъ, даже при самыхъ благопрiятныхъ обстоятельствахъ, не могъ получить тогда въ Россiи. Въ Марбургѣ онъ учился математикѣ, физикѣ, естественнымъ наукамъ и преимущественно химiи, логикѣ, философiи, языкамъ. Ближайшимъ руководителемъ

его оказался профессоръ Христіанъ Вольфъ, знаменитый философъ того времени, извѣстный и за предѣлами своего отечества; онъ былъ сторонникомъ такого философскаго воззрѣнія, которое стремилось примирить права религіи и требованія свѣтской науки, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, научно объяснить основные законы человѣческаго и мірового существованія. Ломоносовъ не только уважалъ Вольфа, какъ ученаго, но пользовался и его личнымъ расположеніемъ. Въ Марбургѣ онъ, кромѣ того, женился на дѣвушкѣ нѣмецкаго происхожденія, Елизаветѣ Цильхъ.

Во Фрейбергѣ Ломоносовъ учился спеціально горному дѣлу, подъ руководствомъ извѣстнаго тогда спеціалиста этого дѣла Генкеля. Но личныя отношенія его къ своему учителю сложились неблагопріятно: Ломоносовъ оскорбленъ былъ высокомѣріемъ Генкеля и грубымъ его корыстолюбіемъ; кромѣ того, обладая уже нѣкоторой подготовкой въ области естествознанія, онъ замѣчалъ его односторонность и мелкій педантизмъ. Со своей стороны и Генкель крайне неодобрительно аттестовалъ Ломоносова передъ Петербургскою Академіею, что ускорило возвращеніе Ломоносова въ Россію.

Будучи за границей, Ломоносовъ не ограничился обученіемъ только математическимъ, естественнымъ или горнымъ наукамъ. Онъ наблюдалъ въ Германіи и движеніе литературное. Во главѣ этого движенія былъ І. Хр. Готшедъ, поставившій себѣ задачей обновить нѣмецкую литературу путемъ подражанія новоклассической литературѣ Франціи: т. о., Ломоносовъ, будущій глава литературнаго новоклассицизма въ Россіи, познакомился съ этимъ направленіемъ изъ нѣмецкаго источника; кромѣ того, онъ увлекся дѣятельностью тогдашняго нѣмецкаго писателя Гюнтера и отчасти подражалъ ему въ своемъ первомъ стихотворномъ произведеніи, одѣ на взятіе Хотина, присланномъ Ломоносовымъ въ Академію, при отчетѣ о своихъ занятіяхъ и съ присоединеніемъ къ нему «Письма о правилахъ россійскаго стихотворства» въ 1739 году. Самъ Ломоносовъ прибылъ въ Петербургъ черезъ Голландію, моремъ, въ іюнѣ 1741 года. По пріѣздѣ въ Россію, Ломоносовъ началъ самостоятельную научную и литературную дѣятельность, которая вся прошла въ тѣсномъ единеніи съ Академіей Наукъ и продолжалась почти цѣлую четверть вѣка. Принятый въ Академію сначала адъюнктомъ по физикѣ, онъ назначенъ былъ потомъ профессоромъ химіи и удержалъ это званіе до конца своей жизни. Дѣятельность Ломоносова была чрезвычайно разнообразна: онъ не только читалъ въ Академіи лекціи

и писалъ ученыя разсужденія по химіи, физикѣ, металлургіи, но онъ сочинялъ по разнымъ поводамъ оды и «похвальныя слова», писалъ ученые труды по русской исторіи и словесности, принималъ дѣятельное участіе въ текущей журналистикѣ, не чуждался басни, эпиграммы и сатиры, выступалъ по вопросамъ экономическимъ и политическимъ. Въ стѣнахъ Академіи онъ занималъ разныя административныя должности и велъ энергичную борьбу съ нѣмецкимъ преобладаніемъ въ этомъ учрежденіи; одно время онъ очень увлекался искусствомъ художественной мозаики, для чего даже была заведена казенная фабрика, находившаяся подъ его руководствомъ. Порядокъ его научно-литературныхъ интересовъ былъ таковъ: до 1749 года онъ особенно увлекался естествознаніемъ, въ первой половинѣ 50-хъ годовъ всего болѣе занимался поэзіей и филологіей, а съ 1755 года отдавался преимущественно административной дѣятельности. Энергія его въ работѣ была поразительна. Умеръ Ломоносовъ въ Петербургѣ 4 апрѣля 1765 года.

Литературные труды Ломоносова.

§ 66. Несмотря на преобладаніе въ Ломоносовѣ научныхъ стремленій, онъ, по условіямъ тогдашней русской жизни, много отдавалъ силъ и поэзіи: онъ видѣлъ, что въ Россіи того времени образованныхъ людей было мало, и потому каждый изъ нихъ долженъ былъ брать на себя самую разнообразную работу — въ области науки, литературы, просвѣщенія, политики, администраціи, общественной жизни.

При пробужденіи новыхъ литературныхъ интересовъ послѣ Петра Великаго въ духѣ новаго французскаго классицизма, весьма видное мѣсто среди другихъ родовъ литературы занимала ода. Причина этого лежала въ сравнительной краткости ея, легкости ея созданія и приспособленности къ потребностямъ общества. Подобно Франціи, и у насъ литература при Ломоносовѣ существовала главнымъ образомъ для двора и высшей аристократіи; оттуда она получала ободреніе и матеріальную поддержку; писатель не могъ еще жить исключительно литературнымъ трудомъ и нуждался въ «меценатахъ», т. е. покровителяхъ; историческихъ заслугъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. И. И. Шувалова относительно Ломоносова, отрицать невозможно. Форма оды и служила наилучшимъ выраженіемъ отношенія писателя къ высшимъ общественнымъ слоямъ; въ ней находили свое мѣсто мысли, чувства и различныя пожеланія писателей. Свою литературную дѣятельность Ломоносовъ началъ именно съ оды: въ 1738 году онъ прислалъ изъ Марбурга стихотворный переводъ на русскій языкъ оды француз-

скаго писателя XVII вѣка Фенелона, воспѣвающей прелести уединенной сельской жизни, а въ слѣдующемъ году, какъ уже упомянуто было (§ 65), прислалъ и первую оригинальную свою оду на взятіе Хотина, турецкой крѣпости во время бывшей тогда войны Россіи съ Турціей. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Ломоносову пришлось сначала выступать въ качествѣ одописца лишь по порученію Академіи—то переводами съ нѣмецкаго на русскій языкъ панегирическихъ произведеній академика Штелина, то оригинальными одами по поводу разныхъ событій придворной жизни.

Ода на восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны. Но первымъ наиболѣе значительнымъ выступленіемъ Ломоносова-одописца надо считать его Оду на восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы Петровны (1747). Тутъ Ломоносовъ могъ дать волю своему поэтическому вдохновенію; онъ искренно преклонялся передъ императрицей Елизаветой, какъ дочерью Петра Великаго, положившей конецъ господствовавшимъ до нея нѣмецкимъ теченіямъ въ русской придворной и государственной жизни. Въ этой одѣ Ломоносовъ восхваляетъ Елизавету за ея покровительство наукамъ и искусствамъ въ Россіи (только что передъ этимъ былъ изданъ новый «регламентъ» для Академіи Наукъ и Художествъ въ Петербургѣ) и за сочувствіе русскимъ людямъ въ ихъ трудахъ на пользу родного просвѣщенія. Тутъ, именно въ послѣднихъ строфахъ, находится знаменитое обращеніе къ будущимъ русскимъ ученымъ:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать!

По содержанію, въ тѣсной связи съ этой одой находится «похвальное слово» Ломоносова въ честь императрицы Елизаветы Петровны, написанное имъ по тому же поводу изданія «регламента», но произнесенное нѣсколько позднѣе (1749). Похвальныя слова XVIII вѣка—тѣ же оды, только изложенныя прозой, а не стихами, и авторы ихъ давали полную волю своему воображенію. Здѣсь Ломоносовъ также восхищается императрицей, отмѣчая героическую обстановку ея восшествія на престолъ, привлекательныя черты ея личности (религіозность, человѣколюбіе), ея великія

дѣла (отмѣна смертной казни, покровительство наукамъ), причемъ въ концѣ, подобно одѣ, влагаетъ въ уста Елизаветы свою любимую мысль о необходимости распространенія наукъ въ Россіи и участія въ этомъ русскихъ людей.

Духовныя оды. На ряду съ одами свѣтскаго содержанія, у Ломоносова имѣются и оды духовныя. Духовныя оды близко стояли къ школьной духовной поэзіи XVII вѣка, и съ однимъ изъ обширнѣйшихъ памятниковъ этой поэзіи, стихотворной «Псалтырью» Симеона Полоцкаго, напечатанной въ 1680 году, Ломоносовъ былъ знакомъ еще въ дѣтствѣ. Какъ человѣкъ глубоко религіозный, Ломоносовъ въ области духовной оды сразу вступилъ на совершенно твердую почву, и ему не было необходимости приспособляться къ какимъ-либо случайнымъ условіямъ или политическимъ обстоятельствамъ, какъ это бывало иногда со свѣтскими торжественными одами. Это и является причиною того, что духовныя оды Ломоносова отзываются высокой поэзіей; въ нихъ онъ свободно воспѣваетъ красоту природы, какъ великое созданіе Творца и какъ источникъ поэтическаго вдохновенія. Любимымъ матеріаломъ Ломоносова въ области духовной поэзіи служили псалмы, и нѣкоторые изъ нихъ онъ переложилъ въ стихотворенія, исполненныя большой выразительности и силы.

Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ. Но самыми замѣчательными произведеніями въ области духовной лирики Ломоносова являются его двѣ оды — «Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ» и «Утреннее размышленіе о Божьемъ величествѣ». Оба эти стихотворенія представляютъ собою одушевленное поэтическое выраженіе той мысли Ломоносова, что для мыслящаго ума величіе Бога всего яснѣе открывается изъ наблюденія и изученія явленій видимаго міра. Оба стихотворенія отличаются сравнительной краткостью и принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ лирики Ломоносова. Въ частности, «Вечернее размышленіе», написанное авторомъ въ 1743 году, заключаетъ въ себѣ поразительную картину сѣвернаго сіянія, начертанную съ истиннымъ вдохновеніемъ. Это явленіе природы было знакомо автору еще съ дѣтскихъ лѣтъ, но въ своей одѣ онъ говоритъ о немъ, какъ мыслящій натуралистъ-философъ и какъ человѣкъ глубоко вѣрующій.

Въ первой строфѣ сказывается описательный талантъ Ломоносова:

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ночь,
Взошла на горы чорна тѣнь,

Лучи отъ насъ прогнала прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Послѣдующія строфы посвящены противопоставленію человѣческаго ума, какъ бы онъ ни былъ великъ, необъятному величію природы и трудности разгадать ея загадочныя явленія: единственнымъ объясненіемъ и разрѣшеніемъ сомнѣній человѣка является преклоненіе передъ Творцомъ вселенной, какъ первоисточникомъ этихъ явленій:

Сомнѣній полонъ вашъ (т. е. ученыхъ) отвѣтъ
О томъ, что о́крестъ ближнихъ мѣстъ.
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣз́дъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ,—
Кто жъ знаетъ, коль великъ Творецъ?

Слѣдуя господствующему взгляду на универсальность литературныхъ занятій, какъ необходимую черту русскаго литературнаго дѣятеля первой половины XVIII вѣка, Ломоносовъ далъ образцы своего дарованія также въ эпосѣ и драмѣ, хотя главнымъ призваніемъ его въ поэтической области была именно ода: тутъ его авторитетъ признавался даже непримиримымъ его соперникомъ А. П. Сумароковымъ.

Поэма «Петръ Великій». Въ эпосѣ Ломоносовъ выступилъ поэмой «Петръ Великій», которая впрочемъ осталась неоконченной: написаны были только двѣ первыя пѣсни, которыя авторъ нашелъ возможнымъ напечатать, посвятивъ ихъ И. И. Шувалову. Въ этихъ пѣсняхъ разсказывается о томъ, какъ Петръ Великій, съ гвардіей, предпринялъ походъ къ Архангельску для помощи этому городу противъ шведовъ; шведскій флотъ удалился. Царь посѣщаетъ затѣмъ Соловецкій монастырь и бесѣдуетъ съ настоятелемъ о расколѣ; потомъ онъ идетъ къ Шлиссельбургу, осматривая по дорогѣ горы съ признаками руды и цѣлебными водами и думая о соединеніи каналами Волхова съ Невою; вторая пѣснь оканчивается описаніемъ осады и взятія Шлиссельбурга. Такимъ образомъ, въ двухъ пѣсняхъ «Петра Великаго» описанъ лишь одинъ эпизодъ великой борьбы преобразователя за сѣверные предѣлы Россіи со шведами; намѣреніе автора «воспѣть» всю жизнь Петра не было имъ исполнено. Самъ Ломоносовъ говоритъ, что, принимаясь за столь обширный трудъ, онъ хотѣлъ слѣдовать Виргилію и Гомеру. Указаніе на Гомера имѣетъ тутъ общій характеръ, но съ Виргиліемъ есть у Ломоносова въ данномъ случаѣ и опредѣленныя черты сходства: подобно Энею, Петръ претерпѣ-

ваетъ бурю на Бѣломъ морѣ; бесѣда его съ настоятелемъ Соловецкаго монастыря о стрѣлецкихъ бунтахъ напоминаетъ бесѣду Энея съ Дидоной о разореніи Трои. Есть черты, сближающія поэму Ломоносова и съ «Генріадой» Вольтера: тамъ Генрихъ Великій тоже пристаетъ къ острову, на которомъ узнаетъ отъ таинственнаго старца свою судьбу; затѣмъ, прибывши въ Англію, разсказываетъ королевѣ Елизаветѣ о бѣдствіяхъ, постигшихъ Францію, и объ ужасахъ Варѳоломеевской ночи. Однако, въ общемъ, поэма Ломоносова есть вполнѣ самостоятельное произведеніе его пера, исполненное глубокаго увлеченія избраннымъ сюжетомъ. Въ посвященіи поэмы Ломоносовъ выражаетъ свою гордость тѣмъ,

Что первый пѣлъ дѣла такого человѣка,
Каковъ во всѣхъ странахъ не слыханъ былъ отъ вѣка.

Въ этомъ поклоненіи Ломоносова Петру Великому сказывается живая черта его личности: великую фигуру преобразователя онъ ставилъ въ центрѣ своего политическаго идеала и патріотическаго настроенія; его дѣятельность онъ всегда рекомендовалъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Поэма Ломоносова получила въ свое время у современниковъ и ближайшаго потомства высокую оцѣнку, «одобренье знатоковъ и удивленье многихъ россіанъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила и зависть его литературныхъ соперниковъ. Болѣе подробный взглядъ свой на заслуги Петра Великаго Ломоносовъ выразилъ въ особомъ посвященномъ ему «похвальномъ словѣ» (1755).

Драматическія произведенія. Въ области драматической поэзіи Ломоносовъ является авторомъ двухъ трагедій «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ», написанныхъ имъ въ 1750—1751 годахъ. Содержаніе первой пьесы взято отчасти изъ русской исторіи, при чемъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является татарскій царь Мамай; сюжетъ второй пьесы заимствованъ изъ древне-греческой жизни. Обѣ эти трагедіи свидѣтельствуютъ о томъ, что Ломоносовъ не обладалъ особымъ драматическимъ дарованіемъ, но въ нихъ виденъ высокій подъемъ чувства автора и присущія ему качества его языка и стиля; кромѣ того, онѣ являются свидѣтельствомъ поклоненія Ломоносова французской новоклассической трагедіи въ духѣ Корнеля и Расина, которымъ авторъ, видимо, подражалъ.

Научно-теоретическіе труды. § **67.** Для знакомства съ писательской дѣятельностью Ломоносова имѣютъ значеніе и нѣкоторые научные его труды. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены его сочиненія въ области «наукъ словесныхъ»,

такъ какъ они непосредственно примыкаютъ къ его работамъ въ области поэзіи.

Теоретическіе вопросы языка и литературы были очень популярны во времена Ломоносова, и самъ онъ живо интересовался ими всю жизнь. Опредѣляя свое положеніе среди условій русской жизни XVIII вѣка, Ломоносовъ постоянно думалъ о широкомъ энциклопедизмѣ своей дѣятельности. Въ одной изъ своихъ замѣтокъ 1750 года онъ говоритъ о себѣ: «Начинаю съ словесныхъ наукъ и, ежели Богъ велитъ, покажу хотя нѣкоторый приступъ ко всѣмъ мнѣ знаемымъ наукамъ... Я самъ и не совершу, однако начну, то будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать». Дѣйствительно, во многихъ частяхъ своей научной дѣятельности Ломоносовъ положилъ только начало, и это особенно относится къ наукамъ словеснымъ.

Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства.

Какъ уже упомянуто, Ломоносовъ въ 1739 году прислалъ изъ-за границы, вмѣстѣ съ одою на взятіе Хотина, и «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства». Сочиняя свой трудъ, Ломоносовъ уже имѣлъ передъ собою незадолго передъ тѣмъ вышедшій «Новый и краткій способъ» Тредьяковскаго (ср. § 64), который онъ взялъ съ собою заграницу и усердно тамъ изучалъ: сохранился принадлежавшій Ломоносову экземпляръ этой книги съ многочисленными его замѣтками. Въ своемъ «Письмѣ» Ломоносовъ принимаетъ мысль Тредьяковскаго о тонической природѣ русскаго стихосложенія, но при этомъ высказываетъ рядъ мыслей и наблюденій—напр., о стихотворныхъ размѣрахъ, удареніи, риѳмѣ—служащихъ дополненіемъ и поправкой работы его предшественника. Онъ углубляетъ и расширяетъ мысли Тредьяковскаго указаніемъ на то, что каждый языкъ долженъ въ полной мѣрѣ воспользоваться своими природными данными и не увлекаться безъ нужды подражаніемъ чужому, какъ это было въ русскомъ силлабическомъ стихосложеніи относительно польскаго; при этомъ, онъ съ одобреніемъ ссылается на нѣмцевъ, которые вполнѣ использовали тоническій характеръ своего стиха. О русскомъ языкѣ въ отношеніи стихотворства онъ говоритъ тутъ: «Я не могу довольно о томъ порадоваться, что россійскій нашъ языкъ не только бодростью и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію (т. е. стихосложеніе) имѣть можетъ». Хотя въ этомъ сочиненіи Ломоносова не заключалось какого-либо новаго открытія, однако оно имѣло гораздо болѣе важныя послѣдствія въ по-

этической практикѣ, чѣмъ сочиненіе Тредьяковскаго, вполнѣ оригинальное по своей основной мысли: причина этого заключалась въ томъ, что Ломоносовъ съумѣлъ подтвердить на практикѣ свои положенія собственной талантливой литературной дѣятельностью; его стихотворенія были первыми благозвучными стихами на русскомъ языкѣ, писанными по тоническому принципу.

Риторика. Вскорѣ послѣ написанія этого «Письма» и немедленно по возвращеніи въ Россію, Ломоносовъ сталъ работать надъ такимъ трудомъ, который бы обнималъ собою всю теорію «словесныхъ наукъ». Это была его «Риторика», или «Краткое руководство къ краснорѣчію, ч. I.», напечатанная въ 1748 году. Подъ краснорѣчіемъ Ломоносовъ разумѣлъ прозу и поэзію вмѣстѣ, и въ первой напечатанной части изложилъ только теорію прозы; надъ теоріей поэзіи онъ усердно работалъ, но не успѣлъ ея закончить. «Риторика» Ломоносова также не есть вполнѣ оригинальное сочиненіе, да и не могла быть такимъ по существу; этимъ вопросомъ другіе занимались до Ломоносова на Западѣ, и онъ много заимствовалъ для своего труда изъ сочиненій Готшеда и Вольфа (ср. § 65). Тѣмъ не менѣе это сочиненіе имѣло для Россіи очень большое значеніе: это была первая на русскомъ языкѣ подробно разработанная теорія прозы; рядомъ съ теоретическими положеніями и объясненіями, имѣется здѣсь множество примѣровъ, частью переведенныхъ Ломоносовымъ съ другихъ языковъ, а частью имъ заново написанныхъ; примѣры эти составили цѣлую хрестоматію литературныхъ произведеній и отрывковъ, которую съ удовольствіемъ читали и которой поучались многіе изъ русскихъ писателей, любителей литературы и простыхъ читателей въ разныхъ концахъ Россіи. Поэтому, вполнѣ естественны тѣ похвалы и та высокая оцѣнка, которая была сдѣлана этому произведенію Ломоносова со стороны его современниковъ и ближайшаго потомства.

Желая содѣйствовать созданію русскаго языка и стиля, которые бы соотвѣтствовали новымъ потребностямъ русской литературы, Ломоносовъ далъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ особенный интересъ представляютъ его «Россійская Грамматика» и трактатъ «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ».

Грамматика. «Грамматика» Ломоносова была напечатана имъ въ 1757 году. Въ посвященіи этой книги великому князю Павлу Петровичу Ломоносовъ такъ говоритъ о русскомъ языкѣ: «Повелитель многихъ языковъ, языкъ россійскій не токмо обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ предъ всѣми въ Европѣ.

Невѣроятно сіе покажется иностраннымъ и нѣкоторымъ природнымъ россіянамъ, которые больше къ чужимъ языкамъ, нежели къ своему трудовъ прилагали; но кто, не упрежденный великими о другихъ мнѣніями, прострѣтъ въ него разумъ и съ прилежаніемъ вникнетъ, со мною согласится»; онъ находитъ въ русскомъ языкѣ «великолѣпіе испанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка». Хотя въ этомъ своемъ трудѣ Ломоносовъ опирался на «Грамматику» Мелетія Смотрицкаго (§ 50), однако это сочиненіе Ломоносова является гораздо болѣе оригинальнымъ, чѣмъ его «Риторика». Въ основу своего труда Ломоносовъ положилъ факты русскаго языка, которые онъ изучалъ съ одной стороны исторически, а съ другой—изъ непосредственнаго знакомства съ языкомъ простого народа. Задачу русской грамматики онъ понималъ въ смыслѣ «знанія, какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ по лучшему разсудительному его употребленію»; на важный практическій вопросъ, вытекавшій изъ грамматики, Ломоносовъ смотрѣлъ такимъ образомъ, что упомянутое «знаніе» должно быть основано на этимологіи и на исторіи языка примѣнительно къ живому говору, безъ крайнихъ уклоненій въ сторону церковно славянской орѳографіи или нововведеній крайняго фонетическаго характера во вкусѣ Тредьяковскаго. «Грамматика» Ломоносова надолго сохранила свое значеніе, выдержавъ въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ цѣлый рядъ изданій.

О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ.

Замѣчательнымъ трудомъ Ломоносова въ области стиля является его трактатъ «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ», написанный не ранѣе 1755 года. Разсужденіе это имѣетъ своей основой историческій взглядъ на русскій языкъ и его отношеніе къ церковно-славянскому. Русская литературная рѣчь до Ломоносова заключала въ себѣ огромное количество словъ, выраженій и грамматическихъ элементовъ церковно-славянскаго языка, которые издавна находились въ борьбѣ съ началами русскаго языка. Петровская эпоха, выдвинувшая свѣтскія стремленія въ литературѣ въ противовѣсъ церковнымъ, поставила вопросъ о предѣлахъ церковно-славянской стихіи въ русскомъ литературномъ языкѣ. Ломоносовъ въ своемъ трудѣ вполнѣ опредѣленно отдѣлилъ эту церковно-славянскую стихію отъ русской и на этой мысли построилъ свое ученіе о «трехъ штиляхъ» въ литературѣ. Онъ установилъ три «штиля» — высокій, средній и низкій, сообразно

лексическому составу рѣчи: т. е. въ высокомъ «штилѣ» церковно-славянскихъ словъ всего больше, въ среднемъ ихъ меньше, а въ низкомъ еще меньше. Эти «штили» онъ примѣнилъ къ отдѣльнымъ литературнымъ родамъ и совѣтовалъ высокій «штиль» употреблять въ поэмѣ, одѣ и «прозаическихъ рѣчахъ о важныхъ матеріяхъ», средній—въ театральныхъ сочиненіяхъ, письмахъ, сатирахъ, эклогахъ и элегіяхъ, а низкій—въ комедіяхъ, эпиграммахъ и пѣсняхъ.

Цѣль всего трактата Ломоносова заключалась въ томъ, чтобы содѣйствовать сознательному употребленію въ современномъ ему русскомъ языкѣ, переживавшемъ трудную пору внутренняго броженія, началъ церковно-славянскихъ и русскихъ; онъ хотѣлъ указать на великую историческую и литературную цѣнность церковно-славянскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ открыть свободу и для языка русскаго. Самъ Ломоносовъ въ своихъ произведеніяхъ, руководимый природнымъ дарованіемъ, очень умѣло и удачно пользовался обѣими стихіями языка, изъ которыхъ будущее принадлежало, конечно, стихіи русской; но многіе изъ его послѣдователей слишкомъ формально отнеслись къ ученію его о «трехъ штиляхъ» и нерѣдко преувеличивали преобладаніе въ извѣстныхъ случаяхъ церковно-славянскаго языка надъ русскимъ. Окончательно вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ позднѣе, въ трудахъ Н. М. Карамзина и его школы, но первое научное сужденіе о немъ было высказано именно Ломоносовымъ въ его трактатѣ «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ».

А. П. Сумароковъ; его жизнь.

§ 68. Александръ Петровичъ Сумароковъ (род. въ 1718 году), въ противоположность Тредьяковскому и Ломоносову, получилъ свое литературное образованіе въ Россіи. Онъ учился въ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ, въ Петербургѣ, но, не имѣя наклонности къ военной службѣ, рано отдался литературѣ. Вся его жизнь была посвящена литературнымъ занятіямъ, а также борьбѣ со своими литературными соперниками и врагами; послѣднему особенно способствовалъ раздражительный, самомнительный и рѣзкій характеръ Сумарокова. Главной страстью Сумарокова былъ театръ: онъ не только много писалъ для театра, но нѣкоторое время былъ и первымъ директоромъ Петербургскаго Публичнаго театра, основаннаго императрицей Елизаветой въ 1756 году. Сумароковъ пережилъ, какъ драматургъ, свою славу, потому что не оцѣнилъ надлежащимъ образомъ новыхъ теченій въ области театра, шедшихъ изъ Франціи и предвѣщавшихъ наступленіе новой литературной

эпохи въ духѣ сближенія литературы съ жизнью. Сумароковъ, напротивъ, остался до конца жизни вѣренъ разъ принятому новоклассическому направленію. Онъ былъ послѣдователемъ исключительно французскихъ писателей-новоклассиковъ и чрезвычайно гордился письменными сношеніями съ ними, особенно съ Вольтеромъ. Умеръ въ Москвѣ въ 1777 году.

Изъ литературныхъ видовъ французской новоклассической поэзіи самыми употребительными были у насъ ода и трагедія. Мы видѣли (§ 66), что въ качествѣ одописца большой успѣхъ имѣлъ Ломоносовъ, и даже самъ Сумароковъ, не чуждый зависти къ своему сопернику, признавалъ первенство Ломоносова въ этомъ отношеніи. Но въ области трагедіи, и вообще драмы, первенство до 70-хъ годовъ XVIII ст. принадлежало въ Россіи, безспорно, Сумарокову.

Начало драматической дѣятельности Сумарокова; основаніе русскаго театра.

Для выработки изъ Сумарокова драматическаго писателя обстоятельства сложились весьма счастливо. Еще будучи въ Сухопутномъ Корпусѣ, Сумароковъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, пристрастился къ литературнымъ занятіямъ и къ театральнымъ упражненіямъ; для послѣднихъ имѣлся исключительно иноземный матеріалъ. Занятія въ этой области у Сумарокова были настолько удачны, что вскорѣ послѣ выхода изъ корпуса, состоя на военно-канцелярской службѣ, онъ написалъ трагедію «Хоревъ» и напечаталъ ее въ 1747 году. Это была первая трагедія въ новоклассическомъ духѣ на русскомъ языкѣ. Она была всецѣло основана на правилахъ французской новоклассической теоріи (см. выше, § 62), причемъ авторъ, подражая въ общемъ Расину и Корнелю, взялъ содержаніе для своей трагедіи изъ отдаленныхъ преданій русской исторической жизни. Будучи исполненъ сначала, на корпусной сценѣ, любителями учениками, «Хоревъ» вскорѣ сдѣлался извѣстенъ при дворѣ и обратилъ на себя вниманіе самой императрицы. Императрица приказала представить эту трагедію въ придворномъ театрѣ; успѣхъ былъ чрезвычайный; самъ авторъ руководилъ подготовкой спектакля, который явился великимъ событіемъ въ его жизни и поощреніемъ для его будущей дѣятельности. За «Хоревомъ» были написаны и другія трагедіи Сумарокова: «Синавъ и Труворъ», «Аристона», «Гамлетъ» (1741—1751), позднѣе «Димитрій Самозванецъ» (1771).

Счастье благопріятствовало Сумарокову еще и въ томъ отношеніи, что какъ разъ въ это время оказались на лицо и достойные

исполнители его трагедій. На одномъ изъ представленій въ Сухопутномъ корпусѣ пришлось присутствовать одному пріѣзжему провинціалу: это былъ купеческій сынъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ. Онъ былъ такъ очарованъ видѣннымъ въ корпусѣ спектаклемъ, что, вернувшись къ себѣ въ Ярославль, рѣшилъ устроить у себя, по этому образцу, домашній театръ. Дѣло очень быстро и удачно наладилось, случайно сдѣлалось извѣстно императрицѣ, и ярославскіе актеры-любители вытребованы были въ столицу: кромѣ Волкова, это были еще двое его братьевъ, а также Иванъ Нарыковъ, прославившійся впослѣдствіи, какъ артистъ и писатель, подъ именемъ Дмитревскаго. Эти актеры исполнили на придворной сценѣ нѣсколько трагедій Сумарокова съ необычайнымъ успѣхомъ для себя и для автора. Все это привело къ тому, что 30 августа 1756 года состоялся высочайшій указъ, которымъ положено было начало существованія публичнаго русскаго театра въ Петербургѣ; до сихъ поръ у насъ дѣйствовали почти исключительно иностранныя труппы. Сумароковъ былъ назначенъ первымъ директоромъ этого театра.

Трагедіи Сумарокова. Какъ авторъ трагедій въ новоклассическомъ духѣ, Сумароковъ, слѣдуя правиламъ французской теоріи въ лицѣ Буало и практикѣ французской литературы въ трудахъ Расина и Корнеля, выбиралъ для своихъ піесъ исключительно историческіе сюжеты. Кромѣ того, если не считать Ѳеофана Прокоповича, писавшаго въ схоластическомъ родѣ, онъ первый изъ нашихъ новоклассиковъ обратился къ разработкѣ событій русской исторіи; въ этомъ онъ особенно слѣдовалъ авторитету Вольтера. Однако эти «историческія» піесы были такими лишь съ внѣшней стороны; въ нихъ вполнѣ отсутствуетъ подлинный историческій характеръ. Сумароковъ не только не обладалъ для этого необходимыми историческими познаніями, которыя къ тому же въ то время и пріобрѣсти было трудно, но онъ совершенно и не считалъ это нужнымъ: по правиламъ новоклассической теоріи требовалась не вѣрность дѣйствующихъ лицъ изображаемой эпохѣ, а лишь искусное надѣленіе этихъ лицъ мыслями и чувствами, интересными для современниковъ автора; именно съ этой точки зрѣнія піесы Сумарокова имѣютъ несомнѣнный историческій интересъ, помогающій намъ разобраться въ понятіяхъ и вкусахъ мыслящихъ слоевъ русскаго общества средины XVIII вѣка. Герои Сумарокова высказываютъ благородныя мысли, во вкусѣ XVIII вѣка, о государствѣ, царской власти, народѣ, воспитаніи, свободѣ совѣсти. Изъ «историческихъ» трагедій

Сумарокова съ русскимъ содержаніемъ особенный интересъ имѣли «Хоревъ» и «Димитрій Самозванецъ».

Содержаніе «Хорева» взято изъ глубокой древности. Тутъ разсказывается исторія дочери кіевскаго владѣтеля Завлоха, Оснельды, которая полюбила Хорева, врага ея отца; въ этой любви сразу открывается передъ зрителями главнѣйшая пружина новоклассической трагедіи—борьба у Оснельды страсти (любви) и долга (вѣрности отцу и своему народу); подобную же борьбу испытываетъ и Хоревъ, любя Оснельду и служа брату, который довѣряетъ ему начальство надъ войскомъ противъ Кіева. Въ пьесу введены неизбѣжные «наперсники» и «наперсницы» героевъ, т. е. лица, пользующіяся ихъ безусловнымъ довѣріемъ и говорящія на сценѣ о томъ, что дѣлаютъ ихъ герои. Наперсница Оснельды, Астрада, является посредницей между Хоревомъ и Оснельдой, но послѣдняя, заточенная въ темницу братомъ Хорева, Кіемъ, приговорена имъ къ смерти, какъ пособница Хорева, котораго Кій подозрѣваетъ въ измѣнѣ. Однако невинность послѣдняго раскрывается, но спасти Оснельду оказывается уже поздно; пораженный ея смертью, Хоревъ убиваетъ себя, и этимъ кончается трагедія.

«Димитрій Самозванецъ» представляетъ изображеніе уже гораздо болѣе близкой эпохи, но и тутъ содержаніе, несмотря на нѣкоторыя подлинныя историческія имена, очень далеко отъ исторической дѣйствительности. Самозванецъ, стоящій въ центрѣ пьесы, изображенъ не живой личностью, а исключительнымъ безнадежнымъ и при томъ вполнѣ сознательнымъ злодѣемъ. Сдѣлались знаменитыми слова, которыми оканчиваетъ Самозванецъ свой монологъ, закалывая себя передъ зрителями:

Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна.
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!

Интересно отмѣтить одну трагедію Сумарокова, представляющую передѣлку изъ Шекспира: это—«Гамлетъ». На Шекспира Сумароковъ имѣлъ взглядъ, заимствованный имъ отъ французовъ, находя въ немъ «и очень худого и чрезвычайно хорошаго очень много»; глубокая психологія великаго англійскаго драматурга и историческія черты въ его творчествѣ были не понятны Сумарокову, какъ и большинству французскихъ новоклассиковъ. Передѣлывая его «Гамлета», Сумароковъ обнаружилъ полное неуваженіе къ подлинному характеру этого созданія: онъ урѣзалъ и измѣнилъ его до неузнаваемости, выбросивши большую часть дѣйствующихъ лицъ и снабдивъ самого Гамлета лишь излюблен-

ной у новоклассиковъ борьбой чувства къ Офеліи съ долгомъ отомстить за убитаго отца.

Однако эти пріемы неуклоннаго слѣдованія образцамъ французской трагедіи вызывали у современниковъ восторгъ передъ Сумароковымъ. Одинъ изъ его почитателей, небезызвѣстный И. П. Елагинъ, въ своей «Сатирѣ на петиметровъ» такъ охарактеризовалъ его заслуги:

Наперсникъ Буаловъ, россійскій нашъ Расинъ!

Комедіи Сумарокова. Почти одновременно съ трагедіями, Сумароковъ началъ писать и комедіи. Изъ нихъ можно назвать здѣсь: «Чудовищи», «Трессотиніусъ», «Опекунъ», «Лихоимецъ», «Три брата совмѣстники». Образцы для своихъ комедій онъ бралъ также изъ французской литературы, преимущественно изъ Мольера. Комедіи Сумарокова - въ сущности легкіе фарсы, т. е. шутливыя произведенія, въ которыхъ нѣтъ ни обрисовки характеровъ, ни чертъ русскаго быта. По обычаю того времени, въ нихъ есть намеки на отдѣльныя лица, но вскрыть эти намеки теперь очень трудно: напр. въ «Трессотиніусѣ», въ лицѣ жалкаго педанта, изображенъ Тредьяковскій, а въ «Опекунѣ» имѣется вполнѣ ясное указаніе на печальную судьбу С. П. Крашенинникова, извѣстнаго путешественника XVIII вѣка. Стремясь въ комедіи къ дидактической цѣли—путемъ насмѣшки исправлять нравы—,Сумароковъ осмѣивалъ въ большинствѣ случаевъ лишь общія черты: онъ выводилъ въ своихъ комедіяхъ «новоманерныхъ» и «староманерныхъ» людей, разумѣя подъ первыми слѣпыхъ поклонниковъ иноземной новизны, а подъ вторыми—ограниченныхъ и упрямыхъ приверженцевъ стараго; первые обнаруживаютъ легкомысленное увлеченіе внѣшностью и равнодушіе къ нравственнымъ вопросамъ, а вторые—суевѣріе и фанатизмъ. Самыя имена дѣйствующихъ лицъ не напоминаютъ ничего русскаго: пороки и добродѣтели выведены какъ ходячіе манекены, безъ всякаго правдоподобія. И тѣмъ не менѣе, комедіи Сумарокова имѣли свое опредѣленное историческое значеніе: онѣ были первыми непереводными русскими комедіями, написанными живымъ и бойкимъ языкомъ.

Трагедіи и комедіи Сумарокова, какъ первые опыты въ своемъ родѣ, долго держались на русской сценѣ и пользовались извѣстнымъ успѣхомъ. Но развитіе драматическихъ вкусовъ все-таки шло впередъ, на смѣну образцамъ новоклассицизма. Это движеніе началось въ Англіи и потомъ во Франціи. Подъ вліяніемъ главнымъ образомъ англійской литературы, стало рѣзко обозначаться стремленіе къ естественности въ поэзіи и приближенію къ жизни;

наряду съ серьезно-суровой трагедіей и забавной комедіей появилось нѣчто среднее между ними—«слезная комедія» или «мѣщанская трагедія», гдѣ изображались обыкновенные люди въ ихъ обыденной жизни, съ ихъ добродѣтелями и пороками: это была просто—драма. Такой родъ драматической поэзіи, путемъ переводовъ, проникъ и въ Россію, особенно въ сочиненіяхъ французскихъ писателей Дидро и Бомарше. Но Сумароковъ не понялъ законности этого движенія, не съумѣлъ къ нему приспособить свои силы и до конца жизни упорствовалъ въ поклоненіи старымъ французскимъ образцамъ—въ лицѣ Расина, Вольтера и Мольера. Этимъ и объясняется паденіе подъ конецъ жизни его литературной славы.

§ **69.** Въ противоположность Тредьяковскому и Ломоносову, Сумароковъ былъ чуждъ научныхъ интересовъ, но въ области литературы онъ отличался большой разносторонностью и стремился оставить слѣдъ свой въ самыхъ различныхъ литературныхъ формахъ.

Сумароковъ писалъ оды—торжественныя и разныя другія, между прочимъ «вздорныя», по его собственному названію, т. е. со смѣшаннымъ или шутливымъ содержаніемъ, духовныя стихотворенія, элегіи, идилліи, сонеты, эпиграммы. Какъ лирикъ, онъ не обнаружилъ самостоятельнаго дарованія. Лучше чувствовалъ себя Сумароковъ въ области обличительной литературы: здѣсь онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько сатиръ и басенъ. Сатиры его не представляютъ той величественной важности и спокойствія, какъ у Кантемира: онѣ гораздо легче, непринужденнѣе, короче и иногда грубѣе. Болѣе всего обличеній находятъ въ ней легкомысленное подражаніе всему иностранному (французскому), судьи-лихоимцы, дворянская спѣсь. Въ басняхъ обработаны тѣ же темы, что и въ сатирахъ, только короче; кромѣ того, въ нихъ ярче проглядываетъ національно-бытовой элементъ.

«Эпистола о стихотворствѣ».

Свои теоретическія понятія о языкѣ и о пріемахъ литературнаго творчества Сумароковъ выразилъ въ двухъ стихотворныхъ произведеніяхъ: «Эпистола о русскомъ языкѣ» и «Эпистола о стихотворствѣ». Въ первой онъ настаиваетъ главнымъ образомъ на необходимой «чистотѣ» русскаго языка, т. е. на свободѣ его отъ чужеземныхъ словъ и оборотовъ, а во второй касается общихъ вопросовъ поэзіи и отдѣльныхъ поэтическихъ родовъ. Вотъ, напр., какъ говоритъ онъ о различныхъ сюжетахъ для комедіи, обращаясь къ писателю-драматургу:

Свойство комедіи—издѣвкой править нравъ:
Смѣшить и пользовать—прямой ея уставъ.
Представь бездушнова подьячева въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ;
Представь мнѣ щеголя, что тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ,
Который родился, какъ мнитъ онъ, для амуру,
Чтобъ гдѣ-нибудь къ себѣ склонить такую-жъ дуру.
Представь латынщика на диспутѣ ево,
Который не совретъ безъ Ерго ничево;
Представь мнѣ гордова раздута, какъ лягушку,
Скупова, что готовъ въ удавку за полушку... и т. д.

Какъ можно видѣть, Сумароковъ въ этомъ произведеніи самъ увлекается изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ современной ему русской дѣйствительности и входитъ въ роль сатирика именно на тѣ темы, которыя онъ использовалъ въ своей собственной дѣятельности, какъ авторъ сатиръ и комедій.

«Трудолюбивая Пчела».

Наконецъ, Сумарокову принадлежитъ и честь изданія перваго частнаго періодическаго органа въ Россіи. Это—его «Трудолюбивая Пчела», издававшаяся имъ въ 1759 году. Статьи этого журнала, написанныя большею частью самимъ издателемъ, посвящены были главнымъ образомъ полемикѣ по вопросамъ языка и правописанія противъ Ломоносова и Тредьяковскаго. Въ этихъ статьяхъ (напр., «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка») Сумароковъ отстаиваетъ любимую свою мысль о чистотѣ русской рѣчи.

Какъ въ «Трудолюбивой Пчелѣ», такъ и въ другихъ произведеніяхъ Сумароковъ является и въ роли критика чужихъ литературныхъ произведеній—т. е. опять-таки Тредьяковскаго и Ломоносова, т. к. другихъ замѣтныхъ писателей въ ту пору почти и не было. Тутъ онъ также является однимъ изъ первыхъ по времени представителей русской литературной критики въ Россіи. Но критическія статьи его обнаруживаютъ лишь мелкую придирчивость къ частностямъ, къ промахамъ въ стилѣ, грамматикѣ и словарѣ. Съ этой стороны, его критическія статьи имѣютъ скорѣе бытовой, чѣмъ литературный характеръ, вскрывая передъ нами нравы и понятія въ писательской средѣ той эпохи.

Общіе выводы о литературѣ первой половины XVIII вѣка.

§ 70. Общіе выводы о литературѣ времени Петра Великаго и Елизаветы Петровны:

1. Литературныя явленія Петровскаго и Елизаветинскаго времени, т. е. первыхъ шести десятилѣтій XVIII вѣка, имѣютъ между собою тѣсную внутреннюю связь: въ нихъ чувствуется ге-

ній Петра Великаго—сначала въ видѣ его личнаго руководства и участія, а затѣмъ въ формѣ выполненія его завѣтовъ другими лицами.

2. Основнымъ мотивомъ всей этой литературы является служеніе идеѣ просвѣщенія и сближенія съ Западомъ.

3. Въ Петровскую эпоху, при новизнѣ внутреннихъ началъ русской жизни, въ литературѣ оставались еще старыя формы. Особое усиленіе получила въ это время публицистика, для которой обстоятельства русской жизни предоставили богатый матеріалъ и благодарную почву.

4. На содержаніи произведеній Петровскаго времени изъ области повѣсти, драмы и лирики отразились интересныя черты внѣшняго и внутренняго быта тогдашней Россіи: соприкосновеніе съ Западомъ, сознательное стремленіе впередъ, видоизмѣненіе общественныхъ отношеній и, въ частности, взгляда на женщину.

5. Послѣ Петра Великаго особенно ярко ощущается стремленіе въ русской литературѣ къ общенію съ Западомъ. Источникомъ вліянія на русскую литературу является въ это время новый французскій классицизмъ (т. наз. «ложноклассицизмъ»). Нѣкоторыя частности новоклассической литературной теоріи шли навстрѣчу старой схоластикѣ, воспринятой въ Россіи еще въ XVI и XVII вѣкахъ.

6. Первой изъ новыхъ литературныхъ формъ, получившей развитіе на русской литературной почвѣ, была сатира въ лицѣ А. Д. Кантемира; но стихъ сатиръ Кантемира—старый силлабическій, и языкъ еще довольно тяжелый. Кантемиръ является какъ бы ступенью къ появленію въ Россіи настоящаго новоклассицизма.

7. Теоретическое усвоеніе новыхъ литературныхъ формъ, во всемъ ихъ объемѣ, сказалось впервые у В. К. Тредьяковскаго, но онъ не могъ поддержать это усвоеніе на практикѣ. Историческую цѣну имѣютъ лишь его теоретическіе труды—и между ними особенно трактатъ о характерѣ русскаго стихосложенія.

8. Первымъ настоящимъ писателемъ въ Россіи въ новоклассическомъ духѣ былъ М. В. Ломоносовъ; свое знакомство съ этой теоріей онъ получилъ изъ нѣмецкаго источника. Многосторонняя ученая и литературная дѣятельность Ломоносова прекрасно характеризуетъ тогдашнія потребности русской жизни. Ломоносовъ есть родоначальникъ новой русской литературы. Изъ новыхъ поэтическихъ формъ, Ломоносовъ болѣе всего прославился въ одѣ; онъ же далъ неоконченный, но высокій для его временъ образецъ въ эпосѣ своей поэмой «Петръ Великій».

9. А. П. Сумароковъ былъ третьимъ виднѣйшимъ литературнымъ дѣятелемъ въ Россіи первой половины XVIII вѣка. Свои литературныя воззрѣнія онъ выработалъ, въ противоположность Ломоносову, на французскихъ образцахъ. Не интересуясь наукой, Сумароковъ исключительно былъ преданъ литературѣ и отдавалъ ей всѣ свои силы. Онъ былъ чрезвычайно разностороннимъ писателемъ, но преимущество отдавалъ трагедіи и комедіи. Сумароковъ былъ первымъ нашимъ литературнымъ критикомъ и первымъ частнымъ издателемъ литературнаго журнала.

XV. Время Екатерины Великой.

§ 71. Общій характеръ Екатерининской эпохи и связь ея съ временемъ Петра Великаго. Черты литературнаго развитія при Екатеринѣ II. Литературныя направленія Екатерининскаго времени.—**§ 72.** Французское вліяніе въ Россіи XVIII вѣка. Просвѣтительная философія: Вольтеръ, Монтескье, Дидро, Руссо. Масонство.—**§ 73.** Объемъ и разнообразіе литературной дѣятельности Екатерины II. Наказъ. Педагогическія сочиненія; сказки. Журнальная дѣятельность: «Всякая Всячина» и «Собесѣдникъ». Русская драма въ Екатерининское время: комедія. Драматическая дѣятельность Екатерины II.—**§ 74.** Н. И. Новиковъ. Журналы 1769—1774 годовъ. «Трутень», «Живописецъ». Содержаніе сатиры въ журналахъ Новикова; форма сатиры Новикова. Журналы Новикова въ Москвѣ.—**§ 75.** Д. И. Фонвизинъ. Бытовая комедія до Фонвизина. «Бригадиръ». «Недоросль». Резонеры у Фонвизина.—**§ 76.** Г. Р. Державинъ; его жизнь. Оды Державина: «Фелица», «Вельможа», «На смерть князя Мещерскаго», «Водопадъ», «Богъ». Общее историческое значеніе Державина. — **§ 77.** М. М. Херасковъ. «Россіяда». Повѣсти Хераскова. — **§ 78.** Я. Б. Княжнинъ». Трагедіи «Дидона», «Рославъ» и «Вадимъ Новгородскій». Комедіи «Хвастунъ» и «Чудаки».— **§ 79.** Комическая опера. А. О. Аблесимовъ.—**§ 80.** Сантиментализмъ въ Англіи и распространеніе его на Западѣ. Семейный романъ: Ричардсонъ и Стернъ. Протестъ противъ новоклассицизма въ Россіи и начатки сантиментализма до Карамзина.—**§ 81.** Жизнь Н. М. Карамзина.—**§ 82.** Лирика Карамзина.—**§ 83.** «Письма русскаго путешественника». Повѣсти Карамзина: «Бѣдная Лиза», «Наталья, боярская дочь».—**§ 84.** «Исторія Государства Россійскаго».— **§ 85.** Реформа литературнаго языка.—**§ 86.** Общіе выводы о литературѣ Екатерининскаго времени.

Общій характеръ Екатерининской эпохи и связь ея съ временемъ Петра Великаго.

§ 71. Время Екатерины Великой обнимаетъ собою послѣднія четыре десятилѣтія XVIII вѣка. Въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы оно тѣсно связано съ именемъ Императрицы Екатерины II (1762—1796) не одной только внѣшней, но и внутренней связью; сама Екатерина II стояла въ центрѣ своей эпохи, и въ этомъ смыслѣ она напоминаетъ собою Петра Великаго. Екатерина II высоко чтила и цѣнила дѣятельность Петра

Великаго, часто ставила его себѣ образцомъ, и многія дѣла ея являются прямымъ продолженіемъ его преобразовательныхъ усилій на пользу Россіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, между двумя этими вождями Россіи въ XVIII вѣкѣ и характеромъ эпохи того и другого изъ нихъ усматривается и явственное различіе; оно объясняется разницей исторической обстановки, стремленій и идеаловъ, которые въ ту и другую эпоху опредѣлялись для Россіи ея собственнымъ внутреннимъ ростомъ и отношеніемъ къ Западу. При Петрѣ Великомъ Россія стремилась стать въ ряды европейскихъ державъ, заявить свое желаніе сблизиться съ Европой и усвоить по крайней мѣрѣ тѣ стороны ея культуры, которыя бы обезпечивали ея политическую мощь и главнѣйшія основы ея государственнаго и общественнаго быта. Заботы о внутренней индивидуальной культурѣ русскаго человѣка, объ его умственныхъ и душевныхъ потребностяхъ, Петръ носилъ въ себѣ, но не успѣлъ ихъ осуществить; эту его работу приняла на себя Екатерина. Она обратила свое вниманіе на идейную сторону европейскаго просвѣщенія—въ дополненіе къ матеріальной сторонѣ Петровской эпохи; она достойнымъ образомъ оцѣнила потребности общаго развитія для русскаго человѣка —въ дополненіе къ предшествовавшему спеціальному; она выдвинула на первый планъ въ процессѣ духовной культуры въ Россіи воспитаніе—въ дополненіе къ обученію. Эту противоположность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннюю преемственность и связь между двумя эпохами русской жизни—Петровской и Екатерининской—очень удачно подмѣтили уже современники Екатерины II: А. П. Сумароковъ въ «Надписи къ статуѣ Петра I» сказалъ о немъ: «Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина душу», а поэтъ М. М. Херасковъ въ своей повѣсти «Нума» выразился такъ: «Петръ Россамъ далъ тѣла, Екатерина душу».

Черты литературнаго развитія при Екатеринѣ II.

Въ смыслѣ литературнаго развитія, Екатерининская эпоха имѣетъ болѣе тѣсную связь съ предшествующимъ ей временемъ Елизаветы Петровны, но и тутъ сказывается та же общая времени Екатерины II черта—стремленіе заполнить внѣшнія формы внутреннимъ содержаніемъ. Въ первую половину XVIII вѣка, какъ мы видѣли (§ 62), русскіе литературные дѣятели стремились главнымъ образомъ къ тому, чтобы перенести на русскую почву западныя литературныя формы—соотвѣтственно тѣмъ, которыя выработала французская новоклассическая теорія; дѣятели же второй половины XVIII вѣка

употребляютъ свои усилія къ тому, чтобы снабдить эти формы литературнымъ содержаніемъ. Однако эта внутренняя работа, выпавшая на долю писателей Екатерининской эпохи, представляла большія трудности. Чтобы дать готовымъ литературнымъ формамъ извѣстное содержаніе, надо было поставить его въ связь съ данными самой русской жизни, ея потребностями, идеями, моральными и эстетическими вкусами, внутренней борьбой своего родного съ чужимъ западно-европейскимъ, переживаніями настоящаго, пробужденіемъ интереса къ старинѣ и народности. Все это создавало глубокое внутреннее броженіе и отзывалось на литературѣ. Поэтому, русская литература Екатерининскаго времени отличается сравнительной сложностью и разнообразіемъ какъ своего содержанія, такъ и формы.

Въ это время у насъ впервые обнаруживаются литературныя направленія, какъ результатъ болѣе широкаго литературнаго развитія, бо̀льшаго количества литературныхъ силъ. Съ одной стороны продолжается служеніе теоріи французскаго новоклассицизма: идетъ разработка всѣхъ трехъ главнѣйшихъ литературныхъ формъ—оды, исторической эпопеи и драмы, преимущественно въ произведеніяхъ Держа̀вина, Хераскова, Княжнина. Съ другой стороны—обозначается стремленіе къ простому изображенію русской дѣйствительности, но преимущественно съ сатирической точки зрѣнія: эту точку зрѣнія питала какъ сама русская жизнь, полная разнообразныхъ и противорѣчивыхъ стремленій къ родному или западно-европейскому идеалу, такъ и модная наклонность къ поучительности; въ этомъ направленіи работала богатая литература журналовъ, съ самой Екатериной II и Новиковымъ во главѣ, а затѣмъ комедія въ лицѣ главнымъ образомъ Фонвизина, Княжнина и самой Екатерины II. Съ третьей стороны—возникаетъ стремленіе къ народности, т. е. внесенію простонародныхъ мотивовъ въ литературу: на этой почвѣ получаетъ развитіе «комическая опера», главными дѣятелями которой являются Аблесимовъ и Княжнинъ. Наконецъ, какъ результатъ новыхъ вліяній, шедшихъ съ Запада, въ последніе годы Екатерининской эпохи проявляется стремленіе противопоставить прежнему французскому классицизму англійскіе вкусы въ формѣ сентиментализма: тутъ проявляетъ себя прежде всего Карамзинъ.

Мы обратимъ вниманіе на самыя главныя изъ этихъ литературныхъ явленій.

§ 72. Такъ какъ многія литературныя явленія Екатерининскаго времени обязаны своимъ происхожденіемъ и характеромъ

вліянію западно-европейской литературы, то о послѣдней здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ.

Французское вліяніе въ Россіи XVIII вѣка.

При Петрѣ Великомъ русская литература впервые испытала на себѣ опредѣленное и очевидное вліяніе Запада. Въ первыя два десятилѣтія XVIII вѣка это вліяніе шло преимущественно изъ Голландіи и Германіи, выразившись въ переводахъ на русскій языкъ многихъ научныхъ и научно-популярныхъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія (§ 57). При ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго нѣмецкое вліяніе проникло также въ государственную и административную жизнь Россіи, но въ области собственно-литературной оно не было велико: всего болѣе оно отразилось на сочиненіяхъ Ломоносова, почерпнувшаго свои теоретическія понятія о новомъ классицизмѣ изъ нѣмецкихъ источниковъ (§ 65). Главнѣйшая роль въ примѣненіи къ русской литературѣ XVIII вѣка западно-европейскихъ образцовъ принадлежала Франціи, шедшей въ ту пору во главѣ всего литературнаго движенія Западной Европы. Мы уже знаемъ, что Тредьяковскій и Сумароковъ преклонялись именно передъ французскими образцами въ области новоклассицизма, и вообще царствованіе Елизаветы Петровны было временемъ особаго усиленія французскаго вліянія. Время Екатерины Великой было въ этомъ отношеніи прямымъ продолженіемъ Елизаветинской эпохи; однако характеръ вліянія французской литературы на русскую былъ въ это время совсѣмъ иной, чѣмъ при Елизаветѣ. Послѣ развитія французскаго новоклассицизма XVII вѣка, давшаго русской литературѣ образцы и руководство въ лицѣ Корнеля, Расина, Мольера и Буало (см. выше, § 62), въ самой Франціи, подъ вліяніемъ англійской литературы (Ньютонъ, Беконъ, Локкъ) и въ связи съ общимъ ходомъ развитія идей и событій въ Западной Европѣ, стало подготовляться въ жизни и литературѣ особое настроеніе, повлекшее за собою возникновеніе т. наз. «просвѣтительной» философіи и литературы XVIII вѣка.

Просвѣтительная философія. Вольтеръ.

Главными дѣятелями этой литературы во Франціи были Вольтеръ, Монтескье, Дидро и «энциклопедисты». В о л ь т е р ъ (1694—1778) былъ едва ли не самой знаменитой личностью XVIII вѣка: его дружбу и сочувствіе высоко цѣнили не одни только дѣятели просвѣщенія и мыслящіе люди разныхъ общественныхъ классовъ, но и всѣ коронованныя особы его времени; среди нихъ виднѣйшее мѣсто занимаетъ императрица Екатерина II, которая вела дѣятельную

переписку съ Вольтеромъ по вопросамъ политики, просвѣщенія и литературы. Какъ писатель въ области поэзіи (въ трагедіи и эпосѣ), Вольтеръ былъ сторонникомъ прежняго направленія въ лицѣ Буало и другихъ новоклассиковъ вѣка Людовика XIV, но, какъ мыслитель и политическій писатель, онъ былъ ученикомъ и продолжателемъ идей англійскихъ философовъ съ ихъ «сенсуализмомъ» и новыми основами воспитанія и нравственности. Особенно большую извѣстность получили въ Россіи повѣсти и романы Вольтера (напр. «Кандидъ»), въ которыхъ онъ, путемъ насмѣшки и тонкаго остроумія, борется съ заблужденіями и предразсудками своихъ современниковъ въ разнообразныхъ вопросахъ жизни. Именемъ Вольтера символизировалось у насъ въ XVIII вѣкѣ и даже позднѣе вообще стремленіе впередъ во имя разума и знанія, гуманности и свободы: послѣдователи Вольтера назывались у насъ «вольтерьянцами». Впрочемъ, самъ Вольтеръ въ своей личной жизни раздѣлялъ многіе недостатки своихъ современниковъ: онъ не былъ чуждъ высокомѣрія къ низшимъ, былъ мстителенъ, гордъ, тщеславенъ; лесть его по адресу аристократіи и вообще «сильныхъ міра» иногда прямо не знаетъ предѣловъ и производитъ самое неблагопріятное впечатлѣніе.

Монтескье. Монтескье (1689—1755) былъ авторомъ знаменитаго трактата «О духѣ законовъ», гдѣ онъ разбираетъ основы общественной жизни. Подобно Вольтеру, онъ также — ученикъ англійскихъ философовъ и въ своихъ политическихъ взглядахъ является сторонникомъ той формы монархическаго правленія, которая выработана была вѣками въ Англіи. Монтескье былъ авторитетомъ въ вопросахъ политики и законодательства; его упомянутое сочиненіе считалось въ свое время классическимъ и являлось нерѣдко руководствомъ законодателямъ въ области политическихъ реформъ; высоко цѣнила Монтескье и императрица Екатерина (см. ниже, § 73).

Дидро и энциклопедисты. Дидро (1713—1784) отличается отъ двухъ названныхъ писателей своимъ горячимъ темпераментомъ и подвижностью, сказавшимися и въ его литературной дѣятельности. Онъ также не былъ свободенъ отъ англійскаго вліянія, но—лишь въ области драмы: подъ воздѣйствіемъ преобразовательныхъ стремленій, которое шло отъ Шекспира и вообще англійскаго театра, стремившагося къ сближенію съ жизнью, Дидро много содѣйствовалъ созданію и укрѣпленію во Франціи особаго драматическаго рода—т. наз. «слезной ко-

медіи» или «мѣщанской драмы»; этотъ родъ представлялъ нѣчто среднее между строгой новоклассической трагедіей и комедіей: такова была, напр., пьеса Дидро «Чадолюбивый отецъ», переведенная на русскій языкъ въ 1765 году. Этой своей дѣятельностью въ области театра, не сразу оцѣненной не только у насъ (ср., напр., сужденія Сумарокова: § 68), но и въ самой Франціи (Вольтеръ былъ противъ его новаторства), Дидро подходитъ къ тому литературному настроенію, которое позднѣе, въ самомъ концѣ XVIII вѣка, проявляется и у насъ въ видѣ «сантиментализма».—Вмѣстѣ съ тѣмъ, Дидро является однимъ изъ самыхъ видныхъ «энциклопедистовъ» XVIII вѣка. Это былъ кружокъ лицъ въ Парижѣ, издававшихъ «Энциклопедію» (1751—1772), т. е. словарь, въ которомъ помѣщены были статьи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ науки, религіи, жизни и литературы. Эти статьи имѣли серьезный характеръ и заключали въ себѣ изложеніе затронутыхъ въ нихъ вопросовъ на основѣ разума и знанія, въ духѣ новыхъ теченій и запросовъ философской мысли. Главными участниками «Энциклопедіи» были, кромѣ стоявшаго во главѣ ея Дидро, еще—Даламберъ, Жокуръ, Гольбахъ, Кенэ, Тюрго. Всѣ эти дѣятели были объединены желаніемъ пустить въ общественный оборотъ идеи разума, справедливости и морали, составившія основное содержаніе французской и вообще европейской «просвѣщенной» философіи. Сущность этой философіи заключалась въ защитѣ принциповъ «общаго блага», гуманности, политической и религіозной свободы, прогресса. Трудъ энциклопедистовъ привлекъ на ихъ сторону большое количество сочувствующихъ имъ лицъ какъ во Франціи, такъ и за ея предѣлами. Императрица Екатерина II обнаруживала самое дѣятельное сочувствіе къ энциклопедистамъ и, когда изданіе «Энциклопедіи» встрѣтило затрудненія со стороны французскаго правительства у себя на родинѣ, предлагала перенести печатаніе ея въ Петербургъ. По ея приглашенію, Дидро былъ въ Петербургѣ (1773); ему было оказано здѣсь самое радушное гостепріимство со стороны императрицы и щедрая матеріальная поддержка: императрица купила у него за высокую цѣну его библіотеку, оставила ему ее въ пожизненное пользованіе и назначила даже его библіотекаремъ собственной библіотеки съ уплатой жалованья за 50 лѣтъ впередъ; это драгоцѣнное собраніе книгъ Дидро нынѣ находится въ Публичной Библіотекѣ въ Петроградѣ.

Руссо. Среди французскихъ энциклопедистовъ и философовъ XVIII в. особнякомъ стоитъ личность Ж. Ж. Руссо (1712—

1778), также получившаго большую извѣстность и вліяніе въ Россіи XVIII вѣка. Основное міровоззрѣніе Руссо было противоположно духу энциклопедистовъ: они стояли за права разума и были, такимъ образомъ, философами-раціоналистами, а Руссо считалъ главнымъ источникомъ познаній и нравственности—чувство; они относились холодно къ вопросамъ религіи, а онъ считалъ религіозную вѣру одною изъ важнѣйшихъ основъ жизни. Въ своемъ протестѣ противъ правъ разума въ пользу чувства, Руссо доходилъ до крайностей: онъ вовсе отрицалъ пріобрѣтенія разума— науку, искусства и современныя ему формы культурной жизни. Въ своемъ знаменитомъ отвѣтѣ на тему, объявленную Дижонской Академіей,«Способствовало ли возрожденіе наукъ и искусствъ улучшенію нравовъ?» (1750), Руссо съ полнымъ убѣжденіемъ выразилъ мысль о томъ, что, напротивъ, науки и искусства послужили лишь порчѣ нравовъ, и что счастье человѣка въ совершенной простотѣ и въ согласіи съ естественными требованіями природы. Изъ другихъ сочиненій Руссо большую извѣстность въ Россіи Екатерининской эпохи получилъ его романъ «Эмиль, или о воспитаніи» (1762) по вложеннымъ въ немъ оригинальнымъ педагогическимъ идеямъ.

Масонство. Разсудочная французская философія XVIII вѣка нашла себѣ противовѣсъ не только въ литературной дѣятельности Руссо, но и въ цѣломъ общественномъ движеніи, извѣстномъ подъ именемъ масонства.

Масонство (или «франкъ-масонство», т. е. общество «свободныхъ каменщиковъ») есть организація, ведущая свое начало изъ Англіи, гдѣ она возникла еще въ IX вѣкѣ. Названіе этой организаціи связываетъ ея существованіе съ обществами строителей-мастеровъ, которыя получили особенное развитіе въ средніе вѣка въ виду усиленной постройки храмовъ и другихъ сооруженій съ религіозною цѣлью. Согласно общему характеру той эпохи, общества эти рано получили обособленный характеръ и выработали себѣ своеобразные обряды и правила своего внутренняго быта. Возрожденіе масонства относится къ началу XVIII вѣка, когда оно раздѣлилось на нѣсколько особыхъ организацій въ разныхъ странахъ, получившихъ названіе «орденовъ», основывавшихъ свои «ложи». При Петрѣ Великомъ масонство перешло и въ Россію. Когда французская философія, основанная на правахъ разума, получила во Франціи и вообще въ Европѣ распространеніе, то масоны выступили противъ нея съ протестомъ, но, въ силу обстоятельствъ, принуждены были дѣйствовать тайно.

Масоны XVIII в. первоначально сохраняли вполнѣ серьезный и строгій характеръ: они стремились къ укрѣпленію основъ вѣры, къ нравственному совершенствованію и къ благотворительности во имя христіанской любви къ человѣчеству; но потомъ къ этому присоединилось пристрастіе къ внѣшнимъ обрядамъ, таинственности и мистикѣ.

Среди многочисленныхъ масонскихъ «системъ», распространившихся въ XVIII в. по разнымъ европейскимъ странамъ, болѣе всего привились въ Россіи «розенкрейцеры» и «иллюминаты», главнѣйшія ложи которыхъ обосновались въ Германіи и Швеціи. Къ этому же времени относится и названіе масоновъ «мартинистами», получившее въ Россіи общій характеръ, подобно названію «вольтерьянцевъ»; это названіе ведетъ свое начало отъ имени испанца Мартинеца Пасхалиса, который въ началѣ второй половины XVIII в. усердно распространялъ въ разныхъ городахъ Европы мистическое ученіе съ примѣсью политики. Масонство нашло себѣ много послѣдователей въ Европѣ, преимущественно въ средѣ аристократіи; во главѣ нѣкоторыхъ масонскихъ «орденовъ» стояли даже царствующія особы, напр. Фридрихъ II Прусскій, шведскій король Густавъ III. Императрица Екатерина II не сочувствовала масонамъ, особенно къ концу своего царствованія, осмѣивала ихъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и подвергала гоненіямъ, какъ людей, опасныхъ въ политическомъ отношеніи.

Объемъ и разнообразіе литературной дѣятельности Екатерины II.

§ 73. Подобно Петру Великому, Екатерина II стояла во главѣ просвѣтительнаго движенія своей эпохи въ Россіи. Но, кромѣ того, сообразуясь съ условіями времени, она лично принимала самое живое и дѣятельное участіе въ литературѣ; едва ли кому-нибудь изъ современныхъ ей русскихъ писателей она уступаетъ въ объемѣ своей литературной дѣятельности. Императрица Екатерина Великая не обладала выдающимся художественнымъ дарованіемъ, хотя прекрасно владѣла стилемъ, тонкой наблюдательностью и остроуміемъ. Цѣнность ея литературныхъ трудовъ заключалась во вложенныхъ въ нихъ идеяхъ, которыя были отзвукомъ и развитіемъ передовыхъ идей французской просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Сама Екатерина II питала настоящую страсть къ литературнымъ занятіямъ и, шутя, признавалась, что не можетъ равнодушно видѣть пера и бумаги: дѣйствительно, она пользовалась каждой свободной минутой для литературной работы и, обладая исключительной настойчиво-

стью и выдержкой, среди поразительнаго многообразія своихъ царственныхъ дѣлъ, заботъ и отношеній, оставила послѣ себя огромную массу литературныхъ произведеній—на русскомъ и французскомъ языкахъ. Тутъ мы видимъ труды законодательные, полемическіе, историческіе, журнальные, драматическіе, педагогическіе. Сообразно духу времени, всѣ они проникнуты сочувствіемъ просвѣтительнымъ идеямъ эпохи и дидактизмомъ на началахъ широкаго человѣколюбія.

Наказъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ литературныхъ трудовъ Екатерины II является ея «Наказъ» (1767), изданный ею въ руководство депутатамъ, созваннымъ въ Москву для составленія проекта новаго «уложенія», т. е. законоположеній, которыя должны были замѣнить собою устарѣвшее «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича. Въ исторіи русскаго законодательства «Наказъ» Екатерины сыгралъ свою немаловажную роль, но самъ по себѣ онъ никогда не сдѣлался закономъ, и на него нужно смотрѣть лишь какъ на выдающееся литературное произведеніе, выражающее взгляды и настроеніе императрицы: въ послѣднемъ смыслѣ «Наказъ» напоминаетъ «Духовный Регламентъ» (§ 58)—съ той разницей, что это сочиненіе Прокоповича, касавшееся болѣе узкой сферы жизни и выразившее идеи Петра Великаго, имѣло значеніе и въ качествѣ офиціальнаго законодательнаго памятника.

«Наказъ» не былъ оригинальнымъ произведеніемъ императрицы въ собственно литературномъ отношеніи. Сама Екатерина въ письмахъ къ Фридриху II и Даламберу говоритъ, что при составленіи этого труда она усердно пользовалась сочиненіями другихъ писателей—особенно «Духомъ законовъ» Монтескье (см. выше, § 72) и сочиненіемъ итальянца Беккаріи «О преступленіяхъ и наказаніяхъ»; кромѣ тóго, тамъ есть заимствованія также изъ другихъ писателей—Билефельда, Юсти, Кенэ и изъ «Энциклопедіи». Большое количество литературныхъ заимствованій, сдѣланныхъ Екатериной II для «Наказа», подчеркиваетъ тотъ фактъ, что «Наказъ» содержалъ въ себѣ мысли, составлявшія достояніе многихъ выдающихся мыслителей того времени на западѣ Европы. Основное содержаніе «Наказа» состоитъ изъ XX главъ, къ которымъ потомъ прибавлено еще двѣ главы—въ общемъ 655 §§. Въ разныхъ статьяхъ этого произведенія проводятся идеи свободы, равенства между людьми и взаимнаго братства. О «законахъ вообще» говорится, что «ничего не должно запрещать законами, кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особо или всему

обществу» (§ 41). Наказанія за нарушеніе законовъ должны быть «кротки», потому что и кроткими наказаніями «сердце гражданъ столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими» (§ 85); при этомъ императрица выражаетъ желаніе, чтобы самымъ большимъ наказаніемъ для человѣка былъ стыдъ, проистекающій отъ безчестія при претерпѣніи наказанія (§ 88). Цѣль законодательства должна заключаться не въ наказаніи за проступки, а въ предупрежденіи проступковъ; для этого нужно правильное народное воспитаніе: «правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами» (§ 348), и далѣе вся XIV глава посвящена наставленіямъ о воспитаніи. Тамъ, напр., говорится: «должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждать въ нихъ охоту ко трудолюбію и чтобы они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ, и сколько въ ономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; однимъ словомъ— всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ» (§ 356). Эта статья цѣликомъ заимствована авторомъ Наказа изъ доклада И. И. Бецкаго «О воспитаніи юношества обоего пола», утвержденнаго императрицей 22 марта 1764 года. Затѣмъ, выдвигается забота законодателя о низшемъ сословіи—крестьянствѣ, причемъ Екатерина II высказалась и объ отмѣнѣ крѣпостного права; но эта мысль не была встрѣчена сочувственно депутатами, и даже Сумароковъ, отстаивавшій принципы гуманности и справедливости, выразилъ мнѣніе въ непригодности такой мысли для Россіи его времени. Наконецъ, Наказъ опредѣленно высказывается за осторожность въ изслѣдованіи дѣлъ о еретичествѣ и волшебствѣ (§ 497) и рекомендуетъ вѣротерпимость.

Педагогическія сочиненія. Смотря на законодательство, какъ на средство народнаго воспитанія, Екатерина II интересовалась педагогическими вопросами и въ болѣе тѣсномъ

смыслѣ слова. Въ кругу своей семьи, съ рожденіемъ внуковъ Александра и Константина Павловичей, она получила ближайшій поводъ къ литературно-педагогической дѣятельности: именно, она задумала создать для великихъ князей т. наз. «Александро-Константиновскую Библіотеку», въ которую должны были войти руководства для ихъ воспитанія и обученія. Главный надзоръ надъ воспитаніемъ своихъ внуковъ императрица ввѣрила князю Н. И. Салтыкову, для котораго и была составлена особая «Инструкція» (1784). Въ основу этой инструкціи положены идеи Локка, смотрѣвшаго на душу ребенка какъ на мягкій воскъ, и Руссо, стремившагося къ простотѣ и общенію съ природой. На очень видное мѣсто выдвинуто физическое воспитаніе: для достиженія физическаго здоровья дѣтей рекомендуется строгій порядокъ ихъ жизни, отсутствіе излишествъ въ пищѣ, питьѣ и обстановкѣ, движеніе на воздухѣ, трудъ. Главная задача воспитанія духа заключается въ пріобрѣтеніи «добродѣтели»: для этого требуется пріученіе дѣтей къ добротѣ, гуманности, терпѣнію, снисходительности къ другимъ и строгости къ себѣ, стойкости характера, веселости нрава и учтивости. Обученіе стоитъ позади воспитанія: «языки и знанія суть меньшая часть воспитанія»; въ этомъ чрезвычайно ярко сказались противоположности эпохъ Екатерининской и Петровской.

Сказки. Изъ сочиненій, входившихъ въ «Александро-Константиновскую Библіотеку» и предназначенныхъ для назидательнаго чтенія великимъ князьямъ, замѣчательны двѣ сказки: «О царевичѣ Февеѣ» и «О царевичѣ Хлорѣ».

Сказка «О царевичѣ Февеѣ» есть исторія идеальнаго воспитанія одного царевича. У какого-то «сибирскаго царя», жившаго въ полномъ согласіи со своей царицей, не было дѣтей. Когда для лѣченія царицы позванъ былъ одинъ мудрый человѣкъ, то оказалось, что царица ведетъ неправильный образъ жизни: не дѣлаетъ движенія, мало пользуется воздухомъ, слишкомъ часто ѣстъ и не во̀-время спитъ. По совѣту мудреца она измѣнила свои привычки, и тогда у нея родился сынъ. Царь прилежно занялся воспитаніемъ царевича: его «не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали никакъ и никогда, кормили же его порядочно и во̀-время»; для развитія ума мальчика его «забавляли игрушками отборными, которыя давали ему спознаніе всего того, что его окружало въ свѣтѣ семъ и его понятію дѣтскому сходственно было»; кромѣ того, на третьемъ году ему привили оспу, послѣ чего онъ получилъ «наивящшее любопытство и охоту къ

спознанію всего». При такомъ воспитаніи, изъ царевича вышло идеальное дитя: онъ имѣлъ доброе сердце, былъ жалостливъ, щедръ, послушенъ, почтителенъ къ родителямъ и старшимъ, учтивъ, привѣтливъ, смѣлъ, имѣлъ здравый разсудокъ, любилъ правду и гнушался лжи. Въ юношескомъ возрастѣ онъ не терпѣлъ лести. Женившись, онъ много путешествовалъ въ чужихъ странахъ и тѣмъ приготовилъ себя къ будущему управленію государствомъ. Въ этой сказкѣ нашли себѣ выраженіе тѣ самые взгляды Екатерины II на воспитаніе, которые были высказаны ею и въ «Инструкціи» князю Н. И. Салтыкову.

Другая сказка, «О царевичѣ Хлорѣ», имѣетъ аллегорическій характеръ. У одного царя въ русской землѣ, раньше Кія, родился сынъ Хлоръ, богато одаренный физической красотою и всѣми духовными совершенствами. Какой-то киргизскій ханъ рѣшился этого мальчика похитить. Заманивъ къ себѣ Хлора хитростью, онъ задалъ ему задачу—найти «розу безъ шиповъ, которая не колется». Исполнить эту задачу помогла мальчику дочь хана Фелица: подъ «розой безъ шиповъ» разумѣлась «добродѣтель»; въ проводники Хлору она дала своего сына, по имени Разсудокъ, который и удерживалъ Хлора отъ разныхъ уклоненій на пути. Оба путешественника, идя «крутой и каменистой» дорогой на указанную имъ гору, встрѣтили старика и старуху, которые дали имъ въ помощь два посоха: одинъ—Честность, а другой—Правда. Когда Хлоръ вернулся къ хану съ найденной имъ «розой безъ шиповъ», тотъ отпустилъ его домой къ родителямъ.

Съ тою же педагогической цѣлью императрицей Екатериной II были составлены книжки «Гражданское начальное ученіе» и «Выбранныя россійскія пословицы».

Журнальная дѣятельность: «Всякая Всячина» и «Собесѣдникъ». Расширяя рамки своего поученія на все русское общество, Екатерина II принимала дѣятельное участіе въ журналахъ своего времени. Въ 1769 году подъ ея руководствомъ издавался журналъ «Всякая Всячина», причемъ офиціальнымъ ея редакторомъ былъ статсъ-секретарь императрицы Г. В. Козицкій. Это былъ сатирико-нравоучительный журналъ, издававшійся по образцу англійскихъ журналовъ того времени и особенно «Спектатора» Стиля и Аддисона. Во «Всякой Всячинѣ» русская жизнь нашла себѣ довольно полное выраженіе: тутъ затронуты были вопросы воспитанія, семейной жизни, взяточничество, суевѣріе, мотовство, щегольство. Тонъ обличенія былъ сначала серьезный, а потомъ - болѣе шутливый и «улыбательный». Вопросъ

объ этомъ, т. е. о характерѣ обличенія, былъ поднятъ и обсужденъ самой «Всякой Всячиной»: когда одновременно съ нею издававшійся журналъ Н. И. Новикова «Трутень» (1769—1770), черпая ободреніе въ сатирѣ самой государыни, сталъ довольно рѣзко нападать на общественные пороки и даже намекать на отдѣльныхъ лицъ изъ знати, то «Всякая Всячина» нашла въ этомъ непозволительное «дерзновеніе» и самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалась противъ подобнаго обличенія. Иногда, руководясь этой точкой зрѣнія, императрица прямо выступала противъ отдѣльныхъ обличеній: напр., подъ именемъ Патрикѣя Правдомыслова, она помѣстила во «Всякой Всячинѣ» письмо, гдѣ, въ противоположность другимъ сужденіямъ, опровергается мысль, будто въ Россіи нѣтъ правосудія. Столкновеніе на этой почвѣ «Всякой Всячины» съ «Трутнемъ» было даже причиной прекращенія Новиковымъ своего изданія.

Во вторую половину своей дѣятельности императрица Екатерина опять обратилась къ журнальной работѣ. Именно, въ 1783—84 годахъ издавался подъ редакціей княгини Е. Р. Дашковой «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова». Екатерина II принимала тутъ дѣятельное участіе. Самымъ замѣчательнымъ изъ произведеній, ею здѣсь напечатанныхъ, являются «Были и Небылицы», родъ легкой сатиры въ формѣ мягкаго и самаго общаго обличенія. Интересно отмѣтить, что на страницахъ этого журнала у императрицы произошло столкновеніе съ другимъ замѣчательнымъ писателемъ ея эпохи—Д. И. Фонвизинымъ. Фонвизинъ помѣстилъ въ «Собесѣдникѣ» 20 вопросовъ, прося дать на нихъ отвѣты. Вопросы эти имѣли характеръ остраго обличенія, касаясь законодательства и положенія знатныхъ въ придворной и гражданской службѣ. Екатерина II взялась отвѣтить на эти вопросы и, при отвѣтѣ на одинъ изъ нихъ, съ раздраженіемъ отмѣтила «свободоязычіе», которое позволилъ себѣ ихъ авторъ. Фонвизинъ обратился , по этому поводу, съ извинительнымъ письмомъ въ «Собесѣдникъ», указывая на то, что заданные имъ вопросы были неправильно поняты; письмо это было напечатано, и добрыя отношенія между писателемъ и императрицей возстановились.

Русская драма въ Екатерининское время.

Екатерина II много работала въ области комедіи. Драма въ русской литературѣ второй половины XVIII вѣка была господствующимъ литературнымъ родомъ, и въ немъ именно комедіи принадлежитъ самое видное мѣсто. Господство драмы вообще объясняется тѣмъ, что театръ, бывшій у насъ тогда привлекательной новостью,

всего вѣрнѣе удовлетворялъ общественно-художественнымъ потребностямъ публики, а въ частности комедія давала возможность выразиться и дидактическимъ, т. е. назидательнымъ и обличительнымъ, стремленіямъ въ литературѣ. Рядомъ съ комедіей продолжала еще существовать и трагедія (преимущественно историческая), но она, вмѣстѣ со всѣмъ французскимъ классицизмомъ, подъ натискомъ болѣе естественныхъ литературныхъ требованій, была осуждена на постепенное ослабленіе и исчезновеніе. Напротивъ, рядомъ съ комедіей получила при Екатеринѣ II развитіе т. наз. «комическая опера». По формѣ и внѣшнему характеру сценической постановки она ближе всего подходитъ къ позднѣйшему водевилю съ пѣніемъ и танцами; но въ комической оперѣ Екатерининскаго времени имѣется, кромѣ того, элементъ народности: главныя дѣйствующія лица берутся изъ простонародной среды, говорятъ простонароднымъ и грубоватымъ языкомъ, поютъ свои пѣсни, выражаются пословицами и прибаутками, на сценѣ представляются народные обычаи и обряды. Эти черты комической оперы имѣютъ серьезное историческое значеніе, указывая на стремленіе народности проникнуть въ литературу и приблизить ее къ побѣдѣ естественности надъ условностью.

Мы уже знаемъ (ср. § 68), что первымъ авторомъ комедій на русскомъ языкѣ былъ Сумароковъ, хотя, въ силу подражательности иностраннымъ образцамъ, комедіи эти изображали дѣйствительную русскую жизнь лишь въ очень слабой степени. На это положеніе русской комедіи первымъ теоретически обратилъ вниманіе В. И. Лукинъ—писатель второстепенный по таланту, но вдумчивый и наблюдательный. Въ предисловіи къ своей комедіи «Награжденное постоянство» (1765) онъ выразилъ недовольство тѣмъ, что русская комедія выставляетъ на сцену почти исключительно иностранные нравы и лица, тогда какъ для русской публики было бы желательно видѣть въ театрѣ изображеніе русской жизни: «Французы, Англичане, Нѣмцы и прочіе народы, театры имѣющіе, держатся всегда своихъ образцовъ, коихъ они и изображаютъ, а чужихъ изрѣдка, да и то побочно, вводятъ: для чего же и намъ не своихъ держаться?» Сознавая трудность быстраго созданія самостоятельной русской комедіи, Лукинъ требовалъ по крайней мѣрѣ отказаться отъ прямыхъ подражаній иностранцамъ и, напротивъ, работать надъ передѣлками, «склонять на наши нравы», т. е. примѣнять иностранные сюжеты къ особенностямъ русской жизни. Но русская комедія вскорѣ пошла и дальше этого скромнаго пожеланія.

Драматическая дѣятельность Екатерины II.

Императрица Екатерина писала для театра очень много—на русскомъ и на французскомъ языкахъ: тутъ имѣются комедіи, «историческія представленія», комическія оперы. Русскія драматическія произведенія императрицы не отличаются высокими художественными достоинствами: въ нихъ мало дѣйствія, и преобладаютъ разговоры, имѣющіе цѣлью обрисовать характеры дѣйствующихъ лицъ; но въ нихъ есть знакомство съ требованіями сцены, живость и довольно простой литературный языкъ. Произведенія эти проникнуты свойственнымъ автору дидактизмомъ, а комедіи и оперы, кромѣ того, и обличеніемъ. Историческая цѣнность драматическихъ произведеній Екатерины II заключается съ одной стороны въ бытовыхъ чертахъ русской жизни той эпохи, подмѣченныхъ и изображенныхъ авторомъ, а съ другой—въ общихъ мысляхъ и сужденіяхъ императрицы, на которыхъ отразились особенности времени; эти черты получаютъ въ глазахъ историка особое значеніе въ виду исключительнаго положенія автора и возможности его влiять на складъ самой русской жизни.

Изъ комедій Екатерины II самыми замѣчательными являются «О время!» и «Именины госпожи Ворчалкиной», сочиненныя въ 1772 году.

Въ комедіи «О время!» дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ. На сценѣ представлены три пожилыя женщины стараго склада, Ханжахина, Вѣстникова и Чудихина, которыхъ фамиліи, по тогдашнему обычаю въ литературѣ, указываютъ на ихъ отличительныя черты: первая—ханжа, вторая—сплетница, а третья — суевѣрка. Кромѣ того, выведены двѣ другія женскихъ фигуры—молодая дѣвушка Христина, внучка Ханжахиной, выросшая въ полномъ невѣжествѣ, сообразно взглядамъ ея бабушки на воспитаніе, и служанка Мавра: послѣдняя принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ изображенныхъ въ комедіи лицъ; она, подобно слугамъ и служанкамъ во французской комедіи, много разсуждаетъ (резонерствуетъ) о разныхъ серьезныхъ вопросахъ и вообще является какъ бы «ходячей моралью». Два мужскихъ лица—Непустовъ и Молокососовъ—изображены въ комедіи сравнительно блѣдно: первый изъ нихъ является на сценѣ какъ будто для того, чтобы дать возможность Ханжахиной и Маврѣ высказываться; онъ устраиваетъ бракъ Молокососова и Христины, причемъ Вѣстникова помогаетъ этому плану, а Чудихина ему противодѣйствуетъ; однако все дѣло рѣшаетъ Ханжахина, давая въ концѣ концовъ свое согласіе на бракъ внучки съ Молокососовымъ. Въ комедіи,

которая впрочемъ въ основныхъ чертахъ своей фабулы представляетъ подражаніе нѣмецкой піесѣ Геллерта «Богомолка», живо представленъ круговоротъ этой мелкой жизни, надъ которымъ постоянно чувствуется нравственно-обличительный взглядъ автора. Особенно яркое выраженіе онъ находитъ себѣ въ заключительномъ явленіи комедіи, въ словахъ служанки Мавры: «Вотъ такъ нашъ вѣкъ проходитъ! Всѣхъ осуждаемъ, всѣхъ цѣнимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ и злословимъ, а того не видимъ, что и смѣха и осужденія сами достойны. Когда предубѣжденія заступаютъ въ насъ мѣсто здраваго разсудка, тогда сокрыты отъ насъ собственные пороки, а явны только погрѣшности чужія: видимъ мы сучокъ въ глазу ближняго, а въ своемъ и бревна не видимъ».

«Именины госпожи Ворчалкиной» по объему нѣсколько обширнѣе первой комедіи, но литературная сущность этой піесы—та же: въ лицѣ г-жи Ворчалкиной тутъ также представлена женщина старыхъ понятій, недовольная новшествами и «ворчащая» на нихъ. Она не только олицетворяетъ несимпатичную автору старину, но и является носительницей свойственныхъ старинѣ недостатковъ: она невѣжественна и суевѣрна. Въ комедію введены и «новоманерные» люди, т. е. носители новыхъ понятій и привычекъ, дающихъ автору также богатый матеріалъ для обличенія: таковы—дочь Ворчалкиной Олимпіада, пустая дѣвушка, проводящая полдня за туалетомъ, и Фирлюфюшковъ, смѣшной повѣса и щеголь, изнѣженный и глупый, говорящій какою-то невѣроятною смѣсью французскаго и русскаго языковъ. Настоящаго дѣйствія въ піесѣ такъ же мало, какъ и въ первой комедіи: изображена суетная и ничтожная жизнь дѣйствующихъ лицъ. Среди этихъ лицъ находится и резонерствующая служанка Прасковья, напоминающая Мавру первой комедіи. Въ послѣднемъ явленіи эта Прасковья говоритъ: «Дѣло наше, кажется, кончилось. Дураки съ ихъ пороками прогнаны и наказаны, а добродѣтель награждена, что мнѣ очень пріятно»; въ этой назидательности обличенія заключалась и вся цѣль комедіи.

Обѣ комедіи на сценѣ имѣли очень большой успѣхъ. Нельзя не упомянуть, что нѣкоторыя піесы посвящены Екатериной осмѣянію ненавистнаго ей масонства: таковы—«Обманщикъ», «Обольщенный» и «Шаманъ сибирскій».

Н. И. Новиковъ. § **74.** Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей Екатерининскаго времени является Николай Ивановичъ Новиковъ, упомянутый выше, когда рѣчь шла о журнальной дѣятельности Екатерины II (§ 73).

Новиковъ (род. въ 1744 году) происходилъ изъ небогатыхъ московскихъ дворянъ. Проучившись нѣкоторое время въ Московской университетской гимназіи, онъ рано поступилъ на военную службу, въ Измайловскій полкъ, стоявшій въ Петербургѣ; здѣсь онъ впервые увидѣлъ въ 1762 году Екатерину, въ самый день вступленія ея на престолъ. Черезъ пять лѣтъ онъ былъ посланъ, вмѣстѣ съ другими молодыми гвардейцами, въ Москву для занятія письмоводствомъ въ Комиссіи по составленію проекта новаго уложенія, а въ 1768 году уже вышелъ въ отставку. Всѣ лучшіе годы жизни Новикова ушли на занятія литературой и книжнымъ дѣломъ вообще: онъ былъ не только писателемъ (въ своихъ сатирическихъ журналахъ), но и издателемъ множества книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ, по вопросамъ нравственнымъ, религіознымъ, историческимъ, географическимъ. Это былъ большой и оригинальный умъ, стремившійся къ распространенію просвѣщенія въ Россіи; Новиковымъ заведено много школъ, напечатаны для нихъ руководства, и организована книжная торговля, давшая возможность и провинціальнымъ городамъ воспользоваться развитіемъ русскаго книжнаго просвѣщенія во второй половинѣ XVIII вѣка. Во вторую половину своей жизни Новиковъ увлекся масонствомъ и въ связи съ этимъ переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву; здѣсь онъ, при содѣйствіи извѣстнаго писателя и тогдашняго куратора университета М. М. Хераскова (см. ниже, § 77), арендовалъ университетскую типографію, послужившую ему могучимъ орудіемъ для его издательской дѣятельности. Увлеченіе его масонствомъ имѣло подъ собою благородныя и гуманныя цѣли: будучи глубоковѣрующимъ христіаниномъ, онъ стремился распространить и укрѣпить своими масонскими изданіями нравственно-религіозное просвѣщеніе въ народѣ, и самъ московскій митрополитъ Платонъ отзывался о Новиковѣ, какъ о человѣкѣ, съ большимъ уваженіемъ; онъ развилъ широкую общественную благотворительность, особенно въ голодный 1787 годъ въ Москвѣ. Но императрица Екатерина II не любила масонства и даже опасалась его по связямъ масоновъ съ наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ; вслѣдствіе этого, Новиковъ былъ преданъ суду и въ 1792 году посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость; онъ былъ освобожденъ оттуда лишь при новомъ императорѣ Павлѣ I, а затѣмъ до конца своей жизни (ум. 1818) жилъ на покоѣ въ своемъ подмосковномъ селѣ Авдотьинѣ.

Журналы 1769—1774 годовъ.

Собственно литературная дѣятельность Новикова ярче всего проявилась въ изданіи имъ журналовъ. Царствованіе императрицы Екатерины II и, въ частности, 1769—1774 годы были ознаменованы сильнымъ расцвѣтомъ у насъ журнально-издательской дѣятельности. Этому содѣйствовалъ главнымъ образомъ общій подъемъ просвѣтительныхъ стремленій при Екатеринѣ, направленный къ обличенію общественныхъ недостатковъ и нравственному назиданію. Сама императрица принимала живое участіе въ журнальной дѣятельности, сотрудничая, какъ мы видѣли, во «Всякой Всячинѣ» и «Собесѣдникѣ». Въ одномъ только 1769 году, кромѣ «Всякой Всячины», издавались еще «И то и сіо» Чулкова, «Ни то, ни сіо» Рубана, «Поденщина» Тузова, «Адская Почта» Эмина, «Трутень» Новикова. Всѣ эти и подобные имъ журналы существовали обыкновенно короткое время, годъ-два, и исчезали. Причиной этого были съ одной стороны матеріальныя затрудненія, вытекавшія изъ того, что расходъ на изданіе журналовъ, при небольшомъ числѣ подписчиковъ, не оправдывался доходами съ нихъ; съ другой стороны, издатели должны были нести на себѣ почти всю тяжесть текущей литературной работы, такъ какъ сотрудниковъ было мало и они были случайны; кромѣ того, само общество мало еще было подготовлено къ пониманію сатирическаго обличенія, принимая его за «личность» и выражая недовольство нападками даже на самые общіе пороки.

«Трутень»; «Живописецъ».

Первымъ журналомъ Новикова былъ «Трутень» (1769—1770), въ которомъ издатель рѣзко разошелся со «Всякой Всячиной» по вопросу о предѣлахъ и формѣ сатирическаго обличенія; онъ стоялъ за «критику на лица», но требовалъ, чтобы она была ясна не всѣмъ читателямъ, а лишь тому, кто самъ можетъ узнать себя въ сатирическомъ изображеніи: тогда изобличенный постарается непремѣнно исправиться. Тонъ обличенія «Трутня» не понравился императрицѣ, и журналъ на другой годъ своего существованія прекратился. Черезъ два года однако же сталъ выходить другой журналъ Новикова, «Живописецъ» (1772—1773), который можно считать, по литературнымъ достоинствамъ, лучшимъ не только изъ Новиковскихъ изданій, но и изъ журналовъ царствованія Екатерины II вообще. Этотъ журналъ Новиковъ посвятилъ самой императрицѣ, какъ «сочинителю комедіи О время!», не называя однако-же ея по имени. Объ этомъ произведеніи Екатерины (см. выше, § 73) говорится тутъ слѣдую-

щее: «Ваша комедія О время! троекратно представлена была на Императорскомъ придворномъ театрѣ и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И какъ не быть ей хвалимой? Вы перьвой сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы перьвой, съ такимъ искусствомъ и остротою, заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы перьвой съ такой благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшія и перьвой достойны по справедливости великой похвалы, во представленіи вашей комедіи оказанной». Далѣе издатель «Живописца» убѣждаетъ автора комедіи «О время!» продолжать свои обличенія, идя вслѣдъ Мольеру: «Взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратные наши поступки; вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія; и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославленію вашему осталось». Въ одномъ изъ послѣдующихъ номеровъ «Живописца» императрица, принимая это посвященіе Новикова, отвѣтила на него любезнымъ письмомъ: здѣсь она скромно отклоняла отъ себя похвалы, выраженныя ей за комедію, и высказала готовность своимъ сотрудничествомъ помогать издателю «Живописца»; впрочемъ, императрица, занятая другими трудами, не привела этого обѣщанія въ исполненіе. Рѣзкость сатиры «Живописца» возбудила противъ него неудовольствіе многихъ, считавшихъ себя ею лично затронутыми, и онъ вскорѣ прекратился.

Третьимъ значительнымъ сатирическимъ предпріятіемъ Новикова былъ журналъ «Кошелекъ», издававшійся только въ теченіе одного года (1774).

Содержаніе сатиры въ журналахъ Новикова.

Въ своихъ журналахъ Новиковъ затронулъ много важныхъ и интересныхъ вопросовъ современной ему русской жизни. Онъ отмѣтилъ въ русскихъ людяхъ того времени чрезмѣрное поклоненіе всему иностранному и, въ частности, французскому, проистекавшее отъ недостаточной оцѣнки своего національнаго въ прошломъ и настоящемъ. Особенно опаснымъ кажется Новикову это пристрастіе ко всему иностранному въ дѣлѣ воспитанія: состоятельные русскіе дворяне не только сами мѣняютъ почтенный и старый складъ родной жизни на французскую суетность и легкомысліе, но непремѣнно желаютъ и дѣтей своихъ воспитать въ этомъ же модномъ французскомъ духѣ; для этого они принимаютъ въ домъ разныхъ подозрительныхъ выходцевъ изъ Франціи, бывшихъ парикмахеровъ

и кучеровъ, въ качествѣ воспитателей, вносящихъ въ юныя души нравственное разложеніе; уродуютъ русскій языкъ смѣшной примѣсью иностранныхъ словъ, хвалятся безвѣріемъ, презираютъ честность и правдивость, супружескую вѣрность, серьезность въ дружбѣ, растрачиваютъ деньги на нелѣпое и неумѣренное щегольство. «Молодые господчики» изъ числа этихъ модныхъ щеголей носятъ названіе «петиметровъ».

Однако Новиковъ не закрываетъ глаза и на недостатки, свойственные старой русской жизни и старинному воспитанію. Тутъ на первомъ мѣстѣ стоитъ невѣжество, суевѣріе, ханжество, грубость въ семейныхъ отношеніяхъ, взяточничество и судебная волокита. Совершенно на особое мѣсто выдвинуто было крѣпостное право, которое осуждаетъ Новиковъ съ общечеловѣческой и гражданской точки зрѣнія.

Форма сатиры Новикова.

Для выраженія своихъ мыслей, авторы статей въ журналахъ Новикова, которому и самому въ этомъ отношеніи принадлежитъ очень видная роль, прибѣгали къ разнообразнымъ пріемамъ. Самымъ употребительнымъ изъ такихъ пріемовъ были «письма» разныхъ лицъ къ издателю журнала и переписка между обывателями провинціи и столицы; затѣмъ—форма объявленій въ «вѣдомостяхъ» о подрядахъ, аукціонахъ и вообще продающихся будто бы предметахъ и людяхъ, съ комическимъ восхваленіемъ ихъ мнимыхъ достоинствъ; далѣе—«рецепты» для излѣченія какой-нибудь болѣзни или недостатка, напр. гордости, скупости и т. п.

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ одной изъ статей «Трутня», обличающей пагубное пристрастіе къ иностранному, говорится: «Въ старину думали, что для украшенія разума науками надлежитъ цѣлый вѣкъ жить, то есть посвятить себя наукамъ, отстать отъ всѣхъ должностей въ обществѣ, вѣкъ учиться и быть проповѣдываніемъ добродѣтели согражданамъ своимъ, а наконецъ и самому себѣ въ тягость; изъ чего сдѣлали пословицу: вѣкъ живи и вѣкъ учися. Но молодые наши дворяне, увидя ясно невѣжество предковъ своихъ, изъ сего заблужденія вышли, и изъ стараго правила сдѣлали новое: недѣлю учися и вѣкъ живи». Осуждая обычай приглашать въ домъ французовъ-гувернеровъ, тотъ же журналъ помѣщаетъ такое объявленіе: «На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ (Кронштадтскій) прибылъ изъ Бордо корабль; на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы», а между тѣмъ «многіе изъ нихъ въ превеликой жили

ссорѣ съ парижскою полиціею, и для того она по ненависти своей къ нимъ сдѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось». Далѣе издатель отъ себя прибавляетъ: «Любезные сограждане! Спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ для воспитанія вашихъ дѣтей. Поручайте немедленно будущую опору государства симъ побродягамъ и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учители французовъ, не узнавъ прежде ни званія ихъ, ни поведенія».

Въ художественномъ отношеніи выше всего поднялась сатира Новикова въ «Живописцѣ». Здѣсь особенно замѣчательны «Письма» къ дворянскому сыну Фалалею отъ отца, матери и дяди, рисующія старый деревенскій помѣщичій бытъ. Отецъ, напр., пишетъ Фалалею, прося его скорѣе вернуться изъ города въ деревню: «А я тебѣ и пріискалъ было невѣсту... Нареченная твоя невѣста—двоюродная племянница нашему воеводѣ; вѣдь это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самыя гумна; то-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить». И далѣе: «Мать твоя Акулина Сидоровна лежитъ при смерти... А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: Налетку твою (собаку) кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она, голубушка моя, какъ услышала, такъ и свѣту Божьяго не взвидѣла: такъ и повалилась! А послѣ какъ опомнилась, такъ пошла это дѣло разыскивать; и такъ надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю». Въ другомъ письмѣ отца къ Фалалею затронутъ вопросъ о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ: «Што за живописецъ такой у васъ проявился! Какой-нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами, а того проклятый и не знаетъ, что въ старину тираны бывали некрещеные и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Чети-Минеи; а наши мужики вѣдь не святые, какъ же намъ быть тиранами?» Наибольшей силы изображеніе крѣпостного права и вообще грубой жизни помѣщиковъ въ деревнѣ достигаетъ въ статьѣ «Отрывокъ путешествія въ ***» И. Т., гдѣ авторъ рисуетъ мрачную картину отношеній помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ.

Журналы Новикова въ Москвѣ. Новиковъ былъ прирожденный журналистъ и справедливо видѣлъ въ изданіи журналовъ большую услугу, оказанную имъ русскому просвѣщенію. Онъ не переставалъ издавать журналы и въ пору своей московской жизни, когда онъ сильно увлекался масонствомъ: тогда издавалъ

онъ «Утренній Свѣтъ» (1777—1780), «Вечернюю Зарю» (1782), «Покоющійся Трудолюбецъ» (1784—1785), но статьи этихъ журналовъ имѣютъ большею частью отвлеченный научно-философскій характеръ; тутъ онъ является передъ нами какъ сатирикъ-философъ, мыслитель, педагогъ и серьезный публицистъ. Онъ затрагиваетъ тутъ вопросы внѣшней и внутренней политики, исторіи, этнографіи, говоритъ объ отношеніи образованія къ воспитанію, объ общественной роли педагоговъ, о положеніи женщины въ Россіи.

Изъ научныхъ трудовъ Новикова особенно цѣнны «Древняя Россійская Вивліоѳика» (въ 10 частяхъ, 1773-1775), заключающая въ себѣ много важныхъ памятниковъ для изученія Россіи въ историческомъ и географическомъ отношеніяхъ.

Д. И. Фонвизинъ. **§ 75.** Какъ Екатерина II, такъ и Новиковъ, въ основѣ своей литературной дѣятельности, преслѣдовали главнымъ образомъ цѣли поученія и исправленія русскаго общества путемъ сатиры. Тѣмъ же дидактическимъ и обличительнымъ характеромъ отличаются и произведенія Фонвизина—самаго выдающагося драматурга Екатерининскаго времени.

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ родился въ 1745 году, въ Москвѣ. Его родъ былъ иностраннаго происхожденія, но уже давно принялъ православіе и обрусѣлъ. Въ дѣтствѣ Фонвизинъ получилъ весьма скромное домашнее воспитаніе, главнымъ образомъ на церковныхъ книгахъ, и иностраннымъ языкамъ не учился. Когда въ 1755 году основанъ былъ Московскій университетъ и при немъ гимназія, то однимъ изъ воспитанниковъ этой гимназіи оказался Фонвизинъ. Хотя, по недостатку учителей, ученье въ гимназіи шло плохо, какъ объ этомъ разсказываетъ самъ Фонвизинъ въ своей автобіографіи («Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ»), однако онъ могъ тутъ научиться латинскому и французскому языкамъ, начаткамъ исторіи и географіи и «получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ». Какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ гимназіи, Фонвизинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, ѣздилъ въ Петербургъ для представленія основателю университета И. И. Шувалову; здѣсь онъ имѣлъ случай видѣть блескъ придворной жизни и быть представленнымъ Ломоносову; кромѣ того, онъ впервые увидалъ здѣсь театръ, который произвелъ на будущаго драматурга огромное впечатлѣніе. По возвращеніи въ Москву, Фонвизинъ вскорѣ «произведенъ» былъ въ студенты университета, но курса въ немъ не окончилъ, рано поступивши на службу переводчикомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ этой должности онъ впервые побывалъ

заграницей, съ дипломатическимъ порученіемъ къ Мекленбургъ-Шверинскому двору. Потомъ онъ опредѣленъ былъ на службу при кабинетъ-министрѣ И. П. Елагинѣ, небезызвѣстномъ въ литературѣ, и для этого переѣхалъ въ Петербургъ; эта служба дала Фонвизину возможность видѣть много людей и расширить свой жизненный опытъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ могъ предаваться здѣсь и своей страсти къ театру. Въ эту же пору онъ отдавалъ много времени и собственной литературной дѣятельности, которая началась еще въ университетѣ и первоначально заключалась главнымъ образомъ въ переводахъ. Къ 1766 году относится написаніе перваго крупнаго самостоятельнаго сочиненія Фонвизина — комедіи «Бригадиръ». Она, въ собственномъ чтеніи автора, имѣла крупный успѣхъ и доставила Фонвизину много полезныхъ и интересныхъ знакомствъ среди просвѣщенной петербургской знати. Умный графъ Н. И. Панинъ называлъ «Бригадира» «первой комедіей въ нашихъ нравахъ» и особенно указывалъ на тѣсную связь этого произведенія съ самой русской жизнью. Вскорѣ, въ 1769 году, Фонвизинъ сдѣлался однимъ изъ близкихъ подчиненныхъ по службѣ этому вельможѣ, бывшему тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь ему пришлось вести, по порученію графа Панина, обширную и разнообразную переписку съ русскими дипломатическими представителями заграницей; вмѣстѣ съ тѣмъ, по должности графа Панина въ качествѣ наблюдателя надъ воспитаніемъ великаго князя Павла Петровича, Фонвизинъ вошелъ въ близкое сношеніе и съ придворными кругами. Служба при этомъ выдающемся дѣятелѣ и вліятельномъ сотрудникѣ императрицы Екатерины принеслаФонвизину многообразное знакомство съ жизнью своей эпохи. Въ 1777—1778 годахъ Фонвизинъ, съ семьей своей, предпринялъ продолжительное путешествіе по Франціи и Германіи. Къ 1782 году относится вторая его комедія «Недоросль», тогда же представленная на сценѣ. Успѣхъ этого произведенія Фонвизина былъ еще болѣе значителенъ, чѣмъ его первой комедіи. Сохранилось преданіе, что знаменитый Потемкинъ, умный и просвѣщенный вельможа, издавна знавшій Фонвизина, выходя изъ театра, шутя сказалъ автору: «Умри теперь, Денисъ, или ничего не пиши; имя твое безсмертно будетъ по одной этой піесѣ». Вскорѣ, какъ мы уже видѣли (§ 73), Фонвизинъ принималъ участіе въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», думалъ самъ издавать журналъ «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ» и даже приготовилъ для него нѣсколько сатирическихъ статей. Въ 1784—1785 годахъ Фонвизинъ совершилъ новое путешествіе за границу, преимуще-

ственно въ Италію. Изъ обоихъ заграничныхъ путешествій писалъ онъ интересныя письма къ графу Н. И. Панину и къ роднымъ. Болѣзнь помѣшала Фонвизину посвятить послѣдніе годы своей жизни любимымъ литературнымъ трудамъ; онъ умеръ въ 1792 году, въ Петербургѣ.

Бытовая комедія до Фонвизина. Литературное значеніе Фонвизина основывается на двухъ его комедіяхъ «Бригадиръ» и «Недоросль». Онѣ являются самыми замѣчательными образцами русской б ы т о в о й к о м е д і и XVIII вѣка. Предшественниками Фонвизина въ стремленіи изобразить русскій бытъ на сценѣ были Сумароковъ, Лукинъ и Екатерина II; но ихъ піесы не вполнѣ достигали своей цѣли, потому что авторы эти не обладали достаточно яркимъ художественнымъ дарованіемъ. Комедіи этихъ писателей имѣли въ виду преимущественно иностранные образцы, къ которымъ лишь приспособлялись черты русской жизни; лучшими изъ нихъ все-таки были комедіи императрицы Екатерины. Фонвизинъ взглянулъ на дѣло совсѣмъ съ другой стороны: для него на первомъ планѣ стояло не подражаніе иностраннымъ образцамъ, а по возможности художественное изображеніе русскаго быта, т. е. его типическихъ, наиболѣе характерныхъ особенностей. Сообразно духу времени и личнымъ особенностямъ ума Фонвизина, это изображеніе вышло сатирическимъ, т. е. носило въ себѣ обличеніе, насмѣшку и поученіе. Фонвизинъ, какъ драматическій писатель, не свободенъ отъ дидактическаго элемента, который мѣшалъ художественности изображенія, но отвѣчалъ вкусамъ того времени и нравился публикѣ. Въ построеніи своихъ піесъ Фонвизинъ подчинялся требованіямъ французской новоклассической теоріи въ нихъ мало дѣйствія и много разговоровъ.

«Бригадиръ». Сюжетъ «Бригадира» очень несложенъ. Отставной Бригадиръ (старинный армейскій чинъ, между полковникомъ и генераломъ), не носящій собственнаго имени, какъ и большинство другихъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи, возвращаясь изъ Петербурга въ свои помѣстья, заѣхалъ со своей женой и сыномъ Иванушкой къ отставному же совѣтнику коллегіи въ его деревнѣ. У совѣтника есть дочь Софья, которая просватана уже за нѣкоего Добролюбова, но Бригадиръ хочетъ женить на ней своего сына, и Совѣтникъ, ожидая выгоды отъ будущей родни, соглашается предпочесть Иванушку Добролюбову, котораго Софья любитъ. Однако въ комедіи развертываются неожиданныя любовныя столкновенія: Бригадиръ и Иванушка влюбляются въ Совѣтницу, а Совѣтникъ — въ Бригадиршу, и піеса кончается выходомъ Софьи

замужъ все-таки за Добролюбова, который къ тому же изъ бѣдняка дѣлается богатымъ, получивши вдругъ большое имѣніе отъ выигрыша судебнаго процесса.

Несмотря на заглавіе піесы, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ней выступаетъ не Бригадиръ, а его сынъ Иванушка. Подъ этимъ именемъ изображенъ очень знакомый въ нашей сатирической литературѣ XVIII вѣка типъ «новоманернаго» щеголя, глупаго, невѣжественнаго и крайне смѣшного въ своемъ желаніи походить на француза. Особеннымъ цинизмомъ проникнуты его сужденія о семейной жизни и объ отношеніяхъ своихъ къ родителямъ: семейныя отношенія онъ считаетъ смѣшнымъ предразсудкомъ; онъ не признаетъ никакой власти отца надъ собою и въ оправданіе свое приводитъ отношеніе щенка къ псу, его породившему; влюбившись вмѣстѣ съ отцомъ въ Совѣтницу, онъ готовъ вызвать отца на дуэль, ссылаясь при этомъ на прочитанную имъ французскую книжку; о матери онъ отзывается въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ. Про себя Иванушка говоритъ, что жалѣетъ, зачѣмъ онъ родился русскимъ, и утѣшается тѣмъ, что все-таки душа его «принадлежитъ коронѣ французской». Во многомъ родственна Иванушкѣ Совѣтница — старая жеманница и щеголиха, начитавшаяся французскихъ романовъ, и, подобно Иванушкѣ, уродующая свою рѣчь французскими словами. Въ противоположность этимъ двумъ продуктамъ жалкаго воспитанія на французскій манеръ, въ комедіи выведены, въ другихъ лицахъ, порочные плоды старой русской жизни: Совѣтникъ—ханжа и взяточникъ, Бригадиръ—олицетвореніе грубости и деспотизма въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ способенъ эти черты обнаружить, а Бригадирша—«набитая дурища», какъ о ней отзывается ея мужъ. По словамъ самого автора, графъ Панинъ говорилъ ему про Бригадиршу, что она «всѣмъ родня», т. е. списана съ живой и часто встрѣчающейся дѣйствительности. Другія лица комедіи—Софья и Добролюбовъ—очерчены гораздо слабѣе: они представляютъ собою положительныя черты, наличность которыхъ авторъ хотѣлъ видѣть въ своихъ современникахъ: искренность, скромность, честность, серьезное пониманіе семейной жизни, стремленіе къ образованію. Удовлетворяя требованіямъ своего нравственнаго чувства, авторъ представляетъ ихъ судьбу въ концѣ концовъ счастливой и ихъ добродѣтели—вознагражденными.

«Недоросль». Шестнадцать лѣтъ, отдѣляющія появленіе второй комедіи Фонвизина отъ написанія первой, не остались безплодны для развитія таланта автора. «Недоросль» въ художественномъ отношеніи значительно выше «Бригадира».

Содержаніе «Недоросля» также укладывается въ тѣсныя рамки. Въ піесѣ изображена помѣщичья семья Простаковыхъ, живущихъ въ деревнѣ; она состоитъ изъ г-жи Простаковой, ея мужа и сына ихъ Митрофанушки-недоросля; «недорослями» назывались дворянскіе сыновья, въ дѣтствѣ записанные на службу, но еще не достигшіе 20-лѣтняго возраста, когда они должны были фактически начинать свою службу. Въ домѣ Простаковыхъ живетъ Софья, племянница Стародума, богатаго человѣка, живущаго въ Сибири. Желая воспользоваться недвижимымъ имуществомъ Софьи, Простакова хочетъ выдать ее за своего брата, Скотинина. Между тѣмъ изъ Сибири возвращается Стародумъ, котораго Простакова считаетъ умершимъ, и даритъ все свое состояніе Софьѣ; это мѣняетъ планы Простаковой, и она уже хочетъ выдать Софью за сына своего Митрофанушку. Однако Стародумъ увозитъ племянницу изъ дома Простаковыхъ и выдаетъ ее за честнаго и добраго Милона. Это содержаніе «Недоросля» расширяется изображеніемъ деспотическихъ наклонностей г-жи Простаковой надъ крѣпостными и уродливаго воспитанія Митрофанушки.

Какъ видно, въ этой комедіи есть мотивы, напоминающіе «Бригадира»: именно, Софья соотвѣтствуетъ Софьѣ же первой комедіи Фонвизина, а Милонъ—Добролюбову. Въ остальномъ вторая комедія является новостью послѣ первой. Тутъ изображены исключительно отрицательныя и порочныя стороны русскаго воспитанія, состоящія въ одномъ физическомъ питаніи, полномъ пренебреженіи къ знанію и потворствѣ самымъ дурнымъ наклонностямъ; послѣднему особенно способствовало крѣпостное право. Въ центрѣ мрачной картины, нарисованной Фонвизинымъ, стоитъ г-жа Простакова, эта «злая фурія, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго ихъ дома», какъ говоритъ о ней одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Правдинъ. Невѣжество, скопидомство, душевная грубость, ханжество и жестокость къ крѣпостнымъ составляютъ главнѣйшія ея черты. Особо и чрезвычайно ярко подчеркнуты отношенія ея къ воспитанію Митрофанушки. Г-жа Простакова находитъ всякое образованіе и воспитаніе излишнимъ; нанявъ своему сыну лишь для формы дешевыхъ, невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ учителей, она считаетъ свой родительскій долгъ исполненнымъ. Черты этого «старомавернаго», хотя и не настоящаго стариннаго, воспитанія пополнены изображеніемъ Митрофанушки-недоросля, который, въ противорѣчіе съ заглавіемъ піесы, не играетъ въ ней главной роли. Его обучаютъ съ одной сто-

роны жалкіе и загнанные русскіе учителя, Кутейкинъ и Цыфиркинъ, а съ другой—нѣмецкій проходимецъ Вральманъ, бывшій кучеръ, круглый невѣжда и обманщикъ. Въ результатѣ такого обученія получается полное отвращеніе Митрофанушки къ какому бы то ни было ученью; воспитаніе же его получаетъ прямо порочныя формы, вполнѣ напоминающія Иванушку первой комедіи Фонвизина. Когда, въ концѣ піесы, г-жу Простакову оставляетъ Софья, уѣзжающая съ Милономъ и увозящая всѣ ея мечты о богатствѣ для Митрофанушки, то г-жа Простакова бросается къ своему любимому дѣтищу, надѣясь найти у него защиту и утѣшеніе, однако встрѣчаетъ отъ него такой отвѣтъ: «Да отвяжись ты, матушка! какъ привязалась!» Это—истинное драматическое положеніе, подготовленное всѣмъ ходомъ піесы. Общій назидательный смыслъ піесы, имѣвшей въ виду представить отрицательные результаты дурного воспитанія, выраженъ въ заключительныхъ словахъ, произнесенныхъ Стародумомъ: «Вотъ злонравія достойные плоды!»

« Резонеры » у Фонвизина.

Вопросъ о воспитаніи, поставленный Фонвизинымъ въ «Недорослѣ» особенно серьезно, побудилъ его выдвинуть въ піесѣ двухъ «резонеровъ», т. е. лицъ, надѣленныхъ положительными чертами и высказывающихъ взгляды самого автора; это —Стародумъ и Правдинъ. Они ведутъ между собою, а также съ Милономъ и Софьей, разговоры о воспитаніи; изъ этихъ разговоровъ выясняется, что, предавая обличенію воспитаніе Митрофанушки и взглядъ на этотъ вопросъ г-жи Простаковой, авторъ имѣлъ въ виду не старинное русское воспитаніе, къ которому относится съ уваженіемъ, а современное ему отношеніе къ воспитанію людей, которые видѣли въ этомъ долгѣ по отношенію къ своимъ дѣтямъ обузу для себя и стремились главнымъ образомъ осуществить лишь грубо-животную родительскую привязанность.

Въ области этого «резонерства», которое читателямъ и театральнымъ зрителямъ XVIII вѣка казалось очень интереснымъ, особенно видное мѣсто занимаетъ у Фонвизина личность Стародума. Устами этого лица Фонвизинъ высказываетъ въ комедіи свои взгляды не только на воспитаніе, но и на другіе вопросы, тѣсно связанные съ воспитаніемъ—о семьѣ, о счастьи, о злыхъ и добрыхъ людяхъ и т. п. Въ этихъ сужденіяхъ въ Фонвизинѣ сказывается съ одной стороны человѣкъ Екатерининской эпохи, наклонный выдвигать вопросы о добродѣтели, о богатствѣ и бѣдности, о честности и добрыхъ нравахъ, о службѣ, а съ другой--сторон-

никъ недалекой «старины», думающій по старому, т.е. въ духѣ Петровскаго времени: онъ одобряетъ суровую нравственную твердость того времени, отсутствіе придворнаго тщеславія и лести, стремленіе выдвигаться личными заслугами, а не протекціей и интригами. Личность Стародума продолжала занимать Фонвизина и послѣ окончанія «Недоросля»: какъ уже упомянуто, онъ думалъ издавать особый сатирическій журналъ «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ». Въ одной изъ заготовленныхъ для этого журнала статей, въ формѣ «Письма сочинителя Недоросля Стародуму»(янв.1788), первый говоритъ и объ отношеніи современной ему публики къ роли Стародума : «Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей Недоросль одолженъ я вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьею составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ». Между другими статьями, заготовленными для неосуществившагося журнала Фонвизина въ формѣ переписки Стародума съ разными лицами, есть нѣсколько весьма замѣчательныхъ по комизму и острой сатирѣ на современные нравы, напр. «Письмо къ Стародуму Дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина» и «отвѣтъ» на него Стародума: это—яркая картинка умственной и нравственной несостоятельности захолустнаго дворянства той эпохи, особенно въ вопросахъ семейной жизни и воспитанія дѣтей. Вообще никто изъ русскихъ писателей Екатерининской эпохи не разработалъ въ литературной формѣ съ такой полнотой важнѣйшій въ ту пору вопросъ о воспитаніи, какъ Фонвизинъ: въ обѣихъ своихъ комедіяхъ онъ далъ намъ изображеніе какъ «новоманернаго», такъ и «староманернаго» воспитанія, отчетливо указавъ на ихъ уродливости и вытекающій отсюда вредъ для общества.

Художественные недостатки Фонвизина въ настоящее время для насъ ясны. Подчиняясь условностямъ новоклассической французской теоріи, онъ дѣлалъ изъ своихъ лицъ ходячіе добродѣтели и пороки, причемъ нѣкоторыя его изображенія, напр., Иванушка или Скотининъ съ его любовью къ «свинкамъ», отзываются карикатурой. Въ комедіяхъ мало дѣйствія и много разсужденій. Однако многія мѣста комедіи Фонвизина отличаются подлиннымъ комизмомъ, который, по производимому имъ впечатлѣнію, замѣнялъ автору недостатки художественности; нѣкоторыя лица, напр., г-жа Простакова, Митрофанушка и няня Еремѣевна, обрисованы съ художественною простотою.

Отраженіе русской современности XVIII вѣка въ комедіяхъ Фонвизина обезпечило за ними крупное историческое значеніе:

онъ первый изъ русскихъ драматурговъ обрисовалъ на сценѣ живыми чертами крѣпостное право и недостатки воспитанія.

Г. Р. Державинъ. **§ 76.** Изложенные до сихъ поръ факты литературы Екатерининскаго времени (сочиненія самой императрицы, Новикова, Фонвизина, журналы) стояли внѣ какого либо литературнаго направленія; они отвѣчали только потребности сатирически изображать русскую жизнь или проводить извѣстныя морально-философскія воззрѣнія при общемъ стремленіи къ дидактизму. Но, рядомъ съ этимъ, продолжало жить и то литературное направленіе, которое, какъ мы видѣли (§ 62), возникло въ Россіи въ первыя десятилѣтія XVIII вѣка въ видѣ французскаго «новоклассицизма», или «ложноклассицизма». Самыми выдающимися выразителями этого направленія у насъ во второй половинѣ XVIII вѣка были въ лирикѣ—Державинъ, въ эпосѣ—Херасковъ, а въ драмѣ—послѣ Сумарокова (§ 68)—Княжнинъ.

Его жизнь. Гавріилъ Романовичъ Державинъ (род. въ 1743 году) происходилъ изъ татарскаго рода, давно уже обрусѣвшаго и владѣвшаго небольшими помѣстьями недалеко отъ Казани. Въ дѣтствѣ онъ изъѣздилъ съ отцомъ многія мѣста въ Россіи; первоначальное свое образованіе получилъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ въ Оренбургѣ, но, кромѣ нѣмецкаго языка, научился здѣсь очень немногому. Послѣ смерти отца Державина, мать будущаго поэта старалась дать сыну приличное по-тогдашнему воспитаніе и опредѣлила его въ только что открытую тогда (1759) Казанскую гимназію; здѣсь Державинъ много читалъ и началъ даже пробовать писать стихи. Однако гимназическое ученіе его было прервано вызовомъ на военную службу въ Петербургъ, гдѣ онъ пробылъ, въ Преображенскомъ полку, 12 лѣтъ. Это было время, трудное для Державина и неблагопріятное для развитія его литературныхъ наклонностей; не разъ падалъ онъ и въ нравственномъ отношеніи. Благопріятная перемѣна въ жизни Державина наступила съ 1773 года, когда, по случаю вспыхнувшаго въ Поволжскомъ краѣ Пугачевскаго бунта, онъ приглашенъ былъ въ помощники для разныхъ порученій къ генералу Бибикову, которому ввѣрено было дѣло усмиренія пугачевщины. Среди многообразныхъ трудовъ этого времени Державинъ нашелъ время, и для занятій стихотворствомъ: имъ написаны были т. наз. «Читалагайскія оды», составляющія первый серьезный плодъ его пробужденнаго поэтическаго таланта. Съ 1777 года Державинъ поступилъ на службу въ Сенатъ и, снова поселившись въ Петербургѣ, могъ уже въ гораздо болѣе счастливой обстановкѣ продол-

жать свое литературное образованіе, а къ 1779 году относится первое выступленіе его въ печати нѣсколькими одами, между которыми была и довольно извѣстная впослѣдствіи ода «На смерть князя Мещерскаго». Вскорѣ онъ сдѣлался лично извѣстенъ императрицѣ: за свою оду «Фелица» онъ былъ представленъ ей въ Зимнемъ Дворцѣ и получилъ отъ нея щедрое поощреніе въ видѣ золотой табакерки съ 500 червонцами. Литературная извѣстность выдвинула Державина и на служебномъ поприщѣ: онъ былъ губернаторомъ въ Олонецкѣ, потомъ въ Тамбовѣ, а позднѣе назначенъ былъ кабинетъ-секретаремъ самой государыни. Дальнѣйшіе служебные успѣхи его были еще болѣе значительны: при Екатеринѣ II онъ былъ сенаторомъ, а при Александрѣ I даже министромъ юстиціи. Но необузданный и строптивый характеръ Державина, при непреклонной любви къ правдѣ, не позволялъ ему долго оставаться на всѣхъ этихъ высокихъ ступеняхъ его службы: вездѣ онъ находилъ себѣ враговъ и не всегда оставался въ борьбѣ съ ними побѣдителемъ. Служба однако же мало мѣшала Державину заниматься поэзіей. Всего охотнѣе и удачнѣе писалъ онъ оды, между которыми особенно замѣчательными являются, кромѣ двухъ упомянутыхъ, еще — «Изображеніе Фелицы», «Видѣніе мурзы», «Водопадъ», «Вельможа», «Богъ». Въ послѣдніе годы своей жизни Державинъ особенно пристрастился къ драмѣ, но обнаружилъ здѣсь мало дарованія, впадая въ риторику и искусственную народность. Имъ написаны также въ это время «Записки», имѣющія чрезвычайно важное біографическое значеніе для изученія Державина и дающія цѣнныя черты для знакомства съ русской жизнью второй половины XVIII вѣка. Памятнымъ эпизодомъ этихъ лѣтъ долгой жизни Державина является встрѣча его въ 1815 году на актѣ Царскосельскаго Лицея съ А. С. Пушкинымъ, который прочелъ передъ знаменитымъ гостемъ одно изъ своихъ первыхъ большихъ стихотвореній, «Воспоминаніе о Царскомъ Селѣ»: престарѣлый поэтъ былъ восхищенъ и глубоко растроганъ. Послѣдніе годы своей жизни Державинъ прожилъ въ своемъ имѣніи Званкѣ, Новгородской губерніи, и умеръ 9 іюня 1816 года.

Оды Державина. Въ области литературныхъ понятій Державинъ былъ самоучкой: школа въ этомъ отношеніи не дала ему почти ничего. По его собственному признанію, въ молодости онъ читалъ теоретическія разсужденія Тредьяковскаго о поэзіи, а въ собственныхъ опытахъ на первыхъ порахъ подражалъ Ломоносову, но такъ какъ онъ не могъ достигнуть свойственныхъ этому поэту «великолѣпія и пышности рѣчи», то и рѣшилъ идти своимъ путемъ,

руководясь прежде всего природнымъ поэтическимъ инстинктомъ, а затѣмъ—наставленіями французскаго теоретика Баттё, совѣтами своихъ друзей Львова, Капниста и Хемницера и примѣромъ Горація. Результатомъ этого рѣшенія и явилась вся последующая долгая поэтическая дѣятельность Державина въ области оды. По существу, въ нашей литературѣ онъ является тутъ прямымъ продолжателемъ Ломоносова, но съ рѣзкими отличительными особенностями. Оды Державина пространнѣе одъ Ломоносова и нерѣдко—въ ущербъ ихъ поэтическому достоинству; кромѣ того, онѣ болѣе свободны отъ стѣсняющихъ правилъ новоклассической теоріи: въ нихъ ярче выдвигается поэтическая индивидуальность автора, смѣлѣе образы и выраженія; онѣ богаче отраженіемъ дѣйствительной русской жизни, историческими чертами, указаніями и намеками; въ нихъ присутствуетъ въ сильной степени сатирическое обличеніе; языкъ ихъ гораздо болѣе непринужденный, свободный отъ примѣси славянизмовъ и изобилующій элементами народности.

Самъ Державинъ, какъ одописецъ, выше всего ставилъ себѣ въ заслугу возвеличеніе императрицы Екатерины II. Онъ обращался къ ней съ такими словами, говоря о своей поэзіи:

Какъ солнце, какъ луну поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ.
(«Видѣніе мурзы»)

Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты—славою, твоимъ я эхомъ буду жить.
(«Памятникъ»)

«Фелица». Рядъ одъ, посвященныхъ Державинымъ прославленію Екатерины, начался одою «Фелица». Было уже упомянуто (§ 73), что императрица написала для своихъ внуковъ сказку о царевичѣ Хлорѣ, напечатанную въ 1780 году; здѣсь царевна Фелица помогаетъ царевичу Хлору отыскать «розу безъ шиповъ», подъ которой разумѣется «добродѣтель». Этимъ наименованіемъ воспользовался Державинъ и обозначилъ имъ Екатерину въ своей одѣ, которая и начинается такимъ обращеніемъ къ императрицѣ:

Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору

Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!

Ода посвящена полному изображенію императрицы Екатерины—какъ человѣка и какъ правительницы; этимъ планомъ она раздѣляется на двѣ, почти равныя, части.

Въ первой части, желая изобразить императрицу, какъ человѣка, поэтъ пользуется формой сравненія съ самимъ собою. Онъ представляетъ себя полнымъ всякихъ недостатковъ, собирая послѣдніе изъ жизни извѣстныхъ вельможъ, которыхъ онъ для сохраненія восточнаго колорита оды называетъ «мурзами». Намеки эти были настолько прозрачны, что современники легко узнавали въ нихъ то князя Г. А. Потемкина (мечтателя и сибарита), то графа А. Г. Орлова (охотника до скачекъ, русскихъ пѣсенъ и кулачныхъ боевъ), то П. И. Панина (любителя псовой охоты), то С. К. Нарышкина (заведшаго роговую музыку и катавшагося съ нею по Невѣ). О самой императрицѣ поэтъ говоритъ:

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Тутъ императрица представлена сторонницей простоты и трудолюбія, чуждой тщеславія, пустой мечтательности и мистицизма. Конечно, въ этой характеристикѣ личности императрицы есть нѣкоторая идеализація, но она объясняется не одной только, свойственной одописцамъ того времени, наклонностью говорить пріятное и льстить, а также—глубокимъ и самымъ искреннимъ увлеченіемъ Державина всей личностью императрицы; кромѣ того, многія черты частной жизни императрицы могли быть извѣстны тогда Державину лишь по слухамъ.

Вторая половина оды изображаетъ Екатерину со стороны ея высокаго офиціальнаго положенія. Тутъ особенно указывается на справедливость императрицы, гуманность, прямоту, доступность, покровительство поэзіи:

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и шуткахъ,

Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

————

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить.

Въ концѣ оды всѣ эти черты, присвоенныя императрицѣ, разрѣшаются у поэта блестящимъ выраженіемъ поклоненія ей, причемъ послѣдняя строфа достойнымъ образомъ завершаетъ восточный характеръ этого гимна «мурзы» своей «царевнѣ»:

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь.
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

Въ собственно литературномъ отношеніи ода «Фелица» далеко не свободна отъ недостатковъ: обѣ основныя части общаго плана не выдержаны, и составные элементы каждой изъ этихъ частей перемѣшаны въ безпорядкѣ; въ первой части, личныя черты автора, употребленныя имъ для сравненія въ пользу императрицы, также перепутаны съ обращеніемъ къ императрицѣ, что вредно отзывается на единствѣ художественнаго впечатлѣнія отъ оды. Но въ общемъ она представляетъ собою столько оригинальнаго и въ поэтическомъ отношеніи цѣннаго, что не могла не понравиться очень многимъ при своемъ появленіи въ печати; особенно поразило многихъ сочетаніе въ одномъ и томъ же произведеніи обычнаго въ одѣ панегиризма, т. е. похвалы, съ сатирой; многихъ пріятно поразила также и та легкость внѣшняго выраженія, про которую самъ Державинъ впослѣдствіи вѣрно замѣтилъ:

. . . Изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить.
(«Памятникъ»)

Дополненіемъ къ этой одѣ, изображающей Екатерину, являются у Державина оды «Благодарность Фелицѣ», «Изображеніе Фелицы» и «Видѣніе мурзы» (1783); въ послѣдней одѣ авторъ съ восторженной благодарностью вспоминаетъ о вниманіи къ нему императрицы и отвергаетъ обвиненіе въ лести, предъявленное ему недоброжелателями его по поводу оды «Фелица».

«Вельможа». Уже въ «Фелицѣ», написанной съ цѣлію прославленія императрицы, имѣются сатирическія черты, направленныя противъ слабостей знатныхъ. Сатирическое настроеніе, свойственное вообще Державину и соотвѣтствовавшее общему характеру тогдашней литературы, привело поэта къ написанію нѣсколькихъ одъ съ преобладающимъ сатирическимъ содержаніемъ; между ними особенно замѣчательна ода «Вельможа» (1794). Она написана въ честь графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, знаменитаго полководца той эпохи, бывшаго долгое время въ немилости у императрицы, но потомъ опять призваннаго ею для руководительства русскими войсками противъ Польши. По этому поводу Державинъ, мысленно сравнивая воспѣваемаго имъ героя съ нѣкоторыми другими вельможами, обращаетъ противъ нихъ свое негодованіе. Онъ съ восхищеніемъ представляетъ себѣ царственные труды Петра I и Екатерины II:

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

Въ соотвѣтствіи съ ними и вельможу онъ представляетъ въ такихъ чертахъ:

Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Бояринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможа долженъ обладать «здравымъ умомъ», «просвѣщеннымъ сердцемъ», а всѣ его мысли, слова и дѣла должны быть направлены на поддержаніе «царственнаго зданья», на пользу,

славу и честь отечества. Между тѣмъ въ дѣйствительности вельможа полонъ эгоизма, высокомѣрія, стремленія къ роскоши, неблагодарности и презрѣнія къ низшимъ; имѣя въ виду преимущественно Потемкина и Зубова, поэтъ говоритъ:

А ты, второй Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?

Онъ рисуетъ картину поздняго утра, когда знатный вельможа нѣжится въ постели:

А тамъ израненный герой,
Какъ лунь, во броняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

Однако въ Россіи были и лучшіе вельможи, между которыми поэтъ вспоминаетъ «безстрашнаго» Я. Ѳ. Долгорукова, и, наконецъ, обращается къ Румянцеву:

Тебѣ, герой, желаній мужъ,
Не роскошью вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь лавромъ, маслиной вѣнчанный,
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ!
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ!

«На смерть князя Мещерскаго».

Рядомъ съ торжественно-хвалебными и сатирическими одами Державина, отразившими на себѣ живую дѣйствительность, поэтъ написалъ и нѣсколько одъ съ религіозно-философскимъ характеромъ; этотъ родъ лириче-

ской поэзіи также былъ, еще со временъ Ломоносова, во вкусѣ XVIII вѣка, когда мысль, по противоположности съ блескомъ и разочарованіями внѣшней жизни, охотно обращалась къ вопросамъ религіи и къ скорбнымъ размышленіямъ о непрочности человѣческаго счастья. Въ этомъ духѣ написаны оды «На смерть князя Мещерскаго», «Водопадъ» и «Богъ».

Ода «На смерть князя Мещерскаго» (1779) есть одно изъ раннихъ произведеній Державина. Князь А. И. Мещерскій былъ богатый человѣкъ и большой хлѣбосолъ; Державинъ бывалъ на его роскошныхъ пирахъ; извѣстіе о его неожиданной смерти поразило поэта и вызвало въ его умѣ серьезныя мысли о ничтожности всего земного; это настроеніе онъ и передалъ въ одѣ, обращенной къ С. В. Перфильеву, другу покойнаго Мещерскаго. Въ началѣ поэтъ представляетъ непреодолимое могущество смерти, которой покорно все земное. Новой жертвой этой безпощадной силы является Мещерскій—этотъ баловень жизни:

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?— Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»

Затѣмъ мысль поэта опять обращается къ силѣ смерти, страшной своей неизбѣжностью: она—

Глядитъ на всѣхъ—и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры,
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны—
И точитъ лезвее косы.

Конецъ этой оды, сильной своей краткостью (въ ней всего 11 строфъ), посвященъ поэтомъ тому выводу, что, именно вслѣдствіе полной неизбѣжности смертнаго исхода, надо къ нему относиться спокойно и пользоваться жизнью, пока возможно; тутъ выразился тотъ житейскій эпикуреизмъ, т. е. стремленіе къ разумному и умѣренному наслажденію радостями жизни, который вытекалъ изъ разсудочной философіи XVIII вѣка:

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно:

Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою
И съ чистою твоей душою,
Благословляй судебъ ударъ.

«Водопадъ». Ода «Водопадъ»—самая длинная изъ одъ Державина, что невыгодно отражается на общемъ характерѣ производимаго ею впечатлѣнія. Въ этомъ произведеніи поэтъ изобразилъ свой восторгъ отъ посѣщеннаго имъ водопада Кивачъ, образуемаго теченіемъ рѣки Суны при впаденіи ея въ Онежское озеро. Однако видъ этого красиваго и величественнаго явленія природы наводитъ его на грустныя мысли о ничтожности человѣческаго величія; передъ его духовнымъ взоромъ встаютъ два знаменитыхъ сподвижника Екатерины II—П. А. Румянцевъ и Г. А. Потемкинъ; первый, благодаря интригамъ второго, находился въ немилости и оттѣсненъ былъ отъ участія въ войнѣ съ турками, а второй неожиданно для всѣхъ скончался (5 окт. 1791) въ степи, недалеко отъ Яссъ, среди походной обстановки. Поэтъ изображаетъ Румянцева въ видѣ «нѣкоего сѣдого мужа», сидящаго у водопада:

Сидитъ—и, взоръ вперя къ водамъ,
Въ глубокой думѣ разсуждаетъ:
«Не жизнь ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ?
. . . .
Не такъ ли съ неба время льется,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?»

А смерть Потемкина вызываетъ у поэта слѣдующія строки:

Не ты ли, счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?
Не ты ль наперстникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ:
Во храмѣ Музъ, другъ Аполлона,
На полѣ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ, хотя и не въ порфирѣ?

———

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,

И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть свой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?

Эта ода чрезвычайно богата описательными чертами; ими открывается ея начало—бурное паденіе водопада съ высоты—и ими же она оканчивается: изображено мирное теченіе рѣки Суны послѣ водопада, что даетъ примиряющій и нѣжно-спокойный исходъ первоначальному тревожному движенію духа поэта, созданному всѣмъ предшествующимъ содержаніемъ этого произведенія.

«Богъ». Въ одѣ «Богъ» (1784) Державинъ поставилъ себѣ цѣлью выразить идею величія Божія. Эта цѣль, поскольку она вообще доступна средствамъ поэтическаго изображенія, была достигнута поэтомъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ: онъ создалъ произведеніе, полное глубокаго поэтическаго воодушевленія, сильное своей краткостью и законченностью. Ода «Богъ» основана на искреннемъ душевномъ подъемѣ поэта, какъ глубоко вѣрующаго христіанина; онъ долгое время работалъ надъ этой одой, искалъ продолжительнаго уединенія для этой работы и, наконецъ, создалъ такое произведеніе, которое приводило въ восхищеніе современниковъ и потомство, переведено было на многіе европейскіе языки и является одной изъ главныхъ основъ славы Державина какъ поэта.

Ода начинается перечисленіемъ свойствъ Божіихъ и продолжается попыткой проникнуть въ ихъ сущность; но, по признанію поэта, умъ и воображеніе человѣка безсильны рѣшить такую задачу. Поэтъ обращается къ Богу:

Измѣрить океанъ глубокій
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны
Отъ свѣта твоего рожденны
Изслѣдовать судебъ Твоихъ.
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,—
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Въ результатѣ, остается одна доступная человѣку возможность—проникнуться мыслію о безграничномъ величіи Божіемъ, подавляющемъ собою все, что насъ окружаетъ; передъ идеей о Богѣ кажутся совершенно ничтожными и природа и самъ человѣкъ; все значеніе послѣдняго поэтъ видитъ въ томъ, что онъ отражаетъ собою величіе Творца, какъ отражается «солнце въ малой каплѣ водъ»:

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ, я червь—я Богъ!

Ода—этотъ высокій религіозный гимнъ—заключается торжественнымъ аккордомъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и выводъ, единственно способный удовлетворить религіознаго и мыслящаго человѣка:

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

По обычаю многихъ современныхъ ему писателей, Державинъ стремился въ своей литературной дѣятельности къ использованію самыхъ разнообразныхъ поэтическихъ формъ. Кромѣ оды, онъ далъ многіе образцы въ анакреонтической и эпистолярной лирикѣ и написалъ много драматическихъ произведеній. Нѣкоторыя изъ лирическихъ произведеній Державина отличаются стремленіемъ къ простотѣ, веселымъ тономъ и непринужденностью языка: таковы «Приглашеніе къ обѣду», «Кружка», «Кузнечикъ», «Похвала сельской жизни», «Русскія дѣвушки», «Признаніе»; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видны черты чувствительности и интересъ къ народности, т. е. къ изображенію простонародной жизни и простонароднаго душевнаго склада. Немало написано Державинымъ и въ формѣ драмы: напр., трагедіи «Темный», «Евпраксія» или оперы «Добрыня», «Грозный или покореніе Казани»; эти произведенія показываютъ, что Державинъ не былъ рожденъ драматургомъ, но характернымъ является присутствіе и въ нихъ стремленія къ народности и патріотическое настроеніе поэта въ изображеніи прошлаго русской жизни.

Обшее историческое значеніе Державина.

Конечно, главнѣйшимъ призваніемъ Державина въ поэзіи была ода, и въ этой именно области заключается главное его право на вниманіе потомства. Являясь знаменитѣйшимъ одописцемъ Екатерининской эпо-

хи, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляется и лучшимъ выразителемъ этого литературнаго рода въ теченіе всего XVIII вѣка. Какъ одописецъ, Державинъ былъ прежде всего искреннимъ пѣвцомъ Екатерины II, ея царствованія, ея величія и славы; но хвалебнымъ настроеніемъ, по преимуществу свойственнымъ одѣ, онъ не связалъ своего вдохновенія, простирая его и на темныя стороны того блеска, который окружалъ Екатерину; наконецъ, какъ истинный сынъ своей эпохи, Державинъ выразилъ въ своихъ одахъ многія волновавшія его думы и чувства по вопросамъ религіи и житейской философіи вѣка. Богатое поэтическое воображеніе Державина позволяло ему быть оригинальнымъ въ своихъ произведеніяхъ, хотя по мѣстамъ у него замѣтны слѣды вліянія англійской литературы, напр. въ видѣ «Пѣсенъ» Оссіана и «Ночей» Юнга—преимущественно въ описаніяхъ природы: это были первыя отдаленныя вѣянія будущаго романтизма въ нашей литературѣ.

Но этимъ не ограничиваются заслуги Державина въ исторіи русской литературы. Онъ первый у насъ въ XVIII вѣкѣ старался поставить занятіе поэзіей на самостоятельное мѣсто и освободить ее отъ того прикладного значенія, которое она имѣла въ лицѣ даже его великаго предшественника—Ломоносова. Въ стихотвореніи «Памятникъ», время написанія котораго совпадаетъ съ годомъ смерти императрицы Екатерины (1796), Державинъ, подводя итогъ своимъ поэтическимъ трудамъ, справедливо расчитывалъ на благодарное вниманіе къ себѣ потомства:

. . . . . Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣнья убѣжавъ, по смерти будетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая!

М. М. Херасковъ. § **77.** Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (1733—1807) является у насъ въ Екатерининскую эпоху главнѣйшимъ представителемъ новоклассическаго эпоса. Самый замѣчательный трудъ его въ этомъ родѣ—«Россіяда» (1779). Она написана въ подражаніе великимъ произведеніямъ эпическаго творчества у другихъ народовъ—«Иліады» и «Одиссеи» у Грековъ, «Энеиды» у Римлянъ, а также сочиненій Тассо, Комоэнса, Мильтона и Вольтера; предшественникомъ Хераскова въ русской литературѣ былъ Ломоносовъ со своей неоконченной поэмой «Петръ Великій». Изъ всѣхъ трехъ поэтическихъ родовъ французской новоклассической теоріи эпосъ представлялъ наибольшія трудности и требовалъ самаго значительнаго напряженія поэтическихъ силъ. Для созданія эпическаго произведенія нуженъ былъ такой историческій сюжетъ, который отличался бы особымъ

величіемъ и значительностью, представляя въ то же время просторъ для полета поэтической фантазіи. Такимъ сюжетомъ Херасковъ избралъ для себя эпизодъ царствованія Ивана Грознаго—покореніе Казанскаго царства.

« Россіяда ». Въ этомъ событіи воплотились интересы всего русскаго государства, и потому поэмѣ усвоено авторомъ названіе «Россіяды». Поэма состоитъ изъ 12 «пѣсенъ» и начинается согласно правиламъ узаконенной теоріи:

> Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
> Попранну власть татаръ и гордость низложенну,
> Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
> Россіи торжество, разрушенну Казань.

Поэма начинается описаніемъ бѣдствій Москвы послѣ пожара при Иванѣ Грозномъ. Царь видитъ вѣщій сонъ, гдѣ ему являются прежніе правители Россіи, много потерпѣвшіе отъ татаръ, и Иванъ Грозный созываетъ боярскую думу; здѣсь выступаютъ съ рѣчами Курбскій, Адашевъ, Глинскій и другіе бояре, по совѣту которыхъ царь, уже раньше получившій благословеніе отъ св. Сергія, окончательно рѣшается на походъ противъ Казани. Затѣмъ, мысль поэта обращается къ Казани, и описываются происходящія тамъ внутреннія волненія и смуты: тутъ выведена, между прочимъ, царица Сумбека, вопрошающая на могилѣ своего перваго мужа Сафагирея, въ очарованномъ лѣсу, его тѣнь и получающая отвѣтъ, что Казанское царство должно погибнуть. Далѣе описывается походъ Ивана Грознаго на Казань, безчисленныя трудности борьбы съ татарами и подвиги русскихъ воиновъ; есть поразительная сцена, когда пустынникъ-старецъ Вассіанъ уводитъ царя Ивана на какую-то гору и тамъ въ видѣніи показываетъ ему его предковъ—св. князя Владиміра, Ольгу, Бориса и Глѣба, Александра Невскаго; старецъ говоритъ Ивану и о будущихъ потомкахъ его—Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ II. Поэма оканчивается подробнымъ описаніемъ осады, подкоповъ, взрывовъ и конечнаго успѣха русскаго войска. Многіе эпизоды этой поэмы заимствованы, въ общихъ чертахъ, Херасковымъ изъ иностранныхъ образцовъ—особенно изъ «Энеиды», «Генріады» Вольтера и «Освобожденнаго Іерусалима» Тассо; царь Иванъ Грозный и окружающіе его русскіе люди также представлены на подобіе героевъ чужеземнаго эпоса, но въ общемъ это обширное произведеніе написано авторомъ самостоятельно, съ большимъ увлеченіемъ и патріотическимъ подъемомъ. Нисколько не удивительно, что въ свое время оно очень нравилось читателямъ и создало Хераскову славу «русскаго Гомера».

Херасковъ, подобно Державину, былъ плодовитый и многосторонній писатель: кромѣ «Россіяды», онъ написалъ и другую эпическую поэму, «Владиміръ», въ которой взялъ сюжетомъ историческую тему, уже ранѣе обработанную Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ видѣ драмы (§ 60); но, принадлежа къ значительно болѣе позднему времени (1785), эта поэма Хераскова отражаетъ на себѣ его увлеченіе масонскими идеями (ср. выше, §§ 72, 74), и въ ней преобладаетъ дидактическій элементъ, съ большой примѣсью мистицизма. Кромѣ того, Херасковъ писалъ трагедіи, слезныя комедіи, оды; послѣднему наименованію онъ давалъ весьма широкій смыслъ: среди его одъ встрѣчаются нерѣдко краткія лирическія произведенія, чуждыя восхваленія или сатиры, но заключающія въ себѣ размышленія и картины съ сантиментальнымъ характеромъ, который уже началъ пробиваться въ русской литературѣ навстрѣчу Карамзину. Изъ прозаическихъ сочиненій

Повѣсти Хераскова.

Хераскова особенную извѣстность пріобрѣли его дидактическія «повѣсти» въ прозѣ «Нума Помпилій», «Кадмъ и Гармонія» и «Полидоръ», также проникнутыя мечтательнымъ и сантиментальнымъ настроеніемъ.

Я. Б. Княжнинъ.

§ 78. Самое большое развитіе новоклассическіе вкусы въ русской литературѣ Екатерининской эпохи получили въ драмѣ, и наиболѣе выдающимся драматическимъ писателемъ второй половины XVIII вѣка является у насъ Княжнинъ.

Яковъ Борисовичъ Княжнинъ (1742—1791) не получилъ систематическаго образованія; своими успѣхами на литературномъ поприщѣ онъ былъ обязанъ исключительно своимъ способностямъ и любви къ литературѣ. Княжнинъ, какъ драматургъ, былъ прямымъ продолжателемъ Сумарокова, съ которымъ онъ былъ связанъ не только литературными симпатіями, но и родственными отношеніями, будучи женатъ на его дочери.

Трагедіи «Дидона», «Росславъ» и «Вадимъ Новгородскій».

Княжнину принадлежитъ нѣсколько трагедій, комедій и «комическихъ оперъ». Самыми замѣчательными изъ его трагедій являются «Дидона» (1769), «Росславъ» (1784) и «Вадимъ Новгородскій» (1783). Первая трагедія представляетъ разработку античной легенды о любви Энея и Дидоны, причемъ въ душѣ Энея происходитъ борьба между его чувствомъ къ Дидонѣ и сознаніемъ обязанности повиноваться богамъ, которые посылаютъ его въ Лаціумъ для основанія новаго государства. Эней высказываетъ у Княжнина много возвышенныхъ мыслей объ идеѣ государства, о патріотизмѣ, о любви къ отечеству, которыя отвѣчали тог-

дашнему интересу къ этимъ вопросамъ въ Россіи. Въ «Росславѣ» обработана та же тема о любви къ отечеству, но носителемъ этой мысли здѣсь является русскій полководецъ Росславъ, попавшій въ плѣнъ къ шведскому и датскому королю Христіерну и освобожденный оттуда лишь государственнымъ переворотомъ въ Стокгольмѣ, жертвой котораго палъ самъ Христіернъ. Въ «Вадимѣ Новгородскомъ» дѣйствіе посвящено исключительно событіямъ русской исторіи: во время отсутствія посадника и полководца Вадима изъ Новгорода, новгородцы избрали себѣ въ князья Рюрика, но когда Вадимъ вернулся, онъ почелъ своимъ долгомъ вступить съ Рюрикомъ въ борьбу, отстаивая новгородскую вольность и республиканскія основы жизни; борьба эта кончается полной побѣдой Рюрика и торжествомъ монархическаго принципа власти, причемъ со стороны обоихъ героевъ высказано было не мало мыслей о государствѣ, обязанностяхъ правителя и о любви къ родинѣ. Во всѣхъ этихъ трагедіяхъ, несмотря на ихъ историческій фонъ и имена дѣйствующихъ лицъ, нѣтъ настоящей исторіи, и, напротивъ, много чертъ той государственной, общественной и личной «философіи», которую носили въ душѣ образованные русскіе люди второй половины XVIII вѣка: тутъ мы видимъ то же самое, что и у Сумарокова.

Комедіи «Хвастунъ» и «Чудаки». Изъ комедій Княжнина болѣе другихъ сдѣлались въ свое время извѣстными «Хвастунъ» (1786) и «Чудаки» (1793). Онѣ не самостоятельны по своему содержанію и представляютъ передѣлку французскихъ оригиналовъ на русскіе нравы. Въ первой комедіи изображенъ, въ лицѣ Верхолета, обманщикъ и враль, выдающій себя за графа и старающійся жениться на богатой дворянкѣ Чванкиной; дѣло оканчивается полнымъ обличеніемъ Верхолета. Мораль комедіи заключается въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ служанки Марины:

Чтобъ глупо не упасть и чтобъ не осрамиться,
Такъ лучше не въ свои намъ сани не садиться!

Въ комедіи выведено нѣсколько лицъ и представлено много живыхъ сценъ, но большею частью—карикатурно. Въ комедіи «Чудаки» изображена семья нѣкоего Лѣнтягина, вышедшаго въ люди путемъ женитьбы и разсуждающаго о чести, о равенствѣ всѣхъ людей, о свободѣ, пытающагося даже осуществить эти идеи въ своемъ домѣ. Однако въ этихъ мечтаніяхъ «чудака» ему оказываетъ противодѣйствіе жена, полная суеты и дворянской спеси и стремящаяся подыскать подходящаго жениха своей дочери Улинькѣ. На сцену выводится цѣлый рядъ этихъ жениховъ, что даетъ авто-

ру комедіи поводъ набросать нѣсколько удачныхъ сатирическихъ картинъ; комедія кончается тѣмъ, что Улинька достается Пріяту, въ которомъ представленъ начавшій появляться тогда въ русскомъ обществѣ типъ людей съ сантиментальнымъ настроеніемъ.

Комическая опера. § **79.** Княжнину принадлежитъ также и нѣсколько «комическихъ оперъ». Подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть короткія драматическія произведенія (въ одномъ, въ двухъ или въ трехъ дѣйствіяхъ), съ веселымъ содержаніемъ, съ пѣніемъ и танцами. Онѣ замѣчательны были въ нашей литературѣ второй половины XVIII вѣка тѣмъ, что въ нихъ находило себѣ пріютъ стремленіе нашихъ писателей къ народности: на сцену выводились мужики, трактирщики, плутоватыя бабы, мелкіе торговцы, причемъ всѣ они выражались грубоватымъ языкомъ и являлись носителями сомнительной морали, открыто хвастая своимъ корыстолюбіемъ и обманами.

Княжнину принадлежитъ комическая опера «Сбитеньщикъ» (1789), гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является продавецъ сбитня (народный напитокъ) Степанъ; онъ представленъ обманщикомъ, который готовъ на все изъ-за денегъ и изо всего извлекаетъ себѣ прибыль. Онъ берется устроить свадьбу офицера Извѣда на молодой дѣвушкѣ Пашѣ, воспитанницѣ купца Волдырева, который самъ прочитъ ее себѣ въ жены; третьимъ женихомъ Паши является отставной офицеръ Болтай; благодаря стараніямъ Степана, взявшаго со всѣхъ трехъ жениховъ деньги, Паша достается Извѣду.

А. О. Аблесимовъ. Но самой извѣстной комической оперой въ Екатерининскую пору была піеса А. О. Аблесимова (1742—1783) «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ», представленная въ первый разъ на сценѣ въ 1779 году. Тутъ героемъ пьесы является мельникъ Ѳаддей, устраивающій за плату свадьбу между крестьянской дочерью Анютой и однодворцемъ (такъ назывались въ старину поселяне изъ потомковъ служилыхъ людей) Филимономъ. Въ пьесѣ представлены, между прочимъ, деревенскія посидѣлки, гдѣ собравшіяся дѣвушки шьютъ, прядутъ и поютъ пѣсни; на это собраніе является со своей балалайкой и плутъ-мельникъ; весь комизмъ піесы держится на его шуткахъ, припѣвахъ и болтовнѣ.

§ **80.** Мы уже видѣли (§ 71), что въ Екатерининскую пору обозначаются у насъ литературныя направленія, какъ слѣдствіе болѣе богатаго развитія литературы. Несмотря на естественное стремленіе нѣкоторыхъ писателей изобразить русскую дѣйстви-

тельность, на симпатіи къ простонародному быту и родной старинѣ, литература наша въ теченіе всего XVIII вѣка не переставала испытывать однако же западно-европейское вліяніе, и на смѣну новоклассицизму явился сентиментализмъ.

Сентиментализмъ въ Англіи и распространеніе его на Западѣ.

Подъ именемъ «сентиментализма» слѣдуетъ разумѣть такое общественное и литературное настроеніе, въ которомъ на первый планъ выдвинуто было чувство или, вѣрнѣе, сердечная чувствительность. Это настроеніе впервые замѣтнымъ образомъ появилось въ Англіи около половины XVIII вѣка и было само по себѣ слѣдствіемъ протеста господствовавшему духу «разсудочности» и философскаго «просвѣщенія», шедшихъ главнымъ образомъ изъ Франціи (ср. § 72). По своимъ историческимъ преданіямъ и по складу своей жизни, англійское общество было болѣе самостоятельно въ выработкѣ своей литературы, чѣмъ общество французское, находившееся въ сильной зависимости отъ условныхъ требованій Двора и избранныхъ, приближенныхъ къ нему круговъ парижской знати. Въ XVII вѣкѣ въ Англіи появился Шекспиръ, великій геній котораго обратился къ поэтической разработкѣ человѣческой психологіи и историческихъ сюжетовъ, взятыхъ изъ области родной старины. Къ этому независимому теченію въ англійской литературѣ примыкаетъ въ XVIII вѣкѣ и мѣщанская драма въ лицѣ Лилло («Джорджъ Барнвель, или Лондонскій купецъ», 1731); мы уже знаемъ (§ 68), что оно нашло себѣ отраженіе во Франціи у Дидро и Бомарше, а также въ Германіи у Лессинга, и, будучи перенесено въ Россію, очень нравилось театральной публикѣ. Эта перенесенная изъ Англіи на европейскій материкъ «мѣщанская драма» имѣла въ виду обыкновенныхъ людей, ихъ житейскія страсти и сердечныя движенія; въ этомъ смыслѣ, съ оттѣнкомъ простонародной грубоватости, къ ней примыкаетъ и наша «комическая опера» (§ 79).

Помимо драмы, англійскій сентиментализмъ нашелъ себѣ выраженіе и въ другихъ поэтическихъ родахъ. Въ лирикѣ онъ имѣлъ своихъ представителей въ Томсонѣ («Времена года», 1726), Юнгѣ («Ночныя думы», 1741) и Греѣ («Сельское кладбище», 1750). Здѣсь особенно выступаетъ описаніе природы, сопоставленіе ея съ человѣкомъ, меланхолическое душевное настроеніе; любимой литературной формой этой лирики была элегія, которая по преимуществу воспѣвала воспоминаніе объ утраченномъ счастьѣ и обманутыя надежды.

Семейный романъ: Ричардсонъ и Стэрнъ. Но всего болѣе сантиментальное настроеніе выразилось въ англійскомъ т. наз. семейномъ романѣ. Главными его представителями были Самуэль Ричардсонъ и Лауренсъ Стэрнъ. Ричардсону принадлежатъ три романа: «Памела» (1740), «Кларисса» (1748) и «Чарльзъ Грандисонъ» (1753). Наибольшее впечатлѣніе произвелъ второй изъ этихъ романовъ, переведенный и на русскій языкъ въ 1791—92 гг. подъ именемъ «Достопамятная жизнь дѣвицы Клариссы Гарловъ, истинная повѣсть». Тутъ, въ формѣ писемъ, изображена печальная исторія одной молодой дѣвушки, отличавшейся красотой и высокими нравственными качествами. Не желая выйти замужъ за нелюбимаго человѣка, къ чему принуждали Клариссу ея родные, она невольно попадаетъ въ сѣти богатаго и смѣлаго Ловеласа, котораго имя, какъ безнравственнаго повѣсы, впослѣдствіи сдѣлалось нарицательнымъ. Онъ соблазняетъ неопытную молодую дѣвушку, и она, не имѣя силы перенести позоръ, умираетъ, а самъ Ловеласъ погибаетъ затѣмъ на дуэли отъ руки одного изъ родственниковъ Клариссы, вступившагося за ея честь. При изложеніи этой исторіи авторомъ обращено особое вниманіе на изображеніе душевнаго состоянія героини романа, которая исполнена трогательной чувствительности, кротости и чистоты. Два другіе романа Ричардсона были менѣе удачны по выполненію, но и они сдѣлались въ XVIII вѣкѣ извѣстны въ русскомъ переводѣ («Памела, или награжденная добродѣтель», 1787; «Исторія кавалера Грандиссона», 1793—1794). Кромѣ того, одинъ изъ этихъ романовъ послужилъ предметомъ для подражанія русскому автору, Павлу Львову, издавшему въ 1789 году романъ «Россійская Памела, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки».—Стэрнъ является авторомъ двухъ романовъ: «Тристрамъ Шэнди» (1759) и «Сантиментальное путешествіе по Франціи и Италіи» (1767). Особенно замѣчательно второе изъ этихъ произведеній, самое заглавіе котораго и дало названіе этому періоду «сантиментальнаго» настроенія въ западно-европейской жизни и литературѣ. Въ этомъ произведеніи, написанномъ также въ эпистолярной формѣ, всего меньше можно встрѣтить то, что обыкновенно ожидается отъ описаній путешествія: тутъ почти нѣтъ фактовъ и описанія мѣстностей, которыя проѣзжалъ авторъ, а все вниманіе его обращено на изображеніе тѣхъ чувствъ, мыслей и впечатлѣній, которыя возникали у него при посѣщеніи разныхъ мѣстъ и при встрѣчѣ съ людьми. Героемъ романа является молодой англи-

чанинъ Iорикъ, отъ природы одаренный чувствительной душой; все встрѣчаемое на пути возбуждаетъ въ немъ интересъ, и онъ то наслаждается красотой природы, то умиляется возвышеннымъ человѣческимъ поступкомъ, то негодуетъ или груститъ при видѣ порока и несчастья. Этотъ романъ былъ переведенъ и на русскій языкъ (1793), при чемъ въ заглавіи русскаго перевода отмѣчено, что этотъ романъ представляетъ собою «нѣжныя чувствованія, тонкія и острыя изреченія и философскія мысли, основанныя на совершенномъ познаніи человѣческаго сердца». Популярность Стэрна среди русскихъ читателей конца XVIII вѣка была такова, что издана была даже книжка съ выборками изъ произведеній этого писателя подъ заглавіемъ: «Красота Стэрна для чувствительныхъ сердецъ» (1801).

Это движеніе въ области англійскаго сантиментальнаго романа, подобно англійской «мѣщанской драмѣ», также нашло себѣ откликъ и подражаніе въ другихъ западно-европейскихъ литературахъ: во Франціи выступилъ Ж. Ж. Руссо со своей знаменитой «Новой Элоизой» (1759), а въ Германіи Гете съ повѣстью «Страданія молодого Вертера» (1774).

Протестъ противъ новоклассицизма въ Россіи и начатки сантиментализма до Карамзина.

Всѣ эти западно-европейскія литературныя произведенія въ сантиментальномъ духѣ, ихъ русскіе переводы и подражанія имъ шли у насъ навстрѣчу собственнымъ потребностямъ—обновить характеръ литературы и сдѣлать ее болѣе соотвѣтственной новому настроенію. Хотя французскій новоклассицизмъ и не пустилъ въ русской литературѣ особенно глубокихъ корней, т. к. этого рода литература была доступна у насъ немногимъ, однако явившееся протестомъ ему новое теченіе, въ смыслѣ простоты и сердечности, уже давно проникало въ литературу. Лирическія произведенія съ чувствительнымъ содержаніемъ писались при дворѣ Елизаветы Петровны ею самою и ея приближенными (ср. § 61); въ этомъ же духѣ пробовали свое дарованіе въ молодости Тредьяковскій и Сумароковъ, хотя потомъ, съ высоты новоклассическаго величія, оба они отнеслись къ этимъ опытамъ съ большой строгостью. Протестъ противъ новоклассицизма въ пользу сантиментальнаго настроенія и простоты замѣчается и во многихъ журналахъ 60-хъ и 70-хъ годовъ XVIII вѣка, особенно «Всякой Всячинѣ», «Адской Почтѣ» и «Трутнѣ»; чувствительные мотивы можно найти и въ разныхъ статьяхъ журналовъ Новикова московскаго періода, въ 80-ые годы XVIII ст., въ лирикѣ Княжнина и даже у Державина; къ самому концу царствованія Екатерины II относится и знаме-

нитая сатира И.И. Дмитріева «Чужой Толкъ» (1795), гдѣ мы встрѣчаемся съ злой насмѣшкой надъ одописцами во французскомъ духѣ и ихъ напыщенной манерой «пѣть» и «творить». Но въ это время на литературномъ поприщѣ дѣйствовалъ уже Карамзинъ. Одаренный воспріимчивой душой и пылкимъ воображеніемъ, Карамзинъ глубже многихъ другихъ изъ своихъ современниковъ почувствовалъ эти новыя вѣянія западно-европейскаго литературнаго сентиментализма и рѣшилъ посвятить свой талантъ укрѣпленію въ Россіи уже имѣвшагося настроенія. Такимъ образомъ, онъ не является у насъ создателемъ совершенно новаго литературнаго направленія, а лишь самымъ даровитымъ выразителемъ того, что уже отчасти до него существовало, чувствовалось и одобрялось многими изъ русскихъ читателей. И вообще надо замѣтить, что новыя литературныя движенія и крупные повcovроты въ литературѣ не бываютъ дѣломъ одного человѣка, а подготовляются и вырабатываются многими годами и цѣлыми поколѣніями.

Жизнь Н. М. Карамзина. § 81. Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1 декабря 1766 года, въ имѣніи своего отца, недалеко отъ Симбирска; родъ его имѣлъ отдаленное татарское происхожденіе. Въ раннемъ дѣтствѣ Карамзинъ лишился матери, о которой потомъ вспоминалъ съ трогательной и нѣжной грустью, а въ одномъ изъ своихъ стихотвореній («Посланіе къ женщинамъ», 1795), обращаясь къ ея памяти, говоритъ, что ея «тихій нравъ» остался ему «въ наслѣдство». Отецъ Карамзина, мало образованный помѣщикъ, почти не занимался воспитаніемъ сына, и даровитый мальчикъ, предоставленный самому себѣ, въ раніе годы предался обильному и безпорядочному чтенію: въ его домашней библіотекѣ нашлись и русскіе классики, вродѣ Ломоносова, и болѣе позднія произведенія въ сантиментальномъ вкусѣ. Это чтеніе содѣйствовало въ мальчикѣ развитію чувствительности, фантазіи и укрѣпляло въ немъ врожденное стремленіе къ добру и справедливости. Эту пору своей жизни и своихъ дѣтскихъ душевныхъ переживаній онъ изобразилъ впослѣдствіи въ своей повѣсти «Рыцарь нашего времени» (1799—1802). На двѣнадцатомъ году Карамзинъ отвезенъ былъ въ Москву и отданъ тамъ на обученіе въ пансіонъ профессора Шадена. Это былъ человѣкъ образованный и идеалистъ въ душѣ; онъ не только обучалъ своихъ пансіонеровъ, но и воспитывалъ ихъ въ духѣ религіи и чистой нравственности. По выходѣ изъ пансіона, Карамзинъ поступилъ на военную службу въ Петербургѣ, но оставался тамъ недолго и, послѣ кратковременнаго пребыванія

на родинѣ, въ Симбирскѣ, переселился въ Москву. Здѣсь наступилъ для Карамзина важный періодъ его жизни, давшій ему возможность впервые серьезно заняться своимъ образованіемъ. Пользуясь совѣтами и дружескимъ расположеніемъ своего земляка и родственника И. П. Тургенева, Карамзинъ близко сошелся съ кружкомъ Н. И. Новикова, жившаго тогда въ Москвѣ (ср. § 74), и принялъ живое участіе въ дѣятельности основаннаго Новиковымъ «Дружескаго Общества». Это учрежденіе имѣло цѣлію распространять просвѣщеніе среди молодежи и вообще русскаго общества, составлять и печатать полезныя книги, основывать и содержать школы, пріюты и больницы; въ составѣ его членовъ было немало масоновъ. Однако Карамзинъ, руководимый своимъ трезвымъ природнымъ умомъ, не увлекся масонскимъ ученіемъ; въ кружкѣ Новикова его интересовали преимущественно литературныя занятія и возможность пополнить недостатки своего школьнаго образованія. Изъ членовъ этого кружка особенно близко сошелся онъ съ Петровымъ и Ленцомъ; оба эти молодыхъ человѣка много содѣйствовали ознакомленію Карамзина съ современной европейской, преимущественно англійской и нѣмецкой, литературой. Кромѣ того, Ленцъ, уроженецъ Лифляндіи, самъ былъ выдающимся нѣмецкимъ писателемъ и преклонялся передъ Шекспиромъ; онъ сумѣлъ увлечь Карамзина въ область тѣхъ литературныхъ идей, которыми полна была тогдашняя Западная Европа и которыя въ Германіи носили характерное названіе «бури и натиска»: это уже было нѣчто близкое новому литературному направленію—романтизму.

Чувствуя въ себѣ призваніе быть писателемъ и желая расширить для этого свои литературныя познанія и жизненный опытъ, Карамзинъ предпринялъ въ 1789 году продолжительное путешествіе заграницу; туда влекло его также естественное желаніе побывать на мѣстахъ, гдѣ родились близкіе ему литературные вкусы въ духѣ сантиментализма, и встрѣтиться съ людьми, которыхъ онъ зналъ по книгамъ. Въ теченіе приблизительно полуторыхъ лѣтъ Карамзинъ объѣхалъ главнѣйшія тогда европейскія страны—Германію, Швейцарію, Францію и Англію—и, вернувшись въ Москву, сталъ издавать «Московскій Журналъ» (1791—1792). Это изданіе отличалось большой содержательностью и привлекло къ себѣ сочувствіе образованныхъ русскихъ читателей; оно проникнуто было духомъ литературнаго сантиментализма. Въ «Московскомъ Журналѣ» были напечатаны главныя произведенія Карамзина, какъ выразителя этого направленія:

«Письма русскаго путешественника», «Бѣдная Лиза» и «Наталья, боярская дочь», а также немало лирическихъ стихотвореній. Позднѣе, въ началѣ царствованія императора Александра I, которое было ознаменовано многими важными государственными начинаніями и подъемомъ просвѣщенія въ Россіи, Карамзинъ опять вернулся къ журнальной дѣятельности и основалъ «Вѣстникъ Европы», который выходилъ подъ его редакціей два года (1802—1803). Въ противоположность «Московскому Журналу», отличавшемуся литературнымъ характеромъ, «Вѣстникъ Европы» занимался, главнымъ образомъ, обсужденіемъ политическихъ и нравственно-практическихъ вопросовъ: среди другихъ статей Карамзина тутъ напечатаны были «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени», «О счастливѣйшемъ времени жизни», «О любви къ отечеству и народной гордости». Между тѣмъ, Карамзинъ уже давно интересовался русской исторіей, и въ 1803 году, передавъ изданіе «Вѣстника Европы» другому лицу, рѣшился посвятить всѣ свои силы написанію общаго историческаго сочиненія о Россіи; это и была знаменитая его «Исторія Государства Россійскаго». Труду этому посвящена была вторая половина литературной жизни Карамзина, приходящаяся уже на царствованіе Александра I, въ первой четверти XIX вѣка. Чтобы предоставить Карамзину возможность заниматься исключительно этимъ трудомъ, Александръ I назначилъ его официальнымъ «исторіографомъ» и обезпечилъ его достаточной ежегодной пенсіей. Для собиранія матеріаловъ по этому труду, Карамзину было разрѣшено пользоваться архивами и монастырскими библіотеками, которые тогда еще не были описаны и въ этомъ отношеніи представляли большую трудность. Однако сосредоточенность Карамзина на своемъ трудѣ и любовь его къ этому дѣлу помогли ему преодолѣть многія внѣшнія препятствія и впервые открыть замѣчательнѣйшіе историческіе документы.

Въ 1818 году напечатаны были первые восемь томовъ «Исторіи». Они встрѣчены были громаднымъ сочувствіемъ русской публики, причемъ, несмотря на дорогую цѣну изданія, его въ нѣсколько недѣль разошлось 3000 экземпляровъ. Этому успѣху содѣйствовали не только выдающіяся научныя достоинства сочиненія и художественное изложеніе, но и переживаемый тогда Россіей важный историческій моментъ: Россія только что вышла тогда побѣдительницей изъ борьбы съ Наполеономъ и пріобрѣла чрезвычайно высокое международное положеніе, а это, въ свою оче-

редь, окрылило русское самосознаніе и увеличило въ русскихъ людяхъ интересъ къ знакомству съ родной стариной. Первые томы были написаны авторомъ въ сельскомъ уединеніи, въ подмосковномъ имѣньи Остафьевѣ, принадлежавшемъ родственнику Карамзина князю П. А. Вяземскому; остальные четыре тома были написаны уже въ Царскомъ Селѣ, куда Карамзинъ былъ приглашенъ Александромъ I для окончанія своего труда и гдѣ онъ былъ окруженъ всѣми возможными удобствами. Но Карамзинъ успѣлъ написать 12-ый томъ лишь на половину, доведя свой разсказъ до событій 1611 года. Здоровье его, истощенное многими трудами, замѣтно ослабѣло, и рѣшено было отправить его для лѣченія въ Италію, для чего императоръ предоставилъ Карамзину, вмѣстѣ съ его семьей, особый фрегатъ; однако смерть приближалась быстрыми шагами, и, не успѣвъ выѣхать изъ Россіи, Карамзинъ умеръ 22 мая 1826 года; тѣло его было погребено въ Александро-Невской Лаврѣ, въ Петербургѣ.

Лирика Карамзина. § 82. Хотя главнѣйшія литературныя заслуги Карамзина заключаются въ его прозаическихъ и ученыхъ сочиненіяхъ, но, подчиняясь духу времени, онъ писалъ также въ стихахъ; стихотворенія Карамзина — преимущественно лирическаго или лиро-эпическаго содержанія.

Въ своей лирикѣ Карамзинъ отдаетъ дань прежде всего уже существовавшимъ литературнымъ формамъ: у него есть оды — какъ духовныя («Пѣснь божеству»), такъ и свѣтскія («На восшествіе на престолъ Александра I»; «Освобожденіе Европы и слава Александра I»; «На смерть князя Г. А. Хованскаго»), но, сравнительно съ современными имъ одами Державина, онѣ холодны и мало поэтичны. Карамзину болѣе удавались такія стихотворенія, въ которыхъ онъ воспѣвалъ красоту природы («Осень» 1789), любовь и дружбу («Двѣ пѣсни», «На разлуку съ П*.» 1792, «Посланіе къ Дмитріеву» 1793): въ нихъ преобладаютъ нѣжные мотивы, чувствительность сердца, тихая радость жизни и грусть воспоминаній о невозвратномъ прошломъ. Въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ Карамзинъ касается вопросовъ о поэзіи и о назначеніи поэта («Къ бѣдному поэту» 1796), гдѣ говоритъ о внутреннемъ счастьи, которое даетъ творчество. Наконецъ, у Карамзина имѣется двѣ баллады («Раиса, древняя баллада», 1791; «Графъ Гвариносъ» 1789), въ которыхъ онъ какъ бы идетъ навстрѣчу любимѣйшей формѣ романтической поэзіи. Многія стихотворенія Карамзина отличаются дидактизмомъ, при которомъ выступаетъ правдивая и искренняя натура автора.

«Письма русскаго путешественника».

§ 83. «Письма русскаго путешественника» составляютъ главный литературный трудъ Карамзина. Первоначально они были напечатаны авторомъ въ его «Московскомъ Журналѣ» и въ альманахѣ «Аглая»; отдѣльнымъ изданіемъ въ первый разъ вышли въ 1797 году.

«Письма » отличаются чрезвычайно богатымъ содержаніемъ. Карамзинъ описываетъ въ нихъ свое заграничное путешествіе. Въ Германіи его интересовало болѣе всего состояніе науки и литературы; онъ посѣщаетъ тамъ выдающихся ученыхъ и писателей—Канта въ Кенигсбергѣ, профессора Платнера въ Лейпцигѣ, Гердера и Виланда въ Веймарѣ; въ Швейцаріи его привлекала къ себѣ главнымъ образомъ природа; здѣсь онъ видѣлся съ Лафатеромъ въ Цюрихѣ, а возлѣ Женевы посѣтилъ Ферней, гдѣ нѣкогда жилъ Вольтеръ; въ Парижѣ Карамзинъ наблюдалъ общественную жизнь, посѣщалъ театры, музеи и величественныя зданія, любовался пестрой парижской толпой на улицахъ и бульварахъ; наконецъ, въ Англіи онъ прежде всего хотѣлъ ознакомиться съ государственнымъ устройствомъ и оригинальнымъ бытомъ этой страны, посѣщая парламентъ, суды, тюрьмы и другія учрежденія. Кромѣ того, путешествуя на лошадяхъ и ходя много пѣшкомъ, Карамзинъ, при своемъ общительномъ характерѣ и любознательности, имѣлъ множество интересныхъ встрѣчъ съ совершенно неизвѣстными ему людьми, охотно вступалъ съ ними въ разговоры и знакомство и, такимъ образомъ, расширялъ кругъ своихъ наблюденій надъ складомъ и нравами западно-европейской жизни.

Къ роли наблюдателя чужеземной жизни Карамзинъ еще до начала путешествія былъ прекрасно подготовленъ: объ Европѣ онъ читалъ много иностранныхъ сочиненій и бесѣдовалъ со своими друзьями, напр. съ Ленцомъ, а при встрѣчахъ съ знаменитыми людьми старался обогатить свои познанія новыми данными. Первоначально, Карамзинъ, вѣроятно, велъ во время путешествія подробный дневникъ и только потомъ, подражая Стэрну, далъ этимъ записямъ литературную форму писемъ, которыя при печатаніи посвятилъ «семейству Плещеевыхъ». На обработкѣ писемъ видны слѣды пользованія со стороны автора разными описаніями Западной Европы и газетами. Но не одни фактическія сообщенія составляютъ содержаніе «Писемъ» Карамзина. Очень часто и по разнымъ поводамъ въ нихъ разсѣяны личныя чувствованія автора, его мысли, мечты и душевныя переживанія; тутъ онъ по преимуществу является выразителемъ сантименталь-

наго настроенія въ духѣ Руссо и Стэрна: съ первымъ онъ имѣетъ сходство въ искренности и идеализаціи природы, а со вторымъ— въ чувствительности и задушевности; при этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что Карамзинъ, какъ авторъ «Писемъ», интереснѣе и разнообразнѣе Стэрна, такъ какъ у него не одни только чувствованія, а и множество занимательныхъ фактовъ изъ внѣшней и внутренней жизни людей, имъ видѣнныхъ; кромѣ того, въ «Письмахъ» помѣщено немало разсужденій автора на разныя серьезныя темы: о французской революціи (онъ ей не сочувствуетъ), объ англійской драмѣ и Шекспирѣ (онъ высоко ставитъ его сравнительно съ представителями французской драмы), о русской исторіи.

«Письма русскаго путешественника» представляли собою для русскаго читателя конца XVIII вѣка драгоцѣнную книгу съ большимъ образовательнымъ значеніемъ: по ней можно было познакомиться очень обстоятельно съ тогдашней европейской жизнью и почерпнуть изъ нея много полезныхъ свѣдѣній изъ области науки, искусства и литературы; она представляла немало прекрасныхъ описаній природы. Наконецъ, читателей должна была привлекать къ себѣ и самая личность «русскаго путешественника». Это былъ молодой человѣкъ съ пылкимъ сердцемъ, умный, талантливый, образованный; своей «чувствительностью» и гуманными взглядами онъ накладывалъ на свои письма особый колоритъ душевной мягкости. Правда, Карамзинъ въ своей чувствительности доходитъ иногда до явныхъ преувеличеній: онъ слишкомъ часто проливаетъ слезы—то при прощаніи съ друзьями или воспоминаніи о нихъ, то созерцая природу, то слушая музыку, то смотря въ театрѣ драму,—но это было въ духѣ тогдашнихъ понятій и многимъ очень нравилось.

Слѣдуетъ еще отмѣтить и даже поставить въ особую заслугу Карамзину, что въ своихъ письмахъ, среди многообразныхъ впечатлѣній отъ культурной, красивой и интересной европейской жизни, онъ никогда не забываетъ о Россіи, говоритъ о ней съ любовью и старается внушить эту любовь иностранцамъ. Вездѣ, гдѣ Карамзинъ говоритъ о своемъ отечествѣ, онъ дѣлаетъ это съ достоинствомъ и тактомъ, вызывающими къ нему уваженіе его собесѣдниковъ. Восхищаясь плодами европейской цивилизаціи, успѣхами политической и общественной жизни на Западѣ, Карамзинъ не всегда передъ этимъ слѣпо преклоняется; онъ видитъ и отрицательныя стороны западной жизни: разсуждая о Петрѣ Великомъ, онъ справедливо ставитъ его, какъ государственнаго дѣятеля, выше Людовика XIV.

Повѣсти Карамзина. Въ свое время пользовались большой извѣстностью среди читателей также и повѣсти Карамзина— особенно «Бѣдная Лиза» и «Наталья, боярская дочь» (обѣ—1792).

«Бѣдная Лиза». Въ «Бѣдной Лизѣ» сюжетъ взятъ изъ современной жизни. Именно, разсказана печальная исторія крестьянской дѣвушки Лизы, полюбившей молодого дворянина Эраста, который также искренно привязывается къ Лизѣ; но счастье ихъ продолжается недолго: Эрастъ долженъ былъ отправиться на войну, а по возвращеніи оттуда бросилъ Лизу и женился на богатой невѣстѣ; Лиза не могла перенести этого удара и утопилась въ пруду, возлѣ котораго нѣкогда гуляла она со своимъ возлюбленнымъ.

«Наталья, боярская дочь». «Наталья, боярская дочь», поставлена въ историческія рамки. Тутъ передается случай изъ старой московской жизни, когда единственная дочь богатаго и знатнаго боярина влюбилась въ сына боярина Любославскаго, скрывавшагося по лѣсамъ отъ мести московскаго царя за мнимую крамолу его отца. Любославскій похитилъ Наталью, тайно обвѣнчался съ ней, а затѣмъ доблестнымъ участіемъ въ битвѣ съ врагами Московскаго царства добился себѣ прощенія и примиренія съ тестемъ; юная его жена принимала также участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ качествѣ оруженосца своего мужа.

Несмотря на нѣкоторыя несообразности бытового и историческаго характера той и другой повѣсти, обѣ онѣ представляли выдающееся явленіе тогдашней литературы. Русская повѣсть, послѣ первыхъ опытовъ ея конца XVII вѣка и Петровской эпохи (§§ 54. 59), получила свое развитіе въ XVIII вѣкѣ главнымъ образомъ въ переводахъ, но ихъ было немного, и по своему содержанію они далеки были отъ литературныхъ потребностей широкаго круга читателей. Карамзинъ своими повѣстями отвѣтилъ на ясно выражавшуюся потребность легкаго и назидательнаго чтенія его современниковъ. Помимо проводимыхъ въ нихъ идей чести, долга, сердечной вѣрности (въ первой повѣсти), патріотизма и доблести (во второй), обѣ повѣсти написаны въ томъ же сентиментальномъ духѣ, какъ и «Письма русскаго путешественника». Онѣ глубоко трогали читателей положеніемъ выведенныхъ въ нихъ лицъ; относительно «Бѣдной Лизы» Карамзинъ самъ передаетъ извѣстіе, что многія изъ московскихъ читательницъ этой повѣсти любили ѣздить къ тому пруду у Симонова монастыря подъ Москвой, гдѣ такъ трагически покончила съ собой Лиза, и вздыхали объ ея участи; это напоминаетъ чувствительность англійскихъ читательницъ, которыя также посѣщали, съ томной грустью, мѣста, описанныя Ри-

чардсономъ въ исторіи судьбы несчастной Клэриссы (ср. выше. § 80).

Привлекало читателей въ повѣсти «Бѣдная Лиза» и то, что тутъ въ роли любящаго женскаго существа выведена крестьянская дѣвушка, такъ какъ—по словамъ автора—«и крестьянки любить умѣютъ».

«Исторія Государства Россійскаго». § 84. Вторая половина жизни Карамзина была посвящена имъ, какъ уже сказано, написанію «Исторіи Государства Россійскаго». Хотя предшествовавшая дѣятельность Карамзина имѣла чисто литературный характеръ (стихотворная лирика, повѣсти, журналистика), однако къ своему историческому труду онъ подготовленъ былъ очень серьезно. Онъ поставилъ передъ собою задачу—дать общее обозрѣніе исторіи Россіи до воцаренія дома Романовыхъ; но для такого труда не было еще тогда достаточныхъ матеріаловъ: не были изданы лѣтописи, акты и другіе источники; почти не было и научныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ: существовали только опыты общаго характера въ трудахъ Татищева, князя Щербатова, Ломоносова, Болтина и частныя работы Шлецера, Миллера, Мусина-Пушкина и немногихъ другихъ. Карамзину пришлось въ одно и то же время разыскивать источники, давать имъ научную оцѣнку и вырабатывать окончательное изложеніе событій въ связной, прагматической и законченной формѣ. При такомъ ходѣ работы, Карамзинымъ впервые были открыты нѣкоторые важные памятники русской исторіи и письменности, напр. Лаврентьевскій списокъ Древнѣйшей лѣтописи, Троицкая Лѣтопись, Паломникъ игумена Даніила, разныя грамоты и житія русскихъ святыхъ; но всѣ эти предварительныя работы съ большимъ литературнымъ искусствомъ были скрыты Карамзинымъ въ его «примѣчаніяхъ», которыя обнаруживаютъ передъ читателемъ огромную начитанность ученаго ихъ составителя. Самъ Карамзинъ смотрѣлъ на свой трудъ далеко не съ одной только научной точки зрѣнія. «Предисловіе» къ нему онъ начинаетъ слѣдующими словами, опредѣляющими сущность исторіи: «Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ—главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго». Изъ этого опредѣленія видно, что Карамзинъ хотѣлъ представить въ своей «Исторіи» не только вѣрное изложеніе событій, но и такое ихъ освѣщеніе, которое бы могло имѣть назидательный характеръ

для читателей; тутъ онъ всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія литературныхъ понятій XVIII вѣка, выдвигавшихъ на первый планъ поучительность.

Для достиженія этой цѣли Карамзинъ, при изложеніи событій, не упускаетъ изъ виду двѣ главныя точки зрѣнія: государственно-политическую и нравственно-гуманистическую. Согласно первой точкѣ зрѣнія, онъ проводитъ вездѣ ту мысль, что русское государство крѣпло при усиленіи монархической власти (при основаніи государства; въ правленіе Ивана III) и падало при ея ослабленіи (въ эпоху удѣловъ); поэтому онъ—послѣдовательный сторонникъ монархической идеи для Россіи въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Примѣняя вторую точку зрѣнія, Карамзинъ является въ своихъ сужденіяхъ на сторонѣ лишь тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые обнаруживали непоколебимую честность, чувство долга, самоотверженіе и человѣчность: такъ, онъ восхищается Владиміромъ Мономахомъ, княземъ Пожарскимъ, Скопинымъ-Шуйскимъ, московскимъ митрополитомъ Филиппомъ, но осуждаетъ Святополка, Іоанна Грознаго, Бориса Годунова. Кромѣ того, Карамзинъ высоко ставитъ въ государственныхъ дѣятеляхъ чувство патріотизма, и вообще нелицемѣрная любовь къ отечеству служитъ для Карамзина важнѣйшимъ мѣриломъ для оцѣнки гражданскаго поведенія. При этихъ условіяхъ неустанно бодрствующей политической мысли историка и его нравственно-религіозномъ настроеніи, «Исторія» Карамзина представляетъ огромную галлерею событій и лицъ, на которыхъ всегда лежитъ печать той или иной оцѣнки ихъ со стороны автора и придаетъ имъ живую занимательность.

Въ значительной степени содѣйствуетъ интересу «Исторіи Государства Россійскаго» и художественное изложеніе автора. Описательный талантъ Карамзина, его поэтическая воспріимчивость и вкусъ оказали ему тутъ большую услугу. «Исторія» написана въ торжественномъ стилѣ, съ употребленіемъ старинныхъ словъ и оборотовъ, не свободна иногда и отъ риторики, но эти недостатки смягчены у ея автора ясностью изложенія, мягкостью, красотой и музыкальной законченностью періодовъ и отдѣльныхъ выраженій. Многія характеристики историческихъ дѣятелей представляютъ образцовые художественно-литературные очерки, по своей яркости надолго остающіеся въ памяти, напр. Владиміръ Мономахъ, Василій Шуйскій, Борисъ Годуновъ.

«Исторія Государства Россійскаго» произвела при своемъ появленіи большое впечатлѣніе на русскихъ читателей. Пуш-

кинъ, въ своихъ «Запискахъ», какъ современникъ, пишетъ объ этомъ слѣдующее: «Появленіе этой книги надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, была найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ».

Выводы политической мудрости, разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ «Исторіи», были повторены и значительно развиты въ особомъ трактатѣ Карамзина «Записка о древней и новой Россіи», которая написана въ 1811 году по просьбѣ сестры императора, великой княгини Екатерины Павловны, и была вручена ею Александру I. Въ ней авторъ, съ полной откровенностью, высказываетъ свой взглядъ на современное положеніе Россіи, а по поводу ожидаемыхъ реформъ въ ней выражаетъ пожеланіе, чтобы онѣ были въ соотвѣтствіи съ историческими основами русскаго быта и съ правилами справедливости, человѣколюбія, нравственности и религіи; монархическій принципъ и тутъ остается основой его политическихъ воззрѣній.

Реформа литературнаго языка.

§ 85. Одной изъ важнѣйшихъ заслугъ Карамзина была произведенная имъ реформа русскаго литературнаго языка.

Будучи всю свою жизнь преданъ исключительно литературѣ и считая ее могучимъ орудіемъ вліянія на общество, Карамзинъ много работалъ также и надъ тѣмъ, чтобы усовершенствовать внѣшнюю сторону литературной мысли, т. е. языкъ. Въ эпоху, когда жилъ Карамзинъ, русскіе писатели держались правилъ, установленныхъ для русскаго литературнаго языка Ломоносовымъ (ср. § 67): господствовали «штили», въ изобиліи употреблялись церковно-славянскіе слова и обороты, немало было заимствованій изъ иностранныхъ языковъ. Карамзинъ пожелалъ, чтобы русскій литературный языкъ былъ такъ же легокъ и пріятенъ, какъ языки англійскій и французскій, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приблизился бы къ разговорному языку образованнаго общества. Для этого онъ сталъ избѣгать «славянизмовъ», напр. «учинить», «изрядство»; многія иностранныя слова замѣнилъ русскими: «вліяніе», «развитіе», «утонченный», а съ другой стороны пустилъ въ оборотъ взятыя преимущественно изъ французскаго языка иностранныя слова, вродѣ «эпоха», «моментъ», «серьезный», «процессъ»; нѣкоторыя слова имъ сочинены вновь, какъ «промышленность», «потребность», а инымъ придалъ новое, преимущественно переносное, значеніе, напр. «обрабатывать», «вкусъ». Кромѣ словаря,

Карамзинъ обратилъ вниманіе на синтаксисъ русскаго языка, стараясь употреблять обороты болѣе простые и естественные для одареннаго художественнымъ вкусомъ слуха. Главнымъ двигателемъ совершенной Карамзинымъ реформы русскаго литературнаго языка былъ его литературный талантъ и прирожденный вкусъ, которые помогли ему дать русской литературѣ легкую, сравнительно простую, ясную и благозвучную прозаическую рѣчь. Однако этотъ результатъ достался Карамзину не безъ борьбы. Противъ его новшествъ въ языкѣ поднялъ свой голосъ А. С. Шишковъ въ своемъ «Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ» (1803), желая вернуть русскій языкъ къ старинѣ въ словахъ и оборотахъ. Но попытка эта не имѣла успѣха: за Карамзина стало само время и художественный вкусъ образованныхъ людей. Начатую Карамзинымъ реформу русскаго литературнаго языка окончательно завершилъ Пушкинъ.

Общіе выводы о литературѣ Екатерининскаго времени.

§ 86. Общіе выводы о литературѣ Екатерининскаго времени.

1. Эпоха императрицы Екатерины II является дальнѣйшимъ развитіемъ Елизаветинскаго времени въ смыслѣ культурнаго сближенія Россіи съ Западомъ, причемъ вліяніе Франціи и французской литературы становится безусловно преобладающимъ.

2. Въ Екатерининскую эпоху, въ отличіе отъ предшествующаго времени, выступаетъ стремленіе усвоить внутреннюю культуру Запада, поставить воспитаніе выше обученія, удовлетворить потребностямъ не только государства, но также общества и отдѣльной личности.

3. Принявшая на себя эти задачи литература обнаруживаетъ широкое развитіе; въ проповѣдуемыхъ ею идеяхъ она опирается на французскую просвѣтительную философію XVIII вѣка.

4. Литература стремится дать усвоеннымъ въ предшествующую эпоху формамъ живое содержаніе; преобладающее настроеніе литературы—дидактическое.

5. Въ Екатерининскую эпоху, при сравнительно богатомъ расцвѣтѣ литературы, впервые намѣчаются и литературныя направленія: съ одной стороны, продолжаютъ питаться новоклассическіе (т. наз. «ложноклассическіе») вкусы въ лицѣ Державина (лирика), Хераскова (эпосъ) и Княжнина (драма), а съ другой является рядъ писателей и произведеній, имѣющихъ въ виду непосредственное изображеніе русской жизни; таковы были Екате-

рина II и Фонвизинъ. Это послѣднее стремленіе было выраженіемъ безсознательнаго тяготѣнія къ литературному реализму.

6. Обнаруживается также стремленіе къ изображенію въ литературѣ простонародной жизни, въ чемъ выразился безсознательный и пока лишь общій интересъ къ народности; такое стремленіе нашло себѣ выраженіе, между прочимъ, въ «комической оперѣ», которой главными дѣятелями были Аблесимовъ и Княжнинъ.

7. Въ концѣ Екатерининскаго періода на смѣну французскому классицизму является англійскій сантиментализмъ, получившій свое выраженіе главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ Карамзина.

8. Одной изъ самыхъ популярныхъ формъ въ Екатерининскую эпоху является драма; лучшими дѣятелями въ этой области слѣдуетъ считать Фонвизина, Екатерину II и Княжнина.

9. Въ Екатерининскую эпоху получаютъ особенное развитіе журналы съ нравоучительно-сатирическимъ содержаніемъ; главнѣйшими дѣятелями въ области журнальной публицистики и сатиры являются сама Екатерина II и Новиковъ.

Библіографическія указанія къ I части.

Эти указанія имѣютъ въ виду тѣхъ учащихся, которые хотѣли бы расширить и углубить свои познанія по затронутымъ въ этой книгѣ вопросамъ на основаніи главнѣйшихъ источниковъ и пособій научнаго характера, а также изучать исторію русской словесности въ цѣляхъ самообразованія.

I. ОБЩІЕ ОБЗОРЫ ПО УСТНОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ДО КОНЦА XVIII вѣка.

И. Порфирьевъ. Исторія русской словесности. Ч. I и II.

П. Владиміровъ. Введеніе въ исторію русской словесности. Кіевъ 1896 г.

О. Миллеръ. Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности. Ч. I, вып. 1 и 2. Изд. 2 . Спб. 1865.

А. Галаховъ. Исторія русской словесности, древней и новой. Изд. 2 и послѣдующія. Т. I, отд. 1 и 2.

Исторія русской литературы. Подъ ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина и Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Т. I и II. М. 1908.

Исторія русской литературы до XIX вѣка. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. I. М. 1916.

Е. Карскій. Бѣлоруссы. Т. III. Очерки словесности бѣлорусскаго племени. 1. Народная поэзія. М. 1916.

М. Сперанскій. Русская устная словесность. М. 1917.

— Исторія древней русской литературы. Пособіе къ лекціямъ. М. 1914.

А. Архангельскій. Изъ лекцій по исторіи русской литературы: Наканунѣ христіанства и письменности. Варшава 1901.—Литература до-монгольской Руси (XI—пол. XIII в.). Казань 1903.—Литература Сѣверо-восточной Руси (пол. XIII—кон. XIV в.) Казань, 1903.—Литература Московскаго государства (кон. XV—XVII в.). Казань 1913.—Русская литература XVIII в. Литература Петровскаго времени и ближайшихъ десятилѣтій до Ломоносова. Казань. 1910.

А. Пыпинъ. Исторія русской литературы. Т. I—IV.

Е. Пѣтуховъ. Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. 3 изд. Петр. 1916. Новый періодъ. Юрьевъ. 1914.

А. Орловъ. Лекціи по исторіи древней русской литературы. М. 1916.

II. СПЕЦІАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ И ИЗДАНІЯ ПАМЯТНИКОВЪ ПО ОТДѢЛАМЪ.

Поэзія обрядовая (§§ 4—6).

Е. Барсовъ. Причитанія Сѣвернаго края. Ч. I—II. М. 1872—82; Ч. III: Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1885, кн. 3—4.

П. Безсоновъ. Бѣлорусскія пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта. М. 1871.

Я. Головацкій. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Ч. II. Обрядовыя пѣсни. М. 1878; Ч. III отд. 2. Обрядовыя пѣсни. Разночтенія и дополненія. М. 1878.

П. Кирѣевскій. Пѣсни. Новая серія, подъ ред. В. О. Миллера и М. Н. Сперанскаго. Вып. I. Пѣсни обрядовыя. М. 1911.

Л. Майковъ. Великорусскія заклинанія. Записки Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію этнографіи. Т. II. Спб. 1869.

Е. Романовъ. Бѣлорусскій Сборникъ. Вып. 1—2. Кіевъ. 1886; Вып. 5. Витебскъ 1891.

А. Терещенко. Бытъ русскаго народа. I—VII. Спб. 1848.

П. Чубинскій. Трудъ Этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край, снаряженной И. Р. Г. О. Юго-западный отдѣлъ. Т. III. Спб. 1872; Т. IV. Спб. 1877.

П. Шейнъ. Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Т. I. Спб. 1900.

— Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. Т. I—II. Спб. 1887—1893.

Е. Аничковъ. Весенняя обрядовая поэзія на Западѣ и у славянъ. Ч. 1—2. Спб. 1902—1905.

А. Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій. I—III- М. 1866-1869.

Ѳ. Буслаевъ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. Русская народная поэзія. Спб. 1861.

А. Ветуховъ. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. Изъ исторіи мысли. Вып. 1—2. Варшава 1902—1907.

А. Потебня. О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1865, кн. 2—3.

— Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. Ч. I—II. Варшава 1883—1887.

Н. Сумцовъ. О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ. 1881.

— Культурныя переживанія. Кіевъ. 1890.

Х. Ящуржинскій. Лирическія малорусскія пѣсни, по преимуществу свадебныя, въ связи съ великорусскими. Варшава 1880.

Поэзія историческая (§§ 7—15):

(Кирша Даниловъ). Древнія русскія стихотворенія. 4 изд. подъ ред. П. Н. Шеффера. Спб. 1901.

П. Кирѣевскій. Пѣсни, подъ ред. П. Безсонова. 10 частей. М. 1860—1870.

П. Рыбниковъ. Пѣсни. 2 изд. подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. I—III. М. 1909.

А. Гильфердингъ. Онежскія былины. 2 изд., въ трехъ томахъ. Спб. 1894—1900. Указатель къ нимъ. 1909.

Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. Н. С. Тихонравова и. В. Ѳ. Миллера. М. 1894.

Былины новой и недавней записи. Подъ ред. В. Миллера, при участіи Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М. 1908.

Былины. Памятники міровой литературы. Подъ ред. М. Сперанскаго М. 1916.

— А. Григорьевъ. Архангельскія былины и историческія пѣсни, собранныя въ 1899—1901 годахъ. Съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Т. 1, ч. 1—2; Т. III. 1904—Спб. 1910.

А. Марковъ. Бѣломорскія былины. Съ предисловіемъ проф. В. Ѳ. Миллера М. 1901.

Н. Онучковъ. Печорскія былины. Спб. 1904.

Б. и Ю. Соколовы. Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края. М. 1915.

В. Миллеръ. Историческія пѣсни русскаго народа. XVI—XVII вв. Петр. 1915.

В. Антоновичъ и М. Драгомановъ. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Т. I—II,в. 1. Кіевъ 1874—1875.

Ф. Буслаевъ. Историческіе очерки: см. выше, къ §§ 7—15.

— Народная поэзія. Историческіе очерки. Спб. 1887.

А. Веселовскій. Южно-русскія былины. Сборникъ II Отд. Ак. Н. т. 22. 36. Спб. 1881—1884.

Н. Костомаровъ. Исторія казачества въ памятникахъ южнорусскаго пѣсеннаго творчества. Русская Мысль 1880 №№ 1. 2. 5. 5. 6. 7. 8.

О. Миллеръ. Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство кіевское. Спб. 1869.
В. Миллеръ. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892.
— Очерки русской народной словесности. Былины. I—II. М. 1897—1910.
М. Халанскій. Великорусскія былины кіевскаго цикла. Варшава. 1885.
А. Марковъ. Бытовыя черты русскихъ былинъ. Этнографическое Обозрѣніе, кн. 58—59, и отд. М. 1904.
А. Сиротининъ. Бесѣды о русской словесности. Изд. 3. Спб. 1913.
А. Лобода. Русскія былины о сватовствѣ. Кіевъ. 1904.
— Богатырскій эпосъ. Опытъ критико-библіографическаго обзора трудовъ по русскому богатырскому эпосу. Кіевъ. 1896.
И. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. I—V. Спб. 1895.
Н. Дашкевичъ. Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Руси богатырей. Кіевъ. 1883.
П. Вейнбергъ. Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. 2 изд. Спб. 1908.
С. Шамбинаго. Пѣсни—памфлеты XVI вѣка. Изслѣдованіе. М. 1913.
Н. Аристовъ. Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ. Воронежъ. 1874.
П. Житецкій. О языкѣ и поэтическомъ стилѣ народныхъ малорусскихъ былинъ. Кіевская Старина 1892 № 1.

Поэзія бытовая (§§ 16—18):

Е. Барсовъ. Причитанія Сѣвернаго края: см. выше, къ §§ 4—6.
А. Васнецовъ. Пѣсни Сѣверо-восточной Россіи. Пѣсни, величанія и причеты. М. 1894.
П. Кирѣевскій. Пѣсни. Новая серія: см. выше, къ §§ 4—6.
Н. Рыбниковъ. Пѣсни: см. выше, къ §§ 7—15.
О. Истоминъ и Г. Дютшъ. Пѣсни русскаго народа, собранныя въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 году. Спб. 1894.
А. Савельевъ. Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ. Спб. 1866.
И. Сахаровъ. Пѣсни русскаго народа. Ч. I—V. Спб. 1838—1839.
— Сказанія русскаго народа. I—II. Спб. 1841—1849.
П. Шейнъ. Великоруссъ: см. выше, къ §§ 4—6.
— Матеріалы: см. выше, къ §§ 4—6.
А. Терещенко. Бытъ русскаго народа: см. выше, къ §§ 4—6.
Я. Головацкій. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Ч. III, отд. 1. Думы и думки. М. 1878.
П. Чубинскій. Труды Этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ. Т. I. III—V. Спб. 1872—1878.
А. Соболевскій. Великорусскія народныя пѣсни. Т. I—VII. Спб. 1895—1902.
Б. и Ю. Соколовы. Сказки и пѣсни: см. выше, къ §§ 7—15.
В. Симаковъ. Сборникъ деревенскихъ частушекъ. Ярославль. 1913.
Е. Елеонская. Сборникъ великорусскихъ частушекъ. М. 1914.

Ѳ. Буслаевъ. Историческіе очерки: см. выше, къ §§ 4—6.
Н. Костомаровъ. Объ историческомъ изученіи русской народной поэзіи. Харьковъ. 1843.
— Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества. Сборникъ «Литературное наслѣдіе». Спб. 1890.

Н. Сумцовъ. О свадебныхъ обрядахъ: см. выше, къ §§ 4—6.
— Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1885.
— Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы. Кіевъ. 1885.
Х. Ящуржинскій. Лирическія малорусскія пѣсни: см. выше, къ §§ 4—6.
М. Запольскій. Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни. Этнографическій этюдъ. Кіевъ. 1888.
Е. Будде. Положеніе русской женщины по бытовымъ пѣснямъ народа. Филологическія Записки 1883, в. 4.
Е. Линева. Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Вып. 1—2. Спб. 1904—1909.

Сказки (§§ 19—21):

А. Аѳанасьевъ. Народныя русскія сказки. I—VIII. М. 1855—1863. 4 изд. I—V. М. 1914.
Н. Ончуковъ. Сѣверныя сказки. Спб. 1909.
В. Добровольскій. Смоленскій этнографическій сборникъ. Ч. I. Спб. 1891.
Б. и Ю. Соколовы. Сказки и пѣсни: см. выше, къ §§ 7—15.
Д. Садовниковъ. Сказки и преданія Самарскаго края. 1884.
Д. Зеленинъ. Великорусскія сказки Пермской губерніи. 1914.
— Великорусскія сказки Вятской губерніи. Петр. 1915.
П. Чубинскій. Труды Этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ. т. II. Спб. 1878.
П. Шейнъ. Матеріалы: см. выше, къ §§ 4—6.
М. Драгомановъ. Малорусскія народныя преданія и разсказы. Кіевъ. 1876.
Е. Романовъ. Бѣлорусскій Сборникъ. Вып. 3—4. Витебскъ. 1887—1891.
А. Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія: см. выше, къ §§ 4—6.
А. Котляревскій. Русскія народныя сказки. (По поводу сборника А. Аѳанасьева). Сочиненія А. Котляревскаго, т. 2. Спб. 1889.
О. Буслаевъ. Историческіе очерки:см. выше, къ §§ 4—6.
А. Пыпинъ. Русская народная сказка. Отечественныя Записки 1856 №№ 4—5.
А. Веселовскій. Сказки объ Иванѣ Грозномъ. Древняя и Новая Россія 1864 № 3.
С. Савченко. Русская народная сказка. Исторія собиранія и изученія. Кіевъ. 1914.

Народная драма (§§ 22):

Н. Ончуковъ, Сѣверныя народныя драмы. Спб. 1911.
Н. Щукинъ. Вертепъ. Вѣстникъ Географическаго Общества. Ч. XXIX (1860), V, с. 25—35.
Г. Галаганъ. Малорусскій вертепъ. Съ предисловіемъ П. И. Житецкаго. Кіевская Старина 1882. № 10.
А. Алферовъ. Петрушка и его предки, въ книгѣ: А. Алферовъ, А. Грузинскій, Ѳ. Нелидовъ, С. Смирновъ. Десять чтеній по литературѣ. Изд. 2. М. 1903.
В. Перетцъ. Кукольный театръ на Руси. Историческій очеркъ. Спб. 1895.
Н. Петровъ. Старинный южно-русскій театръ. Кіевская Старина 1882. № 12.
Р. Волковъ. Народная драма «Царь Максимильянъ». Русскій Филологическій Вѣстникъ 1912 №№ 1—3.
П. Морозовъ. Народная драма. въ сборникѣ: Исторія русскаго театра, подъ ред. В. В. Каллаша и Н. Е. Ефроса. Т. I. М. 1914.

Поговорки и пословицы; загадки (§§ 23—24):

П. Симони. Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр. XIII—XIX ст. Вып. I. Спб. 1899.

И. Снегиревъ. Русскіе въ своихъ пословицахъ. Кн. 1—4. М. 1831—1834.

В. Даль. Пословицы русскаго народа. М. 1862. Изд. 2. I—II. Спб. 1879.

Д. Садовниковъ. Загадки русскаго народа. Спб. 1876.

І. Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ Кіевъ. 1904.

М. Номісъ. Українські приказки, прислівъя и таке инше. Спб. 1864.

И. Носовичъ. Бѣлорусскія загадки. Спб. 1869.

— Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ. Спб. 1874.

Ф. Буслаевъ. Русскій бытъ и пословицы, въ сборникѣ: Историческіе очерки, Т. I Спб. 1861.

И. Тимошенко. Литературные источники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897.

І. Иллюстровъ. Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ. Спб. 1910, 2 изд. М. 1915.

Устное творчество подъ вліяніемъ христіанства (§§ 25—26).

П. Безсоновъ. Калики перехожіе. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе. Вып. 1—6. М. 1861—1864.

В. Варенцовъ. Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Спб. 1860.

Т. Рождественскій и М. Успенскій. Пѣсни русскихъ сектантовъ и мистиковъ. Записки Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи, т. 35, и отд. Спб. 1912.

М. Драгомановъ. Малорусскія народныя преданія и разсказы. Кіевъ. 1876.

Е. Романовъ. Бѣлорусскій Сборникъ. Вып. 5. Витебскъ. 1891.

А. Аѳанасьевъ. Народныя русскія легенды. М. 1859. Позднѣйшія изданія: подъ ред. С. Шамбинаго; М. 1914, подъ ред. И. Кочергина. Казань. 1914 г.

Ѳ. Буслаевъ. Русскіе духовные стихи, въ сборникѣ: Народная поэзія. Спб. 1887.

Н. Тихонравовъ. Калики перехожіе (рецензія на сборникъ П. Безсонова). Сочиненія. Т. I. М. 1898.

А. Веселовскій. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. Сборникъ II Отдѣленія Академіи Наукъ, т. 20, 21, 28, 32, 46, 53. Спб. 1889—1891.

— Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. Журн. М. Н. Пр. 1875 № 4. 1876 № 2, 1877 № 2. 5.

А. Кирпичниковъ. Св. Георгій и Егорій Храбрый. Изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды. Спб. 1879.

Письменность Кіевской Руси (§§ 27—36):

А. Соболевскій. Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи. Спб. 1910.

Н. Тихонравовъ. Отреченныя книги древней Россіи. Сочиненія, т. I. М. 1898.

— Памятники отреченной русской литературы. I—II. Спб. и М. 1863.

А. Пыпинъ. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1858.

А. Веселовскій. Изъ исторіи литературнаго общенія востока и запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. Спб. 1872.

В. Истринъ. Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ. М. 1893.

Митр. Макарій. Исторія русской церкви. I—XII. М. 1866—1883.

Е. Голубинскій. Исторія русской церкви. I—II. М. 1880—1900, 2 изд. М. 1901—1904.

А. Пономаревъ. Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. I—IV. Спб. 1894—1898.

В. Яковлевъ. Памятники русской литературы XII и XIII вв. Спб. 1872.

М. Сухомлиновъ. О древне-русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ. Спб. 1856.

А. Шахматовъ. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908.

— Повѣсть временныхъ лѣтъ. Т. I. Петр. 1916.

И. Хрущовъ. О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XI—XII столѣтій. Кіевъ. 1878.

— Бесѣды о древней русской литературѣ. Спб. 1900.

Е. Барсовъ. Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. I—II. М. 1885—1887.

В. Миллеръ. Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ. М. 1877.

А. Потебня. Слово о Полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія. Воронежъ. 1878. 2 изд. Харьковъ. 1914.

Письменность сѣверо-восточной Руси (§§ 37—43):

В. Яковлевъ. Древне-кіевскія религіозныя сказанія. Варшава. 1875.

Д. Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ. Спб. 1902.

В. Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871.

А. Кадлубовскій. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. Варшава. 1902.

Е. Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе. Спб. 1888.

Х. Лопаревъ. Слово о погибели русскія земли. Вновь найденный памятникъ XIII вѣка. Спб. 1892.

С. Шамбинаго. Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1906.

И. Шляпкинъ. Слово Даніила Заточника по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями. Спб. 1889.

Н. Миндалевъ. Моленіе Даніила Заточника и связанные съ нимъ памятники. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Казань. 1914.

Московская письменность (§§ 44—49).

В. Яковлевъ. Сказанія о Царь-градѣ. По древнимъ рукописямъ. Спб. 1868.

И. Срезневскій. Повѣсть о Царь-градѣ. Ученыя Записки II Отдѣленія Академіи Наукъ, кн. I. 1854.

В. Малининъ. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Кіевъ. 1901.

Е. Голубинскій. Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Сергіевъ Посадъ. 1892.

И. Хрущовъ. Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина. Спб. 1868.

А. Архангельскій. Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Ч. I. Спб. 1882.

В. Жмакинъ. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881.

И. Ждановъ. Сочиненія царя Ивана Васильевича. Сочиненія, т. I. Спб. 1904.

И. Некрасовъ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя. М. 1873.

А. Михайловъ. Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи. Журн. М. Н. Пр. 1889, №№ 2. 3.

М. Коваленскій. Московская политическая литература XVI вѣка. Культурно-историческая библіотека. Подъ редакціей Исторической Комиссіи Учебнаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній. № 8. Спб. 1914.

Переходное время (§§ 50—56).

К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII в., отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань. 1898.

— Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань. 1914.

А. Архангельскій. Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1888. кн. I.

П. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв. Ч. I. Кіевъ. 1889.

Н. Сумцовъ. Іоанникій Голятовскій. Кіевъ. 1884.

— Лазарь Барановичъ. Харьковъ. 1885.

Л. Майковъ. Симеонъ Полоцкій, въ книгѣ: Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889.

Н. Тихонравовъ. Начало русскаго театра. Сочиненія, т. II. 1898.

— Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра, Соч., т. II. 1898.

— Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. I—II Спб. 1874.

П. Морозовъ. Исторія русскаго театра до половины XVIII ст. Спб. 1889.

В. Рѣзановъ. Изъ исторіи русской драмы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ. М. 1910.

Н. Петровъ. Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII и XVIII вв. Кіевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая. Кіевъ. 1911.

Исторія русскаго театра. Подъ ред. В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса. Т. I. М. 1914.

В. Сиповскій. Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Спб. 1905.

Ѳ. Буслаевъ. Повѣсть о горѣ-злосчастіи, какъ горе-злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ, въ сборникѣ: Историческіе очерки. Т. I.

— Русская поэзія XVII вѣка. Тамъ же.

А. Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ. Изд. 2. Спб. 1900.

В. Ключевскій. Западное вліяніе и церковный расколъ въ Россіи XVII вѣка, въ сборникѣ: Очерки и рѣчи. М. 1913.

А. Пыпинъ. Очерки литературной исторіи: см. выше, къ §§ 27—36.

В. Истринъ. Введеніе въ исторію русской литературы второй половины XVII вѣка. Одесса. 1903.

Н. Сумцовъ. Характеристика южнорусской литературы XVII вѣка. Кіевъ. 1885.

Время Петра Великаго (§§ 57—61):

П. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ . I—II. Спб. 1862.

А. Архангельскій. Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Казань. 1883.

Я. Гротъ. Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи. Спб. 1872.

В. Сиповскій. Значеніе Петра Великаго въ исторіи русской литературы. Спб. 1903.

А. Веселовскій. Западное вліяніе въ русской литературѣ. 5 изд. М. 1916.

Ю. Самаринъ. Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Сочиненія, т. V. М. 1880.

И. Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Спб. 1869.

П. Морозовъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб. 1880.

А. Царевскій. Посошковъ и его сочиненія. М. 1883.

Н. Тихонравовъ. Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій. Сочиненія, т. II. 1898.

П. Поповъ. В. Н. Татищевъ и его время. М. 1861.

В. Сиповскій. Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Спб. 1905.

Б. Дунаевъ. Библіотека старорусскихъ повѣстей. XVIII вѣкъ. Петровская эпоха. Исторія о россійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ и о прекрасной королевѣ Иракліи Флоренской земли. М. 1914.

Л. Майковъ. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889.

Н. Тихонравовъ. Русскія драматическія произведенія: см. выше, къ §§ 50—56.

П. Морозовъ. Исторія русскаго театра: см. выше, къ §§ 50—56.

Н. Петровъ. Очерки изъ исторіи украинской литературы: см. выше, къ §§ 50—56.

Исторія русскаго театра: см. выше, къ §§ 50—56.

С. Венгеровъ. Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Т. I. XVIII вѣкъ. Спб. 1897.

А. Веселовскій. Любовная лирика XVIII вѣкъ. Спб. 1909.

В. Сиповскій. Русская лирика. Вып. I. XVIII вѣкъ. Петр. 1914.

Новоклассицизмъ (§§ 62—70).

С. Венгеровъ. Русская поэзія: см. выше, къ §§ 57—61.

Сочиненія, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира Ред. П. А. Ефремова. Со статьей и примѣчаніями В. Я. Стоюнина. I—II. Спб. 1867.

В. Стоюнинъ. Князь Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ. Вѣстникъ Европы 1867, №№ 1—2.

— Князь Антіохъ Кантемиръ въ Парижѣ. Вѣстникъ Европы 1880, №№ 8—9.

Р. Сементковскій. А. Д. Кантемиръ, его жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1893.

— Родоначальникъ нашей обличительной литературы. Историческій Вѣстникъ 1891 № 3.

П. Пекарскій. Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Т. II. Спб. 1873 (біографіи В. К. Тредьяковскаго и М. В. Ломоносова).

Сочиненія М. В. Ломоносова. Съ объяснительными примѣчаніями акад. М. И. Сухомлинова. Т. I—V. Спб. 1891—1902.

В. Ламанскій. М. В. Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. Первыя четыре главы. Спб. 1864.

М. Сухомлиновъ. Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета. Русскій Вѣстникъ 1861 № 1.

Ломоносовскій Сборникъ. Изданіе Академіи Наукъ. Спб. 1911.

В. Сиповскій. Литературная дѣятельность Ломоносова. Спб. 1911.

А. Соболевскій. Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка. Спб. 1911.

Е. Карскій. Значеніе М. В. Ломоносова въ развитіи русскаго литературнаго языка. Варшава. 1912.

Н. Буличъ. Сумароковъ и современная ему критика. Спб. 1854.

В. Стоюнинъ. А. П. Сумароковъ. Спб. 1856.

Исторія русскаго театра: см. выше, къ §§ 50—56.

Э. фонъ-Бергъ. Русская комедія до появленія въ ней А. Н. Островскаго. Варшава. 1912.

А. Ярцевъ. Өедоръ Григорьевичъ Волковъ. Спб. 1891.

Время Екатерины Великой (§§ 71—86):

В. Иконниковъ. Значеніе царствованія Екатерины II. Кіевъ, 1897.

В. Ключевскій. Императрица Екатерина II. Русская Мысль. 1896 № 11, и въ сборникѣ: Очерки и рѣчи. М. 1913.

А. Архангельскій. Императрица Екатерина II въ исторіи русскаго образованія. Казань. 1897.

Я. Гротъ. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья 1—3. Сборникъ II Отдѣленія Акад. Наукъ, т. 20. 21. 33. Спб. 1880—1884.

В. Чуйко. Европейскіе писатели и мыслители. IV. Вольтеръ и Екатерина II. Спб. 1882.

А. Незеленовъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Спб. 1889.

Сочиненія императрицы Екатерины II. На основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями акад. А. Н. Пыпина. Т. I—XII. Спб. 1901—1905.

П. Морозовъ. Екатерина II какъ писательница. Образованіе 1896 № 11.

П. Щебальскій. Екатерина II какъ писательница. Заря. 1869—1870.

Е. Шумигорскій. Очерки изъ русской исторіи. Императрица публицистъ. Спб. 1887; переиздано въ Русскомъ Архивѣ 1890 № 1.

Н. Лавровскій. О педагогическомъ значеніи сочиненій императрицы Екатерины Великой. Харьковъ. 1856.

Н. Автономовъ. «Всякая Всячина». Сатирико-нравоучительный журналъ 1769—1770 г.г. Опытъ изслѣдованія. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1913 № 2.

Н. Добролюбовъ. Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова. Современникъ 1856 №№ 7. 8.

В. Покровскій. Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. М. 1903.

— Щеголихи въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. М. 1903.

А. Аѳанасьевъ. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. М. 1859.

А. Незеленовъ. Ник. Ив. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1744 годовъ. Спб. 1875.

В. Боголюбовъ. Н. И. Новиковъ и его время. М. 1916.

В. Ключевскій. Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени. Русская Мысль 1895 № 1, и въ сборникѣ: Очерки и рѣчи. М. 1913.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. С. П. Мельгунова. и Н. П. Сидорова. Т. I—II. М. 1915.

Сочиненія, письма и избранные переводы Д. И. Фонъ-Визина. Съ портретомъ автора, со статьею «О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина» А. И. Пятковскаго, съ пояснительными примѣчаніями къ тексту и съ библіографическими объясненіями. Подъ ред. П. А. Ефремова. Спб. 1866.

Н. Тихонравовъ Д. И. Фонвизинъ. Сочиненія, т. III, ч. 1. М. 1898.

П. Вяземскій. Фонъ-Визинъ. Спб. 1848, и въ Собраніи сочиненій, т. V. Спб. 1880.

И. Ждановъ. Д. И. Фонвизинъ. Сочиненія, т. II. Спб. 1907.

А. Веселовскій. Этюды и характеристики. М. 1894, 4 изд. 1912.

Сочиненія Г. Р. Державина. Съ объяснительными примѣчаніями акад. Я. К. Грота. Т. I—IX. Спб. 1864—1883. 2 изд. общедоступное, безъ рисунковъ, т. I—VII. Спб. 1868—1878.

Я. Гротъ. Жизнь Державина по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ. Т. I—II. Спб. 1880—1883.

— Характеристика Державина какъ поэта. Сборникъ II Отдѣленія Академіи Наукъ. Т. I. 1867.

М. Лонгиновъ. М. М. Херасковъ, его жизнь и сочиненія. Русскій Архивъ. 1873 № 8.

Ю. Бартеневъ. Разсказы о Херасковѣ. Русскій Архивъ. 1879 № 3.

В. Стоюнинъ. Княжнинъ—писатель. Историческій Вѣстникъ 1881 № 7. 8.

А. Галаховъ. О сочиненіяхъ Княжнина. Отечественныя Записки 1850. №№ 4. 8. 12.

В. Мочульскій. Комическія оперетты XVIII вѣка. Одесса. 1911.

Избранныя сочиненія Н. М. Карамзина. Ч. I. Первый періодъ. 1783—1801. Подъ ред. и съ прим. Л. Поливанова. М. 1884.

М. Погодинъ. Н. М. Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. Матеріалы для біографіи. Ч. I—II. М. 1866.

В. Сиповскій. Н. М. Карамзинъ, авторъ Писемъ русскаго путешественника. Спб. 1899.

Я. Гротъ. Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Сборникъ II Отдѣленія Акад. Наукъ, т. I. Спб. 1867.

— Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка, въ книгѣ: Филологическія разысканія, т. I.

О. Буслаевъ. Письма русскаго путешественника, въ сборникѣ: Мои досуги, ч. II. М. 1886.

Д. Анучинъ. Столѣтіе Писемъ русскаго путешественника. Русская Мысль 1891 №№ 7. 8.

А. Полиновскій. Сентиментализмъ и Карамзинъ, какъ представитель этого направленія въ русской литературѣ. Одесса. 1911.

С. Венгеровъ. Русская поэзія. Т. I. XVIII вѣкъ. Спб. 1897.

Исторія русскаго театра. Подъ ред. В. В. Калаша и Н. Е. Эфроса. Т. I. М. 1914.

II-я часть этой книги

заключаетъ въ себѣ изложеніе исторіи русской литературы XIX вѣка, а именно:

I. Первая половина XIX вѣка:

В. А. Жуковскій, К. Н. Батюшковъ, И. А. Крыловъ, А. С. Грибоѣдовъ, А. С. Пушкинъ, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтовъ, А. В. Кольцовъ, В. Г. Бѣлинскій.

II. Вторая половина XIX вѣка:

И. С. Тургеневъ, И. А. Гончаровъ, Л. Н. Толстой, Ѳ. М. Достоевскій, А. Н. Островскій, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, А. А. Фетъ, Гр. А. К. Толстой, Н. А. Некрасовъ.

Главный складъ изданій:

Издательство „Сотрудникъ"

Кіевъ. Тарасовская 2, с. д.

Временная цѣна

9 р. 50 к.